

КРУ
К71

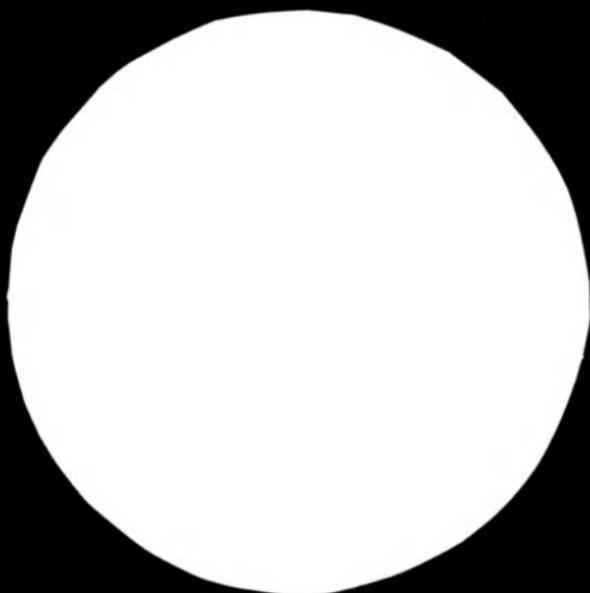

ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ

КОГДА
СОЛНЦЕ
БЫЛО
БОГОМ

ZENON KOSIDOWSKI

**GDY
SŁOŃCE
BYŁO
BOGIEM**

ISKRY
WARSZAWA · 1962

ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ

КОГДА СОЛНЦЕ БЫЛО БОГОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1968

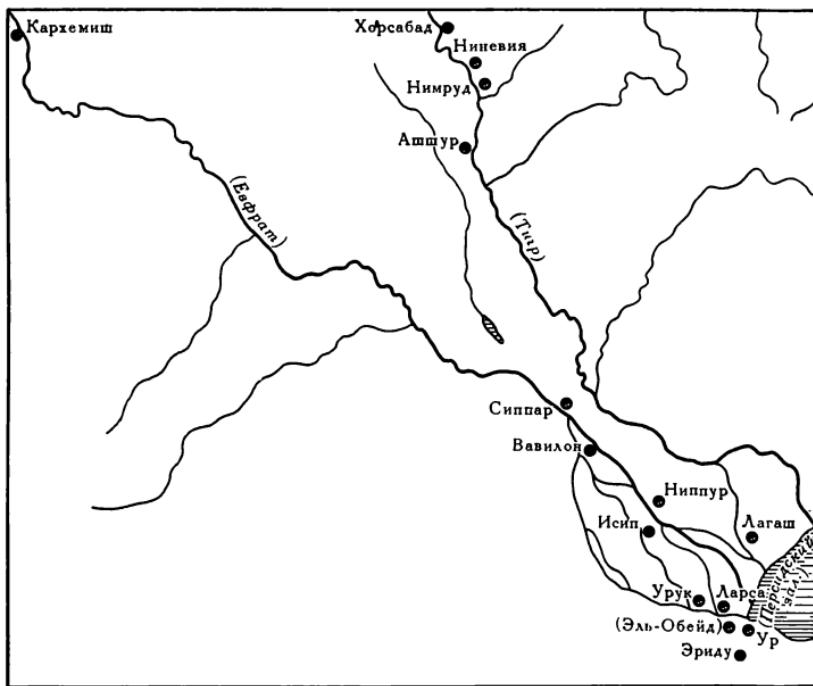
Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Л. МОНГАЙТ

ПЕРЕВОД А. В. ЛОЕВСКОГО

1-6-2
32-67 НИЛ

среди
храмов
и
садов
месопо-
тамии

В первые годы XVII в. ореолом славы в Италии было окружено имя неаполитанского купца Пьетро делла Валле. Он много путешествовал в далекие экзотические страны, и земляки называли его Il Pellegrino — пилигрим.

ПИЛИГРИМ ИЗ НЕАПОЛЯ

Пьетро, однако, путешествовал не в поисках драгоценных кореньев и шелковых тканей, как можно было бы предположить, к странствиям его побудила причина более романтическая, а именно — изведенное еще в молодости разочарование в любви. А потом уже, войдя во вкус и чувствуя неутолимую жажду новых впечатлений, Пьетро отправлялся в незнакомые страны, где редко ступала нога европейца.

Странно распорядилась судьба: приключения романтического купца стали памятными в истории археологии, а благодаря этому им стоит посвятить несколько минут внимания.

Давайте мысленно перенесемся воображением в Неаполь. В храме св. Марчеллино идет богослужение, заказанное Пьетро. В храме негде упасть яблоку: кумушки растрезвонили по всему городу о печалах молодого Пьетро и его решении. Двенадцать лет он был обручен с хорошенькой донной из богатого купеческого дома, и вдруг — гром среди ясного дня! — родители выдают ее замуж за кого-то другого.

Униженный, оскорбленный в самых нежных своих чувствах, юноша решил искать утешения в путешествиях. Пьетро, однако, не скрылся из города потихоньку. С типичной для южанина высокопарностью он театрально прощался с родными и друзьями. После окончания богослужения священник надел ему на шею золотой талисман в виде посоха пилигрима. Горожане поднимались на цыпочки, чтобы ничего не упустить из этого трогатель-

нога зрелища, а Пьетро торжественно клялся, что не вернется в Неаполь, пока не посетит гроб господень.

Путешествие в Иерусалим явилось лишь началом его странствий. Дело в том, что он не остановился на богоугодном паломничестве в святую землю. Пьетро посетил Венецию, Константинополь и Каир, побывал на труднодоступных в те времена островах Леванта, вдоль и поперек исходил Месопотамию и Сирию, добрался даже до Ирана.

В XVII в. такое путешествие было делом нешуточным. Это — многие месяцы изнурительного пути через степи и пустыни, горы и болота на твердой спине верблюда. Парусные суденышки были очень неудобны, их легко уничтожали бури; постоянно угрожала опасность пиратского нападения. Путешественник переносил зной и морозы, голод и жажду, грязь, болезни. На дорогах свирепствовали разбойники, а магометанское население относилось к европейцам с нескрываемой враждебностью.

Во время своих путешествий Пьетро делла Валле не порывал связи с родственниками из Неаполя. Он регулярно посыпал им письма, нередко снабженные заглавием: «Из шатра моего в пустыне». В этих письмах он неожиданно блеснул писательским талантом. Отличный стиль, тонкий юмор, быстрота наблюдения и красочность описаний, но прежде всего, конечно, обилие забавных ситуаций и захватывающих интриг — все это в короткое время принесло ему головокружительный успех у земляков.

Пьетро делла Валле, как и подобало итальянцу с живым темпераментом, быстро оправился после любовного поражения. Свидетельствуют об этом фривольные похождения, которые он описывает со вкусом и большим юмором. Находясь на острове Хиос, он окунулся в водоворот веселья. Ни днем, ни ночью не прекращались танцы, песни и пленительные забавы с модницами-островитянками — Пьетро чувствовал себя в своей стихии. С лукавой хвастливостью он рассказывает, как в одном греческом городе монашки местного монастыря нежно его обнимали и целовали за то, что он с достоинством осадил турецкого вельможу, который требовал подарков и воздаяния почестей.

В Константинополе он просыпал, что султан обладает единственным в то время полным текстом сочинений Ливия, полученным в наследство от византийского императора. Пьетро засгорелся желанием приобрести этот уникум и предложил за текст 6500 фунтов стерлингов. Но турецкий владыка отверг предложение дерзкого европейца. Тогда Пьетро попытался подкупить библиотекаря султана, обещая ему 12 500 фунтов стерлингов, если он выкрадет манускрипт. Интрига, однако, успехом не увенчалась, потому что нечестный чиновник не сумел отыскать в библиотеке ценного памятника литературы.

В Месопотамии Пьетро влюбляется во второй раз. Его избранницей оказывается восемнадцатилетняя девушка, но суро-

вая судьба снова не щадит его. Вскоре после свадьбы молодая супруга заболевает таинственной болезнью и умирает.

Отчаяние подсказало Пьетро дьявольскую мысль: тело любимой он приказал набальзамировать и потом в течение четырех лет ездил с гробом по свету, пока не поставил его в фамильном склепе в Неаполе. Пьетро еще раз решил попытать счастья: женился на грузинке, подруге жены, которая ухаживала за ней во время болезни. Плодом супружества было 14 сыновей.

Путешествуя, Пьетро достиг даже южной Персии. На расстоянии 60 километров к юго-востоку от города Шираза его глазам предстала картина, наводящая ужас и поражающая своим величием. Здесь возвышались грандиозные руины, о которых он никогда не слышал. В долине, окруженной каменистыми холмами, виднелся великолепный амфитеатр с террасой, куда вели огромные лестницы, полуразрушенная колоннада, мощные потрескавшиеся стены, но прежде всего — гигантские львы, охраняющие массивные порталы¹.

Осматривая развалины, Пьетро не мог прийти в себя от изумления. Казалось, что пески, в течение веков нанесенные сюда раскаленными ветрами пустыни, словно осьминоги, обволокли ненасытными щупальцами стены, порталы, колонны. Глухая, таинственная тишина, окутавшая эти затерянные развалины, вселяла суеверный страх.

Величественные руины, растянувшиеся на полкилометра, в далекие времена были, несомненно, прекрасным дворцом. Кто воздвиг эти монументальные сооружения? Самые древние местные легенды относились лишь ко времени правления знаменитого халифа Багдада VIII в. Гарун-ар-Рашида, героя «Тысячи и одной ночи». А дворец, судя по всему, был воздвигнут гораздо раньше.

Бродя среди развалин, Пьетро заметил на кирпичах какие-то странные, загадочные значки. Сначала ему показалось, что это отпечатки когтей птиц, которые когда-то, очень давно, прыгали по влажным еще кирпичам. Но, приглядевшись как следует, он обратил внимание на то, что знаки эти складываются из ряда горизонтальных и вертикальных черточек. Все черточки имеют форму клиньев, несомненно, благодаря тому, что неизвестный художник, притрагиваясь палочкой к влажной глине, всякий раз вначале прилагал большее усилие.

Когда Пьетро привез оттиски этих знаков в Европу, там разгорелся жаркий спор: каковы их смысл и значение? Одни утверждали, что знаки представляют собой древнейшие письмена, другие упорствовали в том, что странные черточки являются просто-напросто примитивным орнаментом, которых

¹ Портал — монументальный, богато украшенный вход в здание.

клинопись

украшали стены иранских сооружений. Пьетро высказался в пользу первой версии. В одном из писем 1621 г. он сообщает, что насчитал 100 отдельных знаков и что каждый из них обозначает, по его предположению, целое слово. С достойной удивления проницательностью он высказал догадку, что клинопись следует читать слева направо, потому что острия горизонтальных клиньев всегда направлены в правую сторону.

Оживленный интерес вызвали также и сами руины. Ученые верно предположили, что Пьетро делла Валле открыл развалины Персеполя — древней столицы персидских царей, — которую в VI в. до н. э. основал Кир, завоеватель Вавилона. Один из наследников Кира — Дарий — построил в Персеполе прекрасный дворец, насчитывавший сотни залов и комнат. Здесь он пребывал в ослепительной роскоши, облеченный в пурпурные, расшитые золотом одеяния. В его распоряжении было 15 тыс.

дворцовых слуг, 1 тыс. всадников-телохранителей и 200 тыс. пеших воинов.

Персидская империя просуществовала только 200 лет. Основанная на эксплуатации покоренных народов и на военной деспотии, она оказалась слишком непрочной. Чтобы покрыть огромные расходы на содержание двора и войска, царские чиновники накладывали на трудящийся народ, особенно на крестьян, все новые и новые подати. Именно поэтому Александр Македонский, разгромив армию Дария, так легко подчинил себе народы и племена, входившие в состав поверженной Персии.

Победоносный Александр занял Персеполь, а царский дворец предал огню. Существуют разные версии относительно причин этого пожара. Греческий историк Диодор утверждает, что дворец поджег собственноручно Александр Великий «во время пьяной оргии, в минуту, когда потерял власть над своим рассудком». Другой историк, Клитарх, описывая этот же случай, рассказывает, что афинская танцовщица Таис во время танца бросила пылающий факел между деревянными колоннами дворца. Увидев это, пьяная компания приближенных Александра Македонского стала наперегонки хватать факелы и швырять их куда попало. Вся главная часть дворца с драгоценными тканями, скульптурой и вазами в мгновение ока была охвачена пламенем. Слугам с огромным трудом удалось спасти лишь несколько боковых крыльев сооружения.

Уцелевшие части дворца стояли еще многие века. Какое-то время там находилась резиденция халифов ислама, затем начались опустошительные набеги монголов и турок, и от дворца остались только развалины. Руины незаметно покрылись скучной растительностью, на них паслись овцы арабских пастухов. О происхождении их совершенно забыли, и только в XVII в. Пьетро делла Валле своим открытием напомнил Европе о былом великолепии Персеполя.

Итальянский путешественник вряд ли понимал, какую сокровищницу представляют собой горизонтальные и вертикальные черточки, скрывающие обширные сведения о цивилизациях шумеров вавилонян, ассирийцев и других народов Ближнего Востока, однако безусловной его заслугой является то, что он первым привез в Европу образцы клинописи и, вопреки мнению многих ученых, увидел в черточках древнейшие письмена, а не затейливый орнамент. Вот почему его имя навсегда сохранилось в истории археологии.

КЛИНОПИСЬ

НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ

В первые годы XIX в. в немецком университете Геттингене жил учитель греческого и латинского языков местного лицея Георг Фридрих Гротефенд. Учителя считали человеком немного странным, потому что любимым его занятием было решение всевозможных шарад и ребусов, в чем он проявлял

необыкновенную смекалку и быстроту ориентации. Друзья и знакомые специально выискивали для него сногшибательные задачи, но ни разу Гротефенд не дал посадить себя в калошу.

В 1802 г. в руки любителя головоломок попал один текст из Персеполя, над расшифровкой которого безуспешно бились многие ученые. Загадочные клинообразные значки заинтриговали его настолько, что не давали спать по ночам. Сидя однажды в баре, где он обычно проводил вечера за кружкой пива в кругу приятелей, Гротефенд сказал им не без хвастовства, что сумеет прочесть клинообразные письмена.

Друзья приняли это заявление с веселым недоверием. Клинопись в то время являлась самой модной научной проблемой, и всем было известно, какую непреодолимую трудность представляет собой ее расшифровка. Некоторые ученые вообще не верили в успех.

Во второй половине XVIII в. в Персеполь отправился датский ученый Карстен Нибур; он срисовал множество клинообразных значков, но не сумел прочесть ни одного слова. Не повезло также немцу Тихсену и датчанину Мюнтеру, хотя они и сделали немало правильных догадок.

Поэтому нечего удивляться, что в баре над Гротефеном стали подшучивать и подсмеиваться. Все знали о его способностях, но ведь слишком большая разница между решением невинного ребуса и дешифровкой клинописи, над которой ломали головы крупнейшие специалисты. Насмешки задели Гротефенда за живое. Учитель предложил пари, и оно было охотно принято.

Приступив к трудному делу, Гротефенд заметил, что персепольская надпись заметно делится на три столбца. Может быть, надпись трехъязычна? Благодаря чтению произведений древних писателей, Гротефенд знал историю древнеперсидского государства; ему было известно, что около 540 г. до н. э. царь персов Кир захватил Вавилонское государство. А так как надпись исходит из Персеполя, то отсюда следует, что одна из трех колонок наверняка содержит текст на древнеперсидском языке. Но какая? Гротефенд рассуждал следующим образом: персидский язык — язык народа-победителя, логично поэтому предположить, что он занимает центральное место. Таким центральным местом является, по-видимому, средняя колонка. А боковые колонки? Возможно, они содержат перевод на языки двух самых многочисленных побежденных народов.

Приняв эту изумительно простую и одновременно остроумную гипотезу, Гротефенд пригляделся внимательнее к клинообразным знакам средней колонки. Неожиданно он заметил одну очень характерную деталь, за которую и ухватился. Среди клинообразных знаков дважды повторялась одна и та же группа или комбинация черточек, отделенная косой чертой, а следовательно, обозначающая целое слово. С присущей ему сообра-

зительностью он пришел к мысли, что текст сообщает о какой-то династической преемственности в персидском царском доме и что обе идентичные комбинации знаков могут ориентировочно обозначать царский титул. Согласно такому предположению, текст представлялся бы следующим образом: царь — имя царя — неизвестное слово А — царь — имя царя — неизвестное слово Б — неизвестное слово А — неизвестное слово Б.

Значение неизвестного слова А напрашивалось само собой. Несомненно, группа клинообразных знаков, обозначенная ли-терой А, передает слово «сын». Пополненный таким образом текст выглядел так: царь — имя царя — сын царя — имя царя — сын — неизвестное слово Б.

Отсутствие царского титула в последней части предложения (перед неизвестным словом Б) доставило много хлопот. Гипотеза, будто бы текст перечислял очередных царей одной династии, казалась поколебленной. Но Гротефенд не дал сбить себя с толку. Рассуждал он таким образом: если неизвестное слово Б, безусловно, имя какого-то перса, не снабжено царским титулом, как два предыдущие имени, то можно сделать вывод:

- а) что человек, который носил это имя, не был царем;
- б) что он должен был находиться в родстве с обоими царями, раз уже оказался в их обществе;
- в) что, как об этом свидетельствует дважды повторяемое слово «сын», был их отцом и дедом.

В таком случае текст бы звучал: царь — имя царя — сын — царь — имя царя — сын — имя перса.

Гротефенд чувствовал, что находится на верном пути. Если бы ему удалось найти в истории персидских царей такую династическую ситуацию, когда какой-то перс, не будучи царем, имел бы, однако, сына и внука, которые вступили на трон, — в таком случае вопрос был бы решен. Тогда непрочитанные группы клинообразных знаков Гротефенд соответственно заменил бы историческими именами.

Учитель начал рыться в текстах древних историков и наткнулся на нужные имена. Так, персидский князь Гистасп имел сына Дария, персидского царя с 521 по 486 г. до н. э. Его внук и сын Дария, Ксеркс, известный тем, что пытался захватить Грецию, правил с 486 по 465 г. до н. э. Текст окончательно звучал: царь Ксеркс, сын царя Дария, сына Гистаспа.

Однако все обстояло не так просто, как кажется. Дело в том, что имена царей Гротефенд почерпнул из Геродота, где они даны в греческом звучании. Для определения фонетического звучания каждого отдельного клинообразного знака ему требовалось знать царские имена в их подлинном древнеперсидском звучании. Ключ к этой загадке Гротефенд искал в тексте Авесты — священном писании персов, — язык которого доверительно близок древнеперсидскому.

Несмотря на то, что имя Гистаспа встречалось там в нескольких вариантах (Гошап, Кистап, Густасп, Витасп), он сумел путем необыкновенно сложных умозаключений расшифровать девять алфавитных знаков клинописи древних персов. Лишь спустя 34 года, т. е. в 1836 г., немец Лассен, француз Бюрнуф и англичанин Роулинсон окончательно дешифровали алфавит.

НАДПИСЬ НА ОДИНОКОЙ СКАЛЕ

На английском парусном судне, курсировавшем между Великобританией и Индией, служил корабельным юнгой Генри Фредерик Роулинсон. Смышленый подросток держал ушки на макушке, когда пассажиры, греясь на солнышке, рассказывали друг другу чудеса о странах Индостана, куда они направлялись как купцы и чиновники. Под впечатлением этих экзотических рассказов Роулинсон начал мечтать о путешествиях и приключениях. Морская служба показалась ему вдруг неволей, и он теперь ждал только случая, чтобы бросить ее.

Во время одного из рейсов он приглянулся губернатору Бомбей сэру Джону Малькольму, который предложил ему вступить в один из военных отрядов Ост-Индской компании. Роулинсон с радостью согласился, и в 1826 г., 16 лет от роду, перешел на службу в это пользующееся дурной славой акционерное общество, которое получало баснословные прибыли за счет ограбления Индии и эксплуатации индийского народа.

Роулинсон, видимо, сумел выслужиться перед своими хозяевами, ибо вскоре получил офицерские эполеты, а в 1833 г. он уже майор и занимает должность инструктора персидской армии.

Спустя шесть лет английское правительство назначает Роулинсона политическим агентом в Афганистане. В последующие годы он поочередно — консул в Багдаде, член британского парламента и, наконец, посол при дворе персидского царя в Тегеране.

От скромного юнги до дипломатического представителя великой державы — это карьера необычная. Чем же объясняется головокружительный успех Роулинсона? Сегодня мы знаем, что он являлся асом английской разведки. В его руках были сосредоточены нити всех политических интриг Ближнего и Среднего Востока. Верный слуга британского империализма, он подстрекал азиатские народности и племена против России, сеял вражду между персами и афганцами, замышлял даже заговор против персидского правительства, хотя и находился на его содержании в качестве военного инструктора.

Не стоило бы и говорить о Роулинсоне, если бы не тот факт, что именно ему принадлежит немалая роль в дешифровке клинописи. Агенты «Интеллиджанс сервис» очень часто скрывали свою шпионскую деятельность под маской научных исследований и археологических раскопок, но Роулинсон выделялся из их

среды тем, что был действительно добросовестным исследователем клинообразного письма и в этой области добился серьезных научных результатов. Ничего не зная об изысканиях Гротефенда, он прочел, руководствуясь подобным же методом, не только имена ранее упомянутых персидских властелинов, но расшифровал также еще несколько знаков алфавита древнеперсидской клинописи. Когда наконец, в 1838 г. он ознакомился с работой Гротефенда, то пришел к выводу, что результаты его собственных исследований гораздо лучше.

Выполняя тайные поручения своих хозяев, Роулинсон часто переезжал с места на место. Во время путешествий он бывал также в Бехистуне, где ему встретилось нечто совершенно удивительное. Находясь однажды километрах в 20 от Керманшаха, он в изумлении остановился перед отвесной обшарпанной скалой, которая на 1000 метров возвышалась над выжженной солнцем равниной.

На высоте 100 метров над пропастью Роулинсон увидел знаменитую «Бехистунскую надпись». На плитах, прикрепленных к скале, явственно вырисовывались барельефы — бородатые мужи в ниспадающих персидских одеяниях; там же виднелись столбы клинописи.

Этот грандиозный барельеф знали десятки поколений людей, населяющих страны Ближнего и Среднего Востока. У подножия Бехистунской скалы лежала когда-то дорога в Вавилон, а сейчас там находится оживленный торговый путь, связывающий Керманшах с Багдадом.

С незапамятных времен тянулись по этой дороге неповоротливые купеческие караваны, брели одинокие путешественники. Загадочные фигуры, высеченные в скале, наполняли суетным страхом путников и местных жителей.

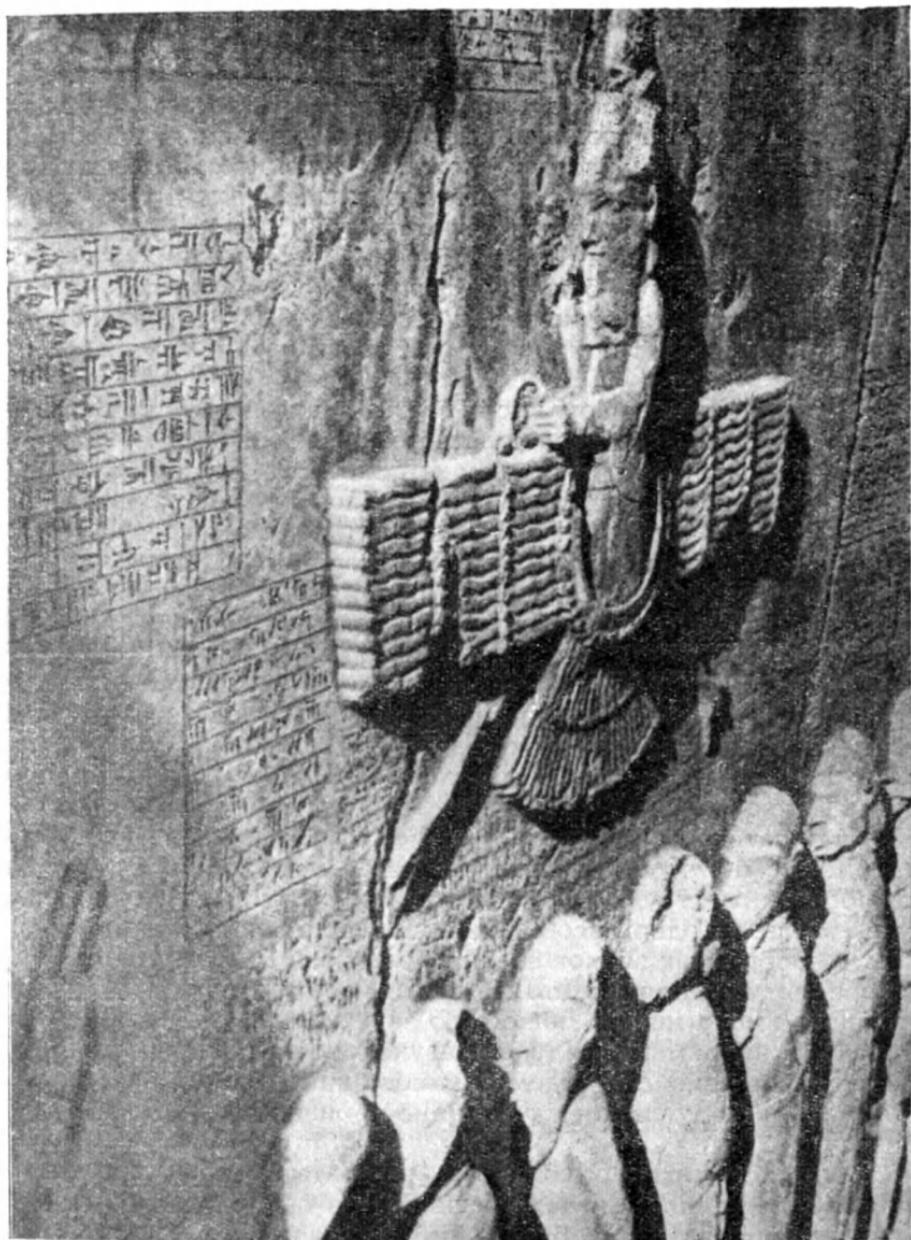
Барельеф произвел на Роулинсона огромное впечатление. Нередко он часами рассматривал его в бинокль. Какое же неисчерпаемое богатство исторических сведений таилось в этих знаках, состоящих из горизонтальных и вертикальных клиньев! Расположение столбцов указывало на то, что текст составлен на трех языках. Если, размышлял англичанин, уже дешифровали древнеперсидский алфавит, так, может, ему посчастливится открыть тайну двух других языков. До тех пор никто даже не думал об этом: настолько беден был сравнительный материал — он насчитывал всего-навсего 20 знаков уже упомянутой надписи из Персеполя. Между тем надпись на Бехистунской скале содержала, как сосчитал в бинокль Роулинсон, свыше четырехсот 20-метровых строк клинописи. Теперь можно было покуситься и на дешифровку надписей на неизвестных языках. Но дело это оказалось далеко не простым. Прежде всего нужно было взобраться на отвесную стену скалы и, вися над пропастью, точно скопировать, черточка за черточкой, все знаки. Такого

типа предприятие требовало применения длинных лестниц, веревок и крючьев, снаряжения, раздобыть которое было очень трудно в условиях отсталой страны.

Однако желание добраться до барельефа не давало Роулинсону покоя. Целыми неделями он детально обследовал каждую трещину в скале и обдумывал самые различные способы отчаянного подъема. Однажды он сделал открытие, которое вселило в него надежду. Англичанин заметил, что под подписью во всю ее длину высечен в скале карниз, который служил древнему скульптору лесами. «Только бы туда добраться, — подумал Роулинсон, — а тогда уже нетрудно будет скопировать весь текст». С риском для жизни, пользуясь веревками и крючьями, он достиг, наконец, цели и, привязавшись к выступам скалы, начал перерисовывать знаки в толстый блокнот. Работа эта тянулась несколько месяцев. Он ежедневно поднимался на скалу и, передвигаясь вдоль карниза, скопировал нижние строки. Но оказалось, что с карниза невозможно увидеть верхнюю часть надписи, так как высота барельефа достигала семи метров. Тогда Роулинсон подтянулся на веревке лестницу и, поднимаясь по ней все выше и выше, сумел срисовать еще несколько строк. Самой же верхней части ему так и не удалось разобрать.

Свою работу Роулинсон не закончил. Получив вызов начальства, он прервал ее и поспешил выехать в Афганистан. Только в 1847 г. он вернулся в Бехистун. На этот раз нужно было добраться до почти неприступной части надписи. Сам Роулинсон уже боялся рисковать и поэтому нанял для этой цели молодого курда. Привязавшись к веревке, спущенной с вершины скалы, молодой смельчак вбил вдоль стены деревянные клинья. Перевешивая затем лестницу с клина на клин и взбираясь по ней, курд прижимал к отдельным фрагментам надписи влажный картон, получая таким способом точный оттиск. Через несколько недель Роулинсон сделался единственным в мире обладателем огромного клинописного текста, являвшегося бесценным научным материалом. В 1848 г., после 11 лет кропотливой работы, он представил его Азиатскому королевскому обществу в Лондоне.

«Бехистунская надпись», как мы уже говорили, содержала тексты на трех разных языках. Центральный столбец был написан по-древнеперсидски. Прочтение его, благодаря предыдущим работам ученых, не представляло уже особого труда. Но оставалось еще два столбца. Один из них, написанный силлабической системой, т. е. с помощью клинообразных знаков, выражавших целые слоги, а не отдельные буквы алфавита, являлся переводом персидского текста на язык иранского племени эламитов. Государство эламитов уже давно перестало существовать, но язык его жителей был широко распространен в Персии, чем и объясняется наличие надписи на Бехистунской скале.

БЕХИСТУНСКАЯ СКАЛА

Деталь рельефа и надписи

К тому времени датчанин Нильс Вестергард нашел ключ к пониманию языка эламитов; благодаря его открытию Роулинсон и еще один англичанин — Норрис — вскоре расшифровали 200 знаков этого столбца.

Осталось дешифровать третью надпись, представлявшую собой, как оказалось позднее, перевод на ассирио-авилонский язык. После кропотливого и сложного сравнительного анализа Роулинсон сделал открытие, его поразившее: письмо это казалось запутанным, лишенным всякой логики. Если в древнеперсидском письме каждый клинообразный знак служил для обозначения отдельной буквы алфавита, а в эламитском — слогов, то в ассирио-авилонском письме все было гораздо сложнее. Здесь один и тот же знак мог обозначать и слог и целое слово.

По мере того как Роулинсон ближе знакомился с этим письмом, обнаружилось обстоятельство, которое сильно его обеспокоило. Дело в том, что один и тот же знак мог служить для обозначения нескольких разных слов.

И наоборот — разные, совершенно непохожие друг на друга знаки использовались для обозначения одного и того же слога или одного и того же слова. Так, например, для звука Р в этом письме имелось целых шесть клинообразных знаков; они употреблялись в зависимости от того, с каким гласным Р соединялось. В слогах РА, РИ, РУ, АР, ИР или УР звук Р изображался всякий раз иным клинообразным знаком. Более того, когда к этим слогам примыкал какой-либо согласный, как, например, РА + М, т. е. возникал новый слог РАМ, то в этом сочетании буква Р изображалась совершенно по-иному.

Из понятных соображений, мы не хотим здесь вдаваться в подробности, но, чтобы читатель мог себе представить буквально невообразимые трудности, с которыми столкнулся Роулинсон, скажем еще об одной особенности этого письма. Когда несколько клинообразных знаков соединялось вместе, обозначая какой-то предмет или понятие, то окончательное звучание этого сочетания не имело ничего общего со звучанием его составных частей. Так, например, имя царя Навуходоносора должно было бы звучать, согласно его отдельным составным фонетическим частям: А-н-па-са-ду-сис, между тем оно произносилось Набукудурриуссур.

Когда Роулинсон опубликовал результаты своей кропотливой работы, ученые сначала решили, что он пошутил. Возможно ли, говорили они, чтобы кто-нибудь мог придумать настолько запутанную систему письма, которая для того ведь и создается, чтобы быть средством общения между людьми? И только убедившись, наконец, что Роулинсон не совершил никакой мистификации, некоторые из них стали считать, что письмена такого типа не поддаются дешифровке.

Дело по существу казалось безнадежным. Но, как это нередко случалось в истории археологии, по счастливому стечению обстоятельств как раз в это время было сделано новое сенсационное открытие. Французский археолог Ботта, о котором речь будет идти в следующей главе, откопал в руинах Дур-Шаррукина около сотни глиняных табличек с клинописью, относящихся к VII в. до н. э. Этот материал был поистине мечтой лингвиста — таблички содержали целый ряд энциклопедических сведений. Ныне они считаются древнейшей энциклопедией в истории человечества. На табличках столбцами располагались рисунки различных предметов, а рядом давались соответствующие названия на вавилонском языке и клинописные знаки, обозначающие их фонетическое звучание. По всей вероятности, эти таблички являлись пособием для учеников писцовых школ в тот период, когда пиктографическое (картинное) и силлабическое письмена упрощались и создавалось алфавитное письмо.

Древнейшая в мире энциклопедия дошла до нас, правда, в небольших отрывках, но она дала ученым основу для дешифровки 200 знаков ассирио-вавилонского письма.

В течение всего лишь нескольких лет объединенными усилиями многих ученых ассириология сделала огромные успехи, появились даже первые грамматики ассирийского языка.

Хотя и нельзя преуменьшать заслуги Роулинсона, не был он, однако, ученым в высоком, благородном смысле этого слова, самоотверженным и бескорыстно преданным науке. Будучи агентом разведки и зная тайны шифров, он взялся за дешифровку «Бехистунской надписи» из побуждений далеко не научных. Им руководило скорее желание побить рекорд в области, которая в то время была предметом всеобщего интереса, а также неудержимое стремление прославиться. В погоне за лаврами он не останавливался даже перед тем, чтобы присвоить себе плоды чужой работы. Немалый скандал вызвало его столкновение с ассириологом Х. Хинксом, который сделал ряд важных открытий в области древнеперсидского языка. Роулинсон окольными путями пронюхал об этом и немедленно отоспал в Лондон, где как раз печаталась его работа, специальное письмо, в котором результаты Хинкса выдал за собственное открытие. Когда его обвинили в плагиате, он пытался доказать с помощью поддельного почтового штемпеля, что письмо в Лондон он отоспал раньше, чем мог бы узнать об открытии Хинкса. Скандал поначалу утих, но через несколько лет плагиат Роулинсона и подделка почтового штемпеля были совершенно доказаны.

Дешифровкой ассирийского письма одновременно с Роулинсоном занималось несколько ученых. Однако все еще были сомнения относительно правильности дешифровки. Когда Роулинсон начал публично хвалиться, что может прочесть даже

самые трудные кинообразные надписи, Азиатское Королевское общество в Лондоне решилось на шаг, беспрецедентный в истории науки. Четырем крупнейшим специалистам оно посыпало четыре запечатанных конверта, содержащих один и тот же только что найденный ассирийский текст, и предложило прочесть его. Роулинсон, Тальбот, Хинкс и Опперт расшифровали текст каждый порознь, согласно своему собственному методу, и перевод отослали в запечатанных конвертах специально созданной для этой цели комиссии.

Все переводы оказались почти идентичны. Некоторых, правда, несколько шокировал метод, избранный Азиатским Королевским обществом, они считали его несовместимым с честью науки, но тем не менее одинаковые переводы не оставляли места никаким сомнениям — дешифровку труднейшего ассирийского письма следовало считать пройденным этапом. В 1857 г. упомянутые переводы были опубликованы в печати под названием: «Надпись царя Ассирии Тиглатпаласара, переведенная Роулинсоном, Тальботом, Хинксом и Оппертом».

Из содержания древнейшей «Бехистунской надписи» следовало, что в 539—521 гг. до н. э. в Персии царствовал Камбис. В его государстве часто вспыхивали волнения и политические восстания покоренных и жестоко эксплуатируемых народов. Да и в самом царском доме частенько разгорались споры и велась борьба между династиями — все это серьезно ослабляло власть монарха и закончилось тем, что брата царя, Бардию, приговорили к смерти. В разных частях страны появились самозванцы, претендующие на трон. Самым грозным из них был маг, т. е. жрец религии зороастризма, Гаумата. Выдавая себя за Бардию, который якобы убежал из темницы прежде чем его казнили, он собрал огромную армию сторонников.

Однако царь неожиданно умер в 521 г. до н. э., не оставив непосредственного престолонаследника. Правом династического преемника пользовался один из князей боковой линии Ахеменидов — Гистасп, уже известный нам по надписи в Персеполе. Это был человек беспомощный и трусливый, который перед лицом волнений в стране предпочел отречься от трона в пользу своего сына Дария.

Дарий I оказался энергичным правителем и отважным воином, поэтому в короткое время расправился по очереди со всеми мятежниками. Он пожелал на вечные времена сохранить память о своих триумфах, чтобы потомки не забыли, что он, Дарий, царь Персии, восстановил единство государства и является единственным законным наследником Камбиса.

Историю своих деяний он повелел высечь на скале, притом в таком месте, чтобы надпись была хорошо видна, а одновременно, чтобы недоступность места сохранила ее от уничтожения. На отвесной скале, возвышающейся над оживленной дорогой в

Вавилон, он решил сделать, казалось бы, невозможную вещь. Невольники, подвешенные на веревках над пропастью, на убийственной жаре и под палящими ветрами пустыни, высекали в сухом камне уже упомянутый карниз, на котором затем укрепили леса. Тяжелые плиты с барельефами они подтягивали наверх и прикрепляли их к стене скалы; при этом не один из них терял равновесие и с криком падал в бездну.

Этому барельефу 2500 лет. На первом плане холодная не-подвижная фигура Дария, опершегося на огромный лук. Правая нога его покончилась на поверженном Гаумате, который посмел посягнуть на царский скипетр. За царем стоят двое его приближенных с колчанами и копьями. У стоп царя со связанными ногами и с веревками на шеях — девять униженных мятежников, «девять царей лжи», как о том гласит надпись. По бокам и ниже этой группы видны 14 столбцов клинописного текста, прославляющего на трех языках триумфы великого Дария.

Текст этот гласит:

«Когда я в Вавилоне был, эти страны от меня отошли: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Сатагидия, Скифия. И вот что совершил я по милости Ахурамазды. В год, когда я начал царствование мое, девятнадцать битв прошел я. Провел я их по воле Ахурамазды и девять царей в неволю захватил. Был среди них один, что Гаумата звался. Лгал он. Ибо так говорил: я — Бардия, сын Кира. Бунт поднял он в Персии. Был также другой: Нидинту звался, а был он вавилонянином. Лгал он. Ибо так говорил: я — Навуходоносор, сын Набонида. Это он бунт в Вавилоне поднял».

Помещая надписи на Бехистунской скале, Дарий был убежден в немеркнущем историческом значении своих военных подвигов. Для нас, однако, его победы представляют гораздо меньший интерес, чем распоряжение царя сделать надпись на трех языках. Трехъязычность текста стала той волшебной палочкой, которая настежь отворила нам ворота в древнейшие цивилизации Шумера, Вавилонии и Ассирии, расширяя наши знания истории человечества вглубь на несколько тысяч лет.

**В СТРАНЕ
«ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ НОЧИ»**

О Месопотамии, или Двуречье, лежащем между Евфратом и Тигром, до самого конца XVIII в. было мало что известно. Туманные сведения о бурном и богатом прошлом этой страны черпали из Библии да из малочисленных и к тому же противоречивых описаний древних путешественников. Здесь, в Ниневии и в Вавилонии, господствовали, как утверждает Ветхий завет, жестокие цари-воины, которых Иегова покарал своим гневом за идолопоклонство. Но многие европейцы уже в то время считали Библию сборником легенд, а рассказы о много-людных городах и могущественных царях Ассирии и Вавилонии — по меньшей мере большим преувеличением. Представ-

ления об этих неизвестных цивилизациях исчерпывались сведениями о существовании Вавилонской башни и висячих садов Семирамиды.

Сегодня на месте бывшей Ассирии и Вавилонии лежит Ирак со столицей Багдадом. Страна эта граничит на севере с Турцией, на западе — с Сирией и Трансиорданией, на юге — с Саудовской Аравией, а на востоке — с Ираном, который тогда назывался Персией. Наиболее достоверные исторические данные о бывшей Месопотамии относятся лишь к I в. н. э. Известно, что, несмотря на непрерывные войны, бесчисленные вторжения завоевателей и смены правителей, Месопотамия продолжала оставаться многолюдной и богатой страной, где процветали торговля и ремесла, искусство и архитектура.

До той поры, пока оросительные каналы на этой территории содержались в хорошем состоянии, ни одна война и ни одно вторжение завоевателей не смогли уничтожить плодородной земли. Разумная система каналов, распределяющая воды Тигра и Евфрата по широким просторам, являлась главным и единственным источником благосостояния Месопотамии. Люди не помнили, кто соорудил так умно и заботливо эти каналы. Никто даже не догадывался, что строители их жили за несколько тысячелетий до нашей эры в библейских городах Уре, Вавилоне и Ниневии. В Месопотамии сменялись правители, народы, культуры. После шумеров, аккадцев, ассирийцев и халдеев пришли сюда персы, потом — греки, а сельское население продолжало жить своей собственной жизнью, улучшая каналы и собирая урожаи. Жестоко эксплуатируемые бесправные люди, которых насиливо гнали в войска и в копи, создавали богатство страны. Это они трудились, как каторжники, воздвигая многочисленные богатые города, храмы и дворцы, благодаря им расцветали архитектура и искусство, литература и наука, роскошью окружали себя цари, аристократы и сатрапы.

В средневековье Месопотамия пережила период нового подъема. Одновременно с захватом страны магометанами сюда из Дамаска был перенесен главный центр ислама. Халифы сделали своей столицей Багдад, пышность, совершенство архитектуры и сказочное очарование которого стали легендарными.

Позднее страну захватили турки под предводительством сельджуков. Они создали Великую багдадскую империю, но внешне мало что изменилось в этом краю. Сеть каналов и речных шлюзов сохранилась в целости, несмотря на бурные, трагические события, и земля продолжала давать богатые урожаи. И только целый ряд грабительских нашествий монголов во главе с Хулагу и Тамерланом превратили страну в пепелище. Была разрушена система каналов, и земля, лишенная живительной влаги, перестала родить, высохла и потрескалась под палящими лучами солнца и, наконец, превратилась в море сыпкой, лету-

чей пыли... Цветущий край стал пустыней с загадочными курганами; по безбрежным степям бродили кочевые племена.

С тех пор на многие века люди забыли о существовании древней Месопотамии. Однако время от времени сюда прибывали путешественники из Европы. Именно они рассказывали о таинственных холмах, возвышающихся среди безмолвной равнины. Вокруг курганов гуляли черные бури, заметая их подножия желтым сыпучим песком. Бедуины, пасущие своих верблюдов, не имели ни малейшего понятия о том, что представляют собой эти странные холмы. Правда, кое-где на пригорках в беспорядке валялись куски кирпичей, черепки посуды и фрагменты базальтовых рельефов, но нигде не было видно остатков крупных строений, которые указывали бы на богатое прошлое страны. Не возвышались здесь, как в Египте, колонны, обелиски, сфинксы, пирамиды и каменные гробницы царей или, как в Греции и в Италии,— руины храмов, статуи богов, арены и амфитеатры. История Месопотамии лежала под толстым покрывалом пустыни.

Первым в Европе описал путешествие в Месопотамию датчанин Карстен Нибур. По поручению датского короля Фредерика V Нибур организовал научную экспедицию на Ближний Восток. Однако закончилась она трагически. Не прошло и года, как все участники путешествия погибли от истощения и инфекционных заболеваний. В живых остался только Нибур, он один провел всю работу, которая возлагалась на целую экспедицию. Его книга «Путешествие по Аравии и соседним странам» (т. 1, 2, 1774—1778 гг.), представляющая собой добросовестное описание края, людей и найденных следов древних цивилизаций, долгое время являлась единственным источником знаний о Ближнем Востоке. Наполеон во время экспедиции в Египет постоянно имел ее при себе.

Нибур одним из первых пытался расшифровать клинообразное письмо. Но результаты его исследований в условиях тогдашнего состояния науки были заранее обречены на неудачу. Датчанин не сумел прочесть ни одного знака. Однако он установил — и это делает ему немалую честь,— что в клинописи следует различать три системы письма: пиктографическое, слоговое письмо, а также алфавитное, содержащее 24 буквы.

В начале XIX в. Двуречье стало широко известным в Европе благодаря арабским сказкам «Тысяча и одна ночь». В то время это была одна из популярнейших книг. Зачитывался ею и молодой английский адвокат Остен Генри Лэйярд. Чарующий мир, описанный Шехерезадой, настолько захватил его воображение, что Лэйярд решил совершить путешествие в Багдад, Дамаск и Персию.

Ежедневно, закончив работу в лондонской адвокатской конторе, Лэйярд запирался у себя в комнате и, обложившись стопками книг, усердно готовился к будущему путешествию. Он

учился пользоваться секстантом² и компасом, составлять географические карты, оказывать первую помощь в случае несчастья, а также знакомился со способами борьбы с тропическими болезнями. Он не разлучался со словарями, стараясь познать тайны языков Ирака и Ирана.

В 1839 г. 22-летний Лэйядр бросает работу в адвокатской конторе и вместе со своим товарищем отправляется на Ближний Восток. Он ездит верхом на лошади от деревни к деревне, но чует в хижинах гостеприимных туркменов или в шатрах арабских пастухов. Своей простотой, неприхотливостью и общительностью англичанин быстро завоевывает расположение местных жителей, нравы и обычай которых он с большим интересом наблюдает.

Свои приключения Лэйядр описывает изо дня в день с исключительным талантом. Эти записки превратились позднее в двухтомный труд под названием: «Ниневия и ее остатки». Это сочинение стало необыкновенно популярным.

«Я с восторгом и благодарностью вспоминаю те блаженные дни, — пишет Лэйядр, — когда мы, вольные и беззаботные, покидали на рассвете убогую хижину или шатер и отправлялись, куда глаза глядят, не заботясь о времени и расстояниях, ехали, чтобы к заходу солнца остановиться на ночлег у подножья каких-то руин, там, где раскинули свои шатры кочевники-арабы...»

В апреле 1839 г. Лэйядр добрался до Мосула, местности, расположенной в верховьях Тигра. Отсюда молодой путешественник совершил несколько поездок в глубь пустыни, раскинувшейся во все стороны, где и увидел впервые легендарные холмы, скрывавшие от людских глаз руины древнейших поселений. С той поры Лэйядр стал их страстным исследователем. Его интерес вызвала прежде всего возвышенность, где, согласно местным преданиям, должны были находиться развалины города, основанного библейским Нимродом, потомком Ноя. Арабы представляли его себе могучим великаном и свято верили, что кости Нимрода покоятся именно там.

Лэйядр пришел к выводу, что арабские легенды имеют какие-то реальные основания. Он рассуждал, что даже в том случае, если предания, связанные с именем Нимрода, являются плодом религиозной фантазии, то все равно не следует исключать возможности, что холм таит в себе остатки одного из древнейших поселений в истории человечества.

«По расположению холма, — пишет Лэйядр в своих дневниках, — нетрудно было понять, что это и есть то самое возвышение, которое описывал Ксенофонт, и у подножья которого стояли лагерем «Войска Десяти Тысяч». А руины — те самые, что

² Секстант — прибор, с помощью которого по расположению звезд определяют местоположение данной точки на земном шаре.

видел воочию греческий полководец двадцать два века тому назад. Уже тогда это были развалины какого-то древнего города».

Бродя по холму, Лэйядр то и дело натыкался на глиняные черепки, обломки кирпичей и обветшальные куски базальтовых рельефов. Среди арабов ходили легенды, что под землей кроются какие-то чудовища, высеченные из черного камня. Постепенно в молодом исследователе крепла уверенность, что холмы действительно скрывают от людских глаз несметные археологические сокровища. «Распаленный любопытством, — пишет он в записках, — я решил при первой же возможности детально исследовать эти единственныe в своем роде памятники древности».

Но кошелек с деньгами, захваченными из Лондона, сильно похудел, и Лэйядр вынужден был прервать свое путешествие. Он отправился в Константинополь, где надеялся встретить поддержку со стороны британского посла сэра Стратфорда Каннинга.

И хотя сэра Каннинга археология совершенно не интересовала, он весьма благосклонно отнесся к просьбе Лэйядра. Эта благосклонность объяснялась тем, что на территории Ближнего Востока происходили в то время серьезные политические столкновения, а Великобритания, как обычно в таких случаях, с помощью агентов разведки стремилась плести интриги и сеять вражду среди угнетаемых народов, чтобы легче было добиваться своих захватнических целей. Ирак с его нефтью и другими природными богатствами, лежащий к тому же на пути в Индию, представлял собой лакомый кусок для британских капиталистов.

Европейские державы неоднократно использовали научные экспедиции для осуществления своих политических и шпионских замыслов. Каннинг быстро сообразил, что намерениям Лэйядра также можно отлично найти соответствующее применение. Под предлогом раскопок на холмах Месопотамии англичанин будет иметь возможность изучить страну, собрать сведения о ее минеральных богатствах и завязать непосредственные контакты с мятежными шейхами арабских племен. Лэйядр по своей натуре был типичным авантюристом и искателем приключений, поэтому без малейших колебаний согласился перейти на службу в «Интеллиджанс сервис» и таким путем получил средства для проведения предполагаемых раскопок.

Как Каннинг, так и Лэйядр, заключая соглашение, руководствовались также и другими соображениями. Оба они, хотя и по разным причинам, были серьезно обеспокоены тем, что француз Поль Эмиль Ботта сделал в Месопотамии ряд археологических открытий и прославился на весь мир. Лэйядр просто-напросто завидовал его славе и жаждал вырвать у него пальму первенства в области археологии. Каннинг, со своей стороны, не без основания предполагал, что Ботта является агентом фран-

цузской разведки и под видом раскопок ведет интенсивную деятельность, стараясь присоединить эти территории к Франции.

В 1842 г. Ботта начал археологические изыскания на холме Куонджик. Он нанял рабочих и копал целый год почти безрезультатно. На том же самом месте Лэйяд позднее открыл руины Ниневии, столицы Ассирии. Разочарованный неудачей, Ботта перенес раскопки на холм в Хорсабаде, и уже через неделю ему улыбнулось счастье. Рабочие откопали какие-то стены с украшениями, множество барельефов, но прежде всего — огромные каменные изваяния чудовищ с человеческими головами и туловищами крылатых быков.

Известие о новом открытии вызвало в Париже настоящую сенсацию. Охваченная энтузиазмом Франция организовала сбор средств для того, чтобы Ботта мог продолжить изыскания. В 1843—1846 гг. был раскопан грандиозный комплекс дворцовых зданий, дворов, порталов, церемониальных залов, коридоров, комнат, где когда-то располагался гарем, и остатки величественной пирамиды. Археологи позднее установили, что здесь находился город, построенный ассирийским царем Саргоном II (722—705 гг. до н. э.) — Дур-Шаррукин.

Ботта не был археологом по образованию и совершенно не знал методов консервации памятников древности. Археологические раскопки он вел неслыханно примитивным способом. В поисках грандиозных изваяний, которые могли бы произвести впечатление на европейцев, Ботта не обращал внимания на то, что заступы рабочих навсегда уничтожали мелкие предметы, нередко представляющие собой значительно большую ценность для науки. Алебастровые скульптуры, добытые из земли, рассыпались в прах под палящими лучами солнца. К счастью, на помощь Ботта прибыл известный французский художник Эжен Наполеон Фланден, который на картоне стал делать зарисовки гибнущих археологических находок. В результате их совместной работы появился блестящий труд «Монументы Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и срисованные Фланденом»³.

Ботта сделал попытку отослать несколько изваяний в Париж. Он погрузил их на плот, намереваясь отбуксировать его в верховья Тигра, но в этом месте река представляет собой бурный и глубокий горный поток с большим количеством водоворотов и порогов. Плот перевернулся, и весь бесценный груз утонул. Второй транспорт, отправленный в низовья Тигра к Персидскому заливу, был погружен на океанский пароход и счастливо прибыл во Францию. Статуи мужчин с длинными кудрявыми бородами и крылатые быки с человеческими головами заняли

³ Ботта ошибочно полагал, что найденный им город — Ниневия (прим. ред.).

почетное место в залах Лувра. Восхищенные древним искусством, здесь побывали бесчисленные толпы парижан.

Благодаря Ётта Европа впервые собственными глазами увидела замечательные шедевры Ассирии.

КАПРИЗ ДЕСПОТА, РЕВОЛЮЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

В ноябре 1845 г. Лэйяд, стремясь добраться до Мосула, отправился на маленькой лодке вниз по Тигру. Совершенно неожиданно он встретился с серьезными трудностями. Дело в том, что в это время Двуречье захлестнула волна революции. Равнины охватил рыжий огонь пылающих деревень, а все дороги контролировали вооруженные до зубов повстанцы.

Месопотамия в тот период находилась под турецким владычеством. Незадолго до приезда Лэйярда султан назначил нового пашу, или губернатора, по имени Керити-Оглу, типичного восточного деспота, можно сказать, живьем выхваченного из арабской сказки. Выглядел он так, что мог бы присниться детям, напуганным страшными рассказами: маленький, необычайно толстый и злой, он был одноух и одноглаз, с безобразными следами черной оспы на темном лице.

Методы правления Керити-Оглу были дикие. Сделавшись губернатором, кроме множества других податей, он ввел налог на зубы, причем с явной издевкой объявил, что деньги, полученные таким путем, пойдут на покупку новой челюсти, которую он сломал, питаясь «подлой пищей этой страны».

Однако этот налог явился лишь невинной прелюдией к тому, что наступило позднее. Паша начал безжалостно грабить охваченных ужасов арабов и туркмен. Во главе шайки головорезов он врывался в деревни, уничтожал все, что попадалось под руку, а дома приказывал для потехи жечь.

Однажды селения облетела радостная весть, что аллах покарал смертью жестокого тирана. Паша воспользовался случаем, чтобы затеять интригу в стиле буффонады, садизм которой в высшей степени отвечал его извращенному чувству юмора. В своем дворце Керити-Оглу инсценировал глубокий траур. На крыше разевались приспущеные флаги, из-за наглухо запертых ворот доносились завывания плакальщиц и евнухов. Несчастное население воспрянуло духом. В радостном возбуждении толпы людей собрались перед дворцом, чтобы лично убедиться в смерти губернатора. Улицы были запружены народом, жители Мосула выкрикивали с ликованием: «Слава аллаху, паша мертв!» Неожиданно ворота дворца распахнулись настежь и на площадь, размахивая саблями, вырвалась свора телохранителей паши. Раздавались стоны и вопли, падали срубленные людские головы, и кровь лилась ручьями по улицам города. После страшной резни Керити-Оглу конфисковал имущество и правых, и виновных под предлогом того, что жители

Мосула нанесли тяжкое оскорбление его сану, распуская сплетни о смерти своего властелина. Преследования в конце концов переполнили чашу народного терпения. Арабские и туркменские племена взялись за оружие и начали отчаянную борьбу против деспота.

Но темное население было неспособно к организованному сопротивлению. Гнев и отчаяние выливались стихийно: повстанцы поджигали дома и целые деревушки, убивая не только солдат губернатора, но даже своих соплеменников, а порой совершая и грабительские нападения.

Сориентировавшись в обстановке, Лэйярд предпочел не раскрывать своих археологических планов. Для отвода глаз он купил крупнокалиберное ружье и всем говорил, что собирается поохотиться на диких кабанов. Затем он нанял верховую лошадь и двинулся в путь, направляясь к холму Нимруд. К концу дня Лэйярд оказался в небольшой арабской деревеньке, которая имела поистине плачевный вид. От строений остались лишь пепелища, а в воздухе пахло гарью.

Сквозь пролом в полуразрушенной стене он заметил слабый огонь гаснущего костра. Вокруг едва тлевших головешек сидела семья, погруженная в печальное молчание. Она состояла из араба в белой чалме и в длинном бурнусе, накинутом на плечи, трех изможденных женщин — их лица были скрыты чадрами — и целой кучи почти нагих детишек, жмущихся к линялым овчаркам.

Агад Абдаллах — так звали араба — был шейхом племени Эгеш. Деревню их недавно сожгли головорезы Керити-Оглу, а жители спрятались неподалеку в горах. Сидя у костра, Лэйярд по секрету сообщил Агаду о своих планах и попросил его о помощи. Получив щедрые поларки, араб той же ночью отправился в соседнюю деревню, чтобы завербовать рабочих для археологических раскопок на холме Нимруд.

Ожидая его возвращения, возбужденный Лэйярд почти всю ночь не сомкнул глаз. «Давно лелеемые надежды, — пишет он в дневнике, — теперь либо сбудутся, либо окажутся тщетными. Глазам моим представлялись волшебные видения подземных дворцов, гигантских фантастических животных, человеческих изваяний и бесчисленных надписей. Я уже планировал, как добить из-под земли эти сокровища. Мне грезилось, что я плутаю в лабиринте залов, из которого не могу найти выхода».

На рассвете вернулся Агад, приведя с собой шестерых арабов, которые согласились за малую плату приступить к работе. Все немедленно отправились на холм и начали копать. Лэйярд дрожал от нетерпения и беспокойства. Но уже через несколько часов рабочие наткнулись на остатки могучих стен. Богатые альбастровые фризы и достойные восхищения барельефы не оставляли никакого сомнения в том, что на этом месте когда-то рас-

полагалась резиденция царя. Все здесь поражало не только своеобразием стиля, но и реалистической манерой передачи деталей и производило настолько сильное впечатление, что дела людей головокружительно отдаленных времен вдруг предстали перед Лэйярдом, словно отраженные в полированной зеркальной глади. На алебастровых плитах виднелись выпуклые изображения различных сцен: охоты и военных походов, придворной жизни и религиозных обрядов. Вот на колесницах, запряженных резвыми скакунами, что летят, словно крылатые демоны, стоят бородатые воины. Они натягивают большие луки и разят стрелами в панике бегущих солдат противника, колесницами и копытами боевых коней давят, топчут раненых и убитых врагов. В другом месте изображены штурм крепости, построенной на вершине отвесной скалы. Воины взбираются на скалу, а защитники крепости сбрасывают на них валуны, осыпают дождем стрел. Тут и там раненые солдаты срываются в пропасть. На следующем барельефе резец древнего скульптора запечатлел сцену охоты. Царь, летящий на колеснице, настиг могучего льва. Раненый зверь бешено ревет, катаясь в луже крови.

Каждая деталь этих барельефов выполнена с удивительной пластичностью и исключительно точно. Здесь легко можно разглядеть одежды, кольчуги, остроконечные шлемы, колесницы и упряжь, щедро украшенную богатым орнаментом. Скульптор вдохнул в эти камни жизнь, бурную, неудержимую. В ожесточенных сражениях, в отчаянных погонях, в яростном хаосе схваток и в охотничьем азарте проявились хищные, необузданые, горячие натуры царей, воинов и охотников.

Лэйярд смотрел и не верил своим глазам. Ошеломленный открытием, он нетерпеливо подгонял рабочих. Ему хотелось возможно скорее откопать стены дворца, чтобы добраться до всех тайн этой замечательной сокровищницы прошлого.

В самый разгар лихорадочных поисков неожиданно явился турецкий офицер во главе небольшого отряда солдат. Он вежливо поздоровался с Лэйярдом, осмотрелся вокруг, сделал какие-то замечания относительно поисков золота и, наконец, вручил приказ паши, запрещающий дальнейшие раскопки.

Для Лэйярда это было страшным ударом. Не теряя ни минуты, он оседлал коня и поскакал в Мосул, чтобы лично переговорить с пашой. Турецкий губернатор принял его до приторности вежливо и притворно сожалел, что отменить приказа не сможет:

— Неужели вы не знаете, что магометанское население возмущено осквернением могил правоверных, находящихся на холме?

Лэйярд был огорчен. Он не видел там ни одной могилы. Ничего не добившись, англичанин отправился назад и — о диво! — на холме тут и там белели надгробные камни, которых до того не было и в помине. Они появились здесь словно по

волшебству. Три дня Лэйярд бродил по холму, угнетенный, казалось бы, безнадежной ситуацией. Мечты его рушились, как карточный домик.

На третий день вынужденного безделья он разговорился с офицером, который привез ему запрещение паши.

— Клянусь вам, что еще совсем недавно я не видел здесь никаких могил... ума не приложу, откуда они взялись.

— Ох, эти могилы... и намучились же мы с ними...

— Намучились? Как это понять?

Офицер усмехнулся и прикусил губу. Затем, оглянувшись, пробормотал:

— Целых две ночи мы перевозили могильные плиты с кладбищ соседних деревень и устанавливали их на этом холме. Вас обвиняют в осквернении исламских могил, но если бы вы только знали, сколько могил правоверных разрушили мы, перетаскивая эти камни!

— Но зачем нужна была эта комедия?

— В Мосуле о том только и говорят, что вы знаете о каких-то сокровищах, поэтому здесь копаете. Пронюхав об этом, паша решил вас выжить отсюда... и хочет сам начать поиски золота...

Прежде чем Лэйярд успел предпринять какие-либо шаги, вопрос неожиданно разрешился сам собой. Турецкое правительство дозналось о темных делах провинциального деспота и заключило его в тюрьму.

Лэйярд мог возобновить изыскания.

Однажды утром, выйдя из палатки и направляясь к месту раскопок, он издали увидел, что рабочие машут ему лопатами и что-то орут во все горло. Двое арабов подскакали к Лэйярду и, осадив взмыленных лошадей, закричали в страшном волнении:

— Поспеши, о бей, поспеши! Землекопы нашли Нимрода! О аллах! Это чудо, но сущая правда! Мы видели его собственными глазами. Нет бога, кроме аллаха!

Выпалив все это, они во весь опор помчались в сторону Мусула. Лэйярд быстро побежал к выкопанной яме. Из земли торчала огромная человеческая голова из аглебастра. Она была выше среднего роста человека и покоялась, как оказалось позднее, на туловище крылатого льва. Величественное изваяние поразительно хорошо сохранилось. На мудром бородатом лице застыло выражение величавого и холодного покоя, в упор смотрели немигающие выразительные глаза. Здесь все, даже исполнение второстепенных деталей, свидетельствовало о тонком художественном чутье древнего мастера, которое редко можно встретить в скульптурах такого типа.

Известие о том, что найден Нимрод, «могущественный божий охотник» и основатель Ниневии, быстро облетело суеверных арабов. Вскоре холм стал напоминать потревоженный мурзейник — так много пришло сюда жителей из окрестных дерев

вень. Они толпились у края ямы и боязливо рассматривали гигантскую голову из белого алебастра. Лэйярд насили уговорил одного из шейхов спуститься в ров и убедиться, что это всего лишь каменное изваяние.

— Нет, это не дело рук человека, — воскликнул шейх, — а тех неверных великанов, о которых пророк — да будет с ним мир! — сказал, что они были выше самой высокой финиковой пальмы. Вот один из этих идолов, которых Ной — да будет с ним мир! — проклял еще до наступления великого потопа.

По совету Аавада Лэйярд отметил замечательное открытие большим праздником. Он велел забить быка и нанял бродячих музыкантов. Веселье продолжалось целую ночь. Над полыхающими кострами в жаровнях варились и жарились мяса. Разноголосо пищали дудки, мерно били бубны, и в этом хаосе звуков осчастливленные дети пустыни пели и танцевали до восхода солнца.

Весть о статуе молнией долетела до Мосула. В городе накалились страсти, рыночную площадь заполнила возбужденная толпа, мусульманское духовенство — местные кади и муфтии — поспешило к турецкому паше, чтобы заявить торжественный протест против дерзкого нарушения покоя Нимрода, что, по их мнению, противоречило законам Корана. Новый губернатор Исаима-паша пригласил к себе Лэйярда и посоветовал ему на какое-то время приостановить раскопки, чтобы народ успокоился. Англичанин, послушавшись его, оставил только двух рабочих и вел изыскания украдкой, поэтому дело двигалось значительно медленнее.

Со временем, когда первое волнение улеглось, Лэйярд нанял больше рабочих и начал раскапывать холм в разных местах. Результаты не заставили себя долго ждать. Вскоре на поверхность были извлечены шестьдесят крылатых быков и львов с человеческими головами. Некоторые из этих фантастических существ имели по пять ног — с такой особенностью Лэйярд столкнулся впервые и поначалу не мог себе объяснить назначения пятой ноги. Но однажды, проходя мимо крылатого быка, он в изумлении остановился как вкопанный: бык заметно вздрогнул, сделав шаг вперед. Это был, безусловно, оптический обман, вызванный не чем иным, как пятой ногой. Быки, по всей вероятности, стерегли входы во дворец и таким хитроумным способом должны были вызывать суеверный страх среди населения.

Лэйярд так пишет в своих дневниках об этих изваяниях:

«Двадцать пять веков они были скрыты от глаз человека, и вот теперь снова стоят перед нами во всем блеске своего античного величия. Но зато как сильно изменилось все вокруг! Там, где некогда цвела, утопая в роскоши, цивилизация могущественного народа, мы видим ныне нужду и темноту полудиких племен. Где раньше возводились великолепные храмы и

кипела жизнь богатых и многолюдных городов — теперь столица руины и бесформенные курганы. Над просторными залами дворцов, покой которых охраняли гигантские изваяния, ходят сейчас волы, запряженные в плуги, и шумят посевы. Египет также может гордиться древнейшими и не менее прекрасными монументами, но египетские памятники всегда были открыты взорам людей, воспевая могущество и славу своей отчизны, тогда как статуи, стоящие перед нами, только теперь появились из мрака забвения...»

За два года Лэйярд откопал пять дворцов, построенных ассирийскими царями в IX—VII вв. до н. э. Позднее было установлено, что первое из раскопанных зданий являлось дворцом ассирийского царя Ашшурнасирпала II, который правил с 885 по 859 г. до н. э. В одном только Лэйярда постигло разочарование: холм Нимруд скрывал не руины Ниневии, как он предполагал, а развалины города Калаха.

В середине XIX в. археология не была еще наукой в полном смысле этого слова, так как тогда не знали современных, строго научных методов ведения полевых раскопок. Современные археологи обмеривают и фотографируют найденные предметы на том месте, где они были обнаружены, так как из их положения и окружения нередко можно извлечь гораздо более ценные исторические сведения, чем из самих памятников древности. Маленький обломок или печать порой дают ученым больше информации, чем художественно выполненная скульптура, потому что археологи и просеивают с такой кропотливой старательностью песок, собирая буквально микроскопические остатки. Благодаря искусной реставрации, из обломков снова возникают прекрасные вазы и статуэтки, а предметы, которым угрожает опасность полного уничтожения, консервируются с помощью химической обработки.

Методы Лэйярда, даже если сделать скидку на тогдашнее состояние науки, были необычайно разрушительными и грубыми. В погоне за сенсационными находками, которые принесли бы ему славу, англичанин срывал со стен дворцов алебастровые плиты, закапывал не исследованные надлежащим образом части руин, сваливая в одну кучу черепки и обломки кирпича, а на таблички с клинописью и вовсе почти не обращая внимания. Не удивительно, что многие ценные образцы ассирийской материальной культуры, как, например, оружие и доспехи, бронзовая и стеклянная посуда, вазы и другие произведения искусства, были навсегда уничтожены под ударами кирки и лопаты.

Изыскания на холме Нимруд продолжались два года. В течение этого времени Лэйярд то и дело посыпал в Лондон мелкие находки, но в конце концов принял смелое решение переправить на родину двух крылатых чудовищ с человеческими головами, из тех, что поменьше. С этой целью он велел постро-

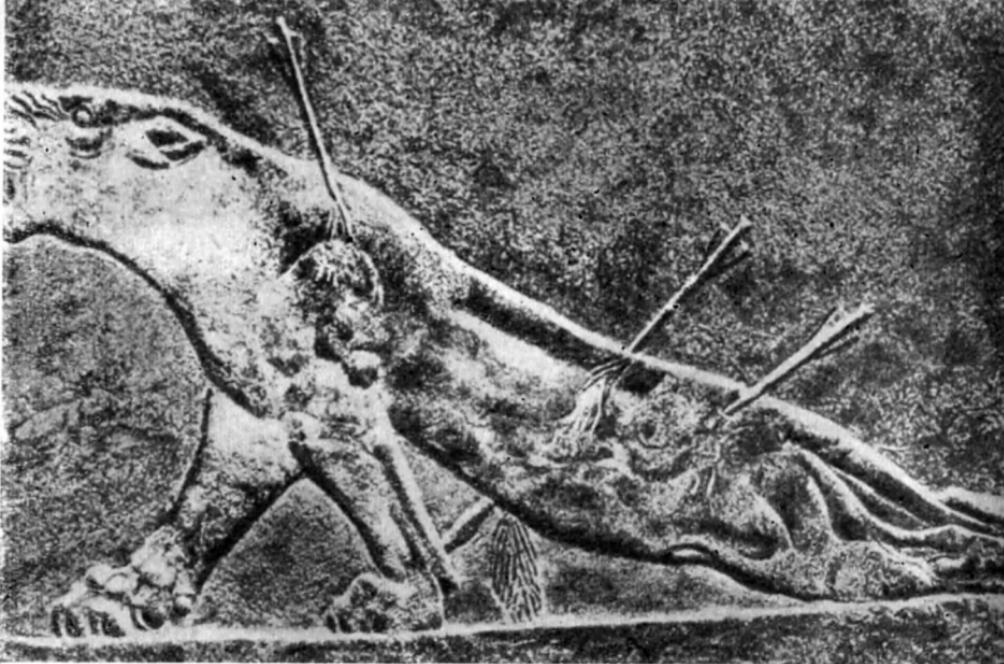
ить в Мосуле огромную платформу с крепкими колесами. В нее запрягли волов и с трудом доставили к холму. С помощью канатов и ливеров, подведенных под колоссы, изваяния установили на платформе. Тем временем опустилась ночь, и на горизонте появилась полная луна. Крылатые чудовища, огромные и белые в таинственном свете луны, смотрели на невиданный ими мир, словно пробужденные ото сна. Назавтра с рассветом началась транспортировка их к реке, к плотам, поддерживаемым на воде с помощью шестисот кожаных мешков, наполненных воздухом. Среди криков арабов и скрипа колес неповоротливая повозка вздрогнула и медленно покатилась к реке.

Шествие открывал сам Лэйядр. За ним танцевальным шагом двигались музыканты, создавая дьявольский шум своей игрой на флейтах и бубнах. Платформу тащило 300 арабов, подгоняемых стражниками. Сзади толпились галдящие во все горло женщины и дети. Среди этого гама арабские всадники носились в самом центре человеческого мурлнейника и, размахивая копьями, приуждали рабочих к последнему усилию. Гигантские статуи, погруженные на плоты, счастливо прибыли в Лондон.

ЛЭЙЯРД ОТКРЫВАЕТ ПОГИБШУЮ НИНЕВИЮ Отправив нимрудские находки в Лондон, Лэйядр вернулся в Константинополь, где его ожидали новые задания, связанные с разведывательной деятельностью, и только после двухлетнего перерыва, т. е. в 1849 г., он снова появился в Мосуле. На этот раз он начал археологические раскопки на холме Куонджик, не обескураженный тем, что Ботта в свое время вел там безрезультатные поиски.

И снова ему повезло совершенно фантастически. Уже в первые дни раскопок он наткнулся на мощные стены какого-то сооружения. Из-под громадного слоя песка и щебня появились на свет массивные порталы и охраняющие их крылатые чудовища с человеческими головами, залы, комнаты, коридоры и внутренние дворы. Алебастровые плиты с барельефами, фризы, но прежде всего стены, облицованные кафелем с черной, желтой и голубой глазурью — все это свидетельствовало о былой роскоши здания; не оставалось сомнения, что было оно дворцом ассирийских царей.

Руины носили явные следы пожара и варварского уничтожения. Алебастровые плиты в беспорядке валялись на земле, обожженные огнем и разбитые на мелкие части; тут и там виднелись остатки обуглившегося дерева. Даже толстые стены не сумели устоять перед неистовой ненавистью неизвестных разрушителей. Чрезвычайно красноречивыми и выразительными показались ему руины: дворец вместе с городом, лежащим рядом, наверное, захватили после яростной схватки войска неприятеля; всех жителей поголовно вырезали, а ограбленные дома и дворец предали огню.

РАНЕННАЯ ЛЬВИЦА

Рельеф из дворца Ашшурбанипала в Ниневии. Алебастр. Середина VII в. до н. э.

Огонь, однако, уничтожил не все, и Лэйядр нашел в руинах большое количество образцов древнего искусства: барельефы, статуэтки, скульптуры, печати и клинописные таблички. Среди этих многочисленных предметов особого внимания заслуживает один из замечательнейших шедевров античной скульптуры: барельеф, являющийся фрагментом огромного фриза, на котором изображена раненая львица. Пронзенная трёмя стрелами, она ревет от отчаяния и бессильной ярости, волоча по земле парализованные конечности. Талантливое произведение не только свидетельствует о знании анатомии, но и привлекает исключительным реализмом и силой воздействия, на которые способен лишь вдохновенный художник. Хотя величественную голову зверя обволакивают уже первые тени предсмертной усталости, в напряженных мускулах еще пульсирует горячая, дикая, вызывающая ужас жажда жизни. Воспроизведя на плите этот драматический эпизод из охотничьей жизни, древний мастер создал экономный, почти стилизованный рисунок львицы, и, благодаря этому, композиция вызывает глубочайшее восхищение своей несравненной гармонией и красотой. Продвигаясь в глубь холма Куонджик, Лэйядр открыл две отдельные комнаты. На их полах лежал полуметровый слой глиняных обломков различной фор-

мы и цвета. При ближайшем исследовании оказалось, что под толстым слоем песка и грязи находятся раздробленные таблички с клинообразными письменами. Лэйядр тотчас же понял, что совершил чрезвычайно важное открытие. В этих комнатах, несомненно, размещалась библиотека ассирийских царей, древнейшая библиотека в истории человечества. Тысячи глиняных табличек, которые некогда заполняли полки, а теперь валялись на земле, были сокровищем, не имевшим цены и заключавшим в себе, быть может, всю историю Месопотамии. Лэйядр сгреб лопатой глиняные обломки в ящики и отоспал их в Лондон, где в подземельях Британского музея они ждали ученого, который бы их расшифровал.

Находки окончательно подтвердили первоначальное предположение Лэйядра, что он открыл погибшую и давно разыскиваемую столицу Ассирии — Ниневию. Раскопанный дворец выстроил, как это показали позднейшие исследования, царь Синахериб, который правил с 704 по 681 г. до н. э. Самой важной находкой, однако, была именно библиотека, содержащая 30 тыс. клинописных табличек. Основал ее могущественнейший царь Ассирии и один из наиболее образованных людей своего времени Ашшурбанипал (668—626 гг. до н. э.), любитель и коллекционер литературных памятников Шумера, Вавилонии и Ассирии. Чтобы собрать в своем дворце все доступные документы Месопотамии, он использовал целую армию писцов-копиистов, рассыпал их по стране и, переписываясь с ними, руководил поисками. Таким образом он создал библиотеку, которая сохранилась до наших дней и дала нам в руки ключ к ассирио-ававилонской истории.

Клинописные таблички представляли собой несметные сокровища знаний о древних народах: династические своды и хроники, политические трактаты и дипломатическая корреспонденция, хозяйствственные счета и астрономические исследования, предания, мифы, религиозные гимны и стихи, среди которых находилась древнейшая в истории человечества эпическая поэма.

Ассирийское государство, столицей которого был сначала Ашшур, а затем Ниневия, возникло на развалинах Вавилонии в 1250 г. до н. э. В годы правления Тиглатпаласара (745—727 гг. до н. э.) Ассирия сделалась военной державой, достигшей вершины своего могущества ко времени правления Ашшурбанипала. После смерти этого властелина государство, основанное на военной деспотии и беспощадной эксплуатации покоренных народов, стало клониться к упадку. Этим воспользовались халдеи. В союзе с иранскими племенами они захватили Вавилон и основали Нововавилонское государство. Ассирийский царь послал против захватчиков армию под командованием Набопаласара. Но Набопаласар, халдей по происхождению, перешел на

сторону враги и при поддержке вавилонских жрецов и сановников объявил себя царем.

В союзе с мидянами он одерживал над ассирийцами победу за победой и, наконец, в 612 г. до н. э. взял штурмом и разрушил Ниневию. Ассирийское государство фактически перестало существовать в 605 г. до н. э., после битвы близ города Кархемыш, лежащего над Евфратом. Древняя хроника описывает взятие Ниневии следующим образом:

«Рушительный молот поднимается на тебя, Ниневия! По улицам несутся колесницы, они гремят на площадях. Блеск от них, как от огня, они сверкают, как молнии. Шлюзы отворяются, и дворец превращается в руины... Захватывайте серебро, захватывайте золото, ибо нет предела драгоценностям и множеству всевозможной утвари. Ниневия опустошена, разорена и разграблена. Горе кровавому городу, он весь полон обмана и убийств, в нем не прекращается разбой. Слышится хлопанье бичей, стук вертящихся колес и грохот скачущих колесниц...»

Над пепелищем, закопченным от пожара и залитым кровью растерзанных жителей, нависла смертельная тишина. Песчаные вихри и сорные травы стерли последние видимые следы Ниневии. С тех пор на 25 веков могучая столица Ассирии исчезла под толстым слоем земли, и только в 1849 г. Лэйяд обнаружил ее обветшалые, но все еще прекрасные стены.

В 1854 г. английский археолог устроил в лондонском Хрустальном дворце выставку своих находок. Британцы своими глазами увидели богатства и великолепие библейской Ниневии. С немым восхищением они осматривали реконструированные комнаты, церемониальные залы, статуи и барельефы ассирийских царей, и прежде всего стену из кирпичей, покрытых многоцветной глазурью, чего не знала ни одна другая античная архитектура.

**ШУМЕРЫ
СНОВА ВХОДЯТ
В ИСТОРИЮ**

Историю шумеров мы знаем сегодня довольно хорошо. В южной Месопотамии археологи откопали города, дворцы и храмы, а клинописные таблички, которые специалисты читают без особых затруднений, рассказывают нам о все новых и новых подробностях их бурной жизни.

Но еще в середине XIX в., когда уже довольно много было известно об ассирийцах и вавилонянах, ученые даже не подозревали, что эти народы далеко опережала более древняя и в равной степени богатая культура шумеров. Первыми сигнализировали о ее существовании в далеком прошлом Месопотамии — и это особенно примечательно — не историки или археологи, а лингвисты. На след неизвестного до той поры народа они напали, изучая некоторые особенности клинообразного письма.

Известно, что открытия, совершенные методом дедукции, т. е. на основе логических умозаключений, не являются чем-то

исключительным. Благодаря дедуктивному методу наука неоднократно одерживала замечательные победы, которые становились переломными моментами в ее дальнейшем развитии. Пожалуй, уместно в связи с этим напомнить о наиболее ярких примерах совершенных таким путем открытий.

Сто лет назад астрономы были глубоко убеждены в том, что солнечная система насчитывает семь планет, из которых Уран является наиболее удаленным от Солнца. Вычисляя орбиту, по которой, согласно закону всемирного тяготения, он должен вращаться, ученые не без удивления заметили, что кипризная планета не хотела почему-то держаться предписанного ей пути. На первый взгляд казалось, что отклонения в ее движении ставят под сомнение закон всемирного тяготения, принятый астрономией в качестве непререкаемой научной аксиомы. Более правдоподобным представлялось, однако, предположение, что где-то на краю солнечной системы скрывается какая-то еще не открытая планета, которая вызывает отклонения в орбите Урана.

Принимая этот тезис в качестве основной предпосылки, молодые математики француз Леверье и англичанин Адамс, совершенно независимо друг от друга, принялись за необычайно сложные математические расчеты и определили место, где должен находиться таинственный виновник межпланетных отклонений. Работа их увенчалась полнейшим успехом. Астрономы направили телескопы в ту часть неба, которую им указали математики, и нашли новую планету — Нептун.

Но это еще не все. В начале XX в. ученые установили, что, хотя сила притяжения Нептуна и была учтена, расчеты все-таки не совпадали. Американский астроном Персиваль Ловелл пришел к выводу, что виновницей этих отклонений должна быть еще какая-то планета, и нашел ее предполагаемое место в солнечной системе. Проверка новой гипотезы на этот раз оказалась делом непростым, так как речь шла о планете, удаленной от солнца на огромное расстояние. Только в 1930 г. удалось обнаружить ее среди миллионов звезд; новую планету назвали Плутоном.

Пример гениальнейшего открытия, сделанного методом научной дедукции, дает нам также химия. Великий русский ученик Менделеев опубликовал в 1869 г. таблицу, в которой распределил 63 химических элемента в зависимости от их атомного веса и дал им порядковые номера. Гениальность концепции заключалась прежде всего в том, что на основании некоторых открытых законов строения атомов Менделеев предсказал существование еще и других, неизвестных в то время элементов, определив им соответствующие места в таблице. По мере развития химической науки пустые места таблицы, благодаря открытию новых элементов, постепенно заполнялись. В 1950 г.

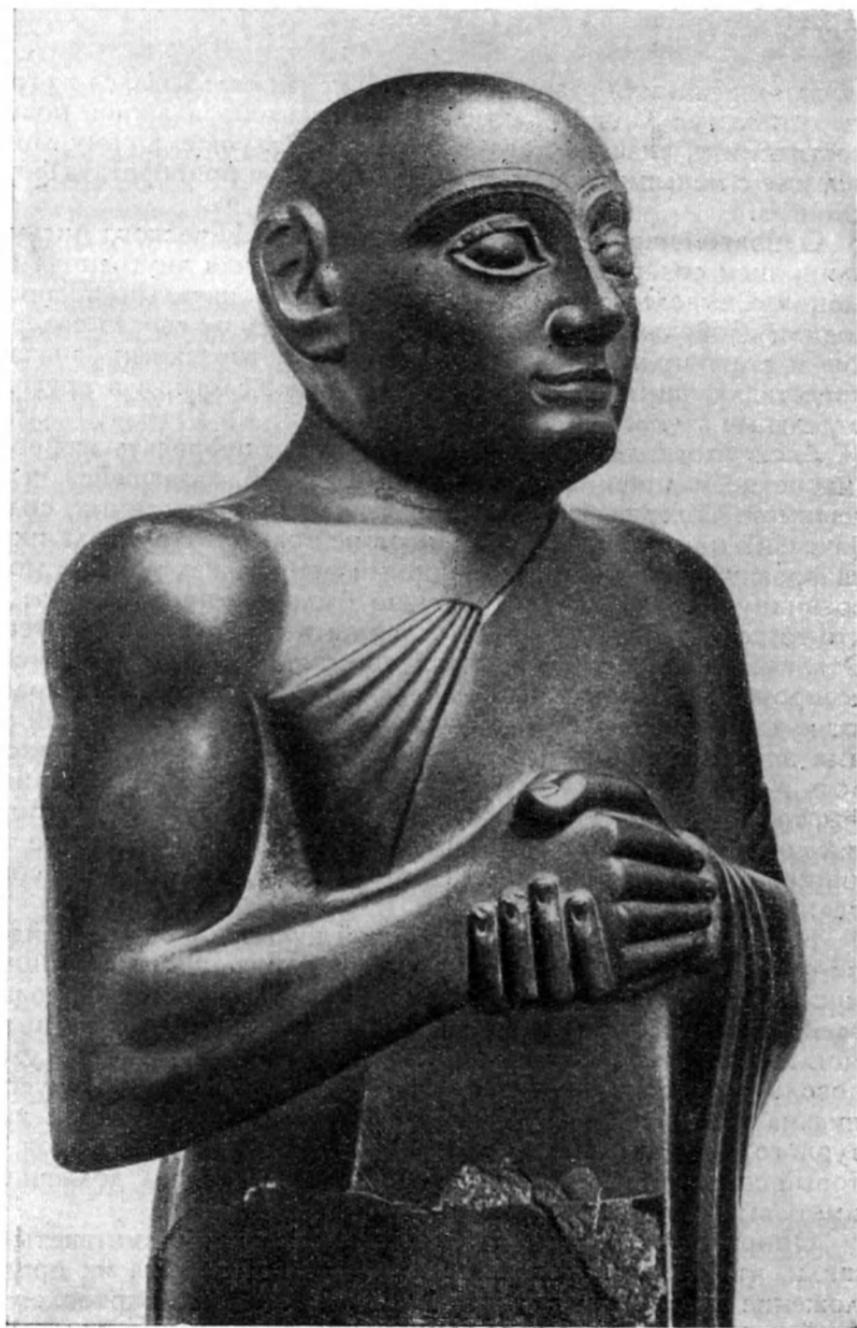
был найден сотый элемент — центур, а позже — еще три. Подобное явление мы наблюдаем также в антропологии. Немецкий естествоиспытатель Геккель, основываясь на предпосылках теории эволюции, выразил предположение, что в природе когда-то должно было существовать промежуточное звено между человекообразной обезьяной и человеком. Это, еще не открытое, существо он назвал питекантропом. И вот в 1892 г. голландский врач Дюбуа находит на Яве остатки скелета не то обезьяны, не то человека. Измерение найденных частей скелета дало в руки ученых неопровергимое доказательство, что питекантроп действительно существовал. По своему развитию он отставал от человека, однако превосходил человекообразную обезьяну. Человеческий разум и в этом случае одержал крупнейшую победу. В свете этих фактов уже не кажется веющим сверхъестественной то, что лингвисты, не имея в руках никакого исторического или археологического материала, сумели предсказать существование шумеров.

Каким образом они сделали это открытие? В ассирио-аввилонском письме, как мы уже знаем, некоторые клинообразные знаки имели характер пиктографический, другие — алфавитный, третий же обозначали целые слоги, одним словом, превратились в фонетические символы. Существование столь разнородных элементов натолкнуло лингвистов на мысль, что эта запутанная система письма явилась результатом длительного и медленного развития. Отдельные элементы, добавляемые поколениями многих эпох, накладывались друг на друга, как слои на стволе дуба.

Клинообразное письмо претерпело три основные фазы своей эволюции. В IV тысячелетии до н. э. пользовались пиктографическим письмом. Основывалось оно на том, что рисовали более или менее реалистически данный предмет. Со временем писцы стали стремиться упростить задачу и сокращали рисунок до нескольких самых необходимых контуров, так что он становился схематичным, трудным для чтения знаком. Это уже были только условные символы, которые, как, например, «птица» — или «вода» — мог прочесть только тот, кто выучил их значение на память.

Мы уже знаем, что в Месопотамии писали палочками на влажных глиняных табличках. Начертать округлые и волнообразные линии — задача нелегкая, поэтому скорость письма в значительной степени тормозилась. Это привело к тому, что некоторое время спустя линии рисунка стали прямыми, а вместо окружностей появились углы. Таким образом, возникло линейно-иероглифическое письмо. Когда, к примеру, древний писец записывал на табличке слово «бык», он использовал символ, состоящий из нескольких черточек .

Наконец, с целью дальнейшего облегчения техники письма, прямые черточки перестали соединять друг с другом и выдав-

ЦАРЬ ЛАГАША ГУДЕА (ИЛИ ЕГО СЫН УР-НИНГИРСУ).

Диорит. Около 2200 г. до н. э.

ливали их таким образом, что каждый знак складывался из группы отдельных линий. Так как писец, касаясь влажной поверхности глины, вначале погружал палочку глубже, а саму линию вел уже с меньшим усилием, черточки стали приобретать форму клиньев.

Одновременно с переходом от пиктографического письма к клинописи совершилась гораздо более важная внутренняя эволюция. Символы, с помощью которых первоначально воспроизводили изображения предметов, отрывались от своего содержания и становились исключительно фонетическими знаками, представляющими в одних случаях целые слоги, а в других — отдельные звуки.

Ассиорологи, делая первые попытки расшифровать ассирио-авилонские надписи, столкнулись с загадкой, казавшейся неразрешимой. Совершенно нелогичная путаница картинных, силлабических и алфавитных элементов не только затрудняла их дешифровку, но и вызывала законный вопрос, как вообще могло возникнуть такое письмо. Смешно было бы предполагать, что кто-то сознательно старался осложнить и запутать его чтение. Ответ на этот вопрос оказался простым: отдельные элементы ассирио-авилонского письма наросли точно так же, как нарастают культурные слои земли со следами деятельности людей разных эпох и цивилизаций. В период, когда это письмо находилось в фазе развития фонетических знаков, древние каллиграфы, то ли из-за своего консерватизма, а, может, из каких-то других соображений сохранили в нем некоторые, освященные традицией давнишние картинные символы, представляющие собой реликты старины.

В памятниках ассирио-авилонской письменности не найдено ни одного примера чистого, ничем не нарушенного картинного письма, этой древнейшей формы закрепления мысли. Отсюда со всей очевидностью следовало, что вавилоняне и ассирийцы не могли быть создателями клинописи, но заимствовали ее уже в довольно развитом виде от какого-то другого народа. Искусство письма возникает путем многовекового исторического и культурного развития; отсюда напрашивается вывод, что народ, который создал письменность, а затем исчез без следа, должен был иметь высокую и богатую культуру.

Опираясь на результаты анализа клинописи, лингвисты решили, что такой народ когда-то существовал, хотя их предположение и не подкреплялось в то время ни одной археологической находкой. Более того, лингвисты, совершенно уверенные в правильности предположения, дали этому загадочному народу соответствующее название. Одни окрестили их шумерами, а другие — аккадцами. Оба названия были заимствованы из дешифрованной надписи, в которой семитский царь Саргон величает себя «царем шумеров и аккадцев».

Вопрос о существовании шумеров оставался в сфере научных предположений вплоть до 1877 г., когда французский консультский агент Эрнест де Сарзек нашел в местности Телло у подножия большого кургана статую, выполненную в совершенно неизвестном стиле. Ободренный этим открытием, он принял ся за археологические раскопки, хотя никогда раньше археологией не занимался. Постепенно из-под земли он извлек статуи, клинописные таблички, черепки глиняной посуды, украшенной совершенно оригинальным орнаментом. Все находки Сарзек заботливо запаковал в ящики и отоспал в парижский Лувр.

Среди многих вновь найденных предметов находилась статуя из зеленого диорита, изображающая царя-жреца города Лагаша. Статуя оказалась более архаичной по стилю, чем все до той поры выкопанное в Месопотамии. Даже самые осторожные ассириологи вынуждены были признать, что эту скульптуру следует отнести к IV или III тысячелетию до н. э., а это значило, что она существовала еще до возникновения ассирио-аввилонской культуры.

Сарзек вел раскопки в 1877—1881 гг. В период с 1888 по 1890 г. американцы Петерс, Хайнес и Фишер открыли город Ниппур, столицу религиозного культа шумеров, а в 1922 г. англичанин Вулли сделал ряд сенсационных открытий в древнем Уре, городе библейского Авраама.

В руинах этих городов были обнаружены прекрасные гигантские храмы, вазы, скульптуры, камни с документальными записями о закладке дворцов, клинописные таблички, а также художественные изделия из золота, серебра и драгоценных камней. Найденные при храмах архивы позволили проследить историю шумеров самых отдаленных веков. Более того, в Фаре, Уруке, Эль-Обейде и в Уре извлекли из-под земли поселения, относящиеся к эпохе неолита, основанные неизвестными народами, которые населяли южную Месопотамию задолго до появления там шумеров.

Благодаря этим открытиям наши знания значительно расширились. Сегодня мы знаем, что уже за 5 тыс. лет до н. э. племена Месопотамии занимались скотоводством и земледелием и даже строили крупные города, такие, как Ур, Лагаш и Ниппур.

**ТАМ, ГДЕ НЕКОГДА
ШУМЕЛИ
ПАЛЬМОВЫЕ РОЩИ**

На полпути между Багдадом и Персидским заливом, километрах в 15 на запад от современного русла Евфрата, возвышается холм с величественными руинами города Ура.

Куда ни глянь — всюду желтая безлюдная пустыня или степь со скучной растительностью. Тут и там видны нищенские мазанки иракских феллахов⁴, присутствие которых еще более усиливает пронизывающее чувство пустоты. На

⁴ Феллахи — оседлые арабские крестьяне.

боксте выделяются темные силуэты финиковых пальм, растянувшихся длинной лентой вдоль берега Евфрата.

Необозримые дали словно погружены в сон. Воздух вибрирует и искрится от убийственного зноя. Время от времени неожиданно поднимается пыльная метель, проникая в рот, нос, уши одинокого путешественника. Нередко возникают миражи, и тогда кажется, что повсюду струятся холодные потоки воды. Но человек бывалый не позволит обмануть себя шаловливой природе, ведь он хорошо знает, что с незапамятных времен земля эта выжжена и похожа на пепел.

С трудом можно поверить тому, что пустыня была когда-то густо населенным краем, где существовали многочисленные города, а люди собирали обильные урожаи зерна, фруктов и овощей, где процветали наука и искусство, буйно развивались торговля и ремесла. А ведь могучие, обрывистые холмы с руинами на вершинах говорят, без всякого сомнения, о богатой, славной молодости, которую переживала в давно минувшие времена эта несчастная земля. В ее тайниках археологи находят сегодня массивные крепостные стены, дворцы, храмы, библиотеки, скульптуры и украшения из благородных металлов, свидетельствующие о гении давнишних обитателей Месопотамии, об их высоко развитой культуре и цивилизации, о могуществе их властелинов.

Много тысяч лет назад южная Месопотамия являлась дном Персидского залива. Затем воды стали медленно спадать и на обмелевших участках появились обширные болота. Реки Тигр и Евфрат приносили с Анатолийских возвышенностей ил, который, высыхая на солнце, среди топей и зарослей камыша, создавал плодородные, покрытые буйной растительностью острова. Реки кишили рыбой, в камышах гнездились птицы и устраивали свои логова дикие кабаны, а острова зазеленели финиковыми пальмами, которые давали съедобные плоды.

Среди пустынных пространств этот оазис должен был казаться первым пришельцам поистине краем обетованным. Из года в год воды обеих рек выходили из берегов и на многие километры заливали равнину. В августе и сентябре они опять входили в свои берега. В этот период места, расположенные на возвышении, быстро высыхали под лучами тропического солнца, и только в долинах оставались чебольшие болотца. Стоило человеку приручить природу, проложить каналы и распределить воды согласно потребностям — и болота превратились в цветущие сады и огорода.

Первые поселенцы прибыли в южную Месопотамию в малоизвестные нам доисторические времена. Как свидетельствуют раскопки, в арабской местности Эль-Обейд, лежащей в семи километрах от руин Ура, уже в эпоху неолита буйно цвела жизнь. Там найдены остатки мазанок, сделанных из ила и камыша, горшки, слепленные вручную, без гончарного круга, моты-

ги, топоры из шлифованного камня, глиняные серпы, обожженные на огне, каменные гнезда, в которых вращались на осиах две-ри жилищ, лодки, а также рыболовные крючки. Жители селения разводили домашних животных, занимались сельским хо-зяйством и рыболовством. Каменные пряслица и отвесы для пя-лец свидетельствуют о том, что они уже знали ткацкое дело. В качестве украшений они использовали бусы из вулканическо-го стекла, раковин или прозрачного кварца и, судя по выкопан-ным статуэткам, татуировали свое тело. До сих пор неясно, кто по происхождению были эти люди. Ученые предполагают, что это были семитские племена аккадцев, которые позднее по неиз-вестным причинам перешли в северную часть Месопотамии, где создали собственную государственную организацию.

Шумеры появились в южной Месопотамии значительно позд-нее. Раскопки говорят о том, что они пришли сюда мирно и по-степенно смешались с местными жителями. Шумеры были пре-красными земледельцами. Они-то и построили широкую сеть каналов для осушения топей и сохранения воды на период за-суши.

Благодаря умелым рукам шумерского земледельца значи-тельно повысилось плодородие месопотамской земли. Докумен-ты, относящиеся к 2500 г. до н. э., сообщают, что ячменные поля давали в среднем 66-кратные урожаи. Греческий историк Геро-дот пишет, что там собирали в 200 раз больше, чем сеяли. Рим-ский писатель Плиний Старший утверждает, что урожаи там снимались два раза в год, а стерня, кроме того, служила пре-красным пастбищем для овец.

В III тысячелетии до н. э. южная Месопотамия была уже очень многолюдной страной. Об этом свидетельствуют мно-гочисленные города, лежащие на небольшом расстоянии друг от друга. Крупнейшими из них были Ниппур, Исин, Шуруппак, Умма, Лагаш, Урук, Ур и Эриду. В северо-западной части страны обосновались семитские племена аккадцев. Их города — Опис, Акшак, Сиппар, Вавилон, Кута, Киш и Аккад.

Шумеры, как и все другие народы, первоначально жили ро-довыми общинами. По мере того как развивалась техника обра-ботки земли, шумерский крестьянин стал производить больше, чем он сам погреблял. Излишки присваивали себе родовые ста-рейшины. В результате этого первобытная община начала мед-ленно разлагаться, постепенно приобретая черты классовой разоб-щенности. Археологические находки убедительно доказы-вают, что уже в III тысячелетии до н. э. появилась глубокая про-пасть между классами. Во главе отдельных городов стояли цари-жрецы, почитаемые, как божества. Они жили вместе с осталь-ными жрецами и знатью в пышных дворцах среди небывалой роскоши, тогда как крестьяне и ремесленники все чаще попада-ли в рабство.

Шумеры не смогли объединиться в монолитную государственную организацию. Несмотря на то, что многочисленные города-государства связывала общая культура и религия, они не прерывно вели междуусобные войны, отвоевывая друг у друга лучшие земли, стремясь навязать соперникам свое господство. В этот период возникает могучее государство Аккад, царем которого становится Саргон. Объединив северные семитские племена в одно государство, он поочередно побеждает враждущие между собой города-государства шумеров и создает первую в Месопотамии крупную деспотическую монархию. Но более высокая культура покоренного народа быстро распространяется на аккадцев, поэтому держава Саргона вскоре превращается в шумерское государство.

Откуда прибыли шумеры и к какой группе народов их следует отнести? Исследование найденных черепов и костей показало, что они принадлежали к одной из индоевропейских групп, лингвисты же пришли к выводу, что язык их был родствен группе яфетических языков⁵.

Существует целый ряд данных, свидетельствующих о том, что шумеры первоначально жили в горах и, вероятнее всего, спустились в долину с иранских возвышенностей или с азиатских гор. В древние времена племена, обитавшие в горных местностях, обычно приносили богам жертвы на вершинах гор. Подобным образом и шумеры всегда помещали своих богов на какой-нибудь возвышенности. В Двуречье, лишенном высот, они строили, чтобы не отступать от древней традиции, огромные пирамиды из необожженных кирпичей, так называемые зиккураты, а на усеченных вершинах этих искусственных гор возводили своим богам храмы. В каждом шумерском городе откопан по крайней мере один такой зиккурат.

Но такое предположение не совпадает с преданиями самих шумеров, которые упорно твердили, что они прибыли «из-за моря». Археологи не исключают и этой возможности, ведь учёные уже неоднократно убеждались, что во многих на первый взгляд фантастических легендах шумеров была какая-то доля истины. К тому же следы шумерской культуры найдены в Афганистане, Белуджистане и даже в долине Инда, удаленной на 2500 километров от Месопотамии. Именно поэтому вопрос о происхождении шумеров наука до сих пор не считает окончательно разрешенным.

В царских могилах Ура, которым мы посвящаем отдельную главу, был найден так называемый «Штандарт из Ура». В свое время он вызвал огромную сенсацию. «Штандарт из Ура» — это

⁵ Яфетические языки — группа доиндоевропейских языков бассейна Средиземного моря и района Ближнего Востока (прим. ред.).

две дощечки, соединенные под углом, а также скрепляющие их две боковые треугольные дощечки, украшенные мозаикой, на которой показано, как шумеры жили и одевались в III тысячелетии до н. э. Мы видим пирующего царя-жреца в окружении приближенных. Сановники, облаченные в роскошные шерстяные одежды наподобие туник, держат в руках кубки. Большие головы, широкие лица и крупные носы делают их похожими на современных арабов. В противоположность позднейшим вавилонянам и ассирийцам они не носили бород. В нижней части «Штандарта» представлено шествие шумеров, ведущих на заклание жертвенных животных, связанных пленников, которых сопровождают воины в шлемах, вооруженные щитами и дротиками. Здесь же изображены колесницы, запряженные ослами. До того, как был найден «Штандарт», считалось, что боевые колесницы были изобретены лишь ассирийцами.

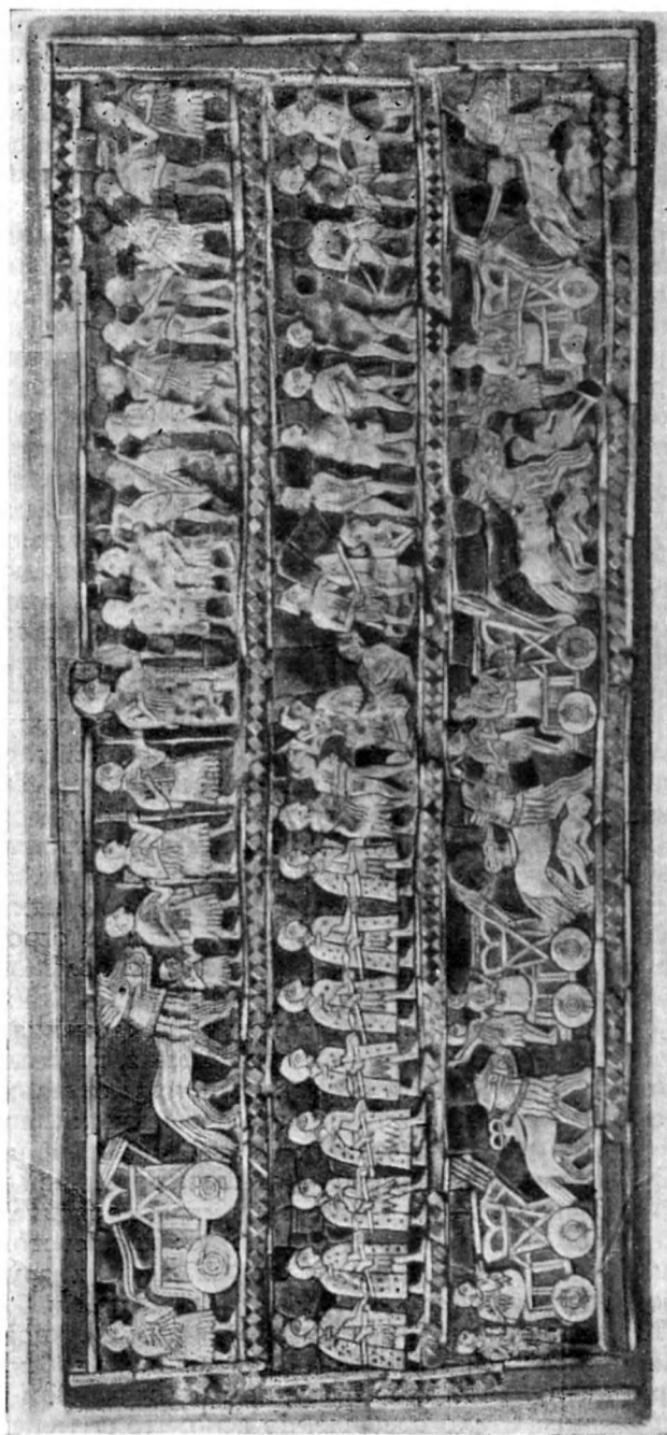
**ХРАМ ИЗ ЛАЗУРИ
И ЗОЛОТА,
ВОЗВЕДЕНИЙ
ДО ПОДНЕБЕСЬЯ**

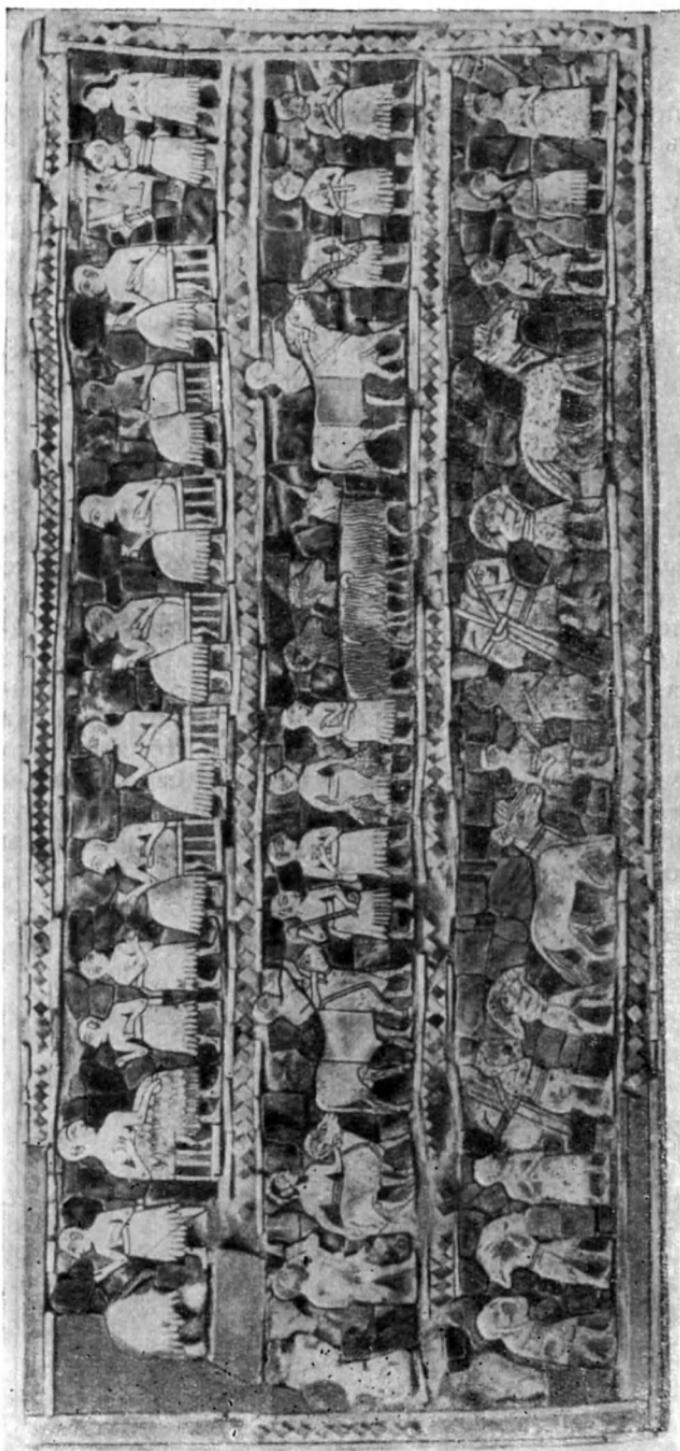
Ура, столицы бога луны Нанна, который без малого 2 тыс. лет был окружен шумерами, вавилонянами и ассирийцами великим почетом.

Убрав тысячи тонн песка и щебня, экспедиция открыла фундаменты и разрушенные стены огромной пирамиды, которая называлась зиккуратом, или «храмом бога». Тщательные измерения позволили реконструировать внешний вид сооружения почти во всех деталях. Оно поднималось тремя ярусами террас, сужаясь кверху. На усеченной вершине стоял храм, к которому вели три ряда крутых лестниц: каждая из них насчитывала по 100 ступеней. Пирамида была сложена из огромного количества необожженных кирпичей, а снаружи облицована кирпичами, закаленными в огне.

Обмеры позволили установить отклонения и неправильности, свойственные формам сооружения, которых археологи первоначально не могли объяснить. Стены отдельных ярусов были не вертикальными, а несколько скошенными, подобно средневековым крепостным стенам. Более того, они не образовывали прямых линий, а выгибалась горизонтальной дугой к центру. Рисуночная реконструкция пирамиды прояснила смысл этих таинственных погрешностей. Сооружение, состоящее из прямоугольных, этажами поставленных друг на друга шестигранников, создавало бы впечатление громадной и бездушной глыбы. По наклонным и вогнутым плоскостям облицовки взгляд зрителя мог свободно скользить к вершине, чтобы остановиться на храме — главном архитектурном и логическом центре всего сооружения. Стало совершенно ясно, что шумерские архитекторы

В 1922 г. археологическая экспедиция во главе с английским ученым Леонардом Вулли начала систематические раскопки на холме, который арабы называли «Смоляной горой». Там крылись могучие развалины

ПЛЕНИКИ И ДОБЫЧА ВОЙСКА УРА

Персепольская инкрустация на «штандарте». Около 2600 г. до н.э.

были не только замечательными строителями, но и чуткими художниками, которые хорошо знали тайны композиции грандиозных сооружений. С достойным восхищения мастерством они умели соединить в них монументальную силу с легкостью и гармонией.

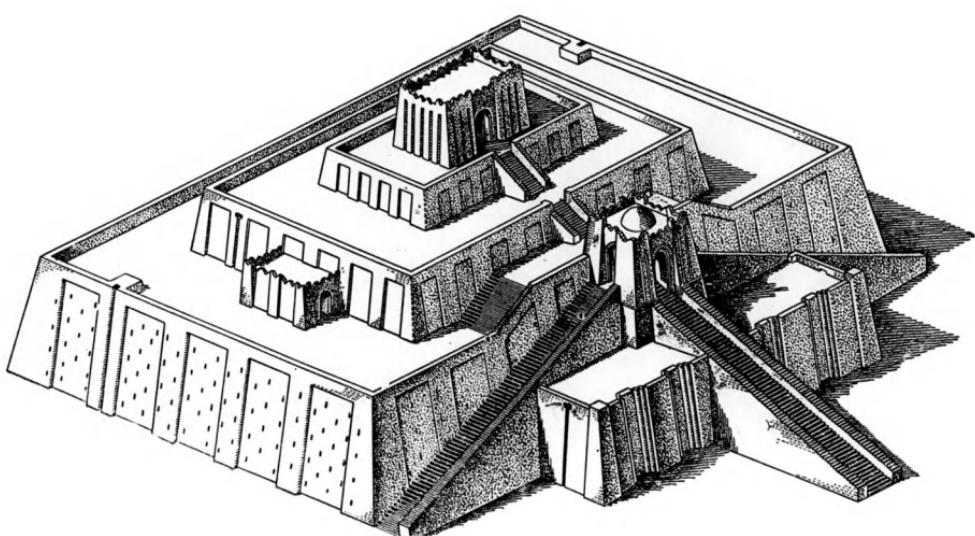
Следы краски на кирпичах помогли археологам установить дополнительные подробности: два нижних этажа были выкрашены в черный цвет, третий — самый высокий — в красный, храм, находящийся на вершине, сверкал синей глазурью, а купол — позолотой.

Цвета служили не только декоративным целям, но были также связаны с представлениями шумеров о строении Вселенной. Черный цвет символизировал подземное царство, красный — землю, а голубой — небо и солнце.

В стенах пирамиды имелись узкие щели, напоминавшие крепостные бойницы. Первоначально никто не мог объяснить, зачем эти странные отверстия. Так как пирамида представляла собой единый массив, заполненный кирпичами, — щели никак не могли играть роль окон. И только после длительных исследований археологи пришли к выводу, что отверстия предназначались для стока воды с террас. Но откуда могла взяться вода на террасах, если в Месопотамии почти не было дождей? Найденный ответ оказался почти сенсационным: шумеры нанесли на террасы землю, устроив там сады и цветники. Понятно, что в тропическом климате цветы и деревья нужно было часто и обильно поливать. Если бы излишки воды не отводились наружу сквозь отверстия в стене, вода подмывала бы фундаменты пирамиды, и строение рано или поздно могло рухнуть.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗИККУРАТА В УРЕ

XXII в. до н. э.

БОГ СИН ВРУЧАЕТ ЦАРЮ ЗНАКИ ВЛАСТИ

Рельеф на каменной стеле из Ура. XXII в. до н. э.

Клинописные таблички целиком подтвердили предположение археологов. В одной из записей вавилонский царь Набонид сообщает, что он приказал очистить от ветвей и привести в порядок храм «Гигпар-ка». Что это за ветви, выяснилось лишь после того, как было определено расположение храма. Дело в том, что храм «Гигпар-ка» находился у подножия пирамиды, следовательно, тут же под террасами, откуда недобросовестные садовники, вероятно, сбрасывали срезанные ветви, не обращая внимания на то, что они падают на крышу здания, расположенного внизу.

Главной составной частью шумерского религиозного ритуала были процесии. Их пышность, живописность и блеск являлись, конечно, одним из способов удержать в покорности и

послушании работающее в поте лица население страны. Царь жрец величал себя «наместником бога на земле», подчеркивая этим, что не он, а сам бог — хозяин всех богатств. Земледельцам и ремесленникам приказывали верить в то, что, отдавая божьему избраннику львиную долю плодов своего труда, они выполняют обязательный и священный религиозный долг.

Каким же прекрасным, наверное, было величественное сооружение зиккурата! Вознесшаяся до небес башня играла на солнце богатой гаммой цветов: чернотой и пурпуром — этажи фасада, изумрудной зеленью — висячие сады, лазурью и золотом — храм, который где-то там, на головокружительной высоте, горел на солнце, как нечто сказочное и неземное.

Этот храм не был местом всеобщих религиозных торжеств; здесь находилась личная резиденция бога, куда простые смертные не имели доступа. Они толпились у подножия пирамиды, с робостью и боязнью наблюдая за сменой картин религиозного ритуала.

В то время как хор жрецов под звуки арф, флейт и бубнов пел торжественные гимны, по лестницам, вверх и вниз, двигалась процесия, состоящая из царя, жрецов и придворных в парадных облачениях, усыпанных золотом и драгоценными камнями. Над их головами трепетали хоругви и раскачивались эмблемы бога Нанна.

Пышные процесии — и это вполне понятно — производили сильное впечатление, поэтому нет ничего удивительного в том, что они глубоко запечатлелись в памяти древних народов. Связанные с ними легенды пережили шумеров и зиккураты, которые уже давным-давно стали огромными грудами кирпича. Не нашли ли отражение в сне библейского Иакова отголоски воспоминаний о давнем церемониале? Процессия ангелов, поднимающихся и спускающихся по лестнице, разве это не картина ритуального шествия шумеров по ступеням пирамиды? Племена Авраама сохранили воспоминания о ней еще со времен неволи. До того как Вулли совершил свои археологические открытия, никто даже не предполагал, что библейская аллегория имеет какую-то связь с действительными историческими событиями и что ангельская лестница скрывает тайну могучих пирамид древнего Шумера.

**СПРЯТАННЫЕ
СОКРОВИЩА,
КОТОРЫЕ
ПОЩАДИЛ ПОЖАР**

Пирамида в Уре, как показали раскопки, не стояла одиноко на открытом пространстве. Ее со всех сторон окружали храмы поменьше, хозяйствственные склады и жилые дома жрецов, создававшие как бы отдельный район города.

Среди этих строений выделялся особенной пышностью храм в честь богини Нингал, супруги бога Нанна. Это был запутанный комплекс залов, часовен, внутренних галерей, двориков и

крепостных стен, который сооружался в течение многих столетий и разросся до огромных размеров.

Цари Месопотамии окружали этот храм особой опекой. Они неустанно проводили в нем всевозможные ремонтные и консервационные работы, а когда стены ветшали и разваливались, коздигали на их фундаментах новые, еще более прекрасные. Цари очень заботились о том, чтобы их заслуги перед храмом богини Нингал не оказались преданными забвению. Благодаря их тщеславию мы знаем сегодня имена почти всех царей, которые так или иначе приобщились к величию храма. Археологи нашли их выданными на кирпичах и глиняных конусах, спрятанных в нишах стен, на бронзовых ритуальных статуэтках и гнездах из твердого диорита, в которых вращались на оси врата храма.

Экспедиция Вулли раскопала несколько фундаментов, расположенных этажеобразно, а под каждым фундаментом нашла имена царей-основателей, связанных с определенной фазой существования храма. Благодаря такому счастливому обстоятельству можно было не только легко выделить отдельные наслонения постройки, но и определить даты их возникновения, а следовательно, увязать с точно установленными историческими событиями, известными по клинописным текстам.

В одном из таких слоев были найдены следы грандиозного пожара, который некогда бушевал в храме. Кроме того, на пожарище в беспорядке валялись вазы и ритуальные статуэтки, как видно, сознательно разбитые на мелкие части и красноречиво свидетельствующие о том, что разгром был учинен рукой какого-то завоевателя.

Когда храм стал жертвой нападения и кто его разрушил? Ответ на этот вопрос удалось получить при весьма необычных обстоятельствах. Во дворе храма стоял невысокий цоколь из необожженного кирпича, наполовину засыпанный обломками плит из черного камня. По всему было видно, что плиты когда-то являлись облицовкой цоколя и были вдребезги разбиты неизвестными вандалами. После того как ученые сложили обломки, оказалось, что на плите начертана надпись, прославляющая победы и завоевания царя и законодателя Вавилонии Хаммурапи, который упоминается в Ветхом завете как современник Авраама (около 1800 г. до н. э.).

В храме были найдены клинописные таблички, сообщавшие, что Хаммурапи завоевал вместе со всей южной Месопотамией также и город Ур. Чтобы увековечить свои триумфы, он поставил монумент во дворе храма. Шумеры восприняли это как тяжкое оскорбление своих самых святых религиозных чувств. Поэтому, подняв восстание против завоевателя, они обратили свою ненависть прежде всего против памятника, который им постоянно напоминал о поражении и потере независимости. Пли-

ты с надписями были сорваны с цоколя и разбиты на мелкие части, и памятник оставался в таком виде почти в течение 4 тыс. лет до тех пор, пока его не извлекла на свет лопата археолога.

Но почему же восставшие не уничтожили остатки памятника, не стерли последние видимые следы своей неволи? По всей вероятности потому, что уже не имели на это времени. Хаммурапи отреагировал на восстание молниеносно, и прежде чем шумеры успели насладиться вновь обретенной свободой, он появился у стен города, взял его штурмом и отдал на разграбление озверевшему войску. Здания и храмы были обращены в пепелище.

Под одним из фундаментов храма Вулли сделал сенсационное открытие. Он нашел там клад золотых драгоценностей, настоящих шедевров ювелирного искусства: подвески, браслеты, ожерелья и булавки с мастерски вырезанными женскими фигурами вместо головок.

Хозяин этих сокровищ спрятал их, по-видимому, во время осады города, а потом либо погиб, либо попал в неволю. Сокровища таким образом пропали без вести. А так как кирпичи из идентичного археологического слоя носили печать царя Навуходоносора, который правил в VI в. до н. э., то можно не без основания предполагать, что клад лежал нетронутым на одном и том же месте невероятно долго — 2500 лет.

Навуходоносор был последним правителем, который поддерживал великолепие Ура и проводил обширные строительные работы. Вскоре после его смерти Месопотамия стала ареной нового нашествия. Персидский царь Кир Великий разгромил могущественное Новававилонское государство и захватил всю страну, лежавшую между Тигром и Евфратом.

Победу ему облегчили внутренние волнения, которые сильно ослабили Новававилонское государство. Последний царь, Набонид, стремился сломить могущество жрецов и создать нечто вроде государственной религии, находившейся бы под его руководством.

Напуганные жрецы объявили ему беспощадную войну, которая завершилась открытым предательством. Когда Кир приблизился к Уру, они тайно открыли ворота города и выдали своего царя врагу. Набонид оказался в неволе и пропал без вести.

Судьбу города Ура решили два исторических события. Одним из них было принятие персами зороастризма. Принципы новой веры оказались суровыми и непримиримыми в отношении к старому политеизму⁶ Месопотамии, признающему культ бесчисленных божков. Старый храм, видимо, разгромили иконоборцы, и таким образом жрецы понесли кару за измену родине.

⁶ Политеизм — вера в существование многих богов.

Гораздо более грозную катастрофу уготовила городу природа. Евфрат постепенно изменял свое русло и в конце концов отодвинулся от стен города почти на 15 километров на восток. Ур, запущенный и обнищавший, не имел уже средств на то, чтобы с помощью новой системы каналов задержать процесс высыхания окрестных возделываемых земель. В прошлом цветущие сады, огороды и поля незаметно превратились в степи и пустыни. Население покинуло Ур, ушло в те города и деревни, где легче было добывать кусок хлеба.

Заброшенный город постепенно разрушался. Песчаные бури засыпали здания толстым слоем песка. Шло время, и уже никто не помнил, что под этими наносами скрыты жалкие обломки могучей метрополии, которая в течение тысячелетий представляла собой горнило великой, богатой цивилизации.

В верхних слоях развалин были найдены остатки жилищ, построенных из древних шумерских кирпичей, извлеченных из под земли. Под полом одного из таких домов кто-то спрятал в свое время глиняный горшок, наполненный клинописными табличками, которые рассказали о последнем, необычайно жалком периоде существования храма. В убогих лачугах прозябали в прошлом всесильные жрецы бога Нанна: они жили за счет скучных приношений малочисленных приверженцев, которые среди множества последователей учения Зороастра лишь каким-то чудом остались верны древней религии.

В другом месте холма археологи наткнулись на гончарные печи и жилища персидских поселенцев, а также обнаружили клинописные таблички, относящиеся к середине V в. до н. э. Затем город почти на 25 столетий вплоть до 1922 г., когда экспедиция Вулли начала свои первые изыскания на «Смоляной горе», окутала мгла забвения.

**ДРЕВНЕЙШАЯ
В МИРЕ
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА**

Под влиянием волшебных сказок из «Тысячи и одной ночи» Лэйядр грезил о путешествиях по Ближнему Востоку, а когда его мечты осуществились, он неожиданно наткнулся на загадочные холмы Месопотамии. Лэйядр был человеком действия и отличался упорством в достижении цели, но все-таки главным мотивом его деятельности были романтические устремления. От романтических мечтаний до научных открытий — вот удивительный путь, проделанный им.

Совершенно противоположным, современным по типу археологом можно назвать англичанина Джорджа Смита. Этот скромный, рассудительный и трудолюбивый человек зарабатывал себе на жизнь, работая гравером в государственном монетном дворе в Лондоне. Джордж с детских лет проявлял большую любовь к учебе, но его родители были настолько бедны, что не смогли дать сыну высшего образования. Вот и получилось так, что юноша с выдающимися способностями нанялся в гравер-

ную мастерскую, где и проработал долгие годы в качестве подмастерья.

Но Смита не оставляли честолюбивые замыслы. Каждую свободную от работы минуту он использовал для того, чтобы пополнить свое образование. Прежде всего он изучал иностранные языки и зачитывался историческими сочинениями. С ассириологией Смит столкнулся совершенно случайно. Британский музей приступил к изданию альбома под названием «Клинописные тексты Западной Азии» и доверил Смиту исполнение типографских клише для этого труда. Это была механическая работа, но гравера-копировальщика странные знаки заинтересовали настолько, что он решил научиться искусству их чтения.

Это была мысль дерзкая, и, казалось, труд Смита заранее был обречен на неудачу. Скольких трудов и усилий, скольких бесконных ночей стоило этому самоучке овладение сокровенными тайнами ассириологии. Исключительные способности и благородный энтузиазм позволили Смиту преодолеть все встреченные трудности. В своих воспоминаниях, которые завоевали настолько большую популярность, что выдержали семь изданий, Смит следующим образом определяет цель своей жизни:

«Каждому свойственны определенные склонности и увлечения, которые при благоприятных обстоятельствах могут озарить его жизнь. Меня всегда привлекали ориентальные науки; я с молодости интересовался археологическими изысканиями и открытиями на Востоке, а в особенности выдающимися работами Лэйярда и Роулинсона. В первые годы я сделал мало, даже почти ничего, но в 1866 г., видя неудовлетворительное состояние наших знаний о тех частях Азии, которые связаны с библейской историей, я решил сделать что-либо для разрешения некоторых спорных вопросов».

В том же году, имея за плечами всего лишь 26 лет, Смит опубликовал первый труд по ассириологии, который тотчас же принес ему широкую известность в научных кругах и превратил его из самоучки-любителя в общепризнанный научный авторитет в области ассириологии. В следующем году пришла желанная награда за все усилия: молодой ученый получил назначение на должность ассистента египетско-ассирийского отдела Британского музея, где мог уже целиком посвятить себя любимой работе.

Казалось, что его жизнь, теперь потечет спокойно в тиши научного кабинета. Но судьба решила иначе. Смит был ученым с весьма трезвым рассудком, его отношение к жизни ни в коей мере не отличалось романтичностью. Поэтому и сам он, наверно, был немало озадачен, когда на него, как из рога изобилия, посыпались всевозможные приключения, о которых мог бы мечтать лишь неисправимый романтик. Этот скромный труженик науки сначала изумил мир своими открытиями, а затем пред-

принял путешествия, фантастическая цель которых преподносилась как сенсация на страницах британских бульварных газет. Даже смерти Смита сопутствовали необыкновенные и драматические обстоятельства, словно капризная судьба до последней минуты не хотела отказаться от шуток над этим романтиком поневоле.

Вначале ничто, собственно говоря, не предвещало сенсации. В подвалах Британского музея в ящиках хранились сотни клинописных табличек из библиотеки Ашшурбанипала, присланных в свое время Лэйядром и Рассамом с холма Куонджик. Вполне понятно, что они очень заинтересовали Смита. Клинописные таблички, сваленные лопатами в ящик, имели плачевный вид. Это была огромная груда черепков, разбитых на мелкие части и покрытых к тому же толстым слоем пыли. Сложить из них целые таблички и очистить от грязи таким образом, чтобы не повредить клинообразных знаков, — вот задача, которая встала перед молодым ассистентом музея.

Смит занялся разрешением головоломки и через несколько месяцев кропотливой подготовительной работы приступил к главному — дешифровке надписей. По мере того как он читал слово за словом, его охватывало все большее волнение. Перед его глазами предстал, как живой, герой древнейшего в мире народного эпоса, могучий и благородный Гильгамеш, фигура до тех пор совершенно неизвестная науке. Читая о его приключениях, Смит пришел к выводу, что открыл Гомера Месопотамии, который на много столетий старше Гомера греческого народа, что перед ним — прототип эпической поэзии, относящийся к заре человеческой цивилизации.

Гильгамеш был властелином города Урука и жестоко угнетал его жителей, заставляя их тяжко трудиться на строительство крепостных стен и храмов. Жители пожаловались богам на свою нелегкую долю, и те, посоветовавшись между собой, решили освободить их от беспощадного деспота. Для этого боги создали великана, наделенного сверхчеловеческой силой, и назвали его Энкиду. Он должен был вступить в борьбу с Гильгамешем и убить его. Энкиду жил в глухой лесной чаще, был дружен со зверями и часто спасал их от преследований охотников.

Узнав о его существовании, Гильгамеш прибегнул к хитрости. Он подоспал к Энкиду красивую жрицу с тем, чтобы она его соблазнила и привела в город Урук. Между богатырями состоялся поединок, который, однако, ни одному из них не принес победы, чего не могли предусмотреть ни боги, ни люди. Энкиду и Гильгамеш, убедившись, что силы их равны, стали верными друзьями и с тех пор совместно совершали свои бесчисленные героические подвиги. Отвагу они проявили в борьбе с могучими львами, освободили богиню Иштар из лап лесного чудовища

Гумбабы, убили гигантского быка, посланного против них богою Ану.

Однажды Энкиду тяжело занемог и, чувствуя приближающуюся смерть, попрощался с любимым другом. Гильгамеш горько оплакивал потерю Энкиду и впервые в жизни задумался над таинственной загадкой смерти:

Шесть ночей миновало, семь дней миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни,
Словно разбойник, брошу в пустыне:
Мысль о герое не дает мне покоя —
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?

Перевод И. М. Дьяконова

Терзаемый тревогой, Гильгамеш решил отыскать своего предка Утнапиштима, единственного человека на земле, которого не брала смерть. Он надеялся узнать от него тайну вечной жизни. Но на пути его встали невероятные преграды и колдовские искушения. Гильгамеш должен был победить людей-скорпионов, противостоять сказочному очарованию райской страны, где на деревьях росли вместо плодов драгоценные камни, и разрушить чары богини Сидури, которая призывала его забыть о смерти и целиком отдаваться радостям жизни.

В горах «Захода Солнца» он блуждал двенадцать часов в кромешной тьме, пока не подошел к «Водам Смерти», где перевозчик Уршанаби согласился переправить его на другой берег к Утнапиштиму.

Гильгамеш сначала был сильно разочарован — Утнапиштим не соглашался выдать тайну бессмертия, ибо, как он говорил, смерть является естественным и неотвратимым атрибутом жизни. Только под влиянием жены он объявил ему, что на дне моря растет чудесная трава, дающая вечную жизнь. Гильгамеш бросился в глубины моря и с триумфом вернулся на сушу с волшебным растением в руках. Им овладели возвышенные и благородные мечты: он не будет таким самолюбом, как Утнапиштим, траву вечной молодости он принесет в свой родной город и наделит ею всех его жителей. К сожалению, в то время, как он купался, траву бессмертия похитила змея и пожрала ее. Гильгамеш, не осуществивший своих замыслов, достойных Прометея, вернулся в Урук с пустыми руками и с тех пор предавался размышлениям над тайнами жизни и смерти,

Народная легенда вызывала восхищение не только своим поэтическим очарованием, но и глубиной заключенных в ней мыслей. В рассказах о бурной жизни Гильгамеша отразились мечты и стремления древних поколений людей, их тревоги и желание победить силы природы, их трудный путь от варварства к цивилизации. Беспощадный властелин Урука, на которого его подданные имели все основания жаловаться богам, под влиянием жизненных впечатлений превращается в благородного героя, считающего целью своей жизни борьбу за благополучие и счастье народа.

Поэма была написана на вавилонском языке, но ее шумерское происхождение не вызывало никакого сомнения. Ведь имя Гильгамеша неоднократно встречается в древних шумерских надписях. Найдены были изображения Гильгамеша, вырезанные на цилиндрических печатях предавилонского периода, свидетельствующие об огромной популярности героя эпоса в Шумере. Поэму затем перевели на свои языки наследники шумеров — вавилоняне и ассирийцы.

Утнапиштим рассказал Гильгамешу, каким образом он получил бессмертие. Когда он жил в городе Шурупаке, лежащем на берегу Евфрата, во сне ему явился бог Эа и предупредил, что намеревается покарать людей потопом за совершенные грехи. И только его семью он решил спасти от смерти. Он посоветовал ему построить большой кочег, перенести туда имущество и поселиться в нем вместе со всей семьей и животными. Неожиданно небо заволокла огромная черная туча, и землю окутала кромешная тьма. Шесть дней продолжался ливень, и все утонуло в воде. На седьмой день корабль подплыл к вершине горы Ницир.

Когда в 1872 г. Джордж Смит принялся за перевод эпоса, он понял, что в рассказе Утнапиштима о потопе есть серьезные пробелы из-за отсутствия целого ряда клинописных табличек. Но даже то, что он сумел прочесть, глубоко обеспокоило ханжей-пуритан викторианской Англии, для которых Ветхий завет был непогрешимым источником человеческих знаний. А тут вдруг оказалось, что история Ноя — это народная легенда, заимствованная древними евреями у шумеров.

На страницах английских газет разгорелся жаркий спор. В этой полемике защитники Ветхого завета не признали себя побежденными. Они утверждали, что немыслимо говорить о какой-то связи эпоса о Гильгамеше с историей Ноя, если не известен конец — основная часть рассказа Утнапиштима. То, что прочел Смит, свидетельствовало, по их мнению, всего лишь о случайном совпадении некоторых деталей. Спор можно было разрешить, отыскав недостающие клинописные таблички, а этоказалось совершенно нереальным.

Газета «Дейли телеграф», желая произвести сенсацию и создать себе рекламу, обещала 1000 фунтов в награду тому, кто

разыщет недостающие таблички. Хозяева газеты, видимо, решили, что вряд ли найдется человек, который на собственные средства захочет предпринять столь далекое путешествие, чтобы отыскать в огромных грудах песка и обломков кирпичей несколько невзрачных глиняных табличек. Это представлялось столь же безнадежным, как поиски иголки в стоге сена.

Тем большим было всеобщее изумление, когда Смит добровольно вызвался совершить такое путешествие. Что заставило этого скромного труженика, влюбленного в науку, поднять перчатку и бросить свое доброе имя на торжище сенсации? Ведь просто невозможно заподозрить его в том, что он соблазнился наградой или что в нем зашевелилась дремавшая до той поры авантюрная жилка.

Но за этим, на первый взгляд легкомысленным, решением скрывался трезвый расчет специалиста-ассиролога. Смит лично убедился в том, что клинописные таблички были свалены в ящики с варварской небрежностью. Лэйяд и Рассам, разыскивая только эффектные археологические памятники, относились с полнейшим равнодушием к невзрачным черепкам. Неужели поэтому не существовала возможность найти остальные клинописные таблички, которые не были ими замечены и продолжали валяться в руинах холма Куонджик, а среди них и недостающие фрагменты рассказа Утнапиштима? Если счастье хоть чуть-чуть улыбнется, их можно будет там обнаружить.

И снова сенсация. Словно по волшебству сбылось то, что всюду считалось бесплодной, нереальной мечтой. За три путешествия в Месопотамию, полных приключений и трудностей, продолжавшихся в общей сложности почти четыре месяца, Смит обнаружил свыше 3 тыс. клинописных табличек и отобрал из них числа 380 обломков, содержавших недостающие части рассказа Утнапиштима.

И вот, наконец, клинописный текст расшифрован и переведен. Отрывки звучали следующим образом:

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я золота,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял...
Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча...
Что было светлым,— во тьму обратилось...
Первый день бушует южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая.
Не видит один другого,

И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану.
Прижались, как псы, растянулись снаружи...
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю,
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили.
Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне.
Я взглянул на море — тишина настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу!
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Нйцир корабль остановился.
Гора Нйцир корабль удержала, не дает качаться...
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я,
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я,
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся...

Перевод И. М. Дьяконова

Кто же мог теперь возражать против того, что история Утнапиштима является источником и праверсией библейского потопа? На это указывали одни и те же детали обоих текстов: полет на волю голубя и ворона, гора, на которой осел ковчег, продолжительность потопа, да и сама мораль этой притчи — кара людей за совершенные грехи и награда богообязненного Утнапиштима — Ноя. Библия оказалась собранием, компиляцией доисторических мифов, народных преданий и легенд.

Бурная жизнь Смита закончилась трагически. Во время третьего путешествия он стал жертвой эпидемии холеры, которая в то время свирепствовала на Ближнем Востоке, и 19 августа 1876 г., на 36-м году жизни он умер в Алеппо. В дневнике, который Смит вел почти до последней минуты, он записал:

«Я трудился всецело для моей науки... В моей коллекции найдется богатое поле для изысканий. Я собирался разработать

сам, но теперь желаю, чтобы доступ ко всем моим древностям и заметкам был открыт всем исследователям. Я всегда старался исполнить свой долг...»

по следам потопа

Можно, конечно, согласиться, что картина потопа в шумерской поэме является плодом народной поэтической фантазии,

но все же возникает вопрос, не заключается ли и в этой поэме, как это уже не раз бывало с преданиями и легендами, хотя бы малое зерно исторической правды.

Рассказ о приключениях Утнапиштима вполне мог быть эхом, слабым воспоминанием о каком-то древнейшем стихийном бедствии.

Такой вопрос казался тем более уместным, что сами шумеры ничуть не сомневались относительно реальности потопа. Перечисляя в династических сводах царей Месопотамии, они делили их на две четко разграниченные группы: на царей до потопа и после потопа. «А потом был потоп, а после потопа цари снова сошли с неба», — такова формула, которую часто можно встретить в хрониках шумеров.

Английский археолог Булли, проводя в 1922—1934 гг. раскопки в Уре, столкнулся с этим вопросом совершенно случайно. Возле крепостной стены города возвышался холм из черепков, обломков кирпичей и пепла — здесь, по всей вероятности, была когда-то свалка, куда жители города сбрасывали мусор прямо с крепостной стены. Свалки, на которых можно сделать немало археологических находок, всегда являются ценным источником сведений о материальной культуре древних народов, поэтому холм у стен Ура вызвал исключительный интерес археолога.

Булли приказал выкопать пробный колодец глубиной в 14 метров. Рабочие выбрасывали лопатами камни и мусор, пепел от костров, сажу, полуистлевшие головешки, старые кирпичи и огромное количество черепков глиняной посуды. Высота холма, а также большое число культурных слоев, хорошо различимых на стене колодца-раскопа, свидетельствовали о том, что жители Ура, видимо, использовали это место для свалки в течение многих столетий.

На дне колодца Булли ожидало его самое крупное археологическое открытие. Под 14-метровым слоем мусора находилось кладбище, настолько древнее, что даже шумеры не имели понятия о его существовании. Неопровергимым доказательством этого было то, что его засыпали мусором.

Да и само кладбище насчитывало несколько сот лет. Могилы располагались друг на друге двумя, тремя, а местами и шестью этажами. Многие поколения копали здесь для умерших могилы и строили гробницы, не зная о том, что под ними кроются забытые могилы их працедоров. На кладбище была открыта

гробница ранних царей шумерского города-государства Ура с бесценными сокровищами из золота и драгоценных камней.

Но Вулли не удовлетворился этим открытием. Он непременно хотел знать, что находится под кладбищем. Каковы были судьбы этого кусочка земли до того, как он стал пристанищем покойных? Возможно, его засевали земледельцы, а может быть, здесь размещалось какое-то поселение? Ответы на эти вопросы могли дать только лопата и кирка. Археолога ждал новый, необычный сюрприз: под кладбищем находилась другая свалка, относившаяся к более драгоценному периоду города Ура, а следовательно, необычайно старая, гораздо старше, чем открытые на кладбище царские могилы. Пройдя довольно толстый слой мусора, рабочие наткнулись на твердый, слежавшийся пласт ила, нанесенного сюда когда-то водой и лишенного каких бы то ни было следов присутствия человека. Все свидетельствовало о том, что достигнуто, наконец, дно речной дельты того древнейшего периода, когда здесь еще не было никаких поселенцев. Рабочие, убедившись в этом, заявили, что копать дальше незачем. Вначале и Вулли был того же мнения, однако потом, приглядевшись к окрестностям, он пришел к выводу, что уровень илестого слоя гораздо выше, чем равнина, раскинувшаяся вокруг. Триангуляционные измерения полностью подтвердили это. Так как трудно было предположить, что дно реки лежало выше, чем окружавшая ее долина, то холм, видимо, являлся творением рук человека и хранил в своем чреве какую-то тайну. С другой стороны, непонятным казалось наличие пласта ила, очевидно, нанесенного сюда речными водами.

Снова были пущены в ход лопаты. Но дело представлялось весьма безнадежным. Миновал час, другой, третий, а из колодца выбрасывали одну только речную глину, какие-либо следы человеческой деятельности отсутствовали. Создавалось впечатление, что, вопреки измерениям, толстый слой ила являлся дрезинным дном реки еще того периода, когда территория Месопотамии представляла собой безлюдные болота.

На глубине около 2,5 метров арабы-рабочие вдруг перестали копать, пораженные тем, что увидели. Они тотчас же позвали Вулли, и вот под толстым покрывалом речного ила снова появились обломки кирпичей, черепки посуды, мусор и сажа. Было открыто какое-то исключительно древнее поселение людей.

Наметанный глаз археолога сразу же определил, что принадлежало оно совершенно самобытной культуре, в корне отличающейся от культуры шумеров и, вполне понятно, гораздо более древней хронологически, а следовательно, более примитивной. Отдельные мотивы орнаментации посуды, оружия из полированного камня, а также характерные, выпуклые кирпичи, по форме похожие на те, что были найдены при раскопках в селе-

нии Эль-Обейд, бесспорно свидетельствовали о том, что все это — памятники эпохи неолита.

Слой ила з 2,5 метра, нанесенный потоками вод, резкой границей разделял две абсолютно чуждые цивилизации: над пластом покоились остатки шумерской, далеко ушедшей вперед в своем развитии, с посудой, сделанной на гончарном круге, а под слоем — остатки первобытной культуры другого, неизвестного народа.

Как объяснить наличие толстого слоя глины? Ответ может быть только один: наводнение. Но наводнение, которое оставило такие следы, не могло быть обычным явлением природы. Это была, безусловно, страшная катастрофа небывалых размеров, которая так трагически закончилась для всего живого. Чтобы мог возникнуть пласт ила и тины в 2,5 метра, вода должна была долгое время стоять на высоте без малого восьми метров. При таком уровне воды вся страна, от пустыни Ирака до предгорий Элама, от Нилла, т. е. древнейшего Вавилона, до Персидского залива, стала жертвой наводнения. Вода затопила все деревни и города за исключением тех, что лежали на очень высоких холмах. И действительно, шумерские хроники сообщают, что некоторые города по воле богов от катастрофы не пострадали.

Наводнение, естественно, не было катастрофой повсеместной, как об этом говорят шумерские и древнееврейские предания, а являлось локальным стихийным бедствием в бассейне Тигра и Евфрата, распространившимся на территории площадью в 650 на 150 километров. Но для местных жителей в этом пространстве заключался целый мир, а наводнение означало всемирный потоп, которым грозный и справедливый бог покарал грешных людей.

Наводнение сбъяснило загадку неожиданного исчезновения посуды, слепленной вручную и украшенной своеобразным орнаментом, которая — это показывают раскопки — была когда-то распространена по всей Месопотамии. Племена, изготавлиявшие такую посуду, погибли во время наводнения, а малочисленные группки людей, чудом уцелевших от смерти, были далеко отброшены назад в своем развитии и вели нищенское существование первобытных людей. Земли, некогда столь плодородные, превратились в болота, селения снесла вода, а домашние животные погибли все до одного. Цивилизация этих неизвестных племен, грубо уничтоженная стихией, уже никогда не смогла возродиться.

По мере того как высыхали болота, а воды входили в русла Тигра и Евфрата, сюда пришли новые люди и постепенно смешались с остатками местных племен. Это были шумеры. Ветхий завет цитирует шумерскую легенду, которая утверждает, что шумеры «пришли с востока и заняли равнину Шинар», т. е. Вавилонию. Еще одна легенда гласит, что пришли они с юга из-за

моря, принеся с собой искусство земледелия, письменность и умение обрабатывать металлы. «И с той поры, — говорит далее легенда, — никто не сделал новых изобретений». Эти два народа, объединившись, создали шумерскую культуру.

КАК ОДНА НАДПИСЬ ПОМОГЛА РАСКРЫТЬ ЦАРСКУЮ ТАЙНУ

Неожиданные результаты первых изысканий указывали на то, что свалка Ура таит в себе неоценимые археологические сокровища и может объяснить многие тайны прошлого. Следующий колодец не только не обманул надежд, но даже превзошел все ожидания. Сделанные здесь находки коренным образом изменили мнение ученых относительно древнейшей цивилизации мира.

Среди множества оружия и орудий труда из бронзы там был найден настоящий шедевр древнего ювелирного искусства — знаменитый ныне «кинжал из Ура». Он состоял из клинка, кожанного из золота, лазуритовой рукоятки, инкрустированной золотом, и ножен, сделанных из листового золота, украшенного роскошным орнаментом. В яме были найдены некоторые предметы туалета филигранной работы — щипчики, ланцеты, шкатулки, дающие нам представление не только о богатстве, но и о больших достижениях цивилизации шумеров в области прикладного искусства.

Под впечатлением этих находок Вулли решил детально исследовать всю огромную насыпь. Старательно снимая слой за слоем, он добрался, наконец, до уже упомянутого шумерского кладбища. Постепенно он откопал 1400 могил жителей Ура, местами расположенных в шесть ярусов. В самом нижнем слое кладбища находилось 16 царских гробниц, гораздо более древних, чем могилы обычных жителей.

Могилы простых смертных имели форму прямоугольной ямы. На дне находились полуистлевшие кости. Покойники лежали, как правило, на боку с ногами слегка согнутыми в коленях, а в руках держали около рта кубок. Одни из них были завернуты в циновки, сколотые длинной булавкой из латуни, другие похоронены в гробах из дерева, сплетенных из лозы или сделанных из иссоженной глины.

Покойники были щедро снабжены самыми различными предметами повседневного обихода. Здесь находились рассыпавшиеся ожерелья, серьги, браслеты, ножи, кинжалы, предметы туалета и очень много посуды из глины, меди и алебастра. Хотя в могилах Вулли не обнаружил ни одной вещи, непосредственно связанной с религиозным культом, уже сам факт снабжения покойников едой и питьем красноречиво свидетельствует о том, что шумеры верили в существование загробной жизни.

Царские гробницы состояли из двух — четырех склепов, сложенных из камня или кирпича, замыкавшихся вверху куполообразным сводом. Склепы эти размещались на дне глубокой ямы

и были полностью засыпаны землей. К входу, заваленному камнями, вел наклонный спуск, выкопанный в земле и обложенный циновками из лозы.

К сожалению, усыпальницы были ограблены. В склепах не нашли ни памятников древности, ни следов покоившихся здесь царей. Да и не удивительно, тем более если учесть все то, что выпало на долю несчастного кладбища в течение многих столетий его существования. Вспомним, какие там были обнаружены слои. На самом дне находилась наиболее древняя городская свалка. Затем на этом месте располагалось кладбище, где в каменных гробницах хоронили членов царского дома. Минуло несколько столетий, о могилах совершенно забыли, и там возникла новая свалка. Еще позднее на холме, который к тому времени образовался на этом месте, снова начали хоронить умерших, а в конце концов, когда город стал расширяться, здесь стали строить дома.

Как видим, жители Ура постоянно использовали этот небольшой кусочек земли. Поэтому совсем нетрудно представить себе, как были ограблены склепы с останками царей. Копая могилу уже на втором по времени кладбище, могильщики, вероятно, задели лопатами за стены расположенных ниже царских гробниц. Испытание оказалось слишком велико — могильщики решили проникнуть внутрь таинственного сооружения, чтобы посмотреть, что в нем кроется. Сделав пролом в одной из стен, они неожиданно увидели сказочно прекрасные золотые вещи и бросились грабить все подряд, не пощадив даже царских останков.

Миновало еще несколько веков. На бывшем кладбище люди взялись за постройку жилых домов. Копая ямы под фундаменты, рабочие легко могли наткнуться на какой-нибудь предмет, оброненный в спешке грабителями, как это случилось с «кинжалом из Ура», найденным лишь экспедицией Вулли. Это явилось толчком к поискам еще не ограбленных царских усыпальниц. Любители пожизниться не довольствовались, однако, случайно найденными могилами. Они разработали даже весьма хитроумный план систематических ограблений, сохранившиеся следы которых свидетельствуют о том, что этот промысел был характерен не только для Египта. Грабители сначала копали до определенной глубины вертикальный колодец, а затем горизонтальным туннелем добирались до царского склепа, возможное местоположение которого они пытались определить заранее.

Во многих случаях это удавалось им. Однако временами — видимо, новичкам в этом «ремесле» — не везло, они допускали ошибку и цели своей не достигали. Доказательством являются некоторые наполовину уже выкопанные туннели, на оси которых нет ни одной усыпальницы.

Перед археологами встала сложная проблема: определить,

к какой эпохе следует отнести царские гробницы. Пути и способы, с помощью которых они сумели сделать это, необыкновенно интересны, так как позволяют познакомиться с исключительно точными методами, применяемыми в научной археологии.

Мы уже говорили о семитском царе Аккада — Саргоне, который завоевал все города-государства Шумера и создал в Месопотамии despотическую монархию. На основании записей шумерских летописцев было высчитано, что этот завоеватель правил с 2360 по 2305 г. до н. э. Исходя из определенных соображений, разъяснить которые здесь не представляется возможным, ассиоролги долгое время считали, что Саргон — фигура легендарная, и что имя его фиктивное и ему приписываются действия нескольких забытых исторических личностей. Отождествляли его, между прочим, и с библейским Нимродом.

Не следует забывать, что над царскими гробницами в более поздних слоях кладбища Ура были найдены другие могилы, в которых хоронили простых жителей города. Определить приблизительную дату возникновения этих могил помогла сенсационная находка — две цилиндрические печати с выгравированными на них именами и профессиями владельцев. Каково же было изумление археологов, когда оказалось, что печати принадлежали двум домочадцам царя Саргона. Они являлись слугами дочери царя, занимавшей высокое положение жрицы богини Луны. Была найдена даже плита с ее изображением. На рельефе мы видим жреца, приносящего на алтаре жертву, а за его спиной — женщину в ниспадающих одеяниях. Из надписи, помещенной рядом, явствует, что это и есть дочь царя Саргона. Одна из печатей принадлежала ее цирюльнику, а вторая — писцу и дворецкому.

Открытие могил двух придворных сановников позволило точно установить, что, вопреки всем теориям, Саргон был все-таки исторической фигурой, а следовательно, могилы, расположенные выше, появились около 2300 г. до н. э.

Совершенно естественно, что царские гробницы, уже хотя бы потому, что располагались ниже могил эпохи Саргона, должны были быть значительно древнее. Но на сколько лет? Ответ на этот вопрос удалось получить окольным и весьма сложным путем.

До наших дней сохранилось два династических свода, перечисляющих шумерских царей. Один из этих реестров составили шумерские летописцы, а другой — вавилонский жрец Берос (около 350—280 гг. до н. э.), историк, писавший на греческом языке.

Из сводов явствовало, что история шумеров начинается от сотворения мира. Первые цари величаются там працарями. По одной версии было их восемь, по другой — десять. Цари эти

побили рекорд долголетия Мафусаила⁷, ибо жили они в общей сложности 241 300 лет (по другой версии — 456 000). Династия працарей кончила свое существование в результате потопа, а затем, как гласит легенда, мир был заселен потомками Утнапиштима. Первая династия шумерских царей, которая захватила власть после потопа, царствовала, как о том свидетельствуют реестры, 24 150 лет.

Мифический возраст царей, а также сверхъестественные черты характера, которые им приписываются в упомянутых сводах, являлись причиной того, что ассиорологи уже в самом начале отбросили эти реестры как абсолютно неправдоподобные и с точки зрения истории не имеющие никакой ценности.

Вулли под влиянием открытий, сделанных на свалке в Уре, серьезно задумался, а не существовала ли и на самом деле первая династия после потопа? Летописцы, правда, указывают совершенно фантастический период ее правления. А, может, все-таки?.. И тут новое открытие целиком подтвердило его предположения.

В руинах города Эль-Обейда Вулли раскопал храм богини Нин-Харсаг, матери богов. Это было величественное сооружение, одно из наиболее древних в Месопотамии, с многочисленными медными колоннами, мозаичными украшениями, барельефами и статуями. Среди груд битого кирпича была найдена табличка из белого известняка с вырезанными на ней клинописными знаками. После дешифровки их оказалось, что на табличке начертано имя основателя храма. Целиком надпись звучала следующим образом: «А-анни-пад-да, царь Ура, сын Мес-анни-пад-ды, царя Ура, воздвиг сие для своей владычицы Нин-Харсаг».

Обнаруженная надпись произвела сильное впечатление на ассиорологов. Ведь в обоих реестрах царь Мес-анни-пад-да фигурировал как основатель первой после потопа шумерской династии. Фигура, которую считали до того мифической, совершенно неожиданно стала исторической личностью — ведь именно его сын был основателем храма, открытого Вулли.

Когда же царствовал Мес-анни-пад-да? Точная дата до сих пор неизвестна, но на основании характерных мотивов орнамента, украшавшего керамическую посуду, дату появления которой ученые определили другим способом и которая была найдена в том же культурном слое, археологи смогли приблизительно вычислить, что Мес-анни-пад-да жил за 2700 лет до н. э.

Вернемся теперь к царским гробницам в Уре. Найденная надпись позволила установить имя одного из погребенных там царей. Был это А-бар-ги.

⁷ Мафусаил — библейский патриарх, который якобы жил 969 лет; имя его стало нарицательным при определении долголетия.

Имя А-бар-ги не фигурирует в упомянутых династических сводах. Это заставило археологов призадуматься. Ведь нельзя же было сказать о нем, что это фигура легендарная, если найдена была его гробница, полная бесценных сокровищ. Значит, он все-таки жил и уж, конечно, был царем города Ура.

Ответ напрашивался такой: А-бар-ги жил раньше, чем Мес-анни-пад-да. Но ведь в реестрах значится, что Мес-анни-пад-да — первый шумерский царь. Кем же в таком случае был А-бар-ги?

Выяснилось это лишь тогда, когда удалось расшифровать клинописные таблички. Итак, около 2700 г. до н. э., а следовательно, во время царствования Мес-анни-пад-да, город Ур завоевал гегемонию над всеми городами-государствами Шумера. Выходит, что Мес-анни-пад-да был первым царем всего Шумера, поэтому его и называет список. Другие цари, которые правили раньше, а среди них и А-бар-ги, были только местными правителями города-государства Ура и даже, как это явствует из тех же глиняных табличек, являлись вассалами более могущественного правителя Лагаша.

Вот мы и подошли к самой сути проблемы. В период царствования первого властелина всего Шумера — Мес-анни-пад-да, т. е. за 2700 лет до н. э., кладбище в Уре превратилось уже в свалку. Гробницы прежних царей города-государства без зазрения совести засыпали всяkim мусором по гой причине, что жители города совершенно о них забыли.

Возникает вопрос, сколько могло пройти времени, чтобы царские усыпальницы были преданы забвению? По самым скромным подсчетам — от 200 до 300 лет. Следовательно, царские гробницы были построены за 300 лет до 2700 г. до н. э., т. е. на рубеже IV и III тысячелетий до н. э.

**«ГЕРОЙ
БЛАГОДАТНОЙ
СТРАНЫ»
И МАЛЕНЬКАЯ
КНЯЖНА УРА**

Однажды во время раскопок на кладбище рабочие обнаружили торчащий из земли медный наконечник копья. Когда его извлекли на поверхность, то увидели, что к острию приклепана втулка, куда вставлялось древко копья. Такого типа находок

здесь было видимо-невидимо, поэтому археологи, возможно, и не обратили бы на наконечник особого внимания, если бы не тот факт, что втулка блистала позолотой, словно она только что вышла из рук оружейника. Только чистое золото могло противостоять разрушительному воздействию времени.

Вули тотчас же приостановил работы и произвел тщательный осмотр места раскопок. И вот там, где торчало острие копья, он обнаружил в земле вертикальное отверстие, несомненно, след от целиком истлевшего древка. Положение копья заставило археолога сильно призадуматься. Он приказал выкопать колодец параллельно этому отверстию и, к своему удивлению,

оказался прямо перед входом в каменную усыпальницу. Теперь уже не оставалось сомнения, что таинственное древко служило когда-то указателем расположения гробницы. Его воткнули туда кто-то из участников погребальной процессии в тот момент, когда гробницу засыпали землей, по всей вероятности, для того, чтобы легче было потом разыскать ее и ограбить. Однако могила осталась нетронутой.

Вулли с беспокойством следил за рабочими, которые лихорадочно освобождали вход в гробницу от песка и камней, а когда, наконец, работа была закончена, он с бьющимся сердцем вошел в мрачное подземелье и остановился на пороге, ошеломленный увиденным. У археолога голова пошла кругом от сказочного богатства: множество предметов, расставленных на полу склепа, окружало его. Вулли не сомневался, что открыл первую усыпальницу высокого шумерского сановника, которую не тронула рука грабителя. Посреди склепа стояли полуистлевшие похоронные носилки, на которых лежал почерневший прах умершего. У изголовья торчал ряд воткнутых в землю копий, а между ними на одинаковых расстояниях были расставлены различной величины алебастровые и глиняные вазы. Подобный же ряд копий находился и в ногах покойника, с той лишь разницей, что между копьями в глиняный пол были вбиты стрелы с кремневыми наконечниками.

По шумерскому обычаю, тело лежало в позе спящего, на правом боку, ноги были слегка согнуты в коленях, а руки держали у рта кубок. Но этот кубок не был глиняным, как в других могилах,— он был выкован из чистого золота. Грудь сановника совершенно скрывали сотни бусинок из лазурита и золота. К широкому серебряному поясу был прикреплен золотой кинжал, а рядом на золотом колечке висел оселок из лазурита. Тут же у локтя и в изголовье лежали кубки, светильники в форме раковин, диадемы и бесчисленное количество украшений — все из чистого золота наилучшей пробы. К правому плечу покойника был прислонен двусторонний топор внушительных размеров, сделанный из электрона — сплава золота и серебра.

Особенное восхищение у Вулли вызвал парадный шлем, целиком выкованный из золота. Он имел форму парика, завитки волос которого были искусно вычеканены рельефом; щечные пластины предохраняли от ударов лицо воина. Что касается мастерства исполнения деталей, то по всему видно, что древний оружейник обладал замечательным художественным вкусом и был большим мастером своего дела.

Совершенно удивительным было состояние найденных сокровищ. Время — этот беспощадный разрушитель всех вещей — оказалось фантастически бессильным перед золотом. Диадемы, кубки, шлем и украшения выглядели так, словно они только что были положены в гробницу.

ЗОЛОТОЙ ШЛЕМ МЕС-КАЛАМ-ДУГА

Около 2500 г. до н. э. Ур.

На золотых предметах было начертано имя обитателя склепа: Мес-калам-дуг — «Герой Благодатной Страны». Титул этот, а возможно, почетное прозвище, указывает, что покойник был не царем, а знаменитым вождем. Видимо, славу он завоевал своими победами в братоубийственных войнах шумерских городов-государств за гегемонию, и таким образом — об этом свидетельствует сказочное богатство его гробницы — удостоился необыкновенных почестей при царском дворе⁸.

Клинописные таблички нигде не вспоминают о «Герое Благодатной Страны» — Мес-калам-дуге, и узнали мы о нем только благодаря тому счастливому обстоятельству, что его усыпальница каким-то чудом уцелела, не подверглась ограблению клад-

⁸ Вулли высказал другое предположение, что Мес-калам-дуг был принцем царского рода, но в то же время отсутствие символов царской власти указывает, что он никогда не занимал трона. Следует также отметить, что у входа в другую сводчатую усыпальницу Вулли нашел печать из белого перламутра с надписью: «Царь Мес-калам-дуг». Но в самой усыпальнице, хотя она не была тронута грабителями, тело царя не нашли (прим. ред.).

бищенскими ворами. Да, наверное, и в будущем мы о нем ничего не узнаем. Но уже то, что находилось рядом с похоронными носилками — а ведь это было его личное имущество — многое может сказать нам о жизни воина, о том, как преклонялись перед ним в Уре, какие пышные одеяния и оружие он имел, из каких кубков пил вино, о его слабости к прекрасным вазам, многоцветным ожерельям, к искусно украшенному оружию — одним словом, об изысканности и роскоши, среди которых он провел и закончил свою блестящую жизнь.

Под впечатлением этого необыкновенного открытия даже трезвый археолог не сумел удержать в узде разыгравшуюся фантазию. В воображении его встали, как живые, образы и сцены, связанные с воином Мес-калам-дугом. Вот вождь возвращается из удачного военного похода. Улицы города Ура заполнены народом, все с энтузиазмом приветствуют «Героя Благодатной Страны». А он гордо стоит на колеснице, несущейся к храму, который там, высоко, на самой вершине зиккурата, блестит лазурью своих стен и позолотой купола. Там ласково встретит его царь-жрец, окруженный придворными, и перед лицом всего города будет славить его замечательные военные победы.

За колесницей вождя, тяжелой от барельефов и золоченых украшений, выступают воины в бронзовых шлемах, вооруженные копьями, щитами, пращами и луками. За ними тянутся пленные; их вид жалок, лица угрюмы. Конвоиры подгоняют их плетью и пиками. Среди пленных не только сильные молодые воины, но и женщины, и дети, и даже старики — все они пригодятся для рабского труда на обширных полях жрецов и сановников. Триумфальное шествие замыкает длинная вереница повозок, нагруженных всевозможной военной добычей.

Толпы жителей Ура с восхищением смотрят на своего героя. Знойное солнце ярко горит в золоте его шлема. Грудь совершенно закрывают тяжелые фестоны ожерелий из золота и лазурита. Оружие кумира толпы — это золотой стилет, висящий на серебряном пояссе, медный щит, богато украшенный резьбой, а также копье с золотой втулкой, то самое, что указало Вулли, где находится гробница.

Толпам, ослепленным блеском одежд, Мес-калам-дуг должен был казаться каким-то неземным существом, которого бог Нанна ниспослал в Ур. Вот в солнечном сиянии шествует один из тех избранных, ради кого эти люди работали до кровавого пота, переносили голод, отдавая собранный урожай, чтобы снискать благосклонность бога, с высоты зиккурата следящего за безопасностью города. Этой мудрости учили людей искусные в грамоте жрецы, которые по звездам определяли будущее и, благодаря магическим клинообразным знакам, точно знали, какую дань каждый должен платить царю и жрецам.

О богатстве правящего класса Ура не менее красноречиво свидетельствует и другая гробница, также неразграбленная. Там была похоронена девочка лет шести-семи, по всей вероятности, княжна царской крови. В ее каменном склепе археологи нашли диадемы, инкрустированные бусинками из лазурита и увешанные фестонами в форме буковых листьев, золотые кубки, чашлы, тарелки, вазы и множество украшений. Не были это, однако, обычные предметы: их миниатюрные размеры создавали впечатление, что это детские игрушки.

Легко представить себе, в какой роскоши должна была воспитываться маленькая княжна, если она ела и пила из золотой, сделанной специально для нее посуды.

ЦАРИ НЕ УМИРАЛИ В ОДИНОЧКУ

Перекапывая огромнейшую насыпь урской свалки, рабочие однажды на дне неглубокой ямы наткнулись на пять истлевших скелетов, аккуратно положенных в один ряд.

Кинжалы, находящиеся рядом с ними, говорили о том, что это были мужчины, видимо, воины древнего Шумера.

Хотя археологи успели уже привыкнуть к сенсационным открытиям на кладбище, эта находка пробудила в них особый интерес. Дело в том, что еще ни разу здесь не находили общей могилы, а покойники никогда не бывали похоронены без циновок или гроба. К тому же, кроме традиционного кубка у рта, они не были снабжены для потусторонней жизни никакими предметами домашнего обихода, здесь не обнаружили даже посуды с едой и питьем, которая, как правило, находилась в других могилах. Это абсолютно противоречило тому, что удалось узнать о погребальных обрядах шумеров.

Общая могила уже сама по себе являлась археологической загадкой, овеянной какой-то романтической тайной. Но прежде чем Булли успел сделать на сей счет какие-либо предположения, внимание его привлекло то, что скелеты лежат на циновке из лозы, представлявшей собой как бы настил могилы. Более детальное обследование показало, что настил этот лежит не горизонтально, а наклонно, причем наклон составляет довольно большой угол, циновка же уходит под землю, за пределы раскопа. Когда стали копать вдоль циновки, стало ясно, что она устилает наклонный спуск, который ведет к чему-то таинственному, скрытому под землей. Пять воинов покоились у самого начала спуска, словно их задачей было стеречь вход в подземелье.

На небольшом расстоянии от них, поперек раскопа, в два ряда лежали останки десяти женщин. Необыкновенное богатство их украшений свидетельствовало о том, что они не были простолюдинками. Их головы обивали золотые ленты, инкрустированные камнями лазурита и кроваво-красного сердолика, а шеи — разноцветные бусы тончайшей работы. Но и здесь

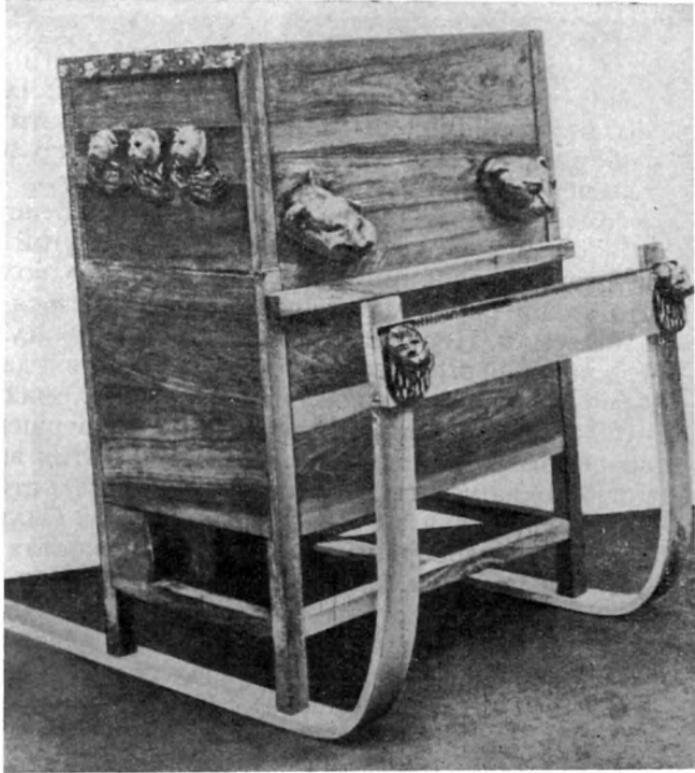
отсутствовали те предметы домашнего обихода, которые предполагал погребальный ритуал.

Теперь почти каждый удар кирки приносил новое открытие. Неподалеку от женских скелетов археологи откопали остатки изумительно прекрасной арфы. От деревянной рамы, правда, не осталось и следа, но металлические части ее отделки лежали так, что можно было восстановить инструмент в том виде, в каком его положили сюда шумеры тысячи лет назад. Горизонтальный бруск арфы был окован золотой пластиной, в которой торчали гвозди с золотыми головками — на них когда-то натягивались струны. Края резонатора украшала мозаика из сердоликов, лазурига и белого перламутра. Однако главным декоративным элементом замечательной арфы была прекрасная голова быка, выклепанная из тонкого листового золота. Глаза и борода животного были инкрустированы лазуритом. На арфе лежали истлевшие останки женщины, ее драгоценности и разноцветные бусы. Это была, по всей вероятности, арфистка.

Сцена, открывшаяся глазам рабочих и археологов, глубоко взволновала их своим немым трагизмом. Они еще не успели прийти в себя, когда на более глубоком участке наклонного спуска обнаружили кости каких-то животных. Вскоре выяснилось, что это рассыпавшиеся скелеты ослов. Здесь же археологи нашли следы колесницы с полозьями вместо колес. Рядом лежали скелеты двух мужчин, вероятно, погонщиков. Колесницу щедро украшали мозаика из белых, красных и голубых камней, а также рельефы, вычеканенные из листового золота, на которых были изображены львы с лазуритовыми гривами.

Вокруг колесницы в беспорядке валялись различные предметы и дорогие безделушки: мозаичные доски, несколько напоминающие шахматные, для какой-то неизвестной игры, вазы и кувшины из золота, серебра и алебастра, инструменты и различные туалетные принадлежности из золота, но самое главное — это был поистине археологический уникум — замечательные изделия из вулканического стекла. Две головы львов, мастерски сделанные из серебра, являлись последними остатками трона, деревянные части которого обратились в прах. Однако наибольший интерес вызвал уже сильно истлевший сундук, на котором еще довольно явственно проступал искусный аллегорический орнамент, выполненный из перламутра и лазурита.

После тщательной работы по консервации найденных сокровищ археологи приступили к извлечению из земли сундука. И тут изумленным взорам присутствующих предстало новое сенсационное зрелище — сундук закрывал отверстие, вырубленное в кирпичной стене, соприкасавшейся с дном наклонной галереи. Этот пролом был сделан, видимо, преднамеренно, так как потом его постарались замаскировать кое-как уложенными кирпичами.

НОСИЛКИ С ПОЛОЗЬЯМИ ШУМЕРСКОЙ ЦАРИЦЫ ШУБ-АД

Стена оказалась частью купола усыпальницы, ограбленной кладбищенскими ворами. Там удалось найти только две серебряные модели лодок, интересных тем, что по внешнему виду они ничем не отличались от лодок, которыми пользуются до сегодняшнего дня жители Месопотамии. Более ценной находкой явилась цилиндрическая печать с надписью, что в гробнице похоронен царь по имени А-бар-ги.

При тщательном осмотре склепа выяснилась еще одна удивительная деталь: царь А-бар-ги лежал здесь в соседстве с другими лицами, по всей вероятности, домочадцами из своего ближайшего окружения. Следовательно, даже каменный мавзолей царя был общей могилой.

Чтобы правильно понять дальнейший ход археологических изысканий, мы должны ясно представить себе общую картину топографического положения наклонного спуска и гробницы. Раскопанный спуск, где найдены были скелеты мужчин и женщин, колесница на полозьях, арфа и сундук, не мог вести к гробнице царя А-бар-ги по той простой причине, что он проходил над верхушкой ее купольного свода, соприкасаясь с ним в том месте, где сундук маскировал пролом.

Следовательно, спуск должен был вести к совершенно другой гробнице, расположенной где-то под землей. И действительно, эта гробница была найдена поблизости от мавзолея царя А-бар-ги, но располагалась она несколько выше, и наклонная галерея по прямой линии вела к ее входу.

Однако прежде чем приняться за расчистку входа и вскрытие склепа, Вулли решил отыскать другой наклонный спуск, ведущий к гробнице царя А-бар-ги. Археолог не сомневался, что такой спуск-галерея должен находиться в более глубоком слое земли. Первые его следы он обнаружил на два метра ниже уровня первого наклонного спуска. У входа в него двумя рядами лежали шесть воинов в медных шлемах и с копьями. Чуть глубже находились две деревянные, совершенно истлевшие повозки, запряженные волами. Скелеты этих волов настолько хорошо сохранились, что один из них в целости был извлечен наружу. Упряжь, а в особенности уздечки, были богато украшены бисером и серебряным набором. На костях волов покоялись останки двух мужчин, вероятно, погонщиков.

У основания стены окончательно расчищенной гробницы царя А-бар-ги были найдены скелеты девяти женщин, которые сидели на земле. На их черепах сверкали золотые диадемы с золотыми фестонами в форме буковых листьев, усыпанные камнями из лазурита и красного сердолика. В ногах у женщин были рассыпаны золотые серьги в форме полумесяца, гребни, инкрустированные лазуритом и белым перламутром, а также разноцветные бусинки, из которых когда-то состояли ожерелья.

Не поддаются описанию те драматические позы, в каких сидели женщины, опершись плечами о наружную стену гробницы, с ногами, вытянутыми поперек раскопа. Они были немым, но красноречивым свидетельством трагедии, которая здесь когда-то разыгралась.

Теперь лопаты рабочих извлекали на поверхность все новые и новые доказательства этой трагедии. Пространство между группой женщин и повозкой буквально было заполнено останками других женщин и мужчин. По обе стороны входа в гробницу, засыпанного песком и камнями, стояли воины в боевых доспехах.

Несколько дальше лежали две арфистки в богато украшенных одеждах. Их арфы представляли собой настоящие шедевры шумерского прикладного искусства. Ведущим декоративным элементом здесь также была голова быка, выкованная из листового серебра; глаза и борода были сделаны из перламутра и лазурита.

От деревянных частей, естественно, ничего не осталось, но, судя по сохранившимся деталям, резонаторные ящики были украшены перламутровыми пластинками с вырезанными на них сценами из жизни животных.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОЛОТОГО ГОЛОВНОГО УБОРА ШУМЕРСКОЙ ЦАРИЦЫ ШУБ-АД

Около 2600 г. до н. э.

Мы уже упоминали, что рядом с мавзолеем царя А-бар-ги располагалась другая гробница, к которой вел наклонный спуск, находившийся выше. Тайну сундука теперь удалось объяснить. Видимо, могильщики, копая наклонную галерею, задели лопатами за купольный свод гробницы царя А-бар-ги. Могильщики не могли удержаться от соблазна, они сделали в куполе пролом и полностью ограбили склеп, не пощадив даже царских останков. В спешке они не заметили только две серебряные модели лодок. Пролом грабители кое-как заделали кирпичами и замаскировали сундуком. Это ни в ком не возбудило подозрений, поскольку галерея была целиком заставлена, как того требовал погребальный ритуал, множеством других предметов — кубками, вазами, чашами, повозками и арфами.

Когда были закончены работы по консервации новых находок, Вулли приступил к вскрытию второй гробницы. Рабочие очистили вход от земли и камней, и члены археологической экспедиции с бьющимися сердцами вошли в мрачный склеп. То, что предстало их изумленным взорам, напоминало финальную сцену какой-то дьявольской мелодрамы, в которой актеры падают, как трупы, в живописных позах и застывают без движения до тех пор, пока не закроется занавес. Только здесь вместо живых актеров лежали почерневшие от времени скелеты. Маска украшений, покрывающих их, позволяла с первого же взгляда определить, что это были останки женщин.

В самом центре усыпальницы на истлевших похоронных носилках покоился скелет женщины, верхняя часть которого была покрыта множеством бус из золота, серебра, лазурита, кварца, агата и халцедона. Около рта лежал тяжелый золотой кубок, рядом с правым локтем находились три золотые булавки с лазуритовыми головками, а также четыре амулета, изображающие рыб и газелей.

Головной убор умершей состоял из широких золотых лент, которые некогда охватывали карикатурно огромную прическу. Диадема имела фестоны в виде золотых листьев и цветов с лепестками из белого и голубого стекла. Под черепом находился гребень, украшенный золотыми розетками. По обеим сторонам головы когда-то находились ожерелья из четырехугольных бусинок, сейчас они в беспорядке были рассыпаны на носилках. На концах шнурков с ожерельями висели амулеты — фигурки быка и теленка, искусно вырезанные из голубого лазурита.

Опершись о носилки, на корточках сидели две служанки: одна у изголовья, другая — в ногах. Пол склепа был сплошь усеян различными предметами и драгоценностями: здесь лежали диадемы, золотые кувшины, серебряные вазы и светильники, два жертвенника из серебра, а также золотые шкатулки в форме раковин, в которых еще сохранилась помада зеленого цвета.

Но самой важной находкой являлась цилиндрическая печать, которая сообщала, что в гробнице была захоронена царица Шубад. Вулли пришел к выводу, что она была женой царя А-бар-ги. Видимо, перед смертью царица выразила желание быть похороненной рядом с мужем, и этим следует объяснять соседство гробниц.

Угрюмая тайна доисторических склепов оказалась раскрыта во всем ее драматизме: шумерских царей и цариц в посмертный путь сопровождала целая свита. Царь А-бар-ги лежал в окружении трех домочадцев, а в наклонной галерее, ведущей к усыпальнице, было погребено 62 человека. Царицу Шубад сопровождали 25 человек из ее ближайшего окружения, причем двум самым любимым служанкам выпала честь охранять покой царицы, сидя на носилках внутри гробницы.

Какой смертью погибли жертвы мрачного погребального ритуала — воины, придворные арфистки, танцовщицы и служанки, — останки которых были обнаружены на кладбище в Уре? Археологи долго ломали себе голову над этим вопросом и, наконец, путем умозаключений, достойных Шерлока Холмса, пришли к интересным выводам.

**АРФИСТКИ,
ПЛАКАЛЬЩИЦЫ
И СЛУЖАНКА,
ОПОЗДАВШАЯ
НА ПОХОРОНЫ**

Прежде всего они точно установили, что к жертвам никто не применил грубой

силы. Безусловным доказательством этого была спокойная поза скелетов, создающая впечатление, что члены царской свиты отошли в мир иной по собственной воле. Нормальное, ничем не нарушенное положение украшений, военных доспехов, кубков, которые умершие держали у рта, — все это лишний раз свидетельствовало о том, что между жертвами и жрецами, исполнителями погребального ритуала, не было никакой борьбы.

Вряд ли эти люди были умерщвлены где-то в другом месте, а в царскую могилу внесены уже мертвыми. Если бы дело происходило именно так, то обязательно наступило хотя бы самое незначительное нарушение в размещении украшений, оружия или ритуальных сосудов, а этого археологи не заметили, несмотря на исключительно тщательный осмотр. И уж совершенно исключалось третье предположение — захоронение живьем. Люди, погребенные заживо, даже если их одурманили наркотиками, до последнего дыхания боролись бы со смертью, и скончались, изогнувшись в предсмертных судорогах.

Разгадать эту тайну помогла, наконец, одна находка, на которую никто вначале не обратил особого внимания. Это был большой медный котел неизвестного назначения, найденный вблизи группы придворных арфисток. Вулли заметил, что котел находился в самом центре галереи. Не имеет ли он какой-либо связи с кубками, которые держали у рта все без исключения жертвы погребального обряда?

Вулли выдвинул следующую гипотезу: в котел наливался, видимо, какой-то дурманящий напиток, возможно опиум или гашиш. Люди, обреченные на смерть, подходили один за другим к этому котлу, зачерпывали кубком снотворный напиток, выпивали его одним духом, а потом возвращались на место, которое им определял похоронный церемониал, и погружались в сон. Затем в наклонную галерею входили воины или жрецы и убивали жертв ударами кинжала в сердце.

На висках 28 женщин из 68 находились украшения в виде тонкой золотой ленты. Сначала археологам казалось, что остальные женщины не имели на головах никаких украшений. Однако позднее они заметили на их черепах загадочные пурпурные пятнышки. Химический анализ показал, что это было хлористое серебро. Отсюда со всей очевидностью следовало, что головы

этих женщин украшали серебряные ленты, которые совершенно исчезли, так как в отличие от золота серебро подвержено воздействию органических кислот.

В связи с этим археологи много столетий спустя стали свидетелями любопытного случая, который приключился во время торжественных похорон. На останках одной из женщин были найдены серьги из чистого золота. Тем более странным казалось то, что на голове у нее не было никакого украшения, археологи не обнаружили на ее черепе даже пурпурных пятнышек хлористого серебра. Как же так? Женщина с золотыми серьгами и вдруг без ленты? Что-то здесь не так, ведь у всех других женщин были на голове украшения.

Извлекая ее скелет, археологи заметили, что на уровне пояса лежит диск из какой-то серой массы. Странный предмет тщательно очистили и стали рассматривать сквозь лупу. И вдруг — неожиданность: диск оказался серебряной лентой, точно такой же, какие украшали головы всех других шумерских женщин, только лента была плотно свернута. Положение ее на уровне пояса указывало на то, что женщина держала ленту в кармане своего платья. А так как свернутая лента представляла собой солидную массу серебра, защищенную к тому же тканью одеяний от разрушительного воздействия органических кислот, она не подверглась, как другие серебряные ленты, химическому уничтожению.

Но каким образом лента оказалась в кармане женщины вместо того, чтобы сиять на ее голове? Ведь все участники мрачного погребального торжества выступали во всем блеске своих парадных одежд. По этому поводу археологи могли строить лишь различные догадки. Наиболее правдоподобным оказалось такое предположение: молодая женщина, которая была служанкой при шумерском дворе, опоздала на похороны. Она не успела во время одеться и в спешке сунула ленту в карман, чтобы надеть ее на голову по дороге или во время погребальной церемонии. Почему она не выполнила своего намерения, теперь уже выяснить невозможно.

Это незначительное археологическое открытие многое рассказало нам. Мы, как в волшебном зеркале, увидели живых людей, людей с их слабостями и заботами, людей, которые очень похожи на нас, хотя и жили в столь отдаленные времена, в чуждых нам общественных условиях. Молодая женщина, еще совсем недавно радовавшаяся жизни, теперь, бледная, дрожащими руками поправляет складки своей ниспадающей туники, чтобы достойно встретиться с Молохом⁹ нечеловеческого ритуала, который поглотит ее молодую жизнь.

⁹ Молох — в религии Древней Финикии и Карфагена — бог зимнего солнца, которому приносили в жертву людей. В переносном смысле — дело, которое требует многих жертв.

Сегодня трудно сказать с полной уверенностью добровольно ли шли эти люди на смерть. Обстоятельства, о которых мы вспоминали раньше, как будто свидетельствуют о том, что жертвы были добровольными. Все верили, что царь-жрец Ура существо божественное, а его смерть — простое переселение в мир иной, где он займет достойное его сану место. Поэтому не исключено, что слуги считали выгодным сопровождать царя в могилу и служить ему в потусторонней жизни.

Но, с другой стороны, некоторые факты говорят о том, что эта вера в божественность царя не была в Шумере настолько слепой, как это могло бы показаться. Мы уже знаем обстоятельства ограбления склепа царя А-бар-ги. Могильщики совершили преступление вскоре после смерти царя и при этом затащили его тело в укромное место, чтобы спокойно содрать с него все драгоценности. Трудно поэтому предположить, что они верили в божественность царя и спасались его мести, раз уж отважились на столь страшное святотатство.

А ведь могильщики жили в Уре и должны были находиться под влиянием тех предрассудков, которые с детских лет им прививали жрецы. Если же они наперекор этому с таким откровенным цинизмом отнеслись к останкам своего повелителя, то отнюдь не исключено, что и среди жертв погребального ритуала были люди, которые не очень-то верили жрецам. Для них смерть в царской могиле, несмотря на всю пышность церемонии, была просто-напросто казнью.

Следует, видимо, согласиться с мнением, что большинство жертв не хотело умирать. Но почему же в таком случае не было найдено ни одного следа насилия? Ответ прост: эти люди шли на смерть так же покорно, как приговоренный идет на эшафот, не видя никаких шансов на бегство или помилование. Шли на смерть, охваченные диким ужасом, а не с надеждой на загробную службу в свите покойного царя.

Варварский погребальный ритуал своими корнями уходил в глубины классового общественного строя и являлся точно так же, как и обожествление царя, одним из орудий господства правящих классов над трудящимся народом. По мере того как стала ослабевать вера в божественность царя, жестокий обычай встречал все большее и большее сопротивление и вскоре начал отмирать.

В более поздних царских могилах археологи уже не находят человеческих жертв. Можно предположить, что ритуал этот исчез вместе с первой царской династией города-государства Ура. В царских могилах Вулли собрал достаточно фактов, чтобы отважиться воспроизвести ход погребального церемониала. В одном месте галереи были обнаружены микроскопические остатки ткани, по которым можно было установить, что женщины носили одежды пурпурного цвета. Одну группу женщин сос-

тавляли, видимо, арфистки, а другую — танцовщицы, певицы и служанки. Одна из арфисток держала руку на арфе в том месте, где когда-то находились струны. Создавалось впечатление, что, умирая, женщина брала на арфе последние аккорды.

На основании этих и многих других деталей нетрудно воспроизвести живописнейшую картину царских похорон. Вот в наклонную галерею торжественно входит разряженная процесия арфисток, певиц и танцовщиц, придворных дам и служанок, воинов и конюхов, сановников и военачальников. Слуги вносят погребальную утварь и сундучки; ослы и быки тянут повозки и колесницы — одним словом, в могиле собирают все добро покойного царя.

Воины в полном снаряжении занимают свои посты вечных хранителей гробницы. Вдоль галереи выстраиваются певицы и арфистки. Под палящими лучами солнца Месопотамии живым огнем горит пурпур ниспадающих женских туник, сверкают золото и серебро украшений, сияет полированная медь шлемов, копий и кинжалов, играют радугой разноцветные бусинки ожерелий.

Сквозь распахнутые ворота гробницы в полуумраке видны царские останки, убранные в роскошные церемониальные одеяния и лежащие на похоронных носилках. Пока исполняется погребальный обряд, здесь слышны тихие звуки арф, ритуальное пение жрецов, женский хор и причитания придворных плачальщиц.

По условному сигналу члены царской свиты поочередно подходят к большому медному котлу, зачерпывают кубками снотворный напиток и выпивают его одним духом. Потом они возвращаются на свои места, ложатся или садятся на землю и медленно погружаются в сон. Арфистки перебирают струны все медленнее, замолкает пение — вокруг наступает гробовая, наполненная ожиданием тишина.

И вот, наконец, с вершины зиккурата раздаются звуки фанфар. По знаку жреца в галерею входят воины и точными ударами кинжалов убивают людей и животных. Затем могильщики заваливают камнями вход в гробницу и заполняют землей огромную яму, в которой находятся наклонная галерея-спуск и купольный мавзолей. В траурном молчании толпы людей медленно расходятся, чтобы вновь заняться своими повседневными делами.

Прошло всего лишь три столетия, а о царской чете, лежащей в подземных гробницах, все совершенно забыли. Последующие поколения жителей Ура ничего не знали о властелинах, которые унесли с собой столько человеческих жизней и столько сокровищ, не знали даже, что на этом месте было когда-то кладбище. Сюда начали ссыпать мусор и камни. Уровень насыпи

СКУЛЬПТУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЗЛА

Золото, серебро, ляпис-лазурь. Царские гробницы в Уре. III тысячелетие до н. э.

поднимался все выше и выше, и гробницы оказались очень глубоко под землей. Минуло семь веков, на месте свалки возникло новое кладбище, на котором были похоронены цирюльник и дворецкий дочери царя Саргона, жрицы богини Луны.

Только спустя 5 тыс. лет археологи воскресили имена царицы Шуб-ад и царя А-бар-ги, открыли жуткую тайну их похорон.

АРЕНДАТОРЫ ИМЕНИЙ БОЖЬИХ

Урожайная некогда Месопотамия только в одном отношении была бедным краем: природа поскупилась наделить ее полезными ископаемыми. Поэтому сырье, из которого замечательные шумерские мастера изготавливали художественные изделия, в таком огромном количестве найденные археологами, непременно должно было поступать из-за границы.

Цари и жрецы привозили из других, нередко очень далеких стран кедр, полудрагоценные камни, алебастр, диорит, медь, перламутр, золото и серебро, но прежде всего любимый ими лазурит. Эти дорогостоящие товары они получали в обмен на сельскохозяйственную продукцию своей страны — шерсть, скот, ячмень, маслины, мясо, домашнюю птицу и финики, а также и на некоторые изделия шумерских ремесленников, например, шерстяные ткани, кожаные сандалии, богато украшенное оружие, ювелирные изделия, керамику, инструменты, искусно вырезанные печати, сосуды из различных металлов, статуэтки и косметические средства.

Сказочное богатство, найденное в могилах шумерских царей-жрецов, рассказывает нам иногда об общественных отношениях того времени больше, чем некоторые письменные источники. Мы узнали прежде всего о двух основных фактах: во-первых, о том, что уже за 3 тыс. лет до н. э. вследствие технического прогресса в сельском хозяйстве шумерский крестьянин производил значительно больше продуктов питания, чем сам мог потребить; во-вторых, о том, что господствующие классы все излишки этой продукции присваивали себе, используя их для приобретения предметов роскоши.

Яркий свет на классовое устройство шумерских городов-государств проливают записи и хроники, найденные в руинах храмов и дворцов. Жрецы и некоторые шумерские цари основывали библиотеки и архивы, состоявшие из клинописных табличек, которые хранились в «конвертах» из обожженной глины. Благодаря счастливому стечению обстоятельств до нас дошло несколько таких библиотек — например, в Лагаше, Ниппуре и Сиппаре, — содержащих десятки тысяч клинописных табличек, но прежде всего — огромная библиотека в Ниневии, основанная ассирийским царем Ашшурбанипалом, страстным любителем документов, который привлек целую армию переписчиков и агентов, для того чтобы собрать в своем дворце все доступные ему источники — почти всю ассирио-аввилонскую литературу.

СТАТУЯ ЗНАТНОГО ШУМЕРА

Лагаш, около 2500 г. до н. э.

Буржуазная археология не умела использовать этих источников и занималась главным образом историей царей, войн и завоеваний. Она довольно смутно представляла себе такие вопросы, как разложение первобытной общины у месопотамских народов, возникновение общественных противоречий, рабства, а также тенденциозно освещала первые факты проявления классовой борьбы, отчетливые отзвуки которой мы находим в письменных источниках из шумерских библиотек.

Подобно другим племенам, шумеры не миновали стадии первобытной общины, периода, когда не было еще частной собственности и эксплуатации человека человеком. Но в связи с техническим прогрессом, ростом производительных сил, а также углублением социального и имущественного неравенства первобытная община пришла в упадок.

Археологические находки, сделанные в царских могилах, а также другие источники красноречиво свидетельствуют о том, что уже за 3 тыс. лет до н. э. разложение первобытно-общинного строя было пройденным этапом. В обществе шумеров существовало глубокое классовое и имущественное неравенство: с одной стороны — господствующий класс во главе с царем, возведенным в сан божества, с другой — крестьяне и ремесленники, как будто и свободные, но на самом деле экономически зависимые и, наконец, огромная масса рабов, которые поливали своим потом поля жрецов и сановников.

Это положение вещей прикрывалось традиционной формой первобытной общины, которая, однако, была уже лишена своего первоначального содержания. Вся обрабатываемая земля формально принадлежала богу, а царь-жрец был только правителем, «земледельцем-арендатором», как он себя величал, на которого

возлагалась обязанность делить землю между родами, семьями и отдельными людьми.

Из клинописных табличек, откопанных в шумерском городе Лагаше, мы узнаем, как этот раздел осуществлялся на практике. Записи рассказывают нам прежде всего о могуществе и богатстве жречества. Большая часть обрабатываемой земли уже тогда принадлежала 20 храмам, находившимся в этом городе. Остальное царь-жрец распределил между придворной знатью и мелкими земледельцами. Но даже этот акт носил ярко выраженный классовый характер. Если мелкий земледелец получал всего лишь 0,8—2,5 акра земли, то высокий сановник имел право получить до 35,5 акров, а сам царь оставлял себе целых 608 акров. Кроме того, условия аренды для крестьянина были намного тяжелее, чем для придворного сановника. В наших руках имеются довольно обширные сведения о положении дел в поместьях храмов, почерпнутые из бухгалтерских записей храма богини Бау, владелицы половины всех обрабатываемых земель города-государства Лагаша. Из них явствует, что $\frac{3}{4}$ своих владений жрецы отдавали в аренду крестьянским семьям, причем нещадно эксплуатировали этих людей, отбирая у них в качестве оброка от 70 до 80% годового урожая.

Остальная часть храмовых земель обрабатывалась рабами под присмотром жрецов. Благодаря сохранившимся спискам рабовладельцев, мы можем воссоздать довольно полную картину того, кто и в каких условиях трудился на земле храма, а также, что там производилось. В списке перечисляются 27 пивоваров, 6 рабов-помощников, 21 пекарь с 27 рабами-помощниками, 40 прях и ткачих, а также кузнецы, плотники и другие ремесленники, экономы, писари и надсмотрщики. Их труд оплачивался скучными порциями съестных продуктов, в основном ячменем. Инструменты, тягловые животные, сельскохозяйственные орудия и приспособления, повозки, лодки и сети для рыбной ловли — все это было собственностью храма.

Ремесленники, видимо, были свободными гражданами Лагаша, однако, не имея собственных орудий труда, они не могли и мечтать не только о независимом труде, но даже и о смене хозяина. Да, в конце концов, и неизвестно, смогли бы они или нет решиться на это, ибо феодальный и эксплуататорский характер хозяйства прикрывался религиозной оболочкой. Рядовому шумеру с детских лет вбивали в голову, что земля и все, что на ней произрастает, является собственностью бога, а не жрецов, а поэтому его труд есть не что иное, как выполнение религиозного долга, завещанного богом.

Огромные проценты за аренду, а также ростовщичество, которое широко использовали в своих интересах богачи, заставляло трудящийся народ лезть в долги и попадать в экономическую зависимость, которая по сути дела ничем не отличалась от раб-

**ЖЕНЩИНА, ИГРАЮЩАЯ
НА ЦИМБАЛАХ**

Терракота, *позднее*
шумерское *искусство*.
2000—1900 гг. до н. э.

ства. Вначале это не было явным рабством, хотя практически крестьянин или ремесленник жил ничуть не лучше невольника. Тот клочок земли, что доставался крестьянину, принадлежал не ему, а богу, которому ценой нищеты своей семьи он должен был отдавать большую часть всего урожая. Но часто его лишали и этого хозяйства, заставляя отрабатывать долго в имениях храмов и сановников, где он вскоре переставал отличаться от рабов, набиравшихся из числа пленников.

Весьма точно отражало положение трудящихся масс шумерское законодательство. Оно позволяло, к примеру, главе семьи продавать своих детей или отдавать их за долги в рабство. Многочисленные контракты о купле и продаже детей, найденные в руинах шумерских городов, показывают, что опутанное долгами и доведенное до крайней нищеты население шумерских городов очень широко пользовалось этим правом. Из поколения в поколение все больше свободных членов шумерских племен становилось рабами.

Процесс закабаления трудящихся углублялся с каждым столетием, особенно после покорения Шумера вавилонянами, ассирийцами и, наконец, халдейскими нововавилонянами.

Гнет, своеолие и жестокость жрецов, сановников и царя-жреца уже за 2500 лет до н. э. вызывали классовые конфликты. Отголоски этих конфликтов мы находим во многих клинописных текстах. Так, например, один из летописцев жалуется, что «высокий жрец вошел в сад бедняка и отобрал у него дерево». Другой текст сообщает: «Если в хозяйстве подданного появился хороший ослик, и господин сказал: хочу его купить, то редко платил за него столько, чтобы было удовлетворено сердце хозяина».

Теперь легко понять причину политических брожений, которые за 2400 лет до н. э. переживал шумерский город-государство Лагаш. Последние его цари из династии Урнанше постепенно утрачивали почву под ногами, а царь Лугальанда был уже только безвольной игрушкой в руках верховного жреца, действительного властелина Лагаша.

Невыносимый политический и экономический гнет привел к тому, что в стране произошел переворот. Во главе государства стал некий Урукагина, пожалуй, первый в истории политический реформатор. Урукагина сверг власть жрецов, обуздал самоуправство богачей и провел ряд реформ, которые облегчили положение обездоленных трудящихся масс. В руинах города Лагаша найдены три каменных конуса, а также каменная плита, на которых по приказу Урукагины была высечена для потомков история его реформ. Там описывается плачевное состояние города, в котором он его застал: живодерство сборщиков податей, своееволие и алчность жрецов, берущих огромную плату за религиозные услуги, гнет и беззакония знати. Затем он гордо заявляет, что искоренил эти злоупотребления, и «сиротам и вдовам богач не чинил уже кривды».

Из надписей следует, что переворот не преследовал цели изменить политический строй города-государства. Урукагина не имел намерения уничтожить рабство и классовое неравенство. Он стремился лишь изжить наиболее яркие злоупотребления власти имущих по отношению к мнимо свободным крестьянам и ремесленникам.

Во время его правления Лагаш пережил новый период расцвета. Урукагина сообщает, что он построил ряд сооружений и расширил систему ирригационных каналов. Трудящийся народ почувствовал некоторое улучшение своего положения и почитал его как своего **освободителя**.

Однако правление Урукагины продолжалось только пять лет. Либеральные реформы вызвали среди рабовладельческой аристократии огнальных шумерских городов сильнейшую тревогу. Их интриги, а также подстрекательство со стороны изгнанных жрецов привели к тому, что царь города-государства Уммы, Лугальзаггиси, внезапно напал на Лагаш, опустошил его, а Урукагину (мы ничего не знаем о его окончательной судьбе), вероятно, взял в плен и убил. До наших дней дошел проникновенный плач, напоминающий причитания Иеремии, о судьбе несчастного города, ог которого осталось лишь пепелище.

Вся шумерская история — это непрерывная цепь войн, в результате которых отдельные города по очереди добивались гегемонии. Это были города-государства Лагаш, Ур, Агаде, Исин и Ларса. Позднее царь города Аккада Сargon I (2360—2305 гг. до н. э.) покорил не только весь Шумер, но и расширил свои владения на восток, далеко за Персидский залив, а на запад —

вплоть до Средиземного моря. Саргон объявил себя царем Шумера и Аккада. Он, правда, положил конец эпохе независимых шумерских городов, но в его империи язык и культура шумеров не только не погибли, а напротив — расцвели еще богаче и поглотили победивших аккадцев.

Шумеро-аккадское государство существовало всего лишь два столетия. Уничтожили его воинственные племена горцев-эламитов, а потом на его руинах основал могущественную вавилонскую империю великий завоеватель и законодатель — Хаммурапи (около 1800 г. до н. э.). Через 550 лет в Месопотамии возникает новая держава ассирийцев, а затем в 626—538 гг. до н. э. — Нововавилонское царство, созданное семитскими халдеями. Позднее Месопотамию завоевывает персидский царь Кир. Наконец здесь появляется один из крупнейших завоевателей в истории человечества Александр Македонский и покоряет весь Ближний Восток.

Государства аккадцев, вавилонян, ассирийцев, халдеев и даже в какой-то степени персов и греков были непосредственными наследниками культуры шумеров. Роль шумеров в этих очередных империях живо напоминает роль римлян и римской культуры в истории европейских государств. В течение без малого трех тысячелетий шумерский язык, подобно латинскому, не только не умер, но даже продолжал развиваться, хотя шумеры давно уже не существовали.

Первоначально шумерский язык был повсеместно распространен наряду с другими семитскими языками, однако со временем сделался исключительно языком поэтов и жрецов. Последние использовали его в качестве языка богослужений и с благоговением лелеяли его в школах, где готовились писари, счетоводы, судьи, врачи, учителя и астрономы. Мемориальные надписи на каменных плитах и цоколях в течение многих столетий также делались на шумерском языке или же на шумерском и вавилонском одновременно.

Открытия в Уре и других шумерских городах принципиально изменили точку зрения на происхождение нашей культуры. В начале XIX в. ученые считали, что культурой, а в особенности искусством, мы обязаны грекам, у которых она якобы возникла совершенно неожиданно, словно Афина Паллада из головы олимпийского Зевса. С того времени, как стали известны цивилизации Египта, Крита и Вавилона, мы узнали, что колыбель нашей культуры следует искать в более отдаленном прошлом истории человечества. Только археологические находки, относящиеся к эпохе шумеров, показали, что праисточник нашей цивилизации не только в Египте, но также и в Шумере, где уже за 3 тыс. лет до нашей эры люди добились изумительных успехов в архитектуре, прикладном искусстве, юриспруденции, медицине, литературе и астрономии.

Крепкая нить, протянувшаяся сквозь тысячелетия, соединяет шумеров с нашим временем. Многие народы развивались и погибали, по-своему преобразуя их культуру и передавая другим народам наследие древней цивилизации, истоков которой они даже не знали. Во многих областях мы также являемся далекими наследниками шумеров. В качестве посредников выступили здесь бесчисленные поколения, которые донесли до нас и незначительные вещи, и принципиальные: и те, что были для человечества настоящим тормозом, и другие, представляющие собой великие завоевания человека в его шествии от примитивизма к цивилизации.

Как земледельцы шумеры видимо, опередили египтян в искусстве орошения полей с помощью ирригационных каналов. Они открыли также метод улучшения растений путем скрещивания. Финиковую пальму, которая почиталась священным деревом, шумеры искусственно опыляли, получая таким образом обильные урожаи.

Что же касается шумерской скульптуры, то она не достигла расцвета. Объяснить это можно тем, что в Месопотамии отсутствовали соответствующие материалы: дерево, камень и металлы. Однако археологам встретились незаурядные произведения шумерских скульпторов, как, например, уже упомянутый нами барельеф, изображающий раненую львицу.

В архитектуре и прикладном искусстве шумеры оказались недюжинными мастерами. Именно они открыли такие декоративные элементы, как арка, купол, пилястр, фриз, мозаичные стенные орнаменты, но самое главное — разработали принципы пропорции и гармонии в строительстве, благодаря чему их крепостные стены, храмы, дворцы и пирамиды, несмотря на свою массивность, не были лишены определенного изящества и легкости форм.

Наибольшее восхищение, однако, вызывают изделия шумерских ремесленников, найденные среди руин и в царских могилах. Творцами этих шедевров прикладного искусства были безымянные умельцы: гончары, граверы и оружейники, люди, находящиеся на самом дне сословной лестницы, люди, влюбленные в свое искусство и глубоко чувствующие прекрасное. Если шумерское искусство могло соперничать с искусством других народов, то случилось это благодаря скромным народным художникам-самородкам, которые с исключительной сноровкой чеканили рельефы из листового золота и серебра, выковывали кубки, вазы, шлемы и щиты, инкрустировали перламутром и полудрагоценными камнями арфы и шкатулки или вырезали миниатюрные мифологические сценки на печатях.

Шумерам человечество обязано появлением библиотек, архивов и художественной литературы, но прежде всего созданием прототипа великого героического эпоса.

Религия их первоначально выражалась в обожествлении сил природы, однако со временем божества, олицетворяющие солнце, луну, воду, звезды, воздух, стали символами таких отвлеченных понятий, как справедливость, добро, мудрость, урожай, могущество государства.

Шумеры были, кроме того, творцами некоторых основных религиозных идей, заимствованных затем религиями других народов. Имя главного бога Ану означает дословно «отец», имя богини Ниммах — «божья мать», а бога Таммуза — «истинный сын». Таммuz ежегодно умирал осенью, а воскресал весной. Смерть его и воскрешение отмечались в Шумере торжественными процессиями и богослужениями, во время которых жрецы приносили жертвы в виде растений и животных. Это сопровождалось пением псалмов под звуки бубнов, флейт, рожков, труб и арф. Следует отметить, что шумеры были также изобретателями семитоновой гаммы.

Вавилонский кодекс Хаммурапи, найденный в Сузах на большом базальтовом столбе, был не чем иным, как дальнейшим развитием основных положений древнейшего шумерского права. Тяжкие телесные наказания, которые предусматривает кодекс за мельчайшую провинность, являются свидетельством жестокости того времени, однако следует считать несомненным шагом вперед то, что в основе его лежал принцип вины и ряд других чисто юридических категорий, и то, что он был освобожден от религиозных предрассудков. Был это, следовательно, первый секуляризованный¹⁰ кодекс, в котором не бог, а государство вершило правосудие. Эта рационалистическая черта шумерского, а затем и вавилонского законодательства проявилась позднее в кодексах Юстиниана и Наполеона.

Слишком сильное влияние религиозно-каббалистических предрассудков помешало шумерам добиться серьезных успехов в области науки. И все же следует отметить некоторые их достижения в медицине, астрономии и математике.

Жрецы Шумера занимались, правда, главным образом угадыванием будущего по расположению звезд — в руинах найдено 72 астрологические книги времен Саргона I, — однако наблюдения неба, которые велись с вершины зиккурата, принесли им также научно-практическую пользу. Они создали лунный календарь, в котором период обращения Луны вокруг Земли вычислили с точностью до 4 секунд. Орбиту Меркурия они определили с большей точностью, чем греческие астрономы Гипарх и Птолемей из Александрии.

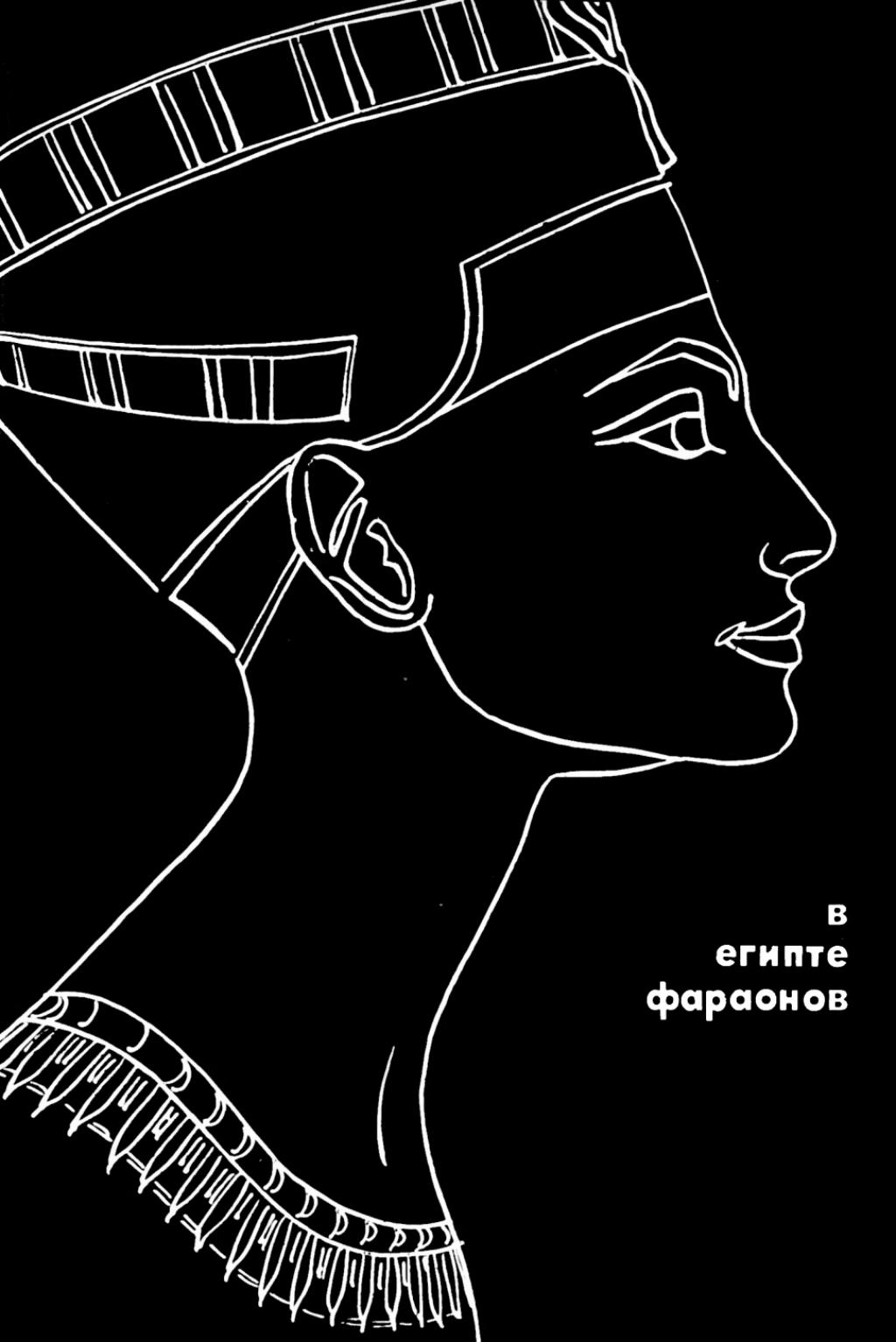
В математике шумеры научились отлично пользоваться многозначными числами. Греки, которые совершили в математике

¹⁰ Секуляризация — процесс освобождения от церковного влияния в отдельных областях общественной жизни.

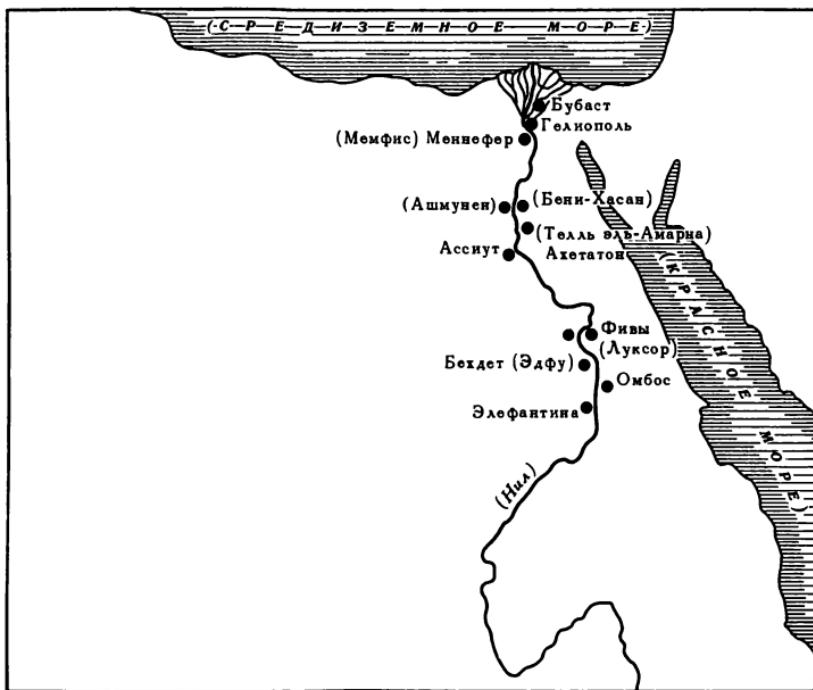
ряд основополагающих открытий, считали число 10 000 «большим, невозможным для исчисления», в Европе понятие «миллион» стало широко известным лишь в начале XIX в., а на одной из шумерских клинописных табличек найдены математические расчеты, результат которых выражался числом 195 955 200 000 000.

Медицина шумеров, хотя и не была лишена рационального зерна в хирургии и лечении травами, главным образом основывалась на магии, колдовстве, чарах и заклинаниях.

Нельзя не сказать о том, что среди шумеров была широко распространена вера в черную магию. На восьми клинописных табличках сохранились подробные советы, как бороться с ведьмами. Но можно ли упрекать в этом людей, которые жили 5 тыс. лет назад, если даже в 1484 г. римский папа Иннокентий VIII огласил буллу против тех, кто водится с демонами, а средневековый «Молот ведьм» вплоть до XVIII в. оставался руководством при пытках людей, подозреваемых в колдовстве.

в
египте
фараонов

В мае 1798 г. Наполеон, готовясь к экспедиции в Египет, собрал в Тулонском порту 128 кораблей и 38 тыс. ветеранов итальянской кампании. Это было очень рискованное предприятие, так как воды Средиземного моря контролировал тогда могучий флот Великобритании под командованием Нельсона. Наполеон, однако, рассчитывал на то, что два очередных бунта английских матросов дезорганизовали противника настолько, что легкие французские суда сумеют незаметно проскользнуть сквозь кольцо блокады.

Планы, связанные с этой экспедицией, не ограничивались лишь захватом Египта. Наполеон намеревался со своей небольшой, но закаленной в битвах армией двинуться затем в Индию, покорить ее и таким образом подорвать устои мировой британской империи.

Еще в молодости воображение Наполеона поразили завоевания Александра Македонского, поэтому, идя по его стопам, он мечтал основать на Востоке великую державу и сделаться ее полновластным повелителем.

В конце XVIII в. Египет для европейцев оставался еще страной экзотической и таинственной. Историю его знали только по произведениям древних авторов, таких, как Геродот, Страбон, Диодор и Плутарх, а также по малодостоверным сочинениям, оставленным писателями Возрождения. Что же касается путешественников, возвращавшихся с берегов Нила, то они рассказывали чудеса о древнейших руинах, о храмах, пирамидах, колоннах, сфинксах и обелисках, покрытых сверху донизу таинственными знаками и полузасыпанных песками пустыни. Был среди них также польский археолог, историк и путешественник Ян Потоцкий (1761—1815), который в 1797 г., т. е. за год до похода

КАМЕНЬ,
ЧТО ЦЕННЕЕ
АЛМАЗА

Наполеона, издал на французском языке книгу под названием: «Путешествие по Турции и Египту».

Кроме завоевания Египта и Индии, Наполеон поставил перед собой и другую задачу, гораздо более полезную для человечества, чем его военные планы. Экспедиция в Египет должна была положить начало систематическим научным исследованиям истории этой страны. Поэтому он захватил с собой большую группу ученых и специалистов: астрономов, землемеров, минералогов, художников, ориенталистов, техников и даже поэтов, снабдив их всем необходимым научным снаряжением.

Нельсону не повезло: французский флот незамеченным пересек море и 2 июля высадился в Египте. У пирамид произошла решающая битва с египтянами. Армии Наполеона давала отпор 10-тысячная кавалерия бея Египта Мурада. Мамлюки, дворцовая гвардия бея, на резвых арабских скакунах выглядели очень bravо и воинственно; казалось, что они кривыми саблями изрубят французских пехотинцев. Однако ловкости египетских наездников оказалось явно недостаточно, чтобы победить опытных и дисциплинированных ветеранов итальянской кампании. В битве у пирамид французский экспедиционный корпус наголову разгромил войска бея, и 25 июля Наполеон вступил в Каир.

Но через неполные две недели, а именно 7 августа, счастье отвернулось от Наполеона. У берегов Абукирского залива, где стоял на якоре весь французский флот, неожиданно показался Нельсон. Французский адмирал разрешил матросам сойти на берег и, несмотря на появление англичан, не поднял тревоги, считая, что они не отважатся форсировать залив, очень опасный из-за подводных скал и мелей. Однако Нельсон ворвался в залив и, открыв артиллерийский огонь из всех корабельных орудий, потопил стоявшие у берега французские суда. Разгром под Абукиром отрезал Наполеону обратный путь во Францию, на долгое время задержав в Египте.

В корпусе генерала Дозэ, который преследовал разбитого бея Мурада, находился один из членов Комиссии ученых Доминик Виван Денон. Жизнь его была необыкновенно интересной. В ней, как в калейдоскопе, отразились все политические события, которые тогда всколыхнули Францию и Европу. Аристократ и одновременно талантливый художник, Денон в период монархии был осыпан всевозможнейшими почестями. Перед этим человеком, известным своей общительностью, блестящей эрудицией и остроумием, были открыты двери всех влиятельных домов Европы. В Париже он занимал должность хранителя королевской коллекции гемм¹ и являлся членом Французской академии. Когда он стал фаворитом мадам Помпадур, Людовик XV отправил его во французское посольство в Петербург.

¹ Гемма — дорогой камень с вырезанными на нем украшениями.

в качестве первого секретаря. Во время пребывания в России Денон сумел снискать симпатии императрицы Екатерины. Затем, переведенный в Швейцарию и назначенный там послом, он завел дружбу с Вольтером.

Получив известие о начале революции во Франции, он поспешил в Париж. Но там Денона ждал неприятный сюрприз: революционное правительство конфисковало его имущество. Какое-то время он жил на доходы от продажи своих рисунков на улицах столицы. Однако вскоре в нем принял участие знаменитый художник Давид, который доверил Денона исполнение гравюр по своим эскизам мод. Последний не только выполнил задание к удовольствию покровителя, но вдобавок ко всему, благодаря своей ловкости, сумел до такой степени очаровать Робеспьера, что тот приказал вернуть ему все его состояние.

В период правления Наполеона дела Денона шли неизменно хорошо. На сей раз он снискал симпатии жены диктатора Жозефины и по ее ходатайству был включен в состав египетской Комиссии ученых. Забегая несколько вперед, следует еще сказать, что после возвращения из Египта Денона получил назначение на должность генерального директора всех французских музеев и в это же время написал роман, который Бальзак оценил очень высоко за реалистическое отображение нравов современной ему Франции.

Таинственные и угриумые египетские руины произвели на Денона неизгладимое впечатление. С первой же минуты своего пребывания в Египте он не расставался с карандашом и альбомом. С горячим энтузиазмом он запечатлевал на бумаге все то, с чем сталкивался во время марша корпуса генерала Дозэ вдоль берегов Нила вплоть до первого водопада. Рисунки его были чрезвычайно точными и напоминали гравюры искусственных мастеров, поэтому их и расхватывали, как источник сведений о древних сооружениях Египта. Во время египетской кампании Денону было уже за 50, но грубоватой веселостью, отвагой и выносливостью он завоевал себе большую популярность среди французских солдат. Ни убийственный зной, ни дальние форсированные марши по вязкому песку пустыни не могли привести его в уныние; он всегда был первым на ногах и последним ложился спать, рисовал без устали — во время марша, привалов и стычек, даже тогда, когда вокруг него жужжали пули. В его альбоме появлялись все новые и новые колонны, сфинксы, обелиски, храмы, пейзажи Нила и пустыни.

Во время пребывания в Египте Комиссия ученых развернула в Каире бурную деятельность. Не проводила она, однако, раскопок, поскольку и на поверхности земли было так много памятников, что даже одна их регистрация потребовала бы нескольких лет работы. Приехавшие из Франции ученые измеряли руины, описывали памятники, наконец, делали их модели, а также

гипсовые и глиняные слепки. Кроме того, они собрали огромную коллекцию образцов египетского искусства: статуи, барельефы и даже саркофаги, которые, несмотря на морскую блокаду Нельсона, сумели благополучно переправить в Париж.

В августе 1799 г. небольшой французский отряд под командованием генерала Бушара занимался инженерными работами в форте Рашид, находящемся в нескольких километрах от арабского селения Розетта над Нилом. Как-то раз один из солдат извлек на поверхность земли большую плиту из черного полированного базальта, целиком покрытую надписями. Уже первое знакомство с ней вызвало немалое волнение среди французских археологов: оказалось, что надпись сделана на двух языках. Из трех колонок древней надписи две первые представляли собой текст на египетском языке, а именно: написанный старым иероглифическим письмом и более новым, упрощенным — демотическим, третья же колонка являлась текстом на греческом языке. Один из генералов, эллинист по образованию, легко прочел этот текст и убедился, что он содержит почетный адрес египетских жрецов, направленный в 196 г. до н. э. фараону Птолемею V Эпифану по случаю его коронации.

Римский император Феодосий в 391 г. издал эдикт, повелевавший закрытие всех языческих храмов. Жрецы различных культов были разогнаны без права продолжать свою религиозную деятельность. Некоторые из них приняли христианство. В Египте вместе с исчезновением последних жрецов было забыто трудное искусство чтения иероглифов. С тех пор в течение 1500 лет бесчисленные надписи на храмах и гробницах, мемориальных досках, саркофагах, статуях и обелисках были лишь собранием мертвых знаков. Знали о них только то, что элементы иероглифов почерпнуты прямо из жизни — в их начертаниях легко распознавались контуры людей, животных, растений, плодов, орудий труда, элементы одежды, оружия, корзин, сосудов и многих других предметов домашней утвари.

Ученый мир по достоинству оценил огромное значение «Розеттского камня». Один археолог сказал тогда, что этот камень «ценнее, чем все алмазы фараонов». Его исключительная ценность состояла прежде всего в том, что ученые впервые получили египетский текст вместе с его точным переводом на греческий язык. Сравнивая отдельные слова и фонетические знаки, можно было раскрыть тайну иероглифов.

Положение французской армии, победившей, но блокированной в Египте английским флотом, со дня на день становилось все более тяжелым. 17 августа 1799 г. Наполеон тайком покинул Египет и на фрегате «Мюйрон» благополучно добрался до берегов Франции. В 1801 г. французский экспедиционный корпус капитулировал. Согласно мирному договору, заключенному в Александрии, французы обязаны были передать англича-

как все собранные Комиссией ученых египетские находки, в том числе и «Розеттский камень», который вскоре оказался в Британском музее.

Казалось бы, французы навсегда потеряли плоды своей кропотливой работы по исследованию и коллекционированию египетских памятников. Однако так не случилось. Благодаря своей предусмотрительности они стали обладателями огромного иллюстративного и описательного материала, а также копий памятников, выполненных из гипса и глины, но прежде всего, конечно, слепка «Розеттского камня». Поэтому они смогли продолжить египтологические исследования уже непосредственно у себя на родине. В 1802 г. Виван Денон издал книгу под названием «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту». Она завоевала огромную популярность и пробудила широкий интерес к этой стране во всей Европе.

Переломным моментом в развитии египтологии явилось, однако, издание 24-томного труда, написанного Франсуа Жомаром на основе материалов, собранных Комиссией ученых, и богато иллюстрированного рисунками Денона. «Описание Египта» — так назывался этот труд — издали, затратив большие средства; содержал он, между прочим, сотни гравюр, большая часть которых была раскрашена от руки.

Для европейского читателя это произведение явилось своего рода открытием. Монументальность и своеобразие великолепных сооружений и скульптур Египта, виденных до того лишь отдельными путешественниками, вызвали всеобщее изумление. Очередные тома этого издания появлялись в 1809—1813 гг., этот период и можно назвать временем рождения египтологии, которая в течение XIX в., благодаря работам сотен ученых, увенчалась раскрытием большинства тайн египетской культуры.

Невозможно было и думать о продолжении каких бы то ни было научных исследований, не расшифровав иероглифов. Поэтому на первом этапе работы все внимание ученых приковал к себе «Розеттский камень» — двухязычная надпись вселяла надежду, что именно здесь удастся найти ключ к тайне иероглифов. Однако все попытки приносили лишь разочарования. В конце концов ряд ученых высказал сомнение в том, что вообще кому-нибудь посчастливится расшифровать надписи. Знаменитый французский ориенталист де Саси рискнул даже заявить, что «проблема эта слишком сложна и научно неразрешима».

**ШАМПОЛЬОН —
ВОСКРЕСИТЕЛЬ
ИЕРОГЛИФОВ** В то время как о расшифровке иероглифов велись страстные споры, Наполеон назначил префектом департамента в Гренобле одного из членов египтологической комиссии, математика и физика Жана Батиста Фурье. Великий ученый занялся местными школами, уделяя делу просвещения много времени и энергии. В 1801 г., проводя обследование од-

ной из средних школ Гренобля, он обратил внимание на 11-летнего ученика, некоего Жана Франсуа Шампольона, прозванного однокашниками «египтянином» за свои восточные черты лица.

Во время беседы Фурье открыл к собственному изумлению, что маленький, болезненного вида мальчик в совершенстве владеет латинским и греческим языками и что как раз теперь он взялся за изучение древнееврейского языка. Исключительные способности этого малыша произвели на Фурье настолько сильное впечатление, что он пригласил его к себе домой. Ученый провел его по всем комнатам, показывая богатую коллекцию привезенных из Египта находок. Шампольон все время молчал, но когда увидел кипы папирусов, покрытых иероглифами, несмело спросил:

- Кто-нибудь уже прочел это?
- К сожалению, нет...
- Я когда-нибудь это прочту, — ответил мальчик.

В 13 лет Шампольон хорошо владел (кроме уже перечисленных языков) арабским, сирийским, халдейским, коптским, древнеегипетским и санскритом. Молва об удивительном ребенке и гениальном лингвисте долетела вскоре до Парижа.

По окончании средней школы Шампольон намеревался поступить в один из парижских лицеев. С этой целью он написал конкурсную работу, которую должен был сначала прочесть в лицее своего родного города. Профессора ожидали услышать обычное в таких случаях ученическое сочинение, поэтому изумлению их не было предела, когда юный кандидат представил им серьезный и самостоятельный научный труд под названием: «Египет в эпоху господства фараонов», полный неизвестных фактов и смелых исторических предположений, основанный на произведениях древнееврейских, греческих и римских авторов.

Профессора были настолько ошеломлены знаниями и талантом кандидата, что вместо того, чтобы признать за Шампольоном право поступления в лицей, решили принять его в свое общество в качестве члена учительской коллегии. Шампольон, узнав об этом, от волнения потерял сознание и не мог дойти до дома без посторонней помощи.

И все же он не воспользовался предложением и отправился в Париж. Сидя в дилижансе, он признался своему опекуну, старшему брату, что предстоящую учебу в лицее считает лишь подготовкой к дешифровке «Розеттского камня». Это была его мечта, ей он посвятил всю свою жизнь и все усилия. Изучая восточные языки, Шампольон стремился понять психологию и образ мышления людей Востока и тем самым постичь образ мышления древних египтян. Он верил, что только так можно будет найти ключ к чтению иероглифов и пониманию языка.

Основное внимание он сосредоточил на особенностях коптского языка, представляющего собой наиболее позднюю, заклю-

чительную фазу развития древнеегипетского языка. На коптском языке говорили еще в XVII в. египетские феллахи, он и сегодня остается ритуальным языком коптской церкви. Шампольон владел им в совершенстве, а для того чтобы набить руку в письме, вел на этом языке свои дневники.

Постоянно читая труды, касающиеся Египта, он настолько глубоко изучил культуру и историю этой страны, что знаменитый в то время путешественник по Африке Сомини де Маненкур после беседы с ним восхликал:

— Но ведь он знает эту страну гораздо лучше меня!

В Париже Шампольон очень бедствовал. Жил он в мансарде недалеко от Лувра, нередко голодал; из дома выходил неохотно — ему стыдно было показываться на людях в своей истрепанной одежде, и лишь тайком пробирался в библиотеку, где целыми днями сидел, склонившись над книжками. Однажды зимой он очень тяжело заболел и лежал без присмотра в нетопленой, сырой клетушке. Жил он на те скучные средства, которые ему присыпал старший брат из своих небольших заработков.

Как-то раз Шампольон встретил на улице знакомого, который сообщил ему страшную новость: иероглифы уже расшифрованы. Шампольон побледнел и пошатнулся. Вот и лопнули все надежды; многолетние труды затрачены впустую только потому, что кто-то его опередил.

— Кто это сделал? — выдавил он через силу.

— Александр Ленуар. Только что появилась его брошюра «Новые объяснения», в которой он утверждает, что расшифровал все иероглифы. Ты только подумай, какое огромное значение это имеет для науки...

— Ленуар? — удивленно переспросил Шампольон. — Но ведь только вчера я его встретил, и он даже не заикнулся об этом.

— Что же здесь удивительного? Видимо, он не считал нужным говорить об этом до появления брошюры.

Шампольон побежал в ближайший книжный магазин и, полный тревоги, купил брошюру, чтобы немедленно прочесть ее.

Не прошло и часа после его возвращения домой, как хозяйка, сидевшая на кухне, услышала дикий хохот, доносившийся из комнаты постояльца. Она вскочила и, приоткрыв дверь, увидела, что Шампольон, истерически смеясь, катается по топчану. Брошюра содержала целый ряд отъявленных бессмыслиц. Он уже достаточно хорошо знал эту проблему, чтобы тотчас же заметить несусветные глупости, которые выдавались в брошюре за открытие.

В 1809 г. 19-летний Шампольон возвратился в Гренобль, чтобы занять в университете кафедру истории. Однако вскоре против него была организована настоящая травля со стороны полиции — Шампольон был пылким республиканцем и не скрывал своего отрицательного отношения к деспотии Наполеона. Он

писал ядовитые сатиры на императора и открыто выступал против его военной политики.

В письме к брату он процитировал следующий отрывок из священной книги индусов Зенд-Авесты: «Лучше вспахать шесть акров земли, чем выиграть двадцать четыре войны». Не удивительно, что университетские власти лишили его стипендии.

После падения Наполеона, настойчиво выступая против гнета новой монархии, он писал пьесы и сатирические песни, которые немедленно подхватывала улица. Несмотря на финансовые затруднения, Шампольон обработал в это время около тысячи страниц французско-коптского словаря, о чем шутливо сообщал в письме к брату: «Мой словарь становится изо дня в день все толще, зато я становлюсь все тоньше».

Наступил бурный период «Ста дней» Наполеона. Император бежал с Эльбы, пробрался во Францию и неожиданно вошел в Гренобль, где весь гарнизон тотчас же перешел на его сторону. Наполеон развил лихорадочную военную и политическую деятельность, однако, узнав о молодом ученом, нашел время, чтобы лично посетить его. Не обращая внимания на холоднуюдержанность, с которой встретил его Шампольон, он живо интересовался работой исследователя. Наполеон явился к нему и на следующий день, обещая всестороннюю помощь в издании коптского словаря.

Империя пала вторично, но гарнизон наполеоновских ветеранов в Гренобле не хотел сдаваться роялистам и оборонялся до последнего. Генерал Лятур приступил к бомбардировке города. Шампольон, правда, всегда обвинял Наполеона в измене республиканским идеалам, но настоящую ненависть у него вызывали роялисты, поэтому, не задумываясь, он встал в ряды защитников города.

Роялисты не простили ему этого. Заняв город, они немедленно лишили его университетской кафедры, а позднее возбудили против него дело о государственной измене. Это угрожало Шампольону гильотиной, поэтому в июле 1821 г. он бежал из Гренобля в Париж, где легче было скрываться.

Неизвестно, потому ли, что Шампольон страшился неудачи, или же просто потому, что не считал себя достаточно подготовленным — так или иначе он ни разу еще не предпринимал серьезной попытки расшифровать «Розеттский камень». Но теперь, находясь в Париже, — а это был 1822 г. — он всерьез взялся за это дело.

В каком состоянии находилась в то время наука об иероглифах? Ученые уже знали, что египетская письменность прошла три фазы своего развития, которые отразились в трех различных типах написания. В самую отдаленную эпоху египтяне использовали иероглифы, т. е. знаки, представлявшие собой реалистические рисунки живых существ и предметов. Так как система

письма этого типа являлась довольно сложной и требовала немалого художественного таланта, то спустя какое-то время зна-
ки были упрощены до самых необходимых контуров. Так воз-
никло иератическое письмо. Им пользовались главным образом
египетские жрецы, делая надписи в храмах и на гробницах.
В последний период появилось демотическое письмо, т. е. на-
родное; оно состояло из черточек, дуг и кружков, было легким,
хотя распознать в нем первоначальные символы было очень
трудно.

Иероглифами живо интересовались уже античные писатели Геродот, Страбон и Диодор, а в особенности Гораполлон (IV в. н. э.), считавшийся большим авторитетом в этой области. Они решительно утверждали, что иероглифы являются пиктографическим, т. е. картическим письмом, в котором отдельные знаки обозначают целые слова, а не слоги или буквы, иначе говоря, каждый отдельный знак называет какой-то конкретный предмет или отвлеченную мысль.

Исследователи XIX в. до такой степени находились под гип-
нозом этого тезиса, что им не пришло даже в голову подвергнуть
его научной проверке. Они настойчиво пытались расшифровать
иероглифы, рассматривая каждый знак как понятийный эле-
мент пиктографического письма. Но все их усилия оказыва-
лись тщетными, более того, — идя неверным путем, они неред-
ко приходили к совершенно вздорным, антинаучным выводам.
И только английский археолог Томас Юнг высказал предпо-
ложение, что египетские надписи складываются не только из
знаков-рисунков, но содержат также фонетические знаки; тем
не менее из этих наблюдений он не сумел сделать практиче-
ских выводов и найти ключ к дешифровке иероглифов.

Всемирно-историческая заслуга Шампольона была в том, что он порвал с Геродотом, Страбоном, Диодором и Гораполлоном и смело пошел своим собственным путем. За основу он принял гипотезу, что египетское письмо состоит из фонетических, а не понятийных элементов.

Греческая надпись на «Розеттском камне» содержала имена Птолемея и Клеопатры. Эти же самые имена, следовательно, должны были находиться и в обоих египетских текстах. Но где их искать среди сотен загадочных знаков? К счастью, все оказа-
лось гораздо проще, чем представлялось на первый взгляд. Уже давно было известно, что египтяне заключали имена царей в овальные рамки, или картуши. Поэтому Шампольон не сомневался, что два картуша, явственно выделявшиеся в муравейнике иероглифов, содержат имена упомянутых царей.

Сравнивая отдельные египетские знаки с соответствующими греческими буквами, он все более и более убеждался, что его гипотеза о фонетической основе иероглифов является совер-
шенно обоснованной.

Но Шампольон не остановился на этом. Путем сопоставления египетских знаков с греческими буквами, из которых складывались имена «Птолемей» и «Клеопатра», он прочел три иероглифа со звуковым значением П, О и Л. Определенную трудность представляло собой то, что два других иероглифа, которые в обоих египетских именах должны были быть одинаковыми — они обозначали и в одном, и в другом имени звуки Т и Е — имели различное написание. Однако Шампольон абсолютно правильно предположил, что египтяне в некоторых случаях использовали для обозначения одного и того же звука различные знаки. Вспомним, что греки также имели, например, по две буквы для обозначения звуков Е и О. Шампольон, пользуясь уже расшифрованными знаками, прочел еще имя — Александр и имена нескольких римских императоров в других текстах и таким путем увеличил общее число прочитанных иероглифов.

В некоторых случаях он использовал способы, обычно употребляемые при решении ребусов. Так, например, в одном из картушей он нашел два иероглифических знака: ☉, т. е. кружок с точкой посередине, а также характерный знак ☈, напоминающий перевернутую вниз вилку с тремя рожками сверху. Долго Шампольон ломал голову над смыслом этого кружка и вдруг однажды его осенило — кружок представляет собой не что иное, как символическое изображение солнца.

Из произведений греческих писателей он знал, что солнце по-египетски называлось Ра. Так как оба иероглифа обрамляла овальная рамка картуша, то можно было с уверенностью предположить, что обозначали они имя фараона — Рамзес. Но как произносилась вторая часть имени, эти уже названные вилки? Ответ на этот вопрос дал ученому коптский язык. Существует в нем слово месес, что значит сын. Вопрос прояснился: в египетском языке царское имя звучало Рамесес, или в переводе на русский язык «сын солнца».

Нам трудно теперь представить себе, каких огромных умственных усилий стоила Шампольону и его многочисленным продолжателям дешифровка иероглифов. Египетское письмо гораздо сложнее, чем это могло бы показаться после знакомства с приведенными выше примерами. Достаточно привести другие характерные детали, чтобы читатель сам мог в этом убедиться.

Египтяне совершенно не писали гласных, поэтому слова у них состояли только из согласных. Если бы мы встретились, к примеру, в русском языке с сочетанием согласных «кт» или «сн», то это могло бы означать «кот», «кат» (палач) или «кит» и «сон», «сын» или «сан».

Чтобы не возникало недоразумений, египтяне ставили в конце слов так называемые детерминанты, т. е. определители, которые поясняли, о чем идет речь в каждом отдельном случае. При слове «кт» мы поместили бы рисунок кота, палача или кита.

Но это еще не все. Египтяне обозначали даже отвлеченные понятия с помощью все тех же изображений конкретных предметов, поясняя их подлинный смысл различными символическими детерминантами. Сочетание согласных «вр» могло обозначать существительное «ласточка» и прилагательное «великий». В первом случае рядом рисовали ласточку, а во втором — свиток папируса. Теперь мы можем себе представить, сколько времени и трудов должен был потратить Шампольон, прежде чем ему удалось понять, какую роль играл этот свиток папируса. А таких ребусов в иероглифических надписях было бесчисленное множество.

Следует отметить, что египетский язык находился в употреблении дольше, чем другие языки мира, за исключением китайского. Люди пользовались им по крайней мере с IV тысячелетия до н. э. вплоть до XVII в. н. э., т. е. без малого 5 тыс. лет. Понятно, что в течение этого огромного периода египетский язык непрерывно развивался и претерпел принципиальные изменения. Если бы трое египтян — один из 3000 г., второй из 2000 г. и третий из 1000 г. до н. э. встретились, то они, наверняка, не поняли бы друг друга.

Иероглифическое письмо также постепенно преображалось. Кроме графических изменений, о которых мы уже говорили, происходил также процесс внутреннего развития. Древние греческие писатели не ошибались, заявляя, что первоначально иероглифы были картическим письмом. Но уже в очень отдаленные времена рисунки начали приобретать фонетические функции: обозначать не целый предмет, а лишь первый согласный его звучания. Таким образом, 24 знака стали обозначать согласные звуки. Следует еще отметить, что дальше египтяне уже не пошли, а потому и не смогли совершить переломного в истории человечества открытия — изобрести алфавит.

В связи с этим перед египтологами вставали огромные трудности. Дешифровка одного иероглифического текста вовсе не значила, что удастся прочесть и второй. Однако, благодаря гениальному открытию Шампольона, сегодня уже нет такой надписи, которую бы специалист не сумел прочесть и понять.

Большую помощь в реконструкции египетского языка оказало Шампольону его знание коптской грамматики и лексики, а также тот факт, что этот язык относится к большой группе семито-хамитских языков. Благодаря этому можно было сравнить египетский язык с другими, уже известными языками древних народов, которые населяли западную Азию, Аравийский полуостров и северо-восточную Африку.

Шампольон совершенно неожиданно для себя сделался во Франции крупнейшим научным авторитетом, а поэтому легко получил средства для экспедиции в Египет. В 1828—1829 гг. он во главе группы своих верных учеников вдоль и поперек

исходил долину Нила; всюду его принимали с исключительным гостеприимством, как человека, который «прочел письмена древних камней».

Все 15 участников экспедиции щеголяли в одинаковых тюрбанах, камзолах с золотыми позументами и сапогах из желтой кожи, а сам ее руководитель в настоящем арабском наряде.

Однако, несмотря на эти театральные аксессуары, экспедиция была серьезным научным предприятием. Шампольон вызывал изумление и восхищение своей огромной эрудицией в области египтологии. Как правило, он с первого взгляда определял, к какой эпохе следует отнести найденные памятники. Ничто не являлось для него неожиданностью, все лишь подтверждало его теоретические знания, которые были приобретены им во время многолетней учебы в Гренобле и в Париже.

Молодые товарищи Шампольона восхищались романтической красотой египетских руин. Вот что записал один из них о храме в Дендре:

«Наконец показался храм, купающийся в полусвете луны. Полный покой и таинственность господствовали под портиком с его гигантскими колоннами, а снаружи все тонуло в мерцающем сиянии луны. Удивительный, волшебный контраст! Мы разожгли костер из сухой травы посреди храма. Новое восхищение, новый взрыв энтузиазма, граничащего с экстазом! Нас охватила какая-то непонятная горячка, какое-то безумство, какого неописуемый порыв!»

Сам руководитель экспедиции отзывался об этом храме более сдержанно, но видно, что и он не остался равнодушным к его очарованию:

«Я не пытаюсь даже описать впечатление, какое произвел на нас храм, а особенно его портик. Отдельные фрагменты сопротивления могут быть описаны с помощью цифр, но абсолютно невозможно дать какое-либо представление о целом. Храм замечательно сочетает в себе очарование и величие. Мы находились там два часа, переполненные чувством восторга. В сопровождении оборванного феллаха мы бродили по его залам и при свете луны пытались читать надписи, начертанные на наружных стенах».

Спустя три года после возвращения из путешествия по Египту Шампольон умер в Париже в результате полного истощения организма, вызванного нечеловеческим умственным трудом.

ДОЛИНА ЦАРЕЙ, СВЯЩЕННЫЕ БЫКИ И СФИНКСЫ После выпуска в свет книги Денона и роскошного альбомного издания Жомара все более или менее значительные города Европы считали делом чести иметь в своих музеях экспонаты прямо с берегов знаменитого Нила. Многочисленные экспедиции, которые снаряжались в Египет, редко преследовали истинно научные цели, это была чаще всего

дань моде. В погоне за легкой наживой авантюристы на свой страх и риск отправлялись в Египет и скапали скульптуру, скарабеи² и даже саркофаги и мумии, чтобы потом перепродасть их частным коллекционерам.

Благодаря этой конъюнктуре в Каире процветала торговля из-под полы, которую не смогли приостановить даже самые суровые административные меры. Целые деревни египетских феллахов, лежавшие неподалеку от руин и царских гробниц, сделали торговлю древностями главным источником своих доходов. В тесных закоулках дворов и на базарах бородатые арабы нередко продавали такие произведения египетского искусства, которые могли бы стать предметами гордости крупнейших музеев мира. Невозможно даже определить, какой непоправимый вред был нанесен тогда египтологии, ибо во время лихорадочных поисков без зазрения совести грабили могилы и храмы, крушили саркофаги, отбивали статуям головы и срывали со стен целые плиты с барельефами и мемориальными надписями.

Среди этого хаоса настоящая археология Египта созревала очень медленно. Ее пионером по странному стечению обстоятельств стал человек, не имевший ничего общего с археологией. Джованни Батист Бельцони, родившийся в 1778 г. в Падве, — личность необычайно живописная. Собственно говоря, его следовало бы причислить к обычным искателям сокровищ, которыми в то время кишел Египет и которые являлись для науки настоящим бичом, если бы не то обстоятельство, что он сделал несколько открытий, имеющих большое значение для египтологии. Археологи более поздних времен не раз упрекали Бельцони за откровенно бесцеремонные методы изысканий, но, несмотря на это, признавали его бесспорные заслуги.

В молодости Джованни хотел пойти в монастырь, но роль монаха ему абсолютно не подходила. Юноша с мускулатурой тяжелоатлета, горячий, вспыльчивый забияка, авантюрист, он был замешан в каких-то политических интригах. В то время это было весьма небезопасное дело. Вот и получилось так, что 23-летнему Джованни пришлось бежать из Италии, и вскоре он оказался на лондонской мостовой.

Там Бельцони зарабатывал на жизнь довольно оригинальным образом: выступал во второразрядных цирках как «величайший силач мира». Одетый в розовое трико, он вызывал удивление своими могучими бицепсами, поднимал невероятные тяжести, а в конце номера под звуки туша и аплодисменты неистовствующей от восхищения толпы расхаживал по арене, обвязанный несколькими мужчинами.

² Скарабеи — фигурки жуков из ценного камня или обожженной, покрытой глазурью глины; служили амулетами, предметами культа и украшениями.

Однако в глубине души Бельцони мечтал совершить какое-нибудь великое открытие, которое принесло бы ему счастье. Он слышал о примитивных методах орошения земли, применяемых с незапамятных времен в Египте, поэтому сконструировал колесо для накачивания воды, которое было вчетверо эффективнее местных журавлей-черпаков. На последние деньги, полученные за цирковые выступления, он поехал в Каир и продемонстрировал свою модель тогдашнему властелину Египта Мохамеду Али. Но тут его постигла неудача. Али, известный тем, что во время пира вырезал четыреста беев, вовсе не склонен был облегчать положение подневольных феллахов и, увидев модель, он лишь равнодушно пожал плечами.

Бельцони оказался в Каире без гроша в кармане. Поэтому, когда его посетил английский консул и предложил выполнить одно поручение за хорошее вознаграждение, он охотно согласился. Поручение состояло в том, чтобы поехать в Фивы, взять там огромную статую Рамзеса II, переправить ее в низовья Нила, а затем в Александрию погрузить на корабль и перевезти в Британский музей в Лондоне.

В июне 1816 г. Бельцони появился в Фивах. Руины города произвели на него сильное впечатление, и с тех пор он горячо полюбил египетские древности. Поэтому Бельцони решил на всегда оставаться в Египте и целиком посвятить себя археологическим изысканиям. О первом впечатлении от руин он писал в своем дневнике:

«22-го дня мы впервые увидели руины великих Фив и высадились в Луксоре. Невозможно описать картину, которая представилась нашим взорам. У меня было такое впечатление, будто я вошел в город великанов, в город, который выглядел так, словно его разрушили после длительной осады... Храм в Луксоре изумляет путешественника своей прекрасной, возвышенной монументальностью. Все в нем достойно восхищения — пропилеи с двумя обелисками и колоссальными статуями на фасаде, расположенные близко друг к другу группы огромных колонн, различные залы и святилища, роскошные орнаменты, целиком покрывающие стены и колонны, барельефы с батальными сценами на пропилеях. Если мы, привлеченные живописным видом остатков сооружений, которые возносятся гораздо выше пальмовых деревьев, отправимся в северную часть Фив, то окажемся в настоящем лесу храмов, колонн, обелисков, статуй-колоссов, сфинксов, портиков и массы других изумительных памятников, которые вообще невозможно описать.

Даже на западном берегу Нила путешественник окажется среди чудес. Мы можем там восхищаться храмами, гигантскими изваяниями, обладающими фантастической силой воздействия, а также Долиной Царей с ее многочисленными царскими гробницами, высеченными в скале, с их настенной живописью,

КАРНАК. ОБЕЛИСК ТУТМЕСА I. 18-Я ДИНАСТИЯ
XVI в. до н. э.

саркофагами и статуями. Кто же не задумался бы над судьбами народа, который создал эти замечательные сооружения, а потом погрузился в такой мрак забвения, что даже его языки и письменность сделались загадкой».

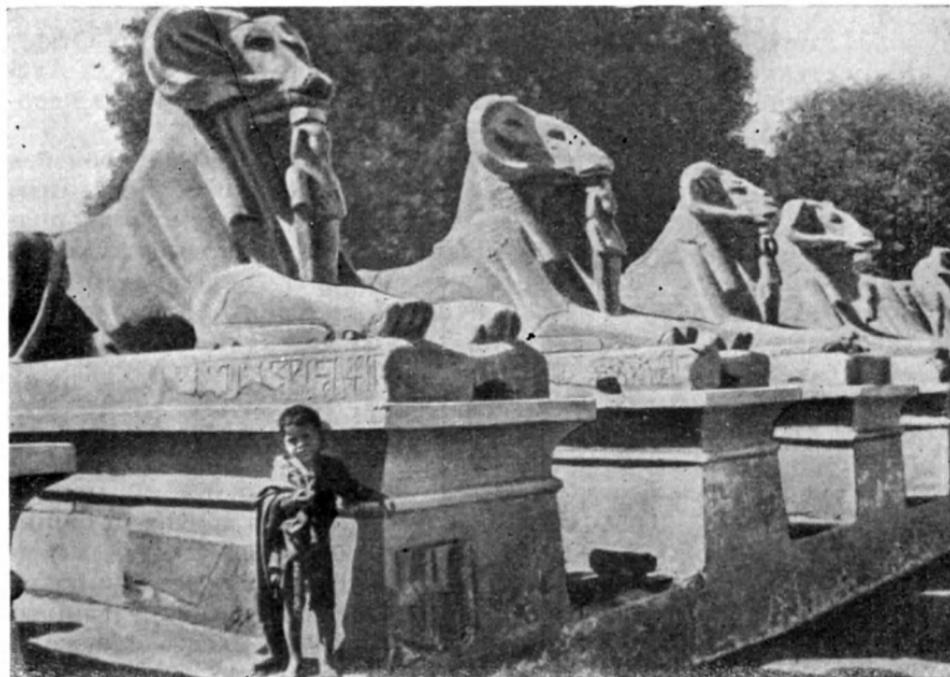
Бельцони нанял несколько десятков арабов и с помощью балок, жердей и веревок из пальмового волокна погрузил статую на плот. Он не стоял в стороне, а принимал настолько деятельное участие в погрузке, что у него даже кровь пошла носом. Путешествие в низовье Нила продолжалось пять месяцев. В пути у Бельцони началась тяжелая болезнь глаз, и он был вынужден все время находиться в полутемной каюте, но изваяние Рамзеса II благополучно доставил в Александрию.

Следующие пять лет он провел в Египте, собирая и отсылая в Лондон разнообразнейшие находки, начиная от мелких скарабеев и кончая громадными монолитными обелисками. Деятельность Бельцони, откровенно говоря, была зауряднейшим грабежом; в его оправдание можно только сказать, что он не составлял в то время исключения. Даже серьезные археологи без каких бы то ни было угрызений совести опустошали Египет, вывозя археологические памятники в свои страны.

Несомненной его заслугой нужно признать то, что он положил начало археологическим изысканиям в Долине Царей, лежащей к западу от Нила, напротив Луксора и Карнака, древних египетских городов, а ныне гигантских руин. В этой безлюдной котловине, окруженнной грядой известняковых скал, фараоны начиная с XVI в. до н. э. приказывали высекать гробницы и хоронить в них среди неисчислимых сокровищ свои мумии.

Гробницы уже в давно минувшие времена были опустошены грабителями. Открытые и заброшенные, они зияли разинутыми пастьюми пещер. В них устроили свои логова шакалы, свили гнезда летучие мыши. И только на стенах могильных склепов сохранились удивительные рисунки и таинственные иероглифы, которые никто не мог прочесть. Еще греческие и римские путешественники охотно посещали эту дьявольскую долину. Ее голые, обрывистые утесы, у подножий которых громоздились гигантские камни, и прежде всего жуткая тишина, висящая над безлюдным, как будто бы лунным пейзажем, производили неизгладимое впечатление.

Египтологи были глубоко убеждены, что все могилы, находившиеся в Долине Царей, уже давно известны и исследованы и что нет никакого смысла начинать там специальные археологические раскопки. Но Бельцони не смущило общее мнение. В одном месте долины он с помощью нескольких феллахов удалил огромную кучу камней и неожиданно оказался у входа в гробницу, существования которой никто не подозревал. Там некогда лежал среди сказочных сокровищ фараон Сети I, предшественник Рамзеса, завоевателя Ливии, Сирии и стран хеттов, но его

КАРНАК. ЧАСТЬ АЛЛЕИ СФИНКСОВ У ВХОДА В ХРАМ

Около 1400 г. до н. э.

могила была до чиста ограблена. Уцелел только пустой саркофаг из алебастра, который Бельцони и отоспал в Лондон.

Открытие гробницы вызвало всеобщее волнение, ибо из этого неопровергимо следовало, что долина, вопреки мнению ученых, может преподнести еще множество сюрпризов. С тех пор там начались многолетние раскопки, увенчавшиеся в XX в. по-разительными успехами: была обнаружена нетронутая могила Тутанхамона, где находились буквально фантастические сокровища и великолепные произведения египетского искусства.

В 1820 г. Бельцони возвратился в Лондон. Его встречали с необыкновенным энтузиазмом. Еще большая слава пришла к нему, когда он устроил в «Египетском зале» на Пикадилли выставку своих находок, среди которых особенный интерес, вызывал алебастровый саркофаг фараона Сети I.

Несколько лет спустя Бельцони умер на палубе корабля по пути в Тимбукту, куда он плыл в поисках новых приключений и впечатлений.

Исследователем совершенного иного типа был француз Огюст Мариетт, ученый-археолог и хранитель египетского отдела Лувра. В Египет он прибыл в 1850 г. с поручением закупить для своего музея древние папирусы.

Каир с его куполами и стрельчатыми минаретами произвел на него огромное впечатление. Прогуливаясь как-то по улицам города, он с удивлением заметил, что перед мечетями и дворцами высоких египетских чиновников стоят одинаковые скульптуры сфинксов. Это заинтересовало Мариетта. «Их, несомненно, — подумал он, — привезли в Каир из одного места, на это указывает хотя бы то, что они, как близнецы, похожи друг на друга — тот же стиль и те же размеры».

Тайну происхождения сфинксов он открыл совершенно случайно. Однажды, гуляя в Саккаре, лежащем неподалеку от Каира, Мариетт заметил голову сфинкса, почти совсем скрытую песками пустыни. Когда тулово было откопано, он прочел надпись: «Апис, священный бык Мемфиса». Из других источников Мариетт хорошо знал, что культ священного быка был связан с храмом, к которому вела легендарная Аллея сфинксов. Аллея уже давным-давно исчезла с поверхности земли, и никто даже понятия не имел, где следует искать ее следы. Неужели она прячется в песках где-то здесь, в Саккаре?

Ученый немедленно нанял несколько десятков арабов и приступил к раскопкам на небольшом расстоянии от найденной скульптуры. Результат этой работы оказался совершенно сенсационным. Вдоль широкой дороги, по обеим ее сторонам, стояло 140 огромных сфинксов, задумчиво глядящих вдаль. Мариетт продолжил раскопки и обнаружил, что аллея соединяла два храма, которые теперь представляли собой страшные руины.

В первый же день в одном из этих храмов археолог открыл заваленный обломками камней вход в подземелье. Он зажег факел и по наклонному коридору вошел внутрь. При свете мерцающего факела Мариетт увидел незабываемую картину. В огромной галерее, высеченной в скале, в длинный ряд выстроились саркофаги из полированного черного и красного гранита весом, как прикинул на глаз ученый, по крайней мере в 70 тонн. Судя по всему, и здесь побывали грабители — крышки некоторых саркофагов были сдвинуты. В каждом из саркофагов покоялась мумия быка, нетронутая и хорошо сохранившаяся. Однако драгоценностей, которыми снабжались мумии в дорогу смерти, нигде не было — их украли воры. Уже давно было известно, что египтяне считали некоторых животных священными существами и поклонялись им. А теперь Мариетт нашел наглядное доказательство этого своеобразного обычая — целое кладбище мумий, представлявших собой последовательное воплощение священного быка Аписа, слуги бога Пта, для которого возводились храмы и которому служили отдельные касты жрецов.

ПИСЕЦ

Египетская статуя. III тысячелетие до н. э.

Животное проводило всю свою жизнь в храме или на близлежащем пастбище, а когда кончалась его сытая жизнь, жрецы, исполнив сложнейшие религиозные обряды, бальзамировали и хоронили его в подземных катакомбах.

Египтяне верили, что умирает земная оболочка быка, тогда как душа переходит в тело другого. Закончив продолжительные траурные торжества, несколько жрецов отправлялись в путешествие по стране, чтобы среди быков отыскать божьего наследника. Они узнавали его по таинственным, только им известным, знакам на шерсти. Избранник, украшенный цветами и разноцветными лентами, шел в сопровождении торжественной процессии прямо в храм. По дороге его приветствовали толпы верующих — люди пели и танцевали.

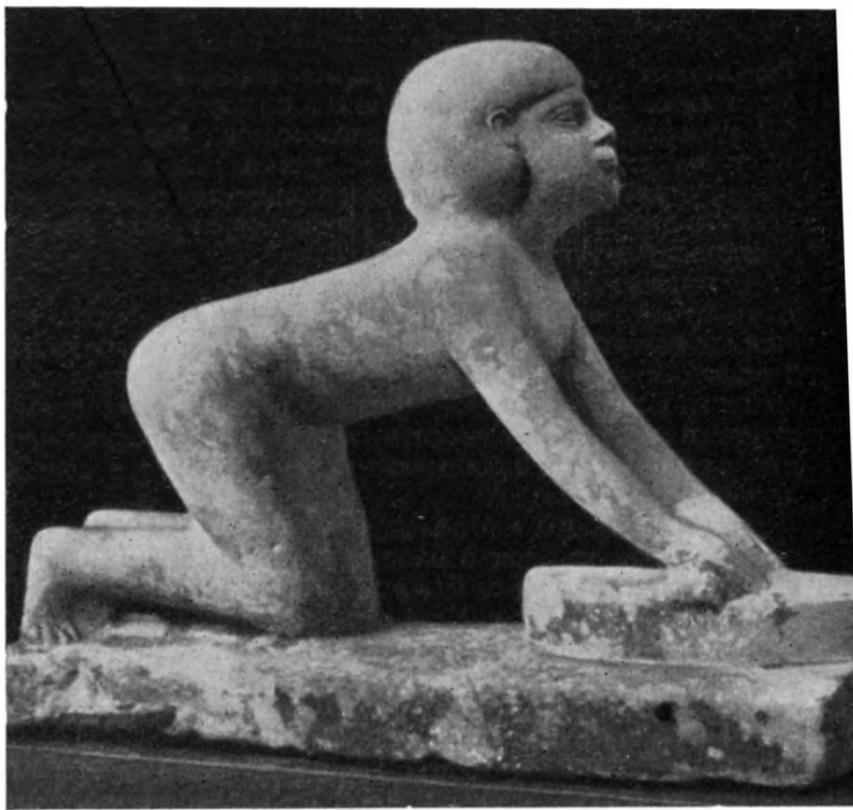
Любопытной деталью является то, что в различных местностях был распространен кульп различных животных, поэтому не без основания можно предположить, что возник он еще в тот период, когда Египет был поделен на самостоятельные племенные государства. В Бубастисе и Бени-Хассане были найдены кладбища набальзамированных котов, в Омбосе — крокодилов, в Ашмунене — ибисов, а в Элефантине — баранов. Если в одних местностях их считали священными, неприкосновенными существами, то в других местностях убивали без колебаний. Этим противоречием в верованиях объясняется тот интересный факт, что некоторые участки Нила кишили крокодилами, тогда как в других местах их не было — там их уничтожали.

Вообще же животные играли счень важную роль в египетской религии. Уже в самые древние времена боги выступали в облике коровы, барана, сокола, ибиса, шакала, крокодила, кота, ужа и т. п. Со временем они стали очеловечиваться, все еще сохранивая, однако, головы животных, и лишь в последней фазе развития верований полностью обрели человеческий облик.

В научный багаж Мариетта входит также второе, не менее важное для египтологии открытие. Вблизи Аллеи сфинксов он откопал высеченную в скале необыкновенно старую гробницу крупного чиновника и землевладельца по имени Ти, относящуюся ко времени возникновения пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина. Гробница была дочиста ограблена, но на ее стенах сохранились фрески, которые имеют огромную научную ценность уже потому, что впервые позволили нам познакомиться с образом жизни и общественным строем египтян.

Вельможа и богач Ти везде изображен в три, а то и в четыре раза большим, чем все остальные люди. Гордо и властно он возвышается над ними, символизируя таким образом классовую пропасть, разделяющую господина и рабов. Мы видим его за беседой в кругу семьи, на охоте среди зарослей папируса, а также на палубе корабля, где он внимательно следит за гребцами.

Некоторые фрески изображают принудительные работы. Вот сельские жители, которых привели на веревках, приносят дань, в другом месте — длинные шеренги покорно склонившихся рабов, а рядом с ними — надсмотрщики, что размахивают бичами. Эти рисунки рассказывают нам об общественных отношениях в древнем Египте лучше, чем многие из прочтенных позже надписей. Не меньшую познавательную ценность имеют рисунки, показывающие людей в их ежедневном труде. Мы видим крестьян за обработкой льна, на сенокосе, обмолоте и очистке зерна; видим погонщиков ослов, строителей кораблей, дровосеков, золотых дел мастеров, каменотесов, шорников, резчиков и мастеров-скульпторов. Так как все это происходит во владениях богача Ти, то отсюда можно сделать вывод, что имения рабовладельческой аристократии представляли собой натураль-

СЛУЖАНКА, РАЗМАЛЫВАЮЩАЯ ЗЕРНО

Египетская статуэтка из известняка. Около 2500 г. до н. э.

ные, экономически независимые хозяйства, производящие почти все необходимое.

Заслугой Огюста Мариетта было также то, что он основал в Каире Египетский музей. Находясь на должности директора этого музея, он успешно боролся против нелегальной торговли памятниками древности и добился принятия закона, регулирующего условия проведения археологических раскопок и охраняющего Египет от окончательного опустошения. Сегодня, благодаря его усилиям, только в исключительных случаях разрешается вывозить находки; обычно археологи обязаны отдавать их в Египетский музей, поэтому в Каире и сосредоточены крупнейшие коллекции, которые дают ученым богатейший материал для изучения истории, культуры и обычая народа древнего Египта.

Среди археологов XIX в. пионером в области египтологии можно заслуженно назвать также английского ученого Уильяма Маттью Флиндерса Питри, который начиная с 1880 г. в течение 46 лет занимался главным образом исследованием пирамид.

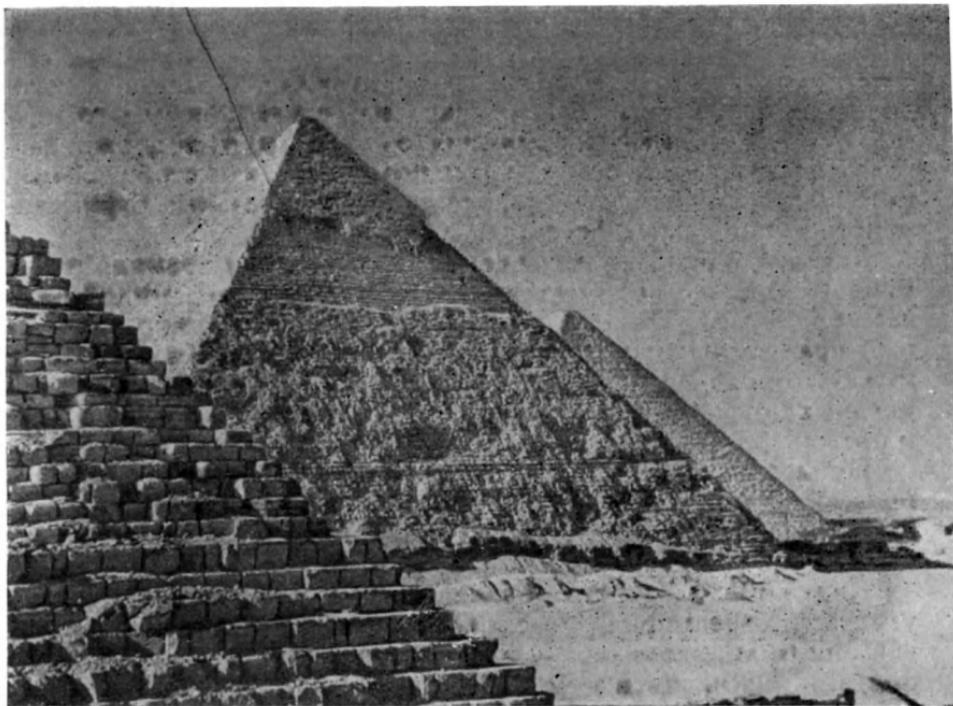
Гигантские сооружения в форме пирамид — арабы называли их «горами фараонов» — возникли в период господства 3-й и 4-й династий фараонов, а следовательно, без малого 4500 лет тому назад. Уже с древнейших времен они привлекали внимание многих поколений путешественников, вызывая изумление и почти суеверный страх как своими огромными размерами, так и суровостью архитектуры.

О пирамидах было известно только то, что они хранили когда-то мумии могущественных владык Египта. Никто не знал ни точных размеров сооружений, ни дат их возникновения. О пирамидах ходили разнообразнейшие легенды и предания, в большей или меньшей степени фантастические. В их формах и пропорциях старались отыскать отражение астрономических знаний жрецов и даже мистические пророчества о судьбах грядущих поколений людей.

И если сегодня мы обладаем более подробными сведениями о пирамидах, то этим в немалой степени обязаны долголетним и кропотливым трудам Питри. В 1880 г. он впервые оказался перед пирамидой в Гизэ. Условия, в которых он выполнял свое задание, требовали от него необыкновенной самоотверженности. Так как в распоряжении Питри имелись лишь очень скучные средства, он не был в состоянии даже нанять помощников и построить барак, где мог бы жить и спокойно работать. Поэтому ученый устроился в пустой каменной гробнице, спал на соломенном тюфяке, готовил себе пищу на спиртовке и вел записи при слабом огне коптящей керосиновой лампы.

Когда же наступала ночь и становилось немного прохладнее, он раздевался догола и по запутанным коридорам добирался до погребальных камер пирамиды. В центральной части сооружения стояла тропическая жара, и было нестерпимо душно. Из-за этого Питри не мог оставаться там более одного-двух часов. В это время он, обливаясь потом, поспешно набрасывал схемы расположения коридоров и снимал копии настенных надписей. После таких прогулок он возвращался обычно с головной болью, от утомления глаза у него наливались кровью. Несмотря на это Питри тотчас же садился на землю и уточнял еще не законченные эскизы. Знойными днями ученый спал в своей каменной норе до самого вечера, когда прохлада позволяла ему снова приступить к работе.

До сегодняшнего дня археологи насчитали 80 пирамид, в большинстве случаев почти целиком разрушенных, в течение многих веков они служили неиссякаемым источником строительного материала для окрестных феллахов. Фараоны возводили их на западной стороне Нила по соседству с древнейшей столицей Египта — Мемфисом, расположенным на границе между Верхним и Нижним Египтом.

ПИРАМИДЫ В ГИЗЭ

Первая половина III тысячелетия до н. э.

Самыми знаменитыми являются три пирамиды: Хеопса, Хефрена и Микерина. Крупнейшая из них, пирамида Хеопса, достигает высоты 146 метров, а бок ее квадратного основания превышает 230 метров. Она выше собора св. Петра в Риме. Пирамида состоит из 2,3 млн. каменных блоков, а каждый блок весит в среднем по 6 тонн.

Геродот утверждает, что эту пирамиду строили 20 лет и что для одной только транспортировки строительного материала было использовано 100 тысяч крестьян, которых сгоняли сюда на три месяца, когда разливался Нил и приостанавливались полевые работы. Кроме того, как об этом можно судить по развалинам бараков, там постоянно работало около 4 тыс. ремесленников-каменотесов, каменщиков, резчиков по камню и т. д.

Перед пирамидой и поныне стоит огромный сфинкс, высеченный из цельной глыбы. Он относится к периоду господства одного из наследников Хеопса. Фигура лежащего льва с человеческим, полным таинственности лицом должна была символизировать безграничную мощь египетских властелинов. Статуя производит сильное впечатление даже одними своими грандиозными размерами — 20 метров в высоту и 73 метра в длину.

Пирамиды, стоящие среди голой пустынной равнины, сегодня имеют плачевный вид. Гладких известняковых или гранитных плит, которыми сооружения были облицованы, уже давным-давно нет — их срывали и использовали как строительный материал, а то, что осталось, стало серым: песчаные бури, свирепствующие вокруг, истерзали даже камни.

Давайте перенесемся во времена молодости пирамид, чтобы увидеть их в ином окружении. Рядом с каждой пирамидой, опоясанной богато украшенной стеной, находился обычно прекрасный храм с портиком, в котором жрецы совершали обряды во имя благополучия покойного фараона и заботились о его ежедневных потребностях: ставили перед его статуей посуду с едой и питьем.

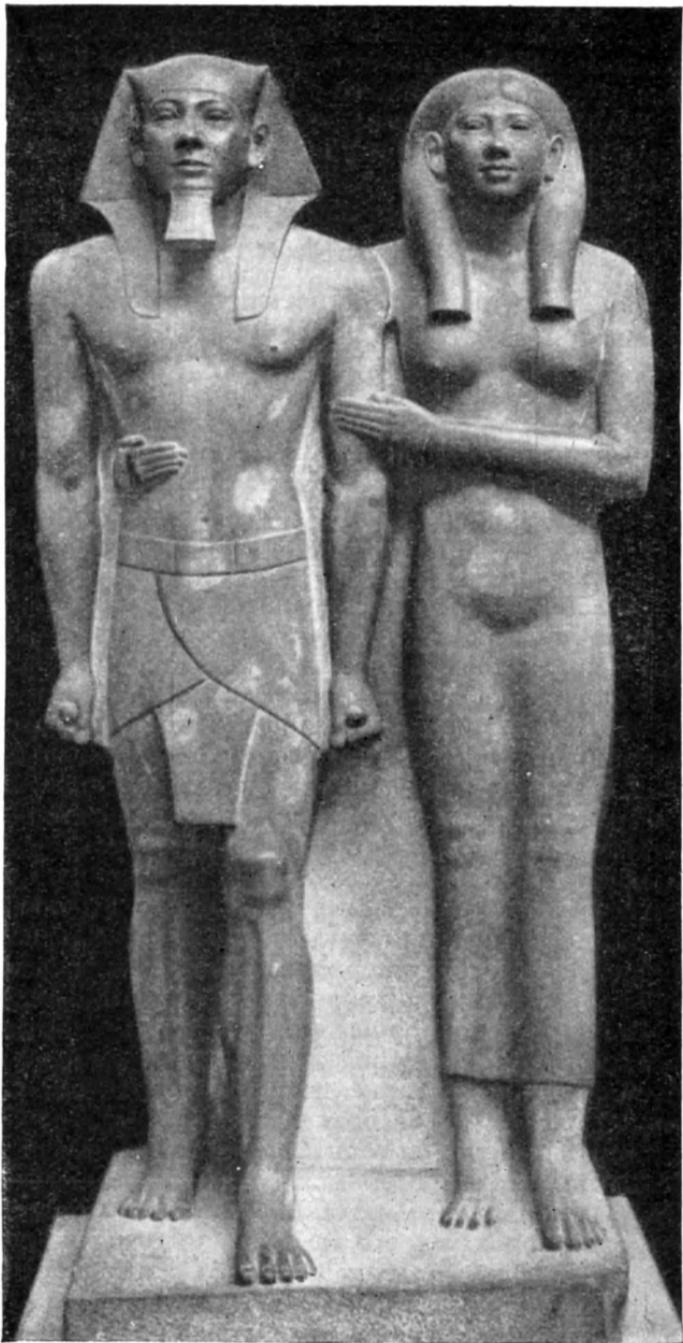
Придворные и сановники почитали особой честью получить право на место посмертного отдыха в близком соседстве с пирамидами. Поэтому их и окружают обширные кладбища, полные роскошных гробниц.

Наружные плоскости величественных сооружений нередко украшали барельефами и мозаикой. Во время больших праздников они были окружены целым лесом мачт с разноцветными флагами. Из надписи в могильной камере царицы Уэбтен известно, что вершина ее пирамиды когда-то была позолоченной; ярко сияющая и на солнце, и в свете луны, она указывала, возможно, путь странникам, как указывает путь кораблям огонь маяка.

Принимая во внимание тогдашние, чрезвычайно примитивные методы труда, когда абсолютно все было основано на физической силе человека, исследователи ломали себе головы над тем, каким образом древние строители смогли нагромоздить столь грандиозную массу камней, придав ей геометрически правильную форму пирамиды, и подогнать тысячи плит настолько точно, что между ними невозможно было просунуть даже лезвие ножа.

К счастью, в исторических источниках и иероглифических надписях сохранились некоторые данные, которые позволяют с большей или меньшей точностью воссоздать картину строительства. Каменные блоки доставлялись по Нилу из лежащих неподалеку каменоломен, а затем на полозьях их втаскивали по искусственной наклонной плоскости, которую постепенно удлиняли по мере того, как строилась пирамида. Для уменьшения трения трассу постоянно смачивали водой, так что полозья легко скользили по грязи. Каменщики устанавливали каменные брусья таким образом, что до момента соединения блоков оставался узкий помост, на котором, вися над пропастью, они могли стоять.

Это был тяжкий труд, требовавший множества человеческих жертв. Тысячи рабочих надрывались от работы под бичом

СТАТУЯ ФАРАОНА МИКЕРИНА И ЕГО ЖЕНЫ
III тысячелетие до н. э. Найдена в Гизэ

надсмотрщиков, изнывая от убийственного зноя пустыни, только затем, чтобы исполнить каприз одного человека, божественного властелина Верхнего и Нижнего Египта.

Если мы представим себе всю грандиозность человеческих усилий, то обязательно приедем к выводу, что история мира, пожалуй, никогда не знала такого факта, чтобы все подданные занимались столь непроизводительным трудом, размеры и интенсивность которого кажутся нам сегодня чем-то совершенно непонятным.

Эти чудовищные сооружения — убежища царских мумий, символизировали, кроме того, божественность фараонов и служили им, согласно их верованиям, лестницей, по которой они возвращались на небо. Именно поэтому самые древние пирамиды имели форму лестниц и только у более поздних, по невыясненным до сих пор причинам, стены стали гладкими. Об этом назначении пирамид свидетельствуют найденные папирусы, где имеются, к примеру, такие строки:

«Мы строим для него (фараона) лестницу, чтобы он мог вступить на небо».

Для широких масс бесправного населения эти суровые и бездушные пирамиды безусловно являлись чем-то совершенно чуждым и враждебным — это было воплощение господства владык, не знающих мер в своем тщеславии и эгоизме. Дело в том, что строительство пирамид поглощало основные экономические ресурсы Египта и тем самым еще более усиливало нищету в стране. Даже после окончания строительства пирамиды продолжали паразитировать на труде крестьян и ремесленников, так как ритуал требовал содержания при них группы жрецов, которые служили только покойнику. Один из фараонов узаконил на вечные времена ~~сбор~~ дани для этой цели с 12 деревень. Об угнетении народа в период господства четвертой династии упоминает Геродот, а Диодор утверждает, что когда-то население страны подняло восстание и выбросило из пирамид тела царей.

Если мы хотим лучше понять, какими мотивами руководствовались фараоны, строя эти колоссы, следует вспомнить хотя бы об основных чертах египетской религии. Среди многочисленной плеяды богов более всего почитались бог солнца Ра и бог земли Озирис, который царствовал справедливо и к тому же научил людей всем искусствам и ремеслам. Брат его, бог Сет, был воплощением зла. Завидя популярности Озириса среди людей, он убил его, а тело положил в сундук и бросил в море. Сундук выплыл на берег вблизи города Библа.

Жена Озириса, богиня Изида, воскресила его к новой жизни. Воскресший из мертвых, Озирис с тех пор выступает как царь страны умерших.

Сын Озириса, Гор, отомстил за смерть отца, убив Сета. С этого мгновения он стал воплощением сыновней любви, а так как в

борьбе с противником Гор потерял один глаз, он стал также олицетворением самопожертвования.

Египтяне верили, что заход и восход солнца означают смерть и воскрешение бога Ра. Из этих же мифов они черпали уверенность, что их также ждет воскрешение и счастливая жизнь на том свете.

Согласно их верованиям человек состоял из трех элементов: из тела, из части «ка» и части «ба».

«Ка» был двойником человека и его ангелом-хранителем. Его представляли себе в виде бородатого человека с короной на голове. Был он одновременно проводником умершего на том свете, обеспечивая его питанием и помогая ему предстать перед лицом бога Ра.

Душой человека был «ба» — птица с человеческой головой.

Гарантия счастья души в загробной жизни находилась в теснейшей зависимости от соблюдения двух основных условий. Тело умершего необходимо было путем бальзамирования предохранить от разложения и от уничтожения грабителями, кроме того, его следовало снабдить пищей и различными предметами повседневного обихода, чтобы удовлетворить все его потребности и после смерти. Поэтому фараоны и строили пирамиды, полные запутанных лабиринтов, слепых камер и ловушек, которые должны были помешать грабителям добраться до мумий и могильных драгоценностей.

Как божественные существа фараоны после смерти пользовались теми же привилегиями, что и на земле. Люди считали, что бог солнца Ра ежедневно совершает путешествие по небу в золотистой лодке, поэтому первоначально душа фараона выполняла функции его гребца, а затем даже кормчего. Однако по мере того как цари Египта становились все более могущественными властелинами, росли также их посмертные притязания. Вначале они выполняли обязанности личных секретарей бога, а позднее уже сами восседали на троне в качестве богов солнца. В соответствии с этим они захватывали с собой в могилу весла, порой целые лодки, которые археологи называют «солнечными ладьями». В 1955 г. у подножья пирамиды Хеопса в каменном тайнике была найдена исключительно хорошо сохранившаяся лодка с циновками на сиденьях и веслами.

Пирамиды и гробницы сановников свидетельствуют о классовых различиях, которые уже в древнейшие времена возникли в египетском обществе. Бальзамирование трупов и сооружение специальных гробниц было делом дорогостоящим, этого не могли себе позволить простые смертные. Крестьяне, ремесленники и чиновники хоронили умерших в песке пустыни. И вот по странному стечению обстоятельств случилось так, что в то время, как прекрасные гробницы в большинстве случаев стали жертвами грабителей, останки простых людей избежали такой

участи и к тому же сохранились в хорошем состоянии, мумифицировались благодаря полнейшему отсутствию влаги.

Даже после прибытия в страну смерти душе египтянина приходилось нелегко. Прежде чем она достигала районов полного благоденствия, где «не бывает наводнений, зерно дает обильные урожаи, а души пребывают в достатке», — она должна была сначала преодолеть множество опасных препятствий. Обетованную страну окружали глубокие воды, а входы стерегло чудовище, называемое «перевернутым лицом», которое впускало только тех, кто вел на земле праведную жизнь. Множество демонов и вампиров, а также разнообразнейших чудовищ только и ждали случая, чтобы погубить странствующие души, используя для этого всевозможные чары.

Люди имели возможность помочь умершим, используя заклинания, собранные в «Книге мертвых». Фараоны не скучились на расходы, стремясь обеспечить себе навсегда такую человеческую помощь. Они возводили — как мы об этом уже упоминали — при своих гробницах храмы и прикрепляли к ним жрецов, предназначая на их содержание доходы с царских имений. Жрецы ежедневно прочитывали сложные ритуальные молитвы, столь же необходимые умершему, как хлеб и вода живому.

Фараоны знали, однако, непостоянство человеческой натуры и поэтому допускали, что жрецы в конце концов станут относиться к своим обязанностям спустя рукава и тем самым подвергнут их души опасности быть погубленными. Поэтому они приказывали на стенах могильной камеры записывать все молитвы и магические заклинания, которых требовал ритуал, и, кроме того, вкладывать в саркофаг свиток «Книги мертвых». Египтяне глубоко верили в магическую силу писаного слова и считали, что иероглифы имеют собственную независимую жизнь. Ритуальный текст, написанный на стене могильной камеры, был, по их мнению, не менее действенным, чем текст, прочитанный людьми вслух.

О недоверии, которое питали фараоны к жрецам, свидетельствовало открытие, случайно сделанное Питри. В 1889 г. он решил исследовать внутренность одной из пирамид, в то время еще безымянной, ибо не выяснено было, кто из фараонов был в ней некогда погребен. Но, несмотря на самые тщательные поиски, он никак не мог найти потайного входа внутрь, хотя и было известно, что в пирамидах он обычно находится в северной стене.

Потеряв всякое терпение, Питри решил прорубить наклонный тоннель до самой могильной камеры. Работа была очень трудной и долгой. Поэтому лишь спустя несколько недель рабочие-арабы дали знать, что пробили последний слой камней, отделяющий их от камеры.

Питри прополз туда на животе и в царской усыпальнице нашел два ограбленных саркофага с отваленными и разбитыми на части крышками. Однако он не сразу установил, кому принадлежала пирамида, так как внутрь пирамиды, где в течение многих столетий было сухо, по неизвестным причинам стала проникать подпочвенная вода. Питри собирая ее черпаком в ведро и подавал арабам, которые выливали ее наружу. Осушив с большим трудом усыпальницу, он приступил к детальному ее обследованию. В углу ученый обнаружил алебастровую вазу с надписью, из которой следовало, что пирамиду построил для себя и своей жены фараон Аменемхет III.

Но Питри значительно больше интересовал другой вопрос, а именно, каким образом пробрались грабители внутрь пирамиды, не оставив после себя никаких следов. Где находится вход, который он так безуспешно разыскивал? Неужели грабители были настолько хорошо информированы о плане сооружения, что попросту открыли вход и пробрались в камеру?

Горя желанием разгадать эту загадку, он решил обследовать весь лабиринт коридоров, двигаясь от погребальной камеры к исчезнувшему ходу. Дело это было безмерно трудным, а иногда даже опасным для жизни. Коридоры заполняли груды камней и песка, которые благодаря подпочвенным водам превратились в вязкое болото. На некоторых участках Питри вынужден был ползти на животе, задыхаясь в затхлом воздухе. Наконец, измазанный грязью и совершенно измученный, он достиг входа, который располагался, вопреки обычаю, в южной стене пирамиды. Возник совершенно закономерный вопрос: откуда грабители знали, что вход следовало искать в южной стене? Постепенно у него стали возникать определенные подозрения, и если бы они подтвердились, то это была бы немалая сенсация.

Он вернулся потом путем, которым грабители, несомненно, должны были двигаться, направляясь к камере, причем старался чувствовать себя в их положении и размышлял, как бы он поступил на их месте. Ему встречались различные преграды и ловушки, которые должны были помешать незваным гостям достигнуть сокровищницы. Неоднократно он вынужден был признать, что остановился бы в растерянности среди этого лабиринта, если бы заранее не знал правильной дороги.

Но грабители, как это выдавали раскопанные завалы, шли прямо с поразительной уверенностью в себе. Когда лестница неожиданно обрывалась в какой-нибудь слепой камере, они знали, что дальнее дорогу следует искать в потолке, где находился лаз, замаскированный каменной плитой. Таким образом, они легко прошли три слепые камеры. В одном из коридоров дорогу преграждали груды камней, достигающие потолка.

Устранение этой преграды требовало много времени и усилий. Питри подсчитал, что грабителям потребовалось по

меньшей мере пять месяцев, чтобы проникнуть в царскую гробницу и вынести ее сокровища.

Поэтому становилось совершенно очевидным, что воры не могли совершить ограбления, не возбудив подозрений жрецов и начальника кладбищенской стражи. Если же, несмотря на все, они в течение пяти месяцев спокойно орудовали в пирамиде, то не могло оставаться сомнений, что они делали это не на свой страх и риск, а принадлежали к большой шайке, в которой главными вдохновителями были жрецы и начальник кладбищенской стражи.

**ПОСМЕРТНЫЕ
ХЛОПОТЫ
ФАРАОНОВ**

Было это в 1881 г. На квартиру к одному немецкому египтологу явился богатый американец. Незнакомец расселся в кресле и, вынимая из портфеля свиток папируса, сказал:

— Мне говорили, что вы умеете читать египетские тексты, вот я и решил обратиться к вам с просьбой оценить этот документ. Я заплатил за него довольно крупную сумму...

Профессор внимательно посмотрел на папирус и углубился в египетский текст. По мере чтения на его лице появлялось все большее и большее изумление. С едва сдерживаемым волнением он спросил:

— Где вы это приобрели?

— Где я купил? Неужели это очень ценный папирус?

— Этот текст принадлежал фараону, гробница которого в Долине Царей пуста с незапамятных времен. Подобные свитки, как правило, вкладывались в саркофаги фараонов; отсюда можно сделать вывод, что мумия этого царя не была уничтожена и хранится где-то в совершенно ином месте. Вы, вероятно, понимаете, как важно для науки установить происхождение этого папируса.

— Я и не думаю скрывать, — ответил с улыбкой американец. В Каир я приехал с намерением пополнить свои коллекции древними вещицами. Зная, что это запрещено, я встречался с арабскими торговцами только ночью. Однажды какой-то араб огромного роста пригласил меня в заднюю комнату лавки и предложил этот папирус, заломив страшную цену. Мы долго торговались, наконец, я заплатил деньги и тут же выехал из Египта, чтобы меня не выследили и не отобрали добычу.

Немецкий египтолог написал об этом происшествии в Каир. Директор Египетского музея профессор Гастон Масперо, узнав, что выкраден ценный манускрипт, буквально рвал и метал. В последние годы за границу было вывезено добрых полтора десятка исключительно важных документов и памятников египетского прикладного искусства, а все расследования не дали никакого результата, кроме информации, что торгует ими какой-то араб, о котором только и знали, что он огромного роста.

Полиция оказалась совершенно бессильной, и поэтому директор решил взять дело в свои руки. Задание обнаружить великан в чалме он поручил молодому ассистенту Эмилю Бругшу, который даже руки потирал, радуясь предстоящей роли детектива-любителя.

Поиски он начал с того, что выехал в Луксор и остановился в отеле, распустив слух, что он — американец, скупающий античные памятники. Днем и ночью он бродил по закоулкам города, время от времени покупая за большие деньги какие-то предметы. Сначала арабы пытались ему подсунуть дешевые подделки, но молодой иностранец с одного взгляда узнавал фальсификаты и презрительно их отшвыривал, после этого они прониклись к нему уважением, убедившись, что имеют дело со знатоком, а не с наивным туристом.

Как-то раз ассистент проходил на базаре мимо одной из бесчисленных лавочонок. Седобородый араб, сидящий на пороге, кивнул ему головой и, проводив в заднюю комнату, предложил купить маленькую статуэтку из камня. При виде статуэтки Бругш едва не вскрикнул. По стилю он сразу определил, что видит перед собой скульптуру, насчитывающую по меньшей мере 3 тыс. лет. Торгаясь, он вертел статуэтку в руках и, заметив вырезанные на ней иероглифы, пришел к выводу, что она найдена в гробнице одного из фараонов 21-й династии. Но эта гробница в Долине Царей уже очень давно пустовала. Откуда же взялась скульптура? Мнимый американец с показным безразличием купил статуэтку и дал арабу понять, что ищет также и другие образцы египетского искусства.

Через несколько часов после этого разговора к нему в отель явился араб по фамилии Абд ал-Расул из деревни Ал Гурнах и предложил различные предметы, относящиеся к периоду господства той же самой династии. Принесенный товар молодой ученый оглядел небрежно, зато, как зачарованный, впился взглядом в пришельца, бородатого мужчину огромного роста. Сомнений не было, он встретился, наконец, лицом к лицу с тем легендарным торговцем, который, выскальзывая, как призрак, из ловушек, вот уже несколько лет трепал нервы полиции и археологам. Он приказал арестовать араба и отправить его в тюрьму.

Однако следствие, проводимое египетскими властями, не давало никаких результатов. Бедняга ото всего отпирался, хотя, согласно бесчеловечной методе тогдашней египетской полиции, его ступни секли розгами. Родственники, а также другие жители деревни, вызванные в качестве свидетелей, клялись аллахом, уверяя, что Абд ал-Расул — честнейший человек, и он никогда не запятнал бы себя запрещенной торговлей древностями. Следствие застряло на мертвой точке, и арестованного пришлось выпустить на свободу.

Но через несколько дней виновник — о диво! — пришел и сознался, что он и есть тот самый торговец, которого разыскивали. Что же произошло?

Абд ал-Расул был членом шайки, в которую входили его братья и несколько дальних родственников. По договоренности он получал пятую часть доходов от нелегальной торговли. Но вернувшись из тюрьмы, в награду за то, что, несмотря на пытки, он никого не выдал, Абд ал-Расул потребовал себе половину всех доходов. Произошла страшная ссора и даже драка. Отказ разозлил его до такой степени, что, желая отомстить своим компаниям, он побежал в полицию.

Директор Египетского музея Масперо находился тогда в Париже, поэтому вызвали его ассистента, которого больше всего интересовал таинственный источник появляющихся на рынке древностей. Абд ал-Расул рассказал буквально фантастическую историю своего открытия.

Однажды в сопровождении брата Магомета и деревенского знакомого он отправился к небольшой долине, лежащей рядом с Долиной Царей и отделенной от нее грядой холмов. Здесь они совершенно неожиданно наткнулись на открытую шахту, вертикально прорубленную в скале. Абд ал-Расул спустился на веревке вниз, но вскоре приказал вытащить себя назад и с ужасом в глазах стал вопить:

— Африт! Там, внизу, сидит Африт!

«Африт» по-арабски значит «злой дух», поэтому все трое бросились бежать. Вечером Абд ал-Расул признался брату, что история с Афритом была хитростью, он ее выдумал, желая напугать знакомого, чтобы утаить от него свое открытие. Назавтра оба брата опустились в шахту. Внутрь скалы вел коридор, расширяющийся в подземную галерею, где в мерцающем свете факела им представилось необычайное зрелище. В пещере стоял длинный ряд деревянных саркофагов. Поднимая крышки, братья убедились, что они содержат хорошо сохранившиеся мумии. По знаку ужа на лбу можно было догадаться, что это останки фараонов. Братья знали, что должны сообщить о своем открытии в департамент античности, но предпочли умолчать и получить за найденные сокровища возможно больше. Об извлечении всех драгоценностей одновременно нельзя было и думать: появление на рынке стольких древностей наверняка бы вызвало подозрение властей. Поэтому они решили привлечь к этому делу родичей и некоторых знакомых, чтобы эксплуатировать гробницу постепенно. Таким путем они обеспечили бы себе доход на всю жизнь.

Ассистент музея Эмиль Бругш немедленно отправился в указанную долину и спустился на дно шахты.

«Я не был уверен, — пишет он в своих воспоминаниях, — был это сон или явь. Взглянув на один из саркофагов, я прочел на

крышке имя царя Сети I, отца Рамзеса II. В нескольких шагах от него с руками, сложенными на груди в скромном саркофаге покоился Рамзес II. Чем дальше я продвигался в глубь галереи, тем больше встречал сокровищ. Здесь Аменхотеп I, там — Ахмес, три фараона по имени Тутмес, царица Ахмес Нефертити — всего 37 саркофагов с хорошо сохранившимися мумиями царей, цариц, князей и княгинь».

Некоторые саркофаги были еще запечатаны, другие стояли открытыми, их уже ограбили. Между гробами в беспорядке влялось огромное количество таких предметов, как вазы, ларцы и украшения, которыми снабжались умершие для загробного путешествия. На некоторых черепах еще держались кожа и волосы, тут и там в раскрытых ртах виднелись хорошо сохранившиеся зубы. Особенно сильное впечатление производил Рамзес II, умерший в возрасте 90 лет. В черепе фараона Секенри зияла огромная дыра от смертельного удара, полученного им во время вторжения азиатов. Нередко можно было заметить близкое родство фараонов, так, к примеру, по чертам лица было ясно видно, что Рамзес II был сыном Сети.

Каким образом мумии оказались в подземных катакомбах в то время, как их гробницы в Долине Царей стояли покинутыми? Загадку объяснили надписи, поспешно нацарапанные на гробах. Египетские жрецы, желая избежать путаницы, записывали на саркофагах имена лежащих в них покойников, а также очередные места их посмертного отдыха перед окончательным размещением в общей подземной усыпальнице. Некоторые фараоны, как это следует из караоклей, не находили после смерти отдыха. Так, мы узнаем из надписей, что Рамзеса III переносили из одной гробницы в другую целых три раза.

Стараясь разгадать причину этих странных перемещений, археологи делали попытки воссоздать воображаемый ход событий. Из многочисленных документов со всей очевидностью существует, что в Долине Царей кражи стали настоящим бедствием. Грабители не щадили даже царских мумий, выбрасывали их из гробов, разрезали повязки, чтобы добраться до украшений и амулетов. Не помогали никакие меры предосторожности, ибо ограблением могил занимались также сторожа и жрецы, которым была доверена опека над покойниками.

У одного из фараонов лопнуло терпение. Желая положить конец осквернению могил, он приказал высечь в скале общую усыпальницу и перенести туда все уцелевшие мумии своих предшественников. А так как в подземелье вел только один вход, то шансов устеречь его было больше, чем входы в многочисленные гробницы в Долине Царей.

Однажды ночью, собравшись в строжайшей тайне, жрецы переложили мумии в новые гробы, и страшная процессия двинулась к новому месту погребения по узкой извивающейся

горной тропе, которая существует там до сегодняшнего дня. По счастливому стечению обстоятельств гробница эта была совершенно забыта и, несмотря на все бурные исторические события, сохранилась до наших дней, пока ее не открыл Абд ал-Расул.

Мумии было решено перенести в Египетский музей в Каире и разместить их в отдельном зале (их можно там осматривать только по специальному разрешению). Мумии погрузили на суда и переправили в низовье Нила.

Известие о необычайном открытии разнеслось по Египту с быстрой молнией. Как только флотилия судов приближалась к какой-либо прибрежной деревне, все население выходило к реке и вело себя так, словно прощалось с кем-то очень себе близким. Согласно египетским похоронным обычаям, мужчины время от времени салютовали из своих ружей, а женщины душераздирающе вопили и в порыве скорби рвали на себе волосы.

В подземной галерее не было найдено мумии фараона Мернепты. Это вызвало ликование среди людей, которые считали Библию достоверным историческим источником. Мернепта являлся тем самым фараоном, который преследовал евреев во время их бегства из Египта и якобы утонул в пучине Красного моря. Отсутствие его мумии в гробнице должно было якобы подтвердить эту библейскую версию.

Но через 12 лет было сделано новое великое открытие. В Долине Царей удалось найти гробницу Аменхотепа II, а в ней 13 других мумий фараонов. И среди них находился библейский Мернепта. Следовательно, он не погиб в пучине моря, а умер естественной смертью. Выдвигалось, правда, предположение, что его труп был выброшен на берег морскими волнами и лишь потом набальзамирован. Однако анатомические исследования не выявили никаких следов разложения тела, которое обязательно должно было бы произойти под воздействием морской воды.

Первым фараоном, порвавшим с традицией строительства пирамид, был Тутмес I (1545—1515 гг. до н. э.). Сделал он это совсем не потому, что решил облегчить положение своих подданных или же отказался от титула «сына солнца». На этот счет у него были чисто практические соображения: ведь пирамиды все равно не могли уберечь ни одной мумии от осквернения.

Археологи находили многочисленные доказательства систематических ограблений. Воры, пробравшись в гробницу жены фараона Зер, разрезали мумию, чтобы присвоить себе ее украшения. Но, судя по всему, кто-то их спугнул: поспешно убегая из камеры, они уронили оторванную руку царицы. Завернутую в льняное полотно, ее нашли в 1909 г., она была украшена двумя браслетами из аметистов и бирюзы. В пирамидах Хеопса и Хефрена археологи обнаружили только пустые саркофаги, разбитые на мелкие части. В пирамиде Микерина вообще не

оказалось саркофага, зато в глубине могильного склепа в беспорядке валялись остатки мумии и деревянного гроба.

Тутмес I хотел избежать такой судьбы, поэтому для своей будущей гробницы выбрал глухое место, которое можно было легко охранять. Это была уже известная нам Долина Царей, где в течение 500 лет хоронили и его наследников.

Постройку гробницы Тутмес I доверил своему главному архитектору Инени. Вот как повествует об этом Инени на стене своей собственной усыпальницы:

«Я один управлял работами, когда в скале высекали гробницу для его величества, так что никто ничего не видел и ничего не слышал».

Вполне понятно, что это утверждение нельзя понимать словно, так как на строительстве несомненно было занято по крайней мере 100 рабочих. Какова же в таком случае их судьба? Один из выдающихся знатоков Долины Царей, английский археолог Говард Картер, говорит следующее:

«Совершенно очевидно, что сто или более рабочих, посвященных в важнейшую тайну фараона, были лишены возможности ее разгласить: архитектор Инени наверняка прибег к таким действенным мерам, которые принудили его людей к вечному молчанию. Скорее всего сооружение гробницы велось руками военнопленных, попросту уничтоженных по окончании работ».

Мы уже знаем, что все меры предосторожности и человеческие жертвы оказались напрасными. Воры действовали в Долине Царей настолько дерзко, что царские мумии приходилось спасать, перенося их в другое, более надежное место.

На закулисную сторону ограблений усыпальниц проливает свет один акт судебного процесса, найденный в папирусах периода правления Рамзеса IX (1142—1123 гг. до н. э.). Вот как было дело.

Правитель той части города Фив, которая располагалась на восточном берегу Нила, по имени Песер, узнал от своих осведомителей о систематических ограблениях в Долине Царей, расположенной на западном берегу реки, где правителем был некий Певеро. Чиновники соперничали и враждовали между собой. Каждый старался добиться благосклонности визира Хамуса — губернатора Фиванской области — по мере своих сил насолить другому.

В один прекрасный день Песер настрочил визиру жалобу, в которой не только обвинял Певеро как тайного соучастника ограблений, но даже привел точный перечень вскрытых гробниц. Он утверждал, что было нарушено десять царских усыпальниц, четыре погребения жриц Амона и большое количество гробниц частных лиц.

Хамус вынужден был как-то отреагировать на жалобу, поэтому создал из своих чиновников следственную комиссию и

послал ее на западный берег Нила. Но у членов комиссии, а возможно, и у самого губернатора тоже рыльце было в пушку, или же в последний момент они были подкуплены виновниками. Во всяком случае, они написали огромнейший рапорт, в котором отклонили жалобу Песера на основании совершенно смеютворных и несущественных аргументов.

Члены комиссии заявили, что утверждение Песера относительно ограблений десяти царских усыпальниц и четырех жриц Амона — сплошной вымысел, ибо жертвой воров оказалась только одна царская гробница и два погребения жриц. В рапорте признавалось, что грабители обокрали много частных захоронений, но все это, по мнению комиссии, не давало достаточных оснований для привлечения Певеро к суду.

Защищенный от обвинений, правитель решил отпраздновать свою победу над соперником. Он собрал всех подчиненных ему смотрителей некрополя, ремесленников, стражу и рабочих из Долины Царей, переправил их через реку на восточный берег, приказав устроить шумную демонстрацию перед домом Песера.

Песер вскипал. Выскочив на улицу, он пригрозил, что сообщит обо всем самому фараону, минуя губернатора. Именно этого только и ждал Певеро. Он немедленно отправился к везиру и повторил ему слова своего соперника. Хамуас рассматривал выходку Песера как непростительное нарушение служебной дисциплины; Песера обвинили в лжесвидетельстве, которое он якобы допустил в своей жалобе; он предстал перед судом и был признан виновным. Процессуальные акты, к сожалению, хранят гробовое молчание о дальнейшей судьбе несчастного правителя, который пытался противопоставить себя могущественной шайке анонимных грабителей могил.

Спустя восемь лет дело, однако, приняло совершенно неожиданный оборот. Полиция поймала восьмерых могильных воров, которых мы сегодня знаем по именам. Это были камнерез Хапи, ремесленник Ирамон, крестьянин Аменемхеб, водонос Хемуас, раб-нубиец Ахенофер, Аменпнупер, Хапир и Сетнахт. После того как их выпороли «двойными розгами по рукам и ногам», судьи получили от них следующее признание:

«Мы открыли гробы и нашли в них божественные мумии царей... На шее фараона было множество амулетов и украшений из золота; его голову покрывала золотая маска; священная мумия этого царя была целиком покрыта золотом. Покровы ее были вышиты серебром и золотом изнутри и снаружи и выложены всевозможными драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, и амулеты, и украшения, а также покровы, в которых он покоялся.

Мы нашли также и жену фараона и сорвали с нее все ценное, что было на ней. Покровы, в которые она была завернута, мы сожгли. Мы унесли утварь, которую нашли в гробнице —

сосуды из золота, серебра и бронзы. Золото, найденное на мумиях этих обоих богов, амулеты, украшения и покровы мы поделили на восемь равных частей».

Суд приговорил подсудимых к смертной казни и тем самым целиком реабилитировал Песера. Однако в процессуальных актах нет ни единого слова о судьбе главных организаторов преступления — везира Хамуаса и городского правителя Певеро, официального хранителя Долины Царей.

ФАРАОН-БУНТОВЩИК И ЖРЕЦЫ-МСТИТЕЛИ В 1907 г. американский археолог Теодор Девис обнаружил в Долине Царей какую-то запечатанную гробницу. От замурованного входа в глубь скалы вел наклонный коридор, заваленный камнями и щебнем. На самом верху огромной, достигающей потолка кучи обломков лежал открытый пустой саркофаг из кедра. Надпись, начертанная на саркофаге, сообщала, что в нем когда-то покоилась мумия царицы Тейе, жены Аменхотепа III.

Убрав преграду, Девис проник в погребальную камеру, и там его глазам открылось необычайное зрелище. На похоронных носилках, основа которых превратилась в труху и проломилась, лежал гроб в форме человеческого тела. При свете фонаря он переливался богатой инкрустацией из золотых листочек, полу-драгоценных камней и цветного стекла.

Из-под сдвинутой набок крышки выглядывал истлевший череп мумии. Останки египтянина были окутаны золотым листом, а на лбу блестела царская эмблема — уж из кованого золота. В углу усыпальницы стояли в полуумраке четыре алебастровые вазы, содержащие внутренности покойного.

Осмотревшая иероглифические надписи на гробе, Девис оказался лицом к лицу с загадочным явлением, которое еще ни разу не встречалось в египтологии. Все места в надписях, где должно было упоминаться имя покойника, были выскоблены чем-то острым. Запеленутую мумию перехватывали, как обычно в таких случаях, узкие ленты из тонкого золота с выгравированной молитвой к богу солнца. Но и здесь не оказалось имени покойного — кто-то вырезал его, как будто ножницами, оставив овальные отверстия. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что имя умершего с невероятным упорством и настойчивостью старались скрыть от потомков.

Только с помощью увеличительного стекла в одном, не слишком тщательно выскобленном месте удалось прочесть имя фараона Эхнатона. Тогда у Девиса возникло несколько вопросов, на которые нужно было найти убедительный ответ, чтобы разгадать тайну необычной гробницы. Кто же, наконец, лежал в этом гробу — царица Тейе, хозяйка гробницы, или фараон Эхнатон? Если фараон, то что в таком случае произошло с мумией царицы и почему ее саркофаг оказался в коридоре? И вообще,

что кроется за этим таинственным перемещением царских останков?

Стремясь получить хоть какой-то ответ, Девис послал мумию в Египетский музей в Каире, чтобы ее обследовал профессор Эллиот Смит, один из крупнейших специалистов в этой области.

Девис склонялся скорее к мысли, что он обнаружил останки царицы Тейе, предполагая, что по неизвестным причинам царицу похоронили в гробу, который первоначально принадлежал ее сыну — Эхнатону. Это бы целиком объяснило, почему во всех надписях было выскооблено имя покойного. Поэтому археолог с неописуемым удивлением прочел письмо, в котором профессор Смит писал: «Вы уверены, что прислали мумию из усыпальницы царицы Тейе? Потому что я вместо останков старой женщины получил для обследования мумию молодого мужчины. Здесь явно произошло какое-то недоразумение». Далее профессор сообщал, что покойному было 30 лет и что он — об этом свидетельствует необычайно удлиненная форма затылка — болел эпилепсией.

Так, значит, все-таки мумия Эхнатона! Это был один из интереснейших и наиболее блестящих фараонов на египетском троне. Благодаря написанной клинописью дипломатической корреспонденции, найденной в руинах его резиденции в эль-Амарне, на восточном берегу Нила, в 300 километрах южнее Каира, мы знаем, о нем больше, чем о каком бы то ни было другом фараоне. Решительные реформы Эхнатона революционизировали древние обычаи Египта и явились причиной необыкновенно острых конфликтов.

В то время как большинство фараонов проходят перед глазами историков, словно бледные тени, Эхнатон предстает перед нами как человек из плоти и крови, сильная личность, чьи мысли, чувства и стремления достаточно хорошо известны.

Драматический период его правления, однако, нельзя рассматривать в отрыве от всей многовековой истории египетского государства, только на этом историческом фоне обретут глубокий смысл политические и психологические мотивы его деятельности.

Периодизация истории Египта, принятая учеными, хотя и схематична, но удобна. Вот она:

Древнее царство (1—10 династии, 2900—2200 гг. до н. э.);

Среднее царство (11—17 династии, 2200—1600 гг. до н. э.);

Новое царство (18—20 династии, 1600—1100 гг. до н. э.);

Поздняя эпоха (с 21 династии до завоевания Александром Македонским, 1100—400 гг. до н. э.)³.

³ Косидовский не совсем точен в своем утверждении, что проблема египетской хронологии решена. Споры до сих пор продолжаются. Кроме приведенного здесь, имеется много других условных делений истории Египта, в частности такое:

Если римляне все вехи своей истории датировали от основания Рима (*ab urbe condita*), то египтяне не делали этого. Они составляли только списки очередных фараонов, указывая годы их правления (как правило, неточно) и перечисляя крупные события, связанные с их жизнью. Поэтому исследователи столкнулись с огромными трудностями, занимаясь хронологией египетской истории. Немалую помощь им оказали главным образом ассирио-аввилонские, древнееврейские, персидские и греческие документы, где датировка была весьма точной. В этих документах часто упоминаются войны, мирные договоры и некоторые фараоны. Поэтому путем сопоставления источников удалось установить довольно большое количество египетских дат.

Но более точные сведения дала нам астрономия. Египтяне вели очень подробный астрономический календарь, на основании которого определяли смену времен года и периоды половодья Нила. Египтологи обратились за помощью к математикам и астрономам, предложив им исследовать древние папирусы и копии могильных надписей, в которых упоминаемые события связывались с теми или иными небесными явлениями, например, с появлением комет. В результате удалось вычислить с точностью до трех-четырех лет, что господство 18-й династии фараонов началось в 1580 г. до н. э. Исходя из этого, историки ориентировочно установили даты правления остальных династий, так как в их распоряжении были уцелевшие списки фараонов, где указывалось, как долго находился на троне каждый из царей.

Новейшие методы определения возраста археологических памятников принесла нам современная физика. Под воздействием космических лучей возникает радиоактивная разновидность углерода C_{14} , которая усваивается растительными и животными организмами. После смерти организма приток частиц прекращается, а те, что успели накопиться за время жизни организма, постепенно начинают распадаться. Поэтому чем древнее археологический памятник, тем слабее его излучение. Интенсивность этого излучения можно измерить. Проведя опыты на египетских мумиях, возраст которых был уже точно известен, ученые установили, что с помощью нового метода можно определять даты с допустимой в таких случаях ошибкой до 200 лет.

Предметом горячих споров является так называемая «длинная и короткая хронология Египта». Вопрос этот далеко не

Раннее царство (около 3000—2800 гг. до н. э.);

Древнее царство (около 2800—2250 гг. до н. э.);

Первый распад Египта (2250—2050 гг. до н. э.);

Среднее царство (2050—1700 гг. до н. э.);

Второй распад Египта (1700—1580 гг. до н. э.);

Новое царство (1580—1100 гг. до н. э.);

Поздний период (1100—400 гг. до н. э.). В тексте книги сохранены даты, принятые З. Косидовским, хотя в свете новейших исследований некоторые из них не совсем точны. (прим. ред.)

пустяковый, так как речь идет о том, началась ли история египетского государства на добрых 1500 с лишним лет раньше или позже.

В очень упрощенном виде проблема представляется следующим образом. В период правления 2-й династии египетские жрецы стали вести солнечный календарь. А так как они делили год на полных 365 дней, то между солнечным и календарным годом возникала разница в одну четвертую часть суток. Через четыре года эта разница достигала уже полных суток, а спустя 1460 лет — целого года, т. е. календарный год снова равнялся солнечному.

Новый год египтяне начинали отсчитывать с той минуты, когда Нил разливался одновременно с восходом Солнца и звезды Сириуса. Астрономы и математики вычислили, что такое явление совпадало с началом календарного года в 4339, 2773 и 1317 гг. до н. э.

Проблема состояла в том, чтобы выбрать одно из этих трех чисел как дату возникновения египетского календаря и тем самым определить приблизительное время правления 2-й династии фараонов. 1317 г. следовало сразу же отбросить как слишком поздний, зато разгорелся жаркий спор по поводу двух первых дат, которые и представляют собой уже упомянутую нами «длинную и короткую хронологию».

Хотя и теперь еще есть исследователи, настаивающие на 4339 г., большинство ученых приняло за бесспорную дату возникновения египетского календаря 2773 г. Они ссылаются главным образом на археологические находки, сделанные у берегов Нила, которые свидетельствуют о том, что в V тысячелетии до н. э. египетское общество находилось еще на слишком низком культурном уровне, чтобы создать солнечный календарь. Исходя из этого, египтология пришла к выводу, что начало господства первой династии и объединение египетского государства падает на 2900 г.

Природные условия Египта живо напоминают Месопотамию. Благодаря ежегодным разливам Нила страна с незапамятных времен являлась чрезвычайно урожайным оазисом среди безбрежной пустыни. Археологические раскопки показали, что уже в каменном веке там находилось немало многолюдных селений, где жили земледельцы, рыбаки, охотники и пастухи.

Геродот назвал Египет «даром реки». Благодаря тропическим дождям в абиссинских горах, Нил выходит из берегов — и все окрестности на период с августа по октябрь превращаются в сплошное озеро. Затем воды Нила снова входят в свое русло, оставляя черный ил. Именно поэтому египтяне назвали свою страну *khemit*, т. е. «черная земля».

Однако кое-где долина была всхолмленной, а местами здесь встречались даже возвышенности, к которым воды реки не под-

ступали. Нередко случались также засушливые годы, когда разлив был настолько небольшим, что не мог разнести по всем полям столь необходимый для земледелия чернозем. Вот почему с давних времен заботливые египетские земледельцы, изрезав равнину густой сетью каналов, регулировали орошение с помощью черпаков-журавлей и шлюзов, а на случай засухи держали запасы воды в искусственных озерах и резервуарах.

Истоки Нила были открыты только во второй половине XIX в. В верхнем течении река состоит из двух рукавов: Белого Нила, который вытекает из озер экваториальной Африки, и Голубого Нила, берущего свое начало в горах Абиссинии. В окрестностях нынешнего Хартума они сливаются — и возникает река, вторая в мире по своей величине: ее длина от истоков до устья составляет около 6400 километров.

Нил устремляется вперед через узкое ущелье, прорезанное в гранитных возвышенностях древней Нубии и, преодолев шесть подводных каменных порогов, врывается в широкую долину, окруженную известняковыми скалами. Ниже Каира Нил разделяется на два рукава (когда-то их было семь) и создает урожайный треугольник, названный (по форме греческой буквы) дельтой. Географически и политически страна делилась на Нижний и Верхний Египет, границей между ними являлся первый порог.

В древнейшие, додинастические времена египтяне жили родовыми общинами. Обеспечить население достаточным количеством продуктов питания могла только скоординированная система орошения полей, сосредоточенная в одних руках, поэтому сначала возникли укрупненные территориальные общинны, которые со временем превратились в небольшие княжества во главе с удельным и наследственным властителем. В результате разложения родовой общины в египетском обществе рано произошло расслоение на классы богатых землевладельцев и малоземельной или безземельной деревенской бедноты. В деревнях еще долго сохранялась сельская община, но на самом деле крестьяне были настолько закабалены экономически, что по существу являлись рабами, которых насилино заставляли гнуть спишу на фараонов и аристократию. Одновременно на полях богачей появились настоящие рабы, которых набирали из числа пленников.

В процессе дальнейшего исторического развития многочисленные княжества слились в два государства: Верхний и Нижний Египет. Около 2900 г. до н. э. фараон Менес объединил их в одну державу и встал во главе ее как удельный властелин со всеми атрибутами божественности. Своей столицей он избрал город Мемфис, руины которого археологи откопали вблизи Каира на западном берегу Нила.

Со вступлением на трон Менеса начался период Древнего царства, эпоха пирамид, гигантских изваяний и замечательных

храмов. Наряду с аристократией появляется теперь богатая и влиятельная каста жрецов. Фараоны ведут многочисленные войны, стремясь захватить металлы, предметы роскоши и невольников, которых требуется все больше и больше в поместьях и дворцах царя, аристократии и жрецов. Трудовой люд не только не пользовался плодами этих завоеваний, но, напротив — еще больше страдал от новых податей и повинностей. В конце этого периода вспыхнуло мощное восстание, и государство Верхнего и Нижнего Египта снова распалось на мелкие княжества, ставшие вести между собой непрерывные войны.

Около 2000 (2050) г. до н. э. один из фиванских князей вторично объединил все территории страны и положил начало периоду Среднего царства со столицей в Фивах. Это была так называемая классическая эпоха Египта, когда искусство и литература достигли своего наибольшего расцвета. Фараоны создали великую мировую империю, захватив территории на востоке, западе и юге, построили новые ирригационные каналы и завязали торговые отношения с Критом и Пелопоннесом.

Одновременно с ростом богатств и могущества правящей верхушки усиливались гнет и обнищание широких трудовых масс. В одном из папирусов мы читаем:

«Половину урожая расхищают птицы, гиппопотамы пожирают другую половину, в поле плодятся мыши, налетает саранча. А тут к берегу пристает сборщик податей, оглядывает поле, его помощники держат в руках палки, а негры — розги. Говорят: давай зерно. Если его нет, бьют земледельца... вяжут его и бросают в канал... вяжут жену и детей».

Около 1700 г. до н. э. по стране снова прокатывается революционная волна. На этот раз восстали не только крестьянские массы, но и ремесленники, и солдаты, и невольники в крупных землевладениях. На какое-то время порабощенные бедняки и рабы захватили кормило власти в свои руки.

Яркие картины этого восстания сохранились в так называемом «Речении Ипусера» (старое чтение — Ипувера), по-видимому, представителя знати, пострадавшей от восставших.

«Царь захвачен бедными людьми... Столица, она разрушена в один час...»

В другом месте читаем:

«Тот, который не имел своего имущества, стал владельцем богатств... Дети сановников в лохмотьях...»

Наиболее реалистическую картину восстания дает нам третья цитата:

«Дети знатных разбиваются об стены... Тот, который не мог себе построить хижину, он стал владельцем дома... Тот, который не спал рядом со стеной, он стал собственником ложа... Тот, который никогда не строил себе лодки, стал владельцем кораблей... Тот, который спал без жены из-за бедности, он находит благо-

родных женщин... Тот, который не имел своего хлеба, стал собственником закрома».

Сразу же после восстания наступил самый трагический период в истории Египта. На ослабленную волнениями страну напали семитские племена гиксосов и завоевали ее с молниеносной быстротой. Захватчики появились на колесницах, запряженных лошадьми, о которых египтяне не имели представления. При виде этих мчащихся чудовищ египетских пехотинцев охватывал ужас, и они в панике бежали.

Завоеватели были грубыми варварами и вели себя в покоренной стране неслыханно жестоко. Они жгли города, разрушали храмы, а людей считали рабочим скотом. После 100 лет такого правления угнетенные египтяне восстали и под предводительством фиванского царя Яхмоса I изгнали захватчиков за пределы своей страны.

С этого времени начался третий большой период расцвета и могущества Египта, который историки называют Новым царством. К власти пришла 18-я династия, которая сделала Фивы столицей и господствовала с 1580 по 1350 г. до н. э.

Фараоны этой династии были неутомимыми завоевателями, они вели многочисленные захватнические войны и подчинили себе всю Сирию вплоть до Евфрата и северную Палестину. Так, например, Тутмес III предпринял 17 военных походов против Сирии, захватил огромную добычу — много скота, рабов, золота и серебра. Эти фараоны завоевали также Нубию вплоть до четвертого порога и захватили там богатые золотые копи. Хетты, вавилоняне и ассирийцы должны были присыпать им ежегодную дань.

Однако военная добыча обогатила только царя, аристократию и касту жрецов. Дворцы и храмы утопали в сказочной роскоши. Слава об этих богатствах разнеслась по всему тогдашнему миру.

Но непрерывные войны совершенно разорили египетских крестьян, которые должны были платить постоянно растущие налоги на содержание войска и поставлять столько солдат, что в конце концов некому стало обрабатывать землю. Людские резервы были исчерпаны, и это вынудило Аменхотепа III перейти на исключительно мирную политику. Его 36-летнее царствование считается благословеннейшим периодом в истории Египта. Этот фараон женился на женщине не царского рода, уже известной нам Тейе, в могиле которой Девис обнаружил мумию Эхнатона.

Когда появился на свет его сын, будущий Аменхотеп IV, в стране царила довольно напряженная политическая обстановка. Рядом с фараоном выросла грозная для него сила — разбогатевшая аристократия и каста фиванских жрецов. Верховный жрец Фив благодаря своему сану являлся также наместником,

т. е. фактически сосредоточил в своих руках власть над всем Египтом. Аменхотеп III и его жена Тейе путем интриг пытались ограничить влияние верховного жреца, однако не смогли объявить ему открытую войну, так как в стране им не на кого было опереться, а народа с его революционными традициями они боялись.

Их единственный сын, будущий Аменхотеп IV, не подавал надежды, что доведет эту борьбу до победного конца. Мальчик был хилым и болезненным, чувствовал себя совсем чужим в атмосфере дворцовых интриг и торжественных церемоний. Изображения на фресках говорят о том, что у него была чрезмерно большая по сравнению с телом голова, тяжелые, сонные веки, сентиментальное выражение лица и пухлые женские губы. Судя по рисункам, он охотно проводил время в тихом дворцовом саду, среди цветов, птиц и бабочек. Из врачебного освидетельствования профессора Смита мы уже знаем о странной форме его черепа, которая является доказательством того, что он имел склонность к эпилепсии.

По обычаям египетского двора его рано женили на княжне Нефертити. В эль-Амарне откопали в руинах ее скульптурный портрет из раскрашенного известняка, выполненный мастером-ваятелем Тутмесом. Нефертити — девушка с нежными чертами лица, лебединой шеей и миндалевидными глазами, полными неуловимой мечтательности. Это произведение искусства восхищает изумительным мастерством и полно непередаваемого очарования.

Молодой Аменхотеп вступил на трон в 1375 г. до н. э., когда ему исполнилось 14 лет. Так как до совершеннолетия ему не хватало еще двух лет, то начало его царствования прошло под регентством⁴ аристократии и жрецов, которые, наверно, давали ему почувствовать свое политическое превосходство.

Поэтому не исключено, что в эти годы несамостоятельного правления он стал задумываться о причинах такого положения вещей. Очевидно, нашлись доброжелатели, которые на основании документов объясняли ему, каким путем фиванские жрецы и их сообщники-аристократы обрели в стране такое могущество.

Первым религиозным центром в истории Египта был город Гелиополь, где поклонялись богу солнца Ра. Уже на заре египетской государственности фараоны считали себя потомками этого бога и с гордостью носили титул «сыновей Ра». Жрецы Гелиополя пользовались их особой благосклонностью и стали наиболее влиятельной жреческой кастой в Египте.

⁴ Регентство — временное правление одного или нескольких лиц в случае болезни, длительного отсутствия или несовершеннолетия монарха.

Ситуация изменилась в период Нового царства, когда столица была перенесена в Фивы. Местные жрецы, борясь за главенствующее положение в стране против соперников из Гелиополя, решили сделать своего бога Амона первым среди египетских богов. Но это было не так-то легко, ведь Ра считался отцом фараонов, кроме того, ему с незапамятных времен фанатично поклонялся весь египетский народ. Жрецы Фив осуществили свое намерение, отождествив Амона с богом Ра, и стали называть его Амоном-Ра, приписывая ему все черты старого бога из Гелиополя.

Таким образом, Амон-Ра был сначала только одним из многочисленных местных богов и всего лишь в течение нескольких последних столетий стал играть главную роль в египетской религии. Поэтому Аменхотеп IV пришел к мысли, что Амон-Ра является узурпатором, а настоящий бог — это Ра из Гелиополя, потомками и представителями которого на земле были и есть фараоны.

Нет сомнения, что уяснить эту историческую и религиозную родословную ему усердно помогали жрецы из Гелиополя, которые против соперников из Фив вели тайную борьбу, стремясь восстановить свое прежнее влияние. Но молодой фараон во всем этом увидел удобную возможность сломить могущество фиванских жрецов и их сторонников-аристократов. Поэтому, став совершеннолетним, он объявил себя первосвященником старого бога солнца Ра.

С этого времени наступает чрезвычайно интересный период в духовном развитии молодого фараона. То, что первоначально имело чисто политическую окраску, вскоре приобрело глубокий религиозный смысл. Аменхотеп постепенно преобразился в творца новой, реформированной религии, которую проповедовал со страстью и вдохновением пророка. При дворе доступ к фараону имели только его верные ученики, и только им он доверял главные должности в государстве.

В конце концов даже старый бог Ра отступил перед новой, высшей идеей абстрактного бога, которого фараон назвал Атоном, т. е. «солнечным диском». Символом этого бога было изображение солнца с лучами, оканчивающимися человеческими ладонями. Но в учении фараона Атон не принадлежал к многочисленной политеистической плеяде божеств, а был единственным во всей вселенной богом, бесплотным и невидимым, силой, которая создала солнце и является праисточником всего, что живет и растет на земле.

До того времени в Египте представляли богов в облике людей, которые, правда, бессмертны, но тем не менее не лишены всех человеческих слабостей. Это были скорее силы вызывающие страх, мстительные и капризные, которых нужно было умиротворять кровавыми жертвами.

Небывалая новизна учения Аменхотепа IV заключалась в том, что Атон выступал без этих земных качеств. Его почитали как любящего отца всех людей, чье присутствие следует искать не в огне битв и не в кровавых жертвах, а в красе природы, среди цветов, деревьев и птиц. Атон стал «богом любви», который дает женщине ребенка и утешает его, чтобы он не плакал. «Я наполняю обе земли Египта любовью», — гласит один из хвалебных гимнов.

Это была религия, напоенная радостью и любовью к жизни; ее последователи не трепетали от суеверного страха перед лицом Атона, а с благодарностью пели: «Вся земля радуется и славит тебя».

Религиозные обряды в храмах отличались простотой и скромностью. Они заключались главным образом в том, что почитатели Атона пели гимны и приносили жертвы: цветы и фрукты. Приверженцы нового культа собирались, как правило, на рассвете и в сумерки, обращаясь с молитвами к восходящему и заходящему Атону.

Поразительным является то, что Аменхотеп создал монотеистическую религию, не имея ни одного исторического образца, на который он мог бы опереться. Поэтому его следует считать не только оригинальным религиозным мыслителем, но и предтечей всех позднейших творцов монотеистических религиозных систем. Моисей сообщает, что он учился «мудрости Египта» в Гелиополе, поэтому не исключено, что между иудейской религией и культом Атона существует какое-то родство. Это, между прочим, заметно в аналогиях, которые выступают в одном из гимнов Атону и в 115-м библейском псалме.

Аменхотеп решительно порвал с прошлым — он даже принял новое имя «Эхнатон», что означает «Благой для солнца». Одновременно, стремясь окончательно избавиться от влияния жрецов и желая превратить Фивы в обычный провинциальный город, он построил новую роскошную столицу, назвав ее Ахетатон — «Небосклон Атона» (вблизи современной эль-Амарны).

Эхнатон лично поехал туда в золотистой колеснице, «сияющей, как солнце, когда оно поднимается над горизонтом и мир пронизывает своей любовью». Погоняя резвых скакунов, он галопом пронесся по полям и указал границы своей будущей резиденции. Это был город, запроектированный с большим размахом, полный дворцов, храмов, административных зданий, улиц и садов. Запись об основании столицы Эхнатон повелел высечь для потомков на нескольких соседних скалах.

Через два года фараон переехал в новую резиденцию. Там он целиком посвятил себя проповедованию своей религии, а свободное время проводил во дворце в кругу семьи и друзей или же на охоте. Египтологи предполагают, что Эхнатон являлся

ся автором большинства гимнов в честь Атона. Вот начало одной из этих вдохновенных поэм:

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, жизнетворец!
На небосклоне восточном блестая,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко.
Лучами обняв рубежи соторенных тобою земель⁵,
Ты их отдашь во владенье любимому сыну.
Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон,
Кромешною тьмою, как смертью, объята земля.
Очи не видят очей.
В опочивальнях спят, с головою закутавшись люди.
Из-под их изголовья добро укради — и того не заметят!
Рыщут голодные львы.
Ядовитые ползают змеи.
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель ее покоится за горизонтом.
Только с восходом твоим вновь расцветает она.
Подобно Атону, сияешь на небосклоне,
Мрак разгоняя лучами.
Празднуют Верхний и Нижний Египет
Свое пробуждение.
На ноги поднял ты обе страны.
Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.
Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбища рады стада.
Зеленеют деревья и травы.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахом крыла явленье твое прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные.
Оживают пернатые с каждым восходом твоим.
Корабельщики правят на север, плывут и на юг.
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денници.
Перед лицом твоим рыба играет в реке.
Пронизал ты лучами пучину морскую.

Перевод В. Потаповой

Эхнатон питал большую любовь к искусству и охотно поощрял молодых художников, которых отовсюду приглашал в свою новую столицу. Так же, как и в религии, в египетском искусстве

⁵ Верхний и Нижний Египет.

повеяли свежие ветры. Новые течения были проникнуты оппозиционными настроениями по отношению к фиванским жрецам. До этого скульптура и живопись подчинялись строгим церковным канонам, которые позволяли художникам изображать фараонов как застывшие, священные фигуры в ореоле божеств.

Молодые художники вырвались из-под власти традиций, поддерживаемых жрецами, и в своих произведениях стремились теперь к правде и к благородной простоте. Эхнатон приветствовал новые реалистические устремления художников и не запрещал им изображать себя таким, каким они его видели. Эта терпимость достигла таких размеров, что фараон не протестовал, когда его показывали как человека из плоти и крови и даже правдиво передавали его физическое уродство — большую голову, обвисший живот и рахитичные ноги.

В отношении Эхнатона к искусству особенно ярко проявилась глубина и смелость его революционных начинаний. Об этом свидетельствуют фрески, повествующие об интимной семейной жизни фараона, его жены и дочерей. Мы видим, например, как Эхнатон ласкает и целует в губы свою жену, а в это время у его ног играют маленькие девочки.

В скальных гробницах близ эль-Амарны археологи открыли целый ряд росписей и рельефов, которые дают представление об образе жизни царской семьи.

На одной из картин изображена церемония посвящения в сан верховного жреца новой религии Мерира. Мы видим царя, его жену Нефертити и дочерей. Опершись о парапет балкона, они смотрят на собравшихся возле дворца людей. Фреска праздничная, веселая и выполнена в ярких красках. На парапете лежат подушки всех цветов, а с колонн, раскачиваясь от дуновения ветра, свисают гирлянды из лотоса и разноцветных лент. Дворцовые слуги держат на длинных древках опахала из страусовых перьев, раскрашенных пурпурными и голубыми красками. Эхнатон, вытянув руку, обращается с речью к жрецу, стоящему на коленях.

В другом месте изображено посещение Эхнатоном храма Солнца. Эта картина исполнена движения и очарования. В лучах заходящего солнца фараон мчится в позолоченной колеснице по улицам города, держа в руках вожжи и погоняя бичом скакунов, украшенных страусовыми перьями. Царица Нефертити мчится следом в собственной колеснице, а за ней — целая кавалькада повозок с царскими дочерьми и придворными сановниками. Рядом с колесницами бегут солдаты со щитами, вооруженные копьями, секирами и палицами. Среди них мы видим бородатых сирийцев, негров из Нубии и длинноволосых ливийцев. Жители города выскаивают из домов, чтобы посмотреть на царский кортеж. Фараон как раз подъезжает к дверям храма.

Его там ждут коленопреклоненные жрецы и танцующие девушки, отбивающие ритм на тамбуринах.

Художник изобразил и дальнейший ход событий в следующей росписи. Теперь он вводит нас внутрь храма. Эхнатон и Нефертити стоят перед алтарем, на котором лежат горы фруктов и цветов, и льют в огонь какую-то жидкость. Царь обнажен до пояса, на нем только юбка из тонкой ткани, ниспадающая мягкими складками к его стопам. С пояса свисают вокруг бедер огненно-пурпурные шарфы.

Царица облачена в белые одеяния из настолько прозрачной материи, что сквозь нее просвечивают контуры ее девичьей фигуры. Стан Нефертити также опоясывает пурпурный шарф, концы которого касаются пола храма. Поражает то, что царь и его жена совсем не носят украшений. Простота их одежд, свободных и красивых, производит необыкновенно приятное впечатление.

Две царские дочки стоят позади и поют гимн богу солнца Атону, аккомпанируя себе на маленьких струнных инструментах. Верховный жрец Мерира склонился перед царем в глубоком поклоне, а другие жрецы в это время разжигают кадила с благовониями.

Поодаль стоят семь слепых музыкантов — старых, толстых мужчин. Они поют во славу Атона под аккомпанемент семи струнных арф.

В гробницах археологи обнаружили также ряд картин, свидетельствующих не только о сказочной роскоши при царском дворе, но и о нежной привязанности фараона к своим близким.

Вот вся семья собралась в деревянном павильоне, крышу которого поддерживают разноцветные колонны, увитые гирляндами из цветов лотоса и виноградных лоз. Капители колонн украшены горельефами, на которых изображены букеты цветов и убитые на охоте дикие утки, подвешенные за лапки.

Посреди павильона стоит группа женщин — они играют какую-то мелодию на арфах, лютнях и лирах. Царь удобно расположился на подушках стула. У него утомленный и печальный вид; возможно, художник заметил болезнь, угнетающую фараона, и почувствовал приближение его преждевременной смерти. Молодой монарх протягивает кубок, а жена наполняет его вином из амфоры. Три дочки у его стула: одна держит большой букет цветов, другая подает ему блюдо со сладостями, а третья развлекает отца разговором.

Однако особенно ярко переворот в искусстве отразился в другой фреске из этого семейного цикла. Когда умерла одна из дочерей, Эхнатон велел похоронить ее в своей гробнице и изобразить на стене трогательную сцену страданий и траура царской семьи. Вокруг умершей девочки, лежащей на похоронных носилках, стоят родители и ее сестры. Особенное сильное

рпечатление производит Нефертити: она держит на руках самого младшего ребенка, а на ее лице — выражение глубокой скорби. Это беспрецедентный случай в египетском искусстве, ведь здесь впервые чувства божественной семьи фараона переданы так по-человечески просто и непосредственно.

Борьба Эхнатона с аристократией и кастой жрецов со временем еще более обострилась. Фараон удалил из своего окружения всех бывших сановников и — как сообщает в надписи на стене своей гробницы один из вельмож — подбирал себе помощников из среды свободных крестьян. Другой высокий придворный чиновник говорит о себе: «Я был человеком низкого происхождения со стороны отца и матери, но царь поставил меня на ноги. Он позволил мне возвыщаться... я был человеком без собственности, а он в щедрости своей дал мне ежедневную снедь, мне, кто раньше просил подаяние, не имея куска хлеба».

Оппозиционная знать и жрецы подготовили покушение на жизнь фараона. Мы знаем об этом из росписи и надписи, которые сохранились в гробнице начальника полиции Маху. Мы видим, как Маху приводит к великому везиру трех схваченных заговорщиков. В надписи великий везир благодарит Атона за помощь, оказанную в раскрытии заговора, и благословляет фараона Эхнатона.

До этого времени фараон вел осторожную политику по отношению к жрецам и позволял им свободно исполнять культовые обряды в честь традиционных богов. Но после раскрытия заговора он стал религиозным фанатиком и иконоборцем. Эхнатон закрыл храмы, приказал разрушить статуи местных божеств, но с особой яростью преследовал фиванского Амона. Он рассылал специальных агентов, которые выскабливали имя этого бога в храмах и на гробницах, добирались даже до самых дальних уголков пустыни, где уничтожали упоминания о нем в надписях, высеченных на отвесных скалах. Аристократам фараон повелел сменить родовые фамилии, если этимологически они восходили к имени Амона.

Религиозная реформа Эхнатона представляла собой по существу борьбу за власть со знатью и жрецами. Установление солнечного единобожия было ярким выражением стремления фараона к единовластию.

Так как реформы Эхнатона не принесли широким слоям населения ни политического, ни экономического облегчения, то народ принимал их с равнодушием.

Но с того времени как Эхнатон начал преследовать местных божков, он встретился с глухим сопротивлением и недовольством народных масс. Божества, которым они поклонялись, были просты, добродушны и тесно связаны с их жизнью и трудом. Правда, эти идолы легко впадали в гнев, бывали мстительными

и жестокими, но все же обладали человеческими чертами, понятными простым людям. Зато Атон, этот невидимый бог, выступающий в облике солнечного диска, был для них чем-то совершенно непонятным, чужим и безразличным. Поэтому фанатическое сектантство Эхнатона вскоре создало непреодолимую пропасть между его двором и широкими массами египетского народа, среди которого царь искал поддержки, подбирая из его среды своих ближайших помощников.

Устанавливая кульп Атона, молодой фараон вынашивал в своем пылком воображении широкие захватнические планы. Мы уже знаем, что благодаря завоеваниям его предков в состав египетской державы входили Сирия, Палестина и Нубия. Большинство покоренных народов в разных формах исповедовало кульп Солнца, поэтому Эхнатон считал, что их нетрудно будет за- получить для Атона, который таким образом явился бы общим, универсальным богом всего государства. Тогда наступило бы второе, на сей раз мирное покорение этих земель, и новые узы укрепили бы египетскую державу намного лучше, чем вооруженная сила.

Но дело приняло совершенно иной оборот. В то время как Эхнатон предавался радостям семейной жизни и слагал гимны в честь Атона, его государство пошатнулось и стало разваливаться. Сирийские князья, почувствовав слабость фараона, вступили в тайные переговоры с врагами Египта, а потом один за другим вышли из подчинения, поголовно вырезав египетские гарнизоны.

Как мы узнаем из переписки, найденной в эль-Амарне, египетские военачальники и правители в Сирии посыпали фараону гонцов, сообщая ему о все новых и новых поражениях, и предупреждали, что Египет потеряет этот край, если во- время не подойдет подкрепление. Гарнизоны городов Мегиддо, Аскалона, Гезера отчаянно взывали о помощи, а комендант Иерусалима писал: «Скажи царю прямо: всей стране моего царя и владыки угрожает гибель».

Но Эхнатон не давал никакого ответа, бросив гарнизоны на произвол судьбы. Более того, он даже запретил допускать к себе гонцов, которые пробегали огромные расстояния и, измученные дорогой, ожидали, что фараон ободрит их и окажет помощь.

Что же было причиной этой непонятной апатии? К сожалению, об этом не сохранилось никаких документов, поэтому мы можем лишь догадываться, что происходило на самом деле. Эхнатон всегда проповедовал, что Атон — мирный бог, а сам он был едва ли не первым в истории пацифистом, осуждавшим войны. Вся его внешняя политика основывалась на том, чтобы присоединить другие страны к Египту только мирным путем, с помощью распространения культа Атона, бога солнца,

любви и радости жизни. Поэтому можно предположить, что трагические известия из Сирии поставили его перед не приятной дилеммой: двинуться ли на подмогу египетским гарнизонам и тем самым отказаться от своих взглядов или же пассивно согласиться на потерю восставших владений. Это был трагический, неразрешимый конфликт, который парализовал волю Эхнатона и, по всей вероятности, способствовал его преждевременной смерти. Когда царь дрогнул на смертном одре, Сирия была уже потеряна, и только Сети и Рамзесу удалось снова подчинить ее Египту.

Эхнатон умер в 1358 г. до н. э. на 30-м году жизни. Тело его похоронили в скальной гробнице неподалеку от Ахетатона. Нам ничего не известно о судьбе Нефертити; история хранит о ней глубокое молчание, поэтому можно предположить, что она умерла вскоре после смерти мужа.

На трон вступил Сменхара, муж старшей дочери Эхнатона. Но правил он недолго. Стойко защищая реформы своего тестя, он встретил недовольство знати и жрецов, которые приобрели уже такую силу, что свергли его с трона. Его преемником стал Тутанхатон, муж третьей дочери Эхнатона. В то время ему было только 12 лет, поэтому он легко подчинился воле подлинных властителей Египта. Новый фараон сменил свое имя на Тутанхамона и, отказавшись от религии тестя, вернулся назад в Фивы под опеку жрецов Амона.

Археологические изыскания в эль-Амарне красноречиво говорят о том, что Ахетатон был покинут в необычайной спешке. В руинах дворцовых построек найдены останки собак и коров, по всей вероятности, забытых и оставленных дворцовыми слугами на голодную смерть. О невероятной суматохе, царившей во время переезда, еще ярче свидетельствует то обстоятельство, что в спешке не захватили с собой даже архив клинописных табличек, содержащих важную дипломатическую переписку.

Роскошные здания столицы бога солнца Атона опустели и стали пристанищем шакалов и летучих мышей. Разваливающиеся стены служили крестьянам окрестных деревень неисчерпаемым источником строительного материала. Со временем остатки храмов и дворцов засыпали пески пустыни и сохранили их настолько хорошо, что археологи сегодня могут с большой точностью воспроизвести план забытой резиденции фараона-бунтовщика.

Тутанхамон возвратил жрецам конфискованные имения, снова открыл храмы и щедро одарил их богатой ритуальной посудой из золота и серебра. В одной наскальной надписи он хвастливо заявляет: «Я снова заселил Фивы, восстановил добрые законы и усилил справедливость». Каста жрецов одержала над фараоном полную победу.

После смерти Эхнатона осталось еще много последователей его религиозного учения. С болью смотрели они на опустевший Ахетатон и в особенности на покинутую царскую гробницу, которой постоянно угрожала опасность ограбления.

Они решили тайно перенести царские останки в более безопасное место. О строительстве новой гробницы не могло быть и речи. Жрецы, несомненно, узнали бы об этом и помешали бы исполнить намерение. Тогда им пришла в голову мысль поместить мумию в гробнице матери Эхнатона, царицы Тейе.

Тутанхамон умер на 18-м году жизни и царствовал только шесть лет. Трон захватил верховный фиванский жрец Эйе, но вскоре был свергнут главнокомандующим египетской армии Хоремхебом, который основал 19-ю династию фараонов.

Хоремхеб являлся представителем наиболее реакционных кругов аристократии. Жрецы Фив с неистовой яростью проклинали имя Эхнатона. Они клеймили его как «преступника и еретика» и велели соскабливать и вырезать его имя всюду, где бы оно ни встретилось.

Случайно жрецы узнали, что останки Эхнатона перенесены в гробницу царицы Тейе. Они оказались в щекотливом положении. Убрать и уничтожить мумию жрецы не отважились — этим они совершили бы святотатство, и население, питающее глубоко укоренившееся благоговение перед умершими, их осудило бы очень сурово. К тому же, они считали, что пребывание еретика в гробнице Тейе оскверняет мумию царицы. Поэтому они решили перенести царицу в другую усыпальницу, а Эхнатона оставить на месте. Но в последний момент заметили, что кедровый саркофаг лишь с большим трудом проходит через узкий коридор гробницы. Поэтому, вынув мумию, жрецы оставили саркофаг на полпути на куче щебня, где спустя более 3300 лет его обнаружил археолог Теодор Девис.

Однако, открывая гробницу, жрецы Фив имели перед собой иную цель. Они тщательно осмотрели гроб и всюду, где наткнулись на имя Эхнатона, выцарапали его чем-то острым. Вынули даже мумию фараона и как будто бы ножницами вырезали имя, начертанное в нескольких местах на золотой ленте, которая опоясывала тело царя, оставив на ней овальные отверстия. Затем они снова закрыли и запечатали гробницу.

Уничтожить в гробнице имя умершего, — это была, по мнению египетских жрецов, самая страшная месть, какую только можно себе представить. Веря в магическую силу писаного слова, они были глубоко убеждены, что душа покойного, лишенная имени, становится бездомным изгнаниником, который безымянно блуждает в подземном царстве. Ее двойник, осужденный на вечные муки, бродит, издавая отчаянные вопли и стоны, пугая встречных, и утоляет голод отбросами, найденными на мусорной свалке.

Такую ужасную судьбу уготовали фиванские жрецы фараону, который посмел их ослушаться.

Лорд Карнарвон был типичным представителем богатой английской аристократии. Его стихией были балы и путешествия,

ОТКРЫТИЕ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

а когда изобрели автомобиль, он стал одним из первых в Англии автомобилистов. Вскоре этот аристократ прославилсяездой по дорогам с сумасшедшей для того време-

ни скоростью, что наводило страх на фермеров и извозчиков. В 1900 г. произошла катастрофа — автомобиль перевернулся, а сам Карнарвон получил сотрясение мозга и серьезные ранения.

С того времени он заболел неизлечимой астмой. Врачи посоветовали ему отправиться в Египет, считая, что тамошний сухой и горячий воздух поможет ему избавиться от недуга. Карнарвон послушался их. Приехав в Египет, он настолько заинтересовался древностями этой страны, что решил там жить постоянно, а свое состояние употребить на археологические изыскания. Вскоре он самостоятельно приступил к раскопкам.

Однако спустя некоторое время лорд понял, что ему не хватает соответствующей научной подготовки, и решил взять себе в помощники специалиста-археолога. Карнарвон обратился к директору Египетского музея Масперо, тот порекомендовал ему молодого египтолога Говарда Картера, бывшего сотрудника Питри и Девиса.

Теодор Девис, который нашел мумию Эхнатона и много царских гробниц, уже несколько лет имел концессию на ведение археологических раскопок в Долине Царей. В 1914 г. он уступил ее Карнарвону, думая, что вся долина уже окончательно обследована.

Даже Масперо, переписывая концессию на нового владельца, прямо заявил ему, что дальнейшие раскопки в этом месте считает бесполезной тратой денег и времени.

Карнарвон хлопотал о концессии главным образом потому, что его к этому склонял Говард Картер, который, вопреки общему мнению, был убежден, что в Долине должна таиться еще не найденная гробница Тутанхамона. О существовании этой усыпальницы свидетельствовали, по его мнению, различные находки, которые он собрал во время своих археологических изысканий. Это был прежде всего фаянсовый кубок фараона, обнаруженный среди развалин, изломанный деревянный ларец с золотыми листочками, на которых было начертано его имя, а также большой глиняный сосуд с остатками льняных повязок, забытых людьми, бальзамировавшими его тело. Особого внимания заслуживало то обстоятельство, что все предметы, принадлежавшие Тутанхамону, лежали на небольшом расстоянии друг от друга, поэтому можно было предположить, что по соседству должна находиться еще не открытая гробница.

Когда Карнарвон и Картер прибыли в Долину Царей, она имела малопривлекательный вид. Скалистое дно огромного котлована было сплошь завалено гигантскими грудами щебня и каменных обломков, когда-то оставленных там египетскими каменотесами, высекавшими царские усыпальницы. В боковых стенах скал зияли мрачные отверстия, ведущие к опустошенным могильным камерам.

Где приняться за поиски, с чего начать эту гигантскую работу? О том, чтобы убрать мусор со всего дна котлована, не приходилось даже мечтать. Поэтому следовало выбрать какое-то одно место и там сосредоточить все усилия — иного выхода не было.

Картер остановился на том месте, где Девис нашел уже упомянутые предметы, принадлежавшие Тутанхамону. Оно представляло собой треугольник, ограниченный могилами Рамзеса II, Мернепты и Рамзеса VI.

В 1917 г. была нанята бригада рабочих-арабов, и начались поиски. В летние месяцы здесь стоял убийственный зной, поэтому работы велись только в зимнюю пору. Расчистка громадных завалов щебня продолжалась шесть зимних сезонов. Уже в первый год Картер наткнулся у подножья скалы, метром ниже усыпальницы Рамзеса VI, на остатки неизвестных стен. При обследовании оказалось, что это не что иное, как руины бараков, в которых некогда размещались каменотесы, занятые на строительстве одной из царских гробниц. Они стояли не на первоначальном грунте долины, а были возведены на слое щебня толщиной около метра, извлеченного во время строительства усыпальницы Рамзеса VI.

Картер решил пока что не трогать стен, так как это забаррикадировало бы лежавшую выше гробницу, которая представляла собой предмет паломничества многочисленных экскурсий туристов и ученых. Когда же ученый удалил весь щебень на территории указанного треугольника и не нашел там даже следа гробницы, он решился на разрушение руин, чтобы исследовать грунт под слоем каменных обломков, являвшихся фундаментом бараков. Это была последняя надежда после шести лет дорогостоящих и кропотливых поисков.

Картер так пишет об этом в своих дневниках:

«Началась наша последняя зима в Долине. Шесть сезонов подряд мы вели здесь археологические работы, и сезон проходил за сезоном, не принося результатов. Мы вели раскопки месяцами, трудились с предельным напряжением и не находили ничего. Только археологу знакомо это чувство безнадежной подавленности. Мы уже начали смиряться со своим поражением и готовились оставить Долину...».

3 ноября 1922 г. Картер предпринял последнюю попытку. Рабочие стали сносить руины бараков, готовясь убрать нахо-

дящийся под ними метровый слой щебня. На следующий день, ранним утром, Картер заметил, что рабочие неожиданно прервали работу и в напряженном молчании смотрят в свежераскопанную яму. Он тотчас же побежал туда и остановился, как вкопанный: из-под каменных обломков выглядывала высеченная в скале ступенька.

Теперь все начали работать поистине лихорадочно. Из-под щебня появлялась ступенька за ступенькой, а когда, наконец, была расчищена вся лестница, показалась дверь, заложенная камнями, замурованная и запечатанная.

«Запечатанная дверь! — писал Картер в своих дневниках. — Значит, это верно! Наконец-то мы были вознаграждены за все годы терпеливого труда. Насколько я помню, первым моим побуждением было возблагодарить судьбу за то, что моя работа в Долине не оказалась бесплодной». Вздрагивая от все возрастающего возбуждения, Картер начал осматривать оттиски печатей на замурованной двери. Результат превзошел все его самые смелые ожидания. Среди оттисков особенно выделялся один — печать царского некрополя с изображением шакала и девяти пленных. Это свидетельствовало, вне всякого сомнения, что найденная усыпальница является царской. Кроме того, существовала надежда, что гробница не оказалась жертвой грабителей. На это указывало место, в котором ее нашли. Рабочие, высекавшие усыпальницу Рамзеса VI, сбрасывали строительный мусор вниз и засыпали им вход в гробницу Тутанхамона, которая располагалась ниже. Таким образом могила исчезла под толстым слоем щебня. Вскоре о ней совершенно забыли, а позднее построили над нею бараки для рабочих, которые и скрыли гробницу Тутанхамона от грабителей.

В верхней части двери Картер проделал небольшое отверстие, как раз такое, чтобы в него можно было просунуть электрический фонарик, и заглянул внутрь. Он увидел длинный узкий коридор, заваленный до самого потолка камнями и щебнем. Карнарвон в это время развлекался в Англии, и Картер не хотел вскрывать гробницу в его отсутствие. Он отправил телеграмму и с нетерпением почти три недели дождался его приезда. «Для меня как археолога, — вспоминает он, — это был острый момент. После стольких лет сравнительно непродуктивного труда я стоял на пороге того, что обещало оказаться замечательным открытием. За галереей могло находиться все, буквально все, что угодно, и мне понадобилось исключительное самообладание, чтобы тут же не взломать дверь для дальнейших поисков».

Наконец Карнарвон прибыл вместе с дочерью, и тотчас же приступили к открытию таинственной двери. Она представляла собой тонкую перегородку, старательно сложенную из необтесанных камней, покрытых слоем штукатурки. Однако прежде

чем ее разобрали, Картер заметил внизу другую печать, которая безмерно его обрадовала: на печати было начертано имя Тутанхамона. Итак, найдена гробница, которую с таким трудом искали целых шесть лет.

Запечатанный вход открыли и весь следующий день удаляли камни и щебень, которыми была завалена узкая наклонная галерея. Приблизительно в десяти метрах от входа показалась другая дверь, также снабженная печатью Тутанхамона. Наступил решающий момент. Картер проделал небольшое отверстие и просунул в него зажженную свечу, чтобы проверить, нет ли в гробнице ядовитых газов. Затем он включил электрический фонарик и заглянул внутрь. Все присутствующие затаили дыхание, с напряжением ожидая приговора.

Вначале Картер ничего не увидел. Но постепенно, когда глаза привыкли к полумраку, стали вырисовываться отдельные детали. Здесь были странные фигуры зверей, статуи, колеса, сундуки, сосуды и золото; куда ни посмотришь — всюду золото, чистое золото вспыхивало желтым огнем при свете фонарика. Картер онемел от изумления, а когда, наконец, Карнарвон, не в силах более сдерживаться, спросил его, видит ли он что-нибудь, он едва сумел выдавить: «Да, чудесные вещи!».

Вход стали разбирать с большой осторожностью, чтобы не повредить ни одного находящегося за ним предмета. Когда, наконец, Картер и Карнарвон вошли в первую погребальную комнату, их охватило глубокое волнение, ведь минуло более трех тысячелетий с тех пор, как здесь в последний раз ступала нога человека. То, что они увидели, поистине их ошеломило. Комната была в беспорядке завалена бесчисленным количеством предметов исключительной красоты. И только когда их глаза привыкли к этому хаосу, они стали различать отдельные, наиболее крупные вещи.

Около стены стояли три позолоченных ложа, рамы которых безымянный резчик изваял в форме распластанных зверей с головами льва, коровы и каких-то фантастических существ, напоминающих гиппопотамов и крокодилов. Под стенами лежала груда разобранных и беспорядочно сваленных частей четырех колесниц, целиком окованных золотым листом и украшенных сюжетным орнаментом. Даже колеса и оси были окованы золотом.

Однако наибольшее впечатление производили две фигуры натуральной величины, стоящие, словно на страже, по обе стороны другого, еще замурованного входа. Деревянные фигуры, судя по всему имеющие портретное сходство с Тутанхамоном, были облачены в льняные одеяния, золотые фартуки и золотые сандалии и держали в руках длинные посохи и палицы. На лбу у них был знак царского сана — уж, выкованный из тяжелого золота. Величественные, непоколебимые в своей отрешенности

от всего земного, они вызывали беспокойство и суеверное уважение.

В одной из боковых стен Картер обнаружил еще один замаскированный вход. Вскрыв его, исследователи вошли в несколько меньшую комнату, также заполненную всевозможной утварью. Здесь царил такой беспорядок, как будто вещи были разбросаны во время землетрясения. Не оставалось сомнения, что сюда когда-то врывались грабители, но им помешали или же поймали на месте преступления.

Одно лишь перечисление найденных произведений искусства составило бы целую книгу; достаточно сказать, что список их содержал 700 разделов. Поэтому мы ограничимся только кратким описанием наиболее ценных экземпляров.

Прежде всего там находилось большое количество ларцов тончайшей работы, сделанных из золота, серебра, слоновой кости, алебастра, а также из черного и кедрового дерева. Богато украшенные интарсиями⁶ и рисунками, воссоздающими сцены охоты и военных схваток, эти ларцы и лари являлись настоящими шедеврами прикладного искусства. В них были уложены царские одеяния, сплошь расшитые золотыми кружочками и украшениями из бус, золотые сандалии, белье из тончайшего льняного полотна, диадемы, искусно украшенные луки, посохи, колчаны для стрел, жреческие одеяния из леопардовой шкуры, усыпанные золотыми и серебряными звездами, и бесчисленное количество другой утвари.

Исключительную ценность, кроме того, имели кубки из полупрозрачного алебастра, золота и бронзы, вазы, где некогда находилась пища, например, жареные утки, а также золотые и бронзовые светильники, в которых даже сохранились фитили из скрученных льняных нитей. Были там ложа из черного дерева, золоченые балдахины, шкафы-часовенки со статуэтками, отлитыми из золота, скарабеи, инкрустированные цветным стеклом, бесчисленное количество золотых и фаянсовых ювелирных изделий, причудливый царский жезл из массивного золота, украшенный самоцветами из лазурита.

Особо следует упомянуть многочисленные великолепные стулья и складные табуреты кедрового и черного дерева с искусной и тонкой резьбой, украшенные золотом, слоновой костью, серебром и цветным стеклом, с сидениями из изящно тисненой кожи.

Среди этих шедевров прикладного искусства блистал сказочной роскошью трон Тутанхамона, сплошь инкрустированный золотом, серебром, стеклом, фаянсом и полудрагоценными камнями. Ножки трона, изваянные в форме кошачьих лап, оканчи-

⁶ Интарсия — деревянная отполированная инкрустация, составленная из разноцветных кусочков дерева различных пород.

вались львиными головами, а ручками служили крылатые змеи, увенчанные коронами. Изумительнейшим, едва ли не самым замечательным образцом египетского искусства, который обнаружен до сих пор, является спинка трона. Мы видим на ней один из дворцовых залов; в свете солнечных лучей, падающих сквозь отверстие в своде, сидит сам Тутанхамон, свободно и непринужденно, на покрытом подушками троне, небрежно положив руку на его спинку. Перед ним стоит царица с тонкой, девичьей фигурой, она нежно умащивает плечо мужа благовониями. Вся сцена выполнена техникой инкрустации и играет изысканной гаммой цветов. Обнаженные части тела фараона и его жены сделаны из розоватой стеклянной пасты, головные уборы — из фаянса цвета теплой бирюзы, а их одеяния — из серебра, которое от старости потускнело — подернулось мягкой паутиной. Царские украшения сияют золотом и переливаются различными оттенками цветного фаянса. И все это на фоне сверкающего золота, которым обит весь трон.

Кarter понимал, какая грандиозная и ответственнейшая работа ожидала его впереди, ведь ему предстояло сохранить на века все эти сказочные сокровища. Каждый предмет следовало сначала сфотографировать, срисовать, обмерить, не сдвигая с места, проверить, не рассыпается ли он, если к нему прикоснуться, и лишь тогда с большими предосторожностями вынести из усыпальницы, запаковать, переправить в лабораторию в Каире для немедленной химической обработки с целью консервации. Ему был необходим целый штат ученых-египтологов, историков искусства, химиков, кроме того, нужно было иметь огромное количество ящиков, химикатов, автомобилей и упаковочного материала. Поэтому Картер запер гробницу и уехал в Каир, чтобы организовать там лабораторию и набрать помощников, способных справиться с этим огромным делом.

Тем временем известие об открытии разлетелось по свету с быстротой молнии. Пресса под крикливыми заголовками сообщала о найденной гробнице Тутанхамона, строя сенсационные предположения и догадки. В Долину Царей, как настоящая саранча, ринулись тучи туристов, репортеров и археологов, которые своей назойливостью буквально истерзали Картера.

Свыше семи недель ученые выносили сокровища из передней и боковой комнат. К счастью, при переноске ни один предмет не был поврежден, и Картер с гордостью подчеркивает это в своем отчете, как исключительную заслугу своих сотрудников и рабочих-арабов.

Наконец пришло время вскрыть главный склеп, содержащий самую сокровенную тайну гробницы. Картер пригласил крупнейших ученых мира, а также представителей египетского правительства. В то время как они в торжественном молчании сидели на стульях, расставленных вдоль стен передней комнаты,

Картер собственоручно стал разбирать замурованный вход. Когда в перегородке появилось первое отверстие, присутствующие замерли от изумления. На расстоянии менее метра от двери заблистала вдруг позолоченная стена, покрытая выпуклым орнаментом и украшениями из голубого фаянса.

Через некоторое время вход был открыт целиком, и тайна этой сказочной стены из золота выяснилась. Это был гигантский сундук, похожий на ковчег с крышкой; в нем находился саркофаг фараона. Картер осторожно вошел внутрь усыпальницы. Сундук оказался настолько большим, что между ним и каменной стеной склепа оставался только очень узкий проход, в который он протиснулся с огромным трудом, тем более, что там лежали разнообразнейшие погребальные приношения: кувшины для вина, светильники, вазы, кубки из полупрозрачного алебастра, а также другая ритуальная утварь. Стены усыпальницы были испещрены рисунками и иероглифами.

С восточной стороны ковчега находилась двустворчатая дверь, закрытая на задвижку из черного дерева, но не запечатанная. Картер распахнул створки и заглянул внутрь. Оказалось, что там стоял второй ковчег, и его дверь была снабжена царской печатью. Это безмерно обрадовало археолога, ибо печать была доказательством того, что грабителям не удалось добраться до саркофага. Итак, из 28 фараонов, погребенных в Долине Царей, посчастливилось одному лишь Тутанхамону — только его могила простояла нетронутой более 33 веков.

Картер снова прикрыл двери и осмотрел узкий коридор. В стене он заметил незамурованный вход в еще одну комнату. Переступив порог, ученый убедился, что это сокровищница, до отказа наполненная исключительно ценными памятниками древности.

Напротив него стоял небольшой шкаф-часовенка, целиком окованный золотым листом и украшенный священными змеями из золота. Окружали ее четыре богини-хранительницы, руками они заботливо обнимали часовенку, как бы защищая святыню от незваных гостей. Их лица, полные сочувствия и скорби, были естественны и казались живыми. Часовенка, как впоследствии убедился Картер, служила местом хранения сердца, мозга и внутренностей покойника, вынутых во время бальзамирования тела фараона.

На золоченых носилках, снабженных полозьями, лежал, словно погрузившись в сон, бог-шакал Анубис, убранный в льняные одеяния. У стен стояло множество ларцов из слоновой кости, алебастра и дерева, инкрустированных золотом и голубым фаянсом. В этих ларцах среди многочисленных предметов повседневного употребления находилось также несколько статуэток Тутанхамона, сделанных из чистого золота, а также удивительно хорошо сохранившийся веер из страусовых перьев.

СПИНКА ТРОННОГО КРЕСЛА ИЗ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

Инкрустирована стеклянными и золотыми пластинками и драгоценными камнями. Рисунок изображает фараона и его жену

Здесь же стояла еще одна колесница и несколько моделей парусных челнов. В отличие от остальных камер гробницы, в сокровищнице не было никаких следов ограбления: предметы стояли на тех самых местах, где их оставили египетские жрецы во время погребения.

Только после долгих подготовительных работ ученые стали открывать позолоченные могильные сундуки-ковчеги. Сорвав царскую печать, Картер отворил створки первой и второй двери. И тут он встретился с новой неожиданностью: внутри находилось еще два ковчега, не менее прекрасных, чем предыдущие. Открыв их по очереди, Картер оказался, наконец, перед царским саркофагом. Археолог был восхищен и взволнован до глубины души. Саркофаг, вытесанный из желтого кварцита, покоялся на толстой алебастровой плите, его крышка была изваяна из розо-

вого гранита. С четырех сторон виднелись горельефы, представляющие богинь-хранительниц, как бы защищающих саркофаг, они обнимали его руками и крыльями. Это был изумительный шедевр камнерезного искусства.

Прежде чем открыть саркофаг, следовало сначала убрать четыре сундука-ковчега. Это заняло почти три месяца, так как сундуки состояли из 80 тяжелых и хрупких частей, соединенных между собой с помощью крюков и ушек. Чтобы вынести их из гробницы, Картер вынужден был разрушить целую стену, отделяющую главную камеру от передней комнаты. При этом были обнаружены следы работы, пожалуй, древнейших в истории человечества бракоделов. Несмотря на то, что отдельные части были четко пронумерованы, египетские плотники соединили их в ошибочном порядке, и они не прилегали, как следует, друг к другу. К тому же в нескольких местах незадачливые работники повредили молотком позолоту и орнамент, а около саркофага оставили целую кучу стружек и обрезков дерева.

С помощью канатов и блоков подняли тяжеловесную плиту саркофага. Гроб покоился под саваном из льняного полотна, которое от времени приобрело ржаво-бурый оттенок. Как только его убрали, присутствующие стали свидетелями поистине ослепительного зрелища. Гроб, выструганный по форме мумии, был сделан из золоченого дерева, зато голову и руки Тутанхамона древний мастер выклепал из толстого листового золота. Спокойная прелесть головы, таинственное, полное глубокой задумчивости лицо, глаза из вулканического стекла, а также брови и веки из стеклянной массы цвета бирюзы — все это было, как живое, и глубоко волновало. На лбу фараона блестал мозаикой цветов царский знак — уж и орел, которые символизировали Нижний и Верхний Египет.

Особое внимание Картера привлекла незначительная, на первый взгляд, деталь. «Что, однако, среди этого ослепительного богатства производило наибольшее впечатление, — пишет он в своих воспоминаниях, — это хватающий за сердце веночек полевых цветов, который положила на крышку гроба молодая вдова. Весь царственный блеск, вся царская пышность бледнели перед скромными, поблекшими цветами, которые сохранили еще следы своих давних свежих красок. Они красноречиво напоминали нам, насколько мимолетным мгновением являются тысячи лет».

Сняли крышку, под ней оказался другой гроб, изображавший фараона в виде бога Озириса. Гроб со всех сторон сверкал позолотой и украшениями из яшмы, лазурита и бирюзового стекла. Это было изумительное создание ваятелей и золотых дел мастеров, произведение огромной художественной ценности.

Однако самое удивительное открытие ожидало Картера, когда он, подняв вторую крышку, обнаружил еще один, уже тре-

тий гроб, сделанный из толстого листового золота в форме человеческой фигуры. Он был настолько тяжел, что восемь рабочих с трудом сумели его приподнять. Один только металл, использованный на изготовление этого гроба, представлял собой колоссальную ценность. Весь гроб был усыпан полудрагоценными камнями, а шею золотого изваяния охватывало ожерелье, состоявшее из красных, желтых, голубых и золотых бус. Нетрудно себе представить, какие сокровища должны были находиться в остальных царских гробницах, если молодой и ничем не примечательный фараон был окружен такими сказочными богатствами.

Покоящаяся в гробе обугленная мумия была залита какой-то ароматической массой, напоминавшей смолу. Но ее голову и плечи прикрывала золотая маска — грустное и задумчивое лицо молодого фараона. Руки, также изваянные из золотого листа, были скрещены на груди. Сняв маску и повязки, археологи увидели настоящее лицо мумии. И тогда стало ясно, что все маски, скульптурные портреты и рисунки, найденные в гробнице, без сомнения, изображали настояще лицо фараона. Это является красноречивым доказательством того, насколько реалистично египетские художники старались воссоздать портрет покойного царя.

Анатом доктор Дерри немедленно приступил к осмотру тела фараона. Снимая с него повязки, в разных местах он нашел 143 предмета огромной художественной ценности: диадемы, кинжалы, амулеты, ожерелья, браслеты и перстни. Пальцы ног и рук находились в золотых футлярах, на которых резцом были обозначены ногти. Однако больше всего взволновали ученых два предмета из железа — кинжал и изголовье; это было доказательство использования железа в древнем Египте. Доктор Дерри определил, что Тутанхамон умер на восемнадцатом или девятнадцатом году жизни, но не сумел, однако, установить причину его преждевременной смерти.

Вскоре на страницах бульварных газет появились сенсационные и вздорные сплетни. Писали, между прочим, что все лица, так или иначе причастные к вскрытию гробницы, были прокляты покойным фараоном. Под крикливыми заголовками «Месть фараона» или «Новая жертва проклятия фараона» репортеры сообщали о смерти то одного, то другого сотрудника Картера. В конце концов насчитали целых 20 жертв проклятия.

В 1923 г. неожиданно умер от укуса москита лорд Карнарвон. Пресса на протяжении следующих лет сообщала: 78-летний лорд Уэстбери покончил жизнь самоубийством, а его сын, бывший секретарь Картера, умер от таинственной болезни. Арчибалд Рид упал мертвым, просвечивая рентгеновскими лучами какую-то египетскую мумию. Умерли также сотрудники Картера, египтолог Артур Вейгель и А. Г. Мейс, причем газеты ни

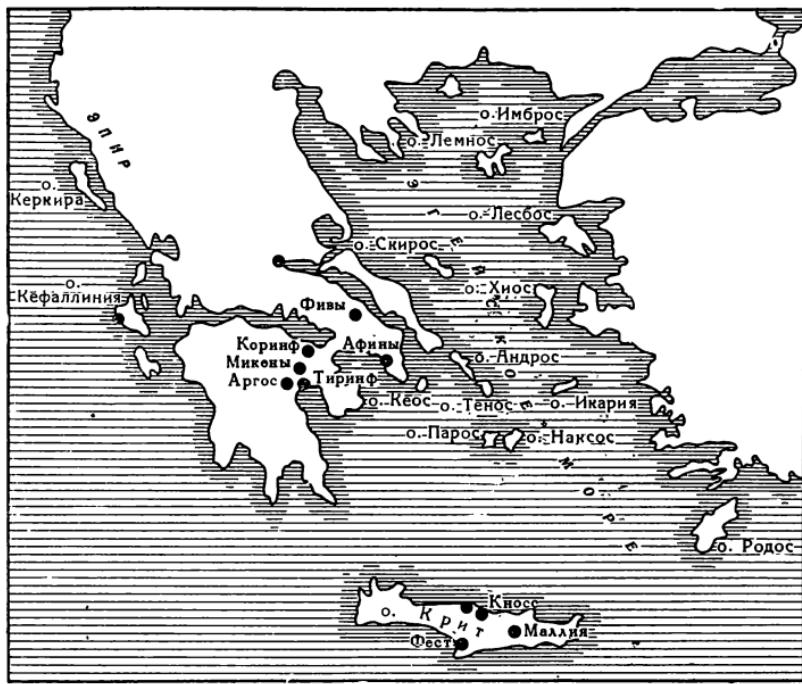
словом не обмолвились о том, что последний был неизлечимо болен еще во время работы в гробнице Тутанхамона. Сплетня выросла до истерических размеров, когда родной брат Карнарвона совершил самоубийство, а дочь последнего умерла от укуса неизвестного насекомого.

Наконец газеты сообщили, что и Картер пал жертвой проклятия, тогда археолог выступил с публичным протестом и заклеймил сплетников, сочиняющих вздор, что недостойно интеллигентных людей. Ученый подчеркнул, что в египетском ритуале вообще нет понятия «проклятие» и что умершие египтяне просят только о том, чтобы о них заботились и молились за их благополучие в подземном царстве. Тот факт, что несколько его сотрудников умерло в короткое время, Картер объяснял случайным стечением обстоятельств, причем в большинстве случаев причиной смерти являлись преклонный возраст или продолжительная болезнь. Свой полный горечи протест он закончил словами: «В области морали человечество достигло значительно меньших успехов, чем мы это себе представляем».

Окончательно опроверг газетную утку немецкий египтолог профессор Штейхдорф. В брошюре, изданной в 1933 г., он подробно остановился на каждом отдельном случае смерти и доказал, что многие названные газетами лица не имели никакого отношения к гробнице Тутанхамона. Ученый пришел к выводу, что всю эту историю в погоне за сенсацией высосали из пальца репортеры бульварной прессы.

у
колыбели
эгейского
мира

В XIX в. археология как наука еще не знала собственных, точных методов исследования. Она делала в то время первые, неуверенные шаги. Даже самые выдающиеся археологи зачастую не имели специальной подготовки, изыскания вели на свой страх и риск, не заботясь о разработке — научного метода; более того, среди них встречались люди вообще не получившие никакого образования. И тем не менее они совершили эпохальные открытия, воскресив, казалось бы, навсегда канувшие в небытие богатые культуры, города, храмы и дворцы, замечательные произведения искусства, известные только по упоминаниям в древних легендах, мифах и поэмах, в существование которых большинство историков не верило, считая их просто выдумкой.

**ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ
ВЕРЕН
МЕЧТАМ ЮНОСТИ**

Почему эти люди вступили на путь археологических изысканий? Были среди них, безусловно, и обычные авантюристы, которые ставили перед собой прозаическую цель: обеспечить себе легкую жизнь за счет найденных сокровищ. Таких, как правило, ожидало разочарование, но даже если им удавалось что-либо открыть, они оставались неизвестными — грабители утаивали сокровища, чтобы себя не выдать. Однако были и мечтатели. Захваченные раз и навсегда какой-то одной идеей, они с потрясающим упорством осуществляли свои на первый взгляд фантастические замыслы и оставались глухи к насмешкам окружающих. В большинстве случаев то, что принималось за нелепые причуды, в результате оказывалось безошибочным инстинктом, который вел их прямой дорогой к сенсационным открытиям. Эти мнимые неучи были по существу незаурядными людьми, наделенными живым, творческим умом, они обладали сильными,

страстными характерами, нечеловеческой работоспособностью, а также непоколебимо верили в правильность своих намерений.

Представителем этого типа исследователей был Генрих Шлиман (1822—1890), один из самых выдающихся археологов XIX в. Его биография настолько ярка и необычна, что кажется взятой из приключенческого романа; если бы какой-нибудь писатель придумал все, что довелось пережить этому человеку, то автора бы неминуемо обвинили в излишней игре воображения.

Отец Шлимана был бедным протестантским пастором в небольшом немецком городке Макленбурге. После смерти жены на его руках осталось шестеро детей. Семья жила очень бедно, отчасти по вине старого священника, слишком часто заглядывавшего в рюмку. Нетрудно себе представить ту обстановку, в которой Генрих провел первые годы своей жизни.

Но старый Шлиман выделялся среди довольно серых людей своего круга страстью любовью к Гомеру, и эту любовь привил Генриху уже в раннем детстве. Гомонящая детвора и вечно поплутывающий пастор часто упоминали имена Агамемнона, Ахиллеса, Одиссея и Менелая, словно они были близкими друзьями их семьи.

В 1829 г. семилетний Генрих получил в подарок «Всеобщую историю» Жеррера, прекрасную книгу с великолепными иллюстрациями. Склонив кудрявую голову, мальчик особенно долго и сосредоточенно рассматривал рисунок, изображавший горящую Трою, которую покидал Эней, неся на спине своего немощного отца Анхиса. Но послушаем, как вспоминает об этой минуте сам Генрих в своей книге «Илион»:

«— Отец, спросил мальчик, — разве ты не говорил мне, что Трою разрушили, сравняв ее с землей?

— Да, говорил...

— И ничего от нее не осталось?

— Совершенно ничего...

— Но Жеррер, наверно, видел Трою, иначе как же он мог ее нарисовать?

— Генрих, но ведь этот рисунок — фантазия художника.

Мальчик на минуту задумался, а затем снова спросил:

— Отец, а у Трои были действительно такие огромные крепостные стены, как на этом рисунке?

— Вероятно, да.

— В таком случае, — с радостью воскликнул мальчик, — они не могли исчезнуть без следа, остатки этих стен должны находиться где-то под землей. О, как бы я хотел откопать их! Отец, я когда-нибудь поеду туда и откопаю их!

Старый Шлиман, утомленный вопросами ребенка, только буркнул в ответ:

— Меня бы это совсем не удивило... А теперь сиди тихо, я хочу немного поспать».

Маленький Генрих очень тянулся к знаниям, но нищета все чаще стала заглядывать в их дом. Поэтому уже в 14 лет мальчику пришлось бросить школу и пойти в подручные к приказчику бакалейной лавки в городе Фюрстенберге.

Он проработал там более пяти лет, продавая селедку, водку, молоко и соль, подметая лавку и таская непосильные тяжести.

«Я гнул спину, — пишет в своих воспоминаниях Шлиман, — с пяти часов утра до одиннадцати вечера, не имея ни минуты свободного времени, чтобы чему-нибудь научиться».

Однажды в лавку вошел неверными шагами, будучи крепко павеселе, известный в городе чудак, мельник Нидергоф. Когда-то он был пастором, но за пьянство церковные власти лишили его духовного сана.

Покачиваясь, пьяный посетитель встал, словно актер, исполняющий героическую роль, и на греческом языке начал скандировать Гомера. Генрих, правда, ничего не понимал, но певучесть гекзаметра подействовала на него как упоительная эзотерическая музыка. Он слушал с горящими глазами и не мог насытиться чарующим ритмом неизвестного ему языка. Чтец несколько раз пытался прервать декламацию, но Генрих дрожащей рукой вытаскивал из кармана последние гроши, покупал ему водки и просил продолжать. Очарование этой минуты прервал неожиданно появившийся хозяин лавки, который выставил пьяницу за дверь.

С тех пор мальчик только и мечтал о Гомере, а высшим счастьем ему представлялось знание греческого языка. С ровесниками он говорил лишь о Трое и о своем намерении когда-нибудь отправиться на поиски ее руин. Дело дошло до того, что вся молодежь городка, считая Генриха отчаянным чудаком, стала осыпать его насмешками. Одна только дочка соседа-крестьянина Минна Мейнке, отнеслась серьезно к замыслам Генриха и внимательно слушала его мечтательные излияния.

Вскоре они поклялись друг другу в вечной любви и обещали пожениться, когда вырастут. В свободное время Генрих и Минна часто ходили к средневековому замку Анкерсхаген. Народная легенда гласила, что в этом замке рыцарь-разбойник Геннинг фон Гольштейн спрятал несметные сокровища, награбленные на больших дорогах у путешествующих купцов. Генрих решил найти эти сокровища и, получив за них деньги, отправиться на розыски троянских руин.

Тем временем отношения в семье ухудшились до такой степени, что юноша уже не мог оставаться дома. Тогда он поехал в Гамбург и нанялся на работу к одному торговцу бакалейными товарами. Но обязанности мальчика на побегушках на этот раз оказались ему не по силам. Однажды, когда Генрих поднимал бочку с сельдью, у него хлынула горлом кровь. Генриху пришлось искать другую работу.

Как раз в это время в Венесуэлу отплывал грузовой парусный бриг «Доротея». Недолго думая, Шлиман пошел к капитану судна и нанялся корабельным юнгой. В открытом море их захватил жестокий шторм, бриг стал тонуть. Генрих и еще восемь матросов оказались в спасательной шлюпке. Девять часов носили их по морю бурные волны, пока не выбросили, наконец, на голландский берег. Потерпевшие кораблекрушение были страшно измучены, и их поместили в одну из больниц Амстердама.

Придя через несколько дней в себя, Генрих стал думать о работе. После долгих поисков он, наконец, нашел место рассыльного у одного голландского судовладельца. На этот раз юноша решил разумнее распределять свое время, и в свободные минуты стал изучать иностранные языки. С тех пор половину мизерного заработка он тратил на учебники. Жил Генрих на чердаке, где мерз зимой, а летом задыхался от жары.

Необычной это была учеба. Юноша вслух читал отрывки из книг или диалоги из самоучителя до тех пор, пока не заучивал их наизусть. Сколько неприятностей он имел из-за этого! Соседи постоянно жаловались на него хозяину дома, который дважды отказывал ему в жилье.

Вскоре выяснилось, что Генрих обладает исключительными способностями: на изучение одного языка ему требовалось не больше шести недель. Через год он свободно говорил и правильно писал на английском, французском, голландском, испанском, португальском и итальянском языках.

Как-то раз он явился к судовладельцу Шредеру и попросил взять его на должность бухгалтера. Когда изумленный хозяин фирмы убедился, что этот бледный, несмелый и невзрачный на вид юноша свободно владеет семью языками, то немедленно принял его на работу.

На новом месте Шлиман проявил еще и другие таланты: он оказался ловким и оборотистым купцом, умеющим очень выгодно устраивать даже самые сложные торговые сделки.

В 24 года он настолько хорошо овладел русским языком, что мог свободно разговаривать с русскими купцами, которые приезжали в Амстердам закупать очень ходкий в то время товар — голубой краситель индиго. Шредер решил послать его в качестве своего представителя в Петербург.

Год спустя Шлиман основал свою собственную торговую фирму. Ему посчастливилось сверх всяких ожиданий. Доставляя на российский рынок индиго, он в короткое время сколотил себе немалое состояние.

Как правило, люди быстро забывают о своих юношеских мечтах, а если порой и вспоминают, то с пренебрежительной улыбкой, считая их наивными. Но Генрих Шлиман был сделан из другого теста. Разбогатев, он сразу же отправил Минне, своей

подруге детства, письмо с предложением стать его женой. Ответ ошеломил юношу: практичная немка вышла замуж, не дождавшись возвращения своего немного чудаковатого друга.

Шлиман сильно огорчился, но вкуса к жизни, однако, не потерял. Он много путешествует по Европе, живет то в Берлине, то в Париже, то в Лондоне. Его капитал постоянно растет. Кроме того, он продолжает изучать языки. В 33 года он знал уже 15 языков. Кроме названных семи, он овладел еще польским, шведским, норвежским, чешским, датским, латинским, а также классическим и современным греческим языками. Шлиман хорошо видел, сколько пробелов в его образовании, и каждую свободную минуту отдавал учебе, уделяя особое внимание истории.

«Мне не хватает общего образования, я никогда не стану ученым», — записал он в свой дневник в минуту отчаяния.

Мечты юношеских лет не покидали Шлимана, хотя он и ушел с головой в купеческие дела, ворочая миллионами. Все это он считал лишь средством к достижению цели, поставленной им перед собой в далеком детстве. В свободное время Шлиман переводил на современный греческий язык и учил наизусть всего Гомера, вникая в мельчайшие детали, на которые критики либо не обратили внимания, либо недооценили их важности. Несмотря на то, что даже выдающиеся историки того времени считали «Илиаду» и «Одиссею» плодом поэтической фантазии и утверждали, что Троя на самом деле вообще не существовала, он ни разу не поколебался в своих убеждениях.

Шлиман знал, что великие греческие историки во главе с Геродотом и Фукидидом никогда не сомневались в исторической достоверности Троянской войны, хотя в поэме Гомера часто упоминаются боги, помогающие людям, и происходят чудеса.

Но ведь в «Илиаде» и «Одиссее» наряду с фантастическими эпизодами немало реалистических сцен из обычной повседневной жизни: например, картины хлебопашства и рыболовства, а дворцы и убогие хижины, скажем, жилище свинопаса в «Одиссее», оружие, домашние занятия женщин, одежда и украшения описаны настолько подробно, что просто-напросто кажется невозможным, чтобы все это существовало лишь в воображении поэта. Кроме того, Гомер точно указывает географическое положение берегов и островов Средиземного моря, хотя порой и уносится на крыльях фантазии в сказочные страны, например, при описании острова Цирцеи, страны циклопов или Гадеса.

Но время осуществления давней мечты еще не настало. Шлимана захватило пока что другое дело. В 1848 г. в Калифорнии нашли золото. Сразу же ринулись туда, словно в поисках земли обетованной, огромные массы людей; казалось, что началось наибольшее со времен крестовых походов переселение народов. Неудержимая лавина двигалась через Соединенные Штаты, пробиваясь сквозь прерии, леса и пустыни, переходя реки и топи,

взбираясь на перевалы Скалистых гор и Сьерра-Невады. Золотая лихорадка охватила не только американцев, но и европейцев. Калифорнию заполонили шумные толпы бродяг, скорых на драку и выпивку, скитающихся бедняков и авантюристов — искателей легкого обогащения. На безлюдных местах быстро возникли наскоро сколоченные из досок селения с корчмами и игорными домами, где скандалы и убийства были самыми обычными вещами.

Шлиман тоже отправился в Калифорнию, где открыл в деревянном бараке контору и с большой прибылью скупал золотой песок у старателей, которым немедленно требовалась деньги на кутежи и азартные игры. Даже заболев тифом, Шлиман, лежа в задней комнатушке конторы, с постели следил, как проводятся сделки.

Увеличив таким образом свое состояние, Генрих Шлиман покинул Калифорнию и предпринял путешествие сначала в Каир, а затем в Иерусалим и Трансиорданию. Во время поездки он настолько хорошо овладел арабским языком, что даже сами арабы не могли распознать в нем иностранца. Шлиман совершил неслыханно отчаянный для того времени поступок: надел арабский костюм, для большей безопасности велел сделать себе обрезание и пробрался в Мекку, что запрещалось неверным под страхом смертной казни.

И, наконец, он отправился в Грецию — страну, овеянную мечтами юности. Когда корабль приплыл к берегам Итаки, родины Одиссея-мореплавателя, путешественника охватило сильное волнение. Шлиману казалось, что после долгих лет скитаний по свету, после многочисленных приключений, он так же, как некогда Одиссей, вернулся, наконец, на родину. Генрих встал на колени и со слезами на глазах поцеловал землю. Жители острова с удивлением и любопытством смотрели на незнакомца, который вел себя так странно.

На Итаке Шлиман начал первые археологические изыскания. Он сделал пробный раскоп на том месте, где, по преданию, когда-то высился прекрасный дворец Одиссея. Там Генрих нашел человеческие кости, жертвенный нож, терракотовые статуэтки идолов и другие мелочи. Затем Шлиман отправился в Пелопоннес, переправился через Дарданеллы и перешел равнину, на которой должна была находиться Троя.

Решив с этого времени посвятить себя только археологии, он вернулся в Америку, где закончил все свои коммерческие дела. Теперь ему оставалось подыскать себе жену, преданную и любящую, верного товарища в предстоящей нелегкой работе¹. Как

¹ Косидовский не точно излагает биографию Шлимана. Он опускает значительный период деятельности купца Шлимана — петербургский, не упоминает о том, что после разрыва с Минной Шлиман был женат на русской — Екатерине Лыжиной, от которой имел троих детей. Позже Шлиман развелся с ней и тогда стал искать жену-гречанку (*прим. ред.*).

обычно, он избрал весьма своеобразный путь: написал письмо своему приятелю, греческому архиепископу Вимпосу, прося по рекомендовать ему девушку бедную, но образованную, пылкую поклонницу Гомера и преданную сторонницу независимости Греции, по возможности, красивую брюнетку с типично греческими чертами лица, но прежде всего с добрым сердцем.

Архиепископ прислал ему фотографию своей племянницы, 16-летней Софии Энгастроменос. Шлиман смотрел на нее, как загипнотизированный. Это была девушка классической красоты, с нежными, правильными чертами лица, словно вырезанного в камее. Легкая улыбка, блуждающая на губах, придавала ей неуловимое очарование, столь характерное для женщин Востока.

Шлиман немедленно выехал в Афины, там впервые встретился с Софией и сразу же, как мальчишка, в нее влюбился. Его покорила не столько красота девушки, сколько прямота, скромность и простота ее характера.

Но Шлиман решил не поддаваться внешнему очарованию и, как планировал, устроил строгий экзамен. Он задавал ей бесчисленное количество различных вопросов, на которые София правильно отвечала. Он спрашивал, например, в каком году посетил Афины император Адриан, какие отрывки из Гомера она знает на память.

Все шло как нельзя лучше. В конце он поинтересовался:

— Почему ты согласилась выйти за меня замуж?

— Потому что родители мне сказали, что вы очень богаты.

Услышав такой ответ, Шлиман пулей вылетел из комнаты.

Правдивость девушки сильно задела стареющего жениха — Генриху пошел 47-й год. Но было слишком поздно, он понял, что уже не волен в своих чувствах. Генрих вернулся и попросил ее руки.

Сразу же сыграли свадьбу — он никогда не любил откладывать того, что уже однажды решил сделать.

Однако вскоре Шлиман убедился, что жена его — искренне преданная и любящая женщина.

«София — прекрасная жена, — пишет он в дневнике, — она любит меня страстно, как гречанка, я также горячо ее люблю. Мы разговариваем только по-гречески, на этом прекраснейшем в мире языке».

А жить со Шлиманом оказалось очень нелегко. Мы узнаем об этом из воспоминаний его дочери Андromахи.

«Бедная женщина! — пишет она о своей матери. — Она рассказывала мне, как во время свадебного путешествия должна была посещать вместе с ним все музеи Италии и Франции. Он велел ей также изучать иностранные языки, а его методы можно назвать поистине драконовскими. Отец не разговаривал с ней ни на каком другом языке, кроме как по-французски, пока она

целиком им не овладела. Но как только она стала говорить на этом языке, он тотчас же перешел на английский.

В первые годы супружества жизнь с этим порывистым, неутомимым, талантливым и кипящим энергией человеком была для молодой женщины немалым испытанием. Мне тоже доставалось от него. Еще в детстве отец будил меня в пять часов утра, и мы верхом на лошади отправлялись в Фалерон, который находился в пяти милях от нашего дома, где мы купались в холодных морских волнах.

О нашем здоровье он заботился буквально фанатически. Когда в присутствии многочисленных гостей должны были состояться крестины моего брата Агамемнона, отец вынул из кармана термометр и измерил температуру освященной воды. Это произвело большое замешательство. Священника страшно возмутил столь бесцеремонный поступок, и только после долгих просьб моей матери он заново освятил воду.

Но в общем безапелляционность его характера не мешала ему оставаться человеком доброжелательным и щедрым. Он был также по-своему скромным и терпеть не мог снобов... К цветам и животным он питал святую любовь».

ГРАД ПРИАМА В 1870 г. Генрих Шлиман отправился вместе с женой в Малую Азию и на берегу Геллеспонта впервые предпринял, серьезные археологические изыскания, но приступил к делу чрезвычайно своеобразно. На потеху любопытным ротозеям он с «Илиадой» в руках, словно землемер с топографическим планом, измерял пространство, чтобы установить, где скорее всего могла находиться Троя, город, который после десятилетней осады хитростью захватили воины Агамемнона и обратили в руины.

Но на самом деле в его поведении не было ничего смешного. Целый арсенал убедительных и дальних аргументов Шлимана делает честь его рассуждениям. Давайте проследим ход мыслей археолога, хотя бы для того, чтобы убедиться, до какой степени открытия, совершенные якобы случайно, бывают следствием очень сложных умозаключений.

Некоторые историки допускали, что если Троя действительно существовала, то она находилась вблизи того места, где теперь выросла небольшая турецкая деревня Бурнабаши и возвышался невысокий холм. При этом они ссылались на 22-ю песнь «Илиады», в которой Гомер упоминает, что недалеко от города Приама было два источника, теплый и холодный, т. е. такие же, как в Бурнабаши.

Шлиман решил лично проверить эти предположения. Он нашел проводника-грека и верхом отправился в Бурнабаши. Но уже по дороге его охватили сомнения. Деревня находилась от моря в трех часах езды верхом, между тем греческие герои, если верить Гомеру, ходили от берега моря до стен троянской

крепости по три раза в день, что в данной ситуации занимало бы у них по крайней мере 18 часов. Таким образом, либо ошибался Гомер, либо в Бурнабаши нет руин Трои.

Приехав на место, Шлиман внимательнейшим образом осмотрел небольшой холм, который якобы таил в себе развалины крепости. Его сомнения еще более усилились: холм был слишком мал, чтобы скрывать огромный дворец царя Приама с его 62 покоями и залами, а также крепостные стены с мощными Скейскими воротами. Шлиман сошел с коня и поднялся на вершину холма. На пробу он выкопал в разных местах глубокие колодцы, но везде нашел лишь песок и землю. Ему не встретилось ни одного камня, ни одного черепка посуды или обломка кирпича, словом, ничто не указывало на то, что здесь когда-то возвышалось огромное сооружение. Шлиман пришел к выводу, что холм не имеет ничего общего с руинами разрушенного города, что он является попросту творением природы, а не человеческих рук.

Но Генрих во всем любил точность, поэтому считал своим долгом выяснить вопрос о двух источниках, о которых с такой уверенностью говорили историки. И здесь его ожидал забавный сюрприз: оказалось, что в окрестностях Бурнабаши было не два, а целых 40 ключей. Отсюда и происходило название этой местности: *Kirkios*, что значит «Сорок очей». Шлиман, чтобы окончательно удостовериться в неправильности старой гипотезы, ходил от одного ключа к другому и измерял температуру воды. Она везде оказалась почти одинаковой — среди источников не было ни одного теплого.

С тех пор холм около Бурнабаши перестал его интересовать. Но где же в таком случае искать руины древней Трои? Помочь археологу не мог никто, поэтому он решил вдоль и поперек изъездить геллеспонскую равнину, наощупь отыскивая следы исчезнувшего города. Неожиданно он обратил внимание на турецкое название большого холма, лежавшего севернее Бурнабаши, километрах в пяти от моря — Гиссарлык, что значит дворец. Шлиман хорошо понимал, что в названиях местностей, точно так же, как и в народных преданиях, часто слышны отзвуки событий далекого прошлого. Так люди из поколения в поколение передают свою историю, свою мудрость и свой опыт. С течением времени первоначальный смысл этих названий стирается, как рисунок на потертом ковре, остаются только слова, на первый взгляд, необъяснимые, но являющиеся следами, которые могут указать источник истины. Так, почему же Гиссарлык не мог скрывать в своем чреве какие-то руины, названные людьми уже давным-давно дворцом? Ведь трудно предположить, чтобы без всякого на то основания так именовали естественную гору, даже контурами не напоминающую какое-нибудь сооружение, не говоря уже о дворце.

Предварительные исследования подтверждали догадки Шлимана. Гора имела приблизительно четырехугольную форму и плоскую вершину, что указывало на ее искусственное происхождение. И действительно, уже после первого удара кирки на поверхности оказалось множество обломков кирпича, камня и глиняных черепков. Это красноречиво свидетельствовало о том, что в глубине холма кроются мощные руины города. Шлиман затрепетал от волнения и счастья, он уже был уверен, что находится на месте «священного Илиона».

Древние историки писали, что здесь некогда высился сначала греческий, а затем римский город *Novum Ilium*, который, по преданию, стоял на руинах Трои. Геродот сообщает, что персидский властелин Ксеркс останавливался на этом месте, чтобы взглянуть на развалины града Приама и принести в жертву Минерве Илионской 1000 голов скота. По утверждению Ксенофonta, с этой же целью посетил Новый Илион лакедемонский вождь Миндар, а греческий историк II в. н. э. Арриан пишет, что Александр Македонский, принеся жертву, откопал здесь древний меч и приказал своим телохранителям постоянно его носить с собой, убежденный, что меч принесет ему счастье в походе против персов. Цезарь окружал город особой заботой и поддерживал его деньгами, считая себя непосредственным потомком троянцев.

Только одно беспокоило Шлимана: нигде вблизи холма Гиссарлык ему не удалось обнаружить двух источников, которые упоминал Гомер. Но вскоре и это сомнение рассеялось. От жителей окрестных деревень он узнал, что время от времени там начинают бить горячие ключи, но вскоре высыхают, чтобы появиться снова в другом месте. Однако за все время, пока Шлиман вел раскопки на холме Гиссарлык, ни один из ключей не забил.

В 1871 г. Шлиман нанял восемь рабочих и приступил к систематическим раскопкам. По Гомеру, на самом высоком месте в древности находился храм Афины, из чего можно было заключить, что он кроется в самом центре холма. Шлиман велел выкопать там длинный ров глубиной в десять метров. Во время проведения этих работ лопаты выбрасывали на поверхность обломки оружия, вазы и различную утварь — наглядное доказательство того, что в древности там существовал богатый и многолюдный город.

На зиму работы приостановили, но уже весной следующего года Шлиман вернулся, построил деревянные бараки для жилья и складов, нанял 100 рабочих и возобновил поиски.

От восхода солнца до сумерек он работал вместе с женой на раскопках, а ночью, при тусклом свете фонаря, пересматривал, очищал и систематизировал добытые из земли предметы. По сравнению с трудом, который пришлось затратить, это были находки малой ценности. Каким же терпением и упорством

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ, НАЙДЕННЫЕ ШЛИМАНОМ В ТРОЕ

обладал Шлиман, если не поддался разочарованию и не бросил начатого дела!

Ко всему этому изматывал нездоровий климат. Лето было душным, то и дело шли ливни. Всевозможные насекомые, особенно москиты, не давали спать по ночам. Шлиман тяжело заболел малярией и долго не мог встать на ноги. А зимой с севера подули ледяные ветры, они насквозь пронизывали кое-как склоненные стены барака, не давая возможности даже зажечь фонарь. В таких условиях, хоть и топили печи постоянно, температура нередко падала до девяти градусов ниже нуля.

В 1873 г., т. е. на третий год раскопок, холм Гиссарлык уже вдоль и поперек изрезали глубокие рвы. За это время были извлечены десятки тонн земли и камней. По мере углубления рвов Шлиман открывал все новые и новые руины: наслонившиеся остатки древних городов и поселений.

Города относились к разным эпохам — после кратковременного периода своего расцвета они гибли то от пожаров, то от нападений завоевателей. Почти на самой поверхности находился город Новый Илион, а на самом дне — убогое поселение эпохи новокаменного века.

В раскопе Шлиман выделил семь слоев поселений. Какой же из них был Троей Гомера? В то время разрешить эту проблему представлялось делом чрезвычайно трудным. Для современного археолога указателем времени являются керамические черепки. Каждое поколение людей украшало глиняную посуду, вырабатывая свой собственный стиль и используя определенный круг тем, причем искусство в течение многих веков прошло все фазы развития — от примитивнейших форм до самых совершенных.

Если какой-то определенный тип глиняной посуды встречается во многих поселениях одного и того же культурного слоя и его нет в более поздних и в более ранних слоях, тогда с полной уверенностью можно утверждать, что он, как и соответствующий культурный слой, относится к одной эпохе.

Но каким образом установить хронологию отдельных видов посуды? Существует для этого множество способов, однако мы не будем на них останавливаться, так как это слишком специальная и сложная проблема. Для иллюстрации приведем лишь один пример: в греческой крепости Тиринфе удалось определить дату возникновения одного культурного слоя только благодаря тому, что там была найдена посуда такого же типа, как обнаруженная в гробнице египетского фараона Тутмеса III, относящаяся к 1600 г. до н. э.

Шлиман, естественно, не знал еще этих методов. Орнаментация глиняных черепков ничего ему не говорила, поэтому он даже приблизительно не мог ничего сказать о хронологии семи троянских наслойений. Генрих лишь предполагал, что верхние

слои должны быть моложе, поэтому гомеровскую Трою решил искать в самом низу. Правда, его поражала массивность крепостных стен, которые находились в верхних слоях, однако вскоре исследователь склонился к мысли, что они могли возникнуть не ранее III в. до н. э., т. е. в тот период, когда в этих местах господствовал преемник Александра Македонского, один из его военачальников — Лисимах.

Исходя из этого, Шлиман пришел к выводу, что Троя Гомера, которую он искал, является третьим снизу поселением. В этом его убедили, кроме того, покрытые копотью руины, красноречиво свидетельствовавшие о неожиданном пожаре, уничтожившем город. Однако это поселение нисколько не напоминало прекрасный Илион, так красочно описанный Гомером. Небольшой замок был очень скромным сооружением, тогда как резиденция царя Приама насчитывала, как сообщает Гомер, 62 зала и покоя. Слабые крепостные стены, убогие дома и примитивная керамика говорили о низком культурном уровне обитателей.

И тут Шлиман впервые не поверил Гомеру. До сих пор он во всем, что сообщал Гомер, видел историческую правду, но теперь, под влиянием собственной концепции, заподозрил его в поэтическом преувеличении при описании замка и троянской крепости.

Правда, временами в нем пробуждались сомнения:

«Этот жалкий городишко, — пишет он о третьем снизу поселении, который едва ли насчитывал три тысячи жителей... — разве можно его отождествлять с великим Илионом, покрытым бессмертной славой, с городом, который десять лет отражал героические атаки стодесяттысячной греческой армии?»

Трудно понять, почему Шлиман, которого еще ни разу не подводил инстинкт и умение делать проницательные выводы, на этот раз так упорно придерживался весьма шаткой гипотезы. Вскоре он публично заявил, что открыл город царя Приама. Это известие наделало много шума во всей Европе. На Шлимана посыпались ядовитые насмешки. Ученые обвиняли археолога в дилетантстве, погоне за сенсацией и высмеивали его утверждение о том, что он открыл мифический город, который никогда не существовал.

Эти нападки сильно подействовали на исследователя. Решив прекратить дальнейшие поиски, Шлиман заявил:

«Мы копали здесь с участием 150 рабочих в течение трех лет, извлекли 250 тысяч кубических метров земли и щебня и добыли из руин Илиона прекрасную коллекцию очень интересных художественных памятников древности. Однако сейчас нас сильно утомила работа, а так как мы достигли нашей цели и осуществили идеал нашей жизни, то мы решили прекратить дальнейшие изыскания в Трое 15 июня с. г.»

14 июня 1873 г., т. е. накануне отъезда, Шлиман вместе с женой уже в пять часов утра был на холме Гиссарлык, он осматривал, как идут работы в котловане. Огромная яма с одной стороны заканчивалась мощной стеной здания, которое Шлиман назвал дворцом Приама. Неожиданно он с изумлением увидел выглядывающий из-под пепла и песка какой-то золотой предмет, горевший, как огонь, в косых лучах утреннего солнца.

Генрих быстро обернулся к жене и вполголоса, чтобы его не услышали рабочие, находящиеся поблизости, приказал:

— Отправляйся к рабочим и устрой paidos! (Paidos — погречески значит отдых после работы).

— Сейчас, в семь утра? — удивилась София.

— Да, немедленно... Скажи им, что хочешь... О, уже знаю, объясним им, что у меня сегодня именины и что я забыл об этом, а теперь даю им свободный день, целиком сохранив оплату. И принеси свою красную шаль...

Ни о чем больше не спрашивая, София в точности выполнила поручение. Когда она вернулась, Шлиман стоял в яме на коленях и дрожащими руками с помощью складного ножа выкалывал что-то из земли, совершенно не обращая внимания на стену, которая нависла над его головой и в любую минуту могла рухнуть. София разостлала шаль, и Шлиман начал доставать из земли золотые и серебряные драгоценности. Их было так много, что они едва поместились в шали. Потом супруги украдкой пробрались в барак, старательно закрыли дверь и в глубоком волнении разложили чудесные сокровища на столе, они брали в руки каждую вещь с ласковой и нежной осторожностью.

Особое восхищение вызвали две золотые диадемы. Одна представляла собой золотую цепь изумительно тонкой работы, с которой свисало 30 цепочек поменьше, с подвесками в форме сердец; другая — широкую ленту из литого золота, украшенную такими же подвесками.

Разобрав драгоценности, они подсчитали, что среди найденных сокровищ 24 ожерелья, 6 браслетов, 8700 перстней, 60 серег, 4066 брошей, золотой кубок весом в 600 граммов, золотая бутыль, несколько серебряных и медных ваз, а также бронзовое оружие. Шлиман свято верил, что нашел сокровища царя Приама, а может, даже драгоценности самой Елены, выкраденной Парисом.

«Так как я обнаружил все эти предметы под стеной здания, посвященного, как утверждает Гомер, Нептуну или же Аполлону, — пишет он в дневнике, — значит, они лежали первоначально в деревянном сундуке, который — об этом говорит Гомер в «Илиаде» — находился во дворце Приама».

Шлиман мысленно представил себе ход драматических событий. Боевые отряды Агамемнона уже ворвались в Трою. Домочадцы Приама спешно уложили царские драгоценности в

сундук, думая закопать его под стеной дворца. Но по дороге они были убиты, а на брошенный сундук враги не обратили внимания. В городе бушевал пожар, рушились стены домов, сундук оказался погребенным в руинах. Шли века, дерево превратилось в труху, но украшения сохранились в целости. Нашел их только в XIX в. горячий поклонник Гомера, прибывший сюда с далекого Севера.

В это время Шлиману было уже 52 года. Но, отыскав сокровища, он радовался, как ребенок, счастливый, что осуществились мечты его юности. Генрих по очереди брал в руки каждую вещь и рассматривал ее через увеличительное стекло. Неожиданно его взгляд остановился на Софии, на ее прекрасных, типично греческих чертах лица. Шлиман торжественно возложил на голову жены диадему, затем надел на нее ожерелье, серьги, броши и перстни, а потом сел на стул и долго любовался необычайным зрелищем. Он представил себе, что перед ним стоит прекрасная Елена в царственном блеске драгоценностей, в венке черных, как смоль, волос вокруг нежного, очаровательного лица.

Но что же делать дальше? Шлиман долго колебался. Получив разрешение турецких властей на ведение археологических раскопок, он обязался отдавать турецкому правительству половину того, что обнаружит на холме Гиссарлык. Но теперь, когда у него в руках находились замечательные сокровища, это казалось ему просто невозможным. Археолог сомневался, что алчный султан отнесется с благоговением к бесценным шедеврам доисторического ювелирного искусства, и, кто знает, не надумает ли он переплавить их в звонкую монету. Поэтому однажды ночью Шлиман тайно перевез драгоценности в Грецию, где передал их на хранение родственникам жены.

Весть о великом открытии вызвала в мире небывалую сенсацию. Снова разгорелся спор о Трое, но на этот раз имя Шлимана произносилось с уважением. Громы метало лишь турецкое правительство, которое публично заклеймило Шлимана, как обычного контрабандиста.

ЗОЛОТОЕ ЛИЦО АГАМЕМНОНА

Вождь троянского похода, «царь царей» Агамемнон, был сыном Атрея, царя Микен. Атрей, заподозрив своего родного брата Фиеста в том, что тот якобы обольстил его жену, решил отомстить ему. Однажды он пригласил его на пиршество и угостил жареным мясом. Сразу же после пира Атрей сообщил, что Фиест ел тела своих двух убитых сыновей.

После резни уцелел лишь третий сын Фиеста — Эгист. Мальчик поклялся мстить всему роду Атрея. Агамемнон не догадывался, что делалось в душе двоюродного брата и, отправляясь во главе объединенных греческих войск осаждать Трою, оставил его в Микенах со своей женой Клитемнестрой.

Из III песни «Одиссеи» мы узнаем, что произошло во время его отсутствия:

Тою порою, как бились мы на полях иллионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но как скоро судьбина ее предала преступлению,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой...

Преступная пара, опасаясь последствий вероломства, задумала погубить Агамемнона, как только он вернется из троянского похода. О том, каким образом они осуществили свой замысел, рассказывает нам Гомер устами спартанского царя Менелая в IV песне «Одиссеи»:

Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увида
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратясь внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недобroе в сердце;
Ведши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли.

Перевод В. А. Жуковского

В трагедии Эсхила «Агамемнон» главной виновницей убийства является Клитемнестра. Ею руководит не только боязнь наказания за измену, но в еще большей степени — демон ненависти и мести: она не могла простить Агамемнону, что, отправляясь под Трою, он принес в жертву их дочь Ифигению, чтобы вымолов у богов попутные ветры на море. Из трагедии мы, кроме того, узнаем, что вместе с Агамемноном в Микенах погибла его пленница Кассандра, дочь царя Приама, вещунья, которой являлись духи. Именно она предсказала падение Трои.

Вот монолог Клитемнестры сразу же после совершения убийства:

Вот здесь стою, здесь смертный нанесла удар,
Свершила так, мне отпираться незачем:
Большое покрывало, словно рыбья сеть,
Его стянуло роскошью погибельной.
Он ни бежать не в силах, ни противиться,
Ударила я дважды. Дважды вскрикнул он.
И навзничь растянулся. И упавшему
Я в третий раз наддала, возлия так
В честь Зевса преисподней, душ спасителя!
Он прохрипел и ниц упал и кончил жить.
И кровь струею вырыгнул и каплею
Меня ужалил, как росою черною.
И я возликовала, словно божий дождь
На лоно хлынул пашни колосящейся.

Перевод А. И. Пиотровского

Восемь лет спустя в Микене прибыл сын Агамемнона Орест и отомстил за смерть отца. Он убил не только Эгиста, но и свою мать Клитемнестру. Долгое время убийцу матери преследуют Эринии, три страшные сестры, олицетворяющие муки совести преступника; наконец, после многих страданий он, представитель рода, проклятого богами, получает прощение афинского ареопага и вступает на окровавленный трон Атридов.

В отличие от Трои руины Микен находились на поверхности земли. В Арголиде, в северо-восточной части Пелопоннеса, еще и теперь можно увидеть мрачные крепостные стены замка Агамемнона, возвышающиеся на отвесной скале. Они сложены из огромных каменных глыб, плотно пригнанных друг к другу, но не скрепленных раствором. Цели и знаменитые Львиные ворота, в которые входил Агамемнон, возвращаясь из Трои. На самом их верху два льва, изваянные из камня-монолита, с отбитыми с незапамятных времен головами. В руинах сохранился также древний подземный резервуар, который и ныне наполняют водой из источника Персея с помощью терракотового водопровода. За крепостными стенами на склонах окрестных холмов расположено семь монументальных купольных гробниц. Каждая из них построена в форме пчелиного улья. Эти грандиозные сооружения ярко свидетельствуют о мощи миленских властелинов, а также о том, что строительное искусство в то время стояло уже на очень высоком уровне. Все усыпальницы оказались давным-давно ограбленными.

Замечательным памятником античного зодчества является так называемая «Гробница Агамемнона». В мрачную усыпальницу ведут ворота пятиметровой высоты, воздвигнутые из каменных плит, каждая из которых весит несколько десятков тонн.

Человеку, стоящему в центре гробницы, может показаться, что он попал в гигантский улей, построенный весьма своеобразно: 33 каменных кольца постепенно сужаются и наверху заканчиваются одной полукруглой плитой. Симметрично расположенные отверстия, судя по всему, в древности были украшены бронзовыми розетками. Из этого огромного зала, напоминающего римский Пантеон, коридор ведет к вырубленному в скале склепу, где, по всей вероятности, покоились останки царя.

Греческие мифы о трагической судьбе рода Атридов, широко известные благодаря произведениям Гомера и Эсхила, а также суровая простота руин с древних времен привлекали внимание многих римских и греческих путешественников. По их мнению, такие стены не могли воздвигнуть обычные люди, и поэтому они полагали, что это результат нечеловеческого труда одноглазых великанов — циклопов.

Около 170 г. н. э. Микены посетил греческий писатель и путешественник Павсаний. Свои впечатления он описал следующим образом:

«Здесь сохранились еще часть городской стены, а также ворота, на которых стоят львы... В руинах Микен находится (подземный) водоем, называемый Персеей. Тут были и подземные сооружения Атрея и его сыновей, где хранились их сокровища и богатства, тут могила Атрея, а также могилы тех, кого Эгист убил во время пиршества, когда они возвратились из Илиона... Есть здесь могила Агамемнона, затем возницы боевой колесницы Эвримедонта, дальше могилы Теледама и Пелопса. Говорят, что они были близнецами, рожденными Кассандрай, и что их еще младенцами зарезал Эгист, умертвив их родителей... Клиtemнестра и Эгист похоронены немного в стороне от стены, ибо считали, что они недостойны покояться внутри стен города, где похоронен сам Агамемнон и те, кто погиб вместе с ним».

Приведенный текст сыграл особую роль в археологических изысканиях, проводившихся в XIX в. Немало археологов, опираясь на сообщение Павсания, лихорадочно начинали в Микенах раскопки, но вскоре их прекращали, ничего не добившись.

Причиной их неудач являлось неправильное толкование текста Павсания. Хотя греческий путешественник недвусмысленно заявлял, что Агамемнона и его приближенных похоронили с внутренней стороны крепостной стены, все считали, что он не имел в виду мощные стены самой крепости. Следует пояснить, что Микены, как на это указывали раскопки, окружала еще вторая стена, охватывавшая обширную территорию, на которой и находились уже упомянутые купольные гробницы. Большинство археологов предполагало, что Павсаний видел и описал именно эти могилы.

И еще два обстоятельства повлияли на утверждение этого мнения. Двор собственно крепости занимал очень небольшое

МИКЕНЫ. ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА

пространство, поэтому трудно было поверить, чтобы на нем могло разместиться кладбище. Кроме того, сделав несколько пробных колодцев, ученые убедились, что основанием двора, заваленного к тому же огромным количеством мусора, служит скала, в которой рыть могилы не представлялось возможным.

После огромного успеха раскопок на холме Гиссарлык Шлиман не собирался почивать на лаврах. Занимаясь поисками нового объекта для археологических изысканий, он вспомнил, что Гомер всякий раз, называя город Микены, использует такие эпитеты, как «золотообильный», «золотой» или просто «богатый». Со свойственной ему уверенностью, которая так же, как в случае с Троей, казалась наивной, он пришел к выводу, что в Микенах должно находиться множество ценных художественных изделий из золота.

Все аргументы своих предшественников он опроверг и на все поставленные ими вопросы нашел на редкость простые ответы, настолько простые, что можно лишь удивляться, почему археологи, хорошо знавшие расположение микенской крепости, так долго заблуждались.

На основании сообщения Павсания, Шлиман сделал вывод, что тот имел в виду мощную стену собственно крепости, ведь путешественник подчеркнул, что в ней находились Львиные

ворота, которые вели во двор. Что же касается наружной стены, то Павсаний никак не мог ее видеть, поскольку она была разрушена во время нашествия аргивян в 468 г. до н. э., т. е. за 638 лет до того, как греческий писатель посетил Микены. Отсюда напрашивался единственный вывод, что Павсаний описывал могилы, расположенные во дворе крепости, а не грандиозные гробницы-ульи, сооруженные на склонах окрестных холмов, как это считали предшественники Шлимана.

Можно ли, однако, предположить, что на небольшой площади, одновременно являвшейся местом публичных сборов, устроили кладбище? И на этот вопрос Шлиман нашел ответ опять-таки у Павсания, который писал: «Здесь собирались они на свои собрания на том месте, где покоялся прах героя».

Это свидетельствовало о том, что у древних греков существовал обычай хоронить выдающихся людей на площадях народных собраний (агорах).

Чтобы начать археологические работы, Шлиману нужно было получить концессию от греческого Археологического общества в Афинах. Но греки, памятуя шумную аферу с троянскими сокровищами, ему не доверяли. Переговоры тянулись более двух лет и, по всей вероятности, так ничем бы и не кончились, если бы Шлиман не обязался вести раскопки лишь во дворе цитадели. Руководители Общества дали ему в конце концов разрешение только потому, что, по их твердому убеждению, двор не представлял никакой археологической ценности и ничего там нельзя было найти, кроме черепков, щебня и камней. Однако от Шлимана потребовали, чтобы он отдал троянские находки, за исключением нескольких мелких вещей, которые ему позволили хранить у себя до конца жизни. Кроме того, для наблюдения за его работой на всякий случай приставили греческого археолога Стаматокиса.

7 августа 1876 г. Шлиман вместе с женой приехал в Микены. Только здесь, на месте, археолог понял, какую трудную задачу поставил он перед собой. Двор цитадели был покрыт колоссальным пластом мусора весом по меньшей мере в несколько тысяч тонн. Исследователь нанял в окрестных деревнях 125 рабочих и бодро принялся за расчистку. Работы начали на расстоянии нескольких метров от Львиных ворот. Одни рабочие кирками расшатывали камни, другие грузили их на тачки и вывозили за пределы двора. Шлиман то и дело обнаруживал фрагменты фризов², раскрашенные вазы, терракотовые статуэтки, каменные формы, в которых отливали украшения, бусы и геммы.

За четыре месяца выкопали огромный котлован. Когда приблизились к уровню двора, Шлиман сделал первое открытие,

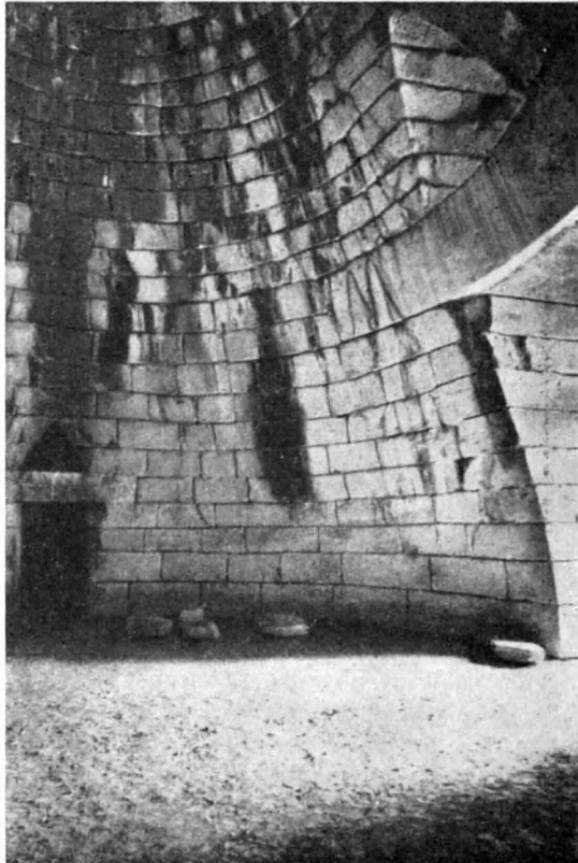
² Фриз — в строительстве украшение в форме горизонтального пояса.

КУПОЛЬНАЯ ГРОБНИЦА В МИКЕНАХ
(ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «СОКРОВИЩНИЦА
АТРЕЯ»)

сильно его ободрившее. На скальном грунте он нашел расположенные по широкому кругу массивные каменные плиты, а посредине — круглый алтарь с высеченной на верху чашей, от которой шла канавка для стока крови жертвенных животных. Плиты, по всей вероятности, являлись могильными стелами³. На некоторых из них удалось различить не совсем стершиеся рельефы, изображавшие воинов на колесницах и различные охотничьи сцены.

Шлиман был почти уверен в успехе. Фигуры на стелах живо напоминали героев гомеровского эпоса. Однако наибольшее впечатление на него произвел алтарь с канавкой. В древности существовал обычай приносить в жертву животных на могилах героев таким образом, чтобы кровь стекала в могилу, поэтому алтарь на микенской площади указывал на то, что где-то вблизи должны находиться и разыскиваемые могилы.

Шлиману не пришлось долго ждать подтверждения своей гипотезы. Когда в одном месте убрали последний слой щебня, его глазам предстала высеченная в скале четырехугольная шахта, до краев наполненная землей. Он сразу же приказал рабочим приостановить раскопки. Сам Шлиман был слишком грузным, поэтому раскапывать могилу стала его жена София. Маленькой лопаткой и ножом она с большой осторожностью вынимала землю из шахты, старательно просеивая ее сквозь пальцы. На глубине около пяти метров она нашла первый предмет, обещавший великое открытие — золотой перстень с печатью.

³ Стела — каменный столб или плита, служащая надгробием или памятником.

А то, что они обнаружили на дне могилы, превзошло даже самые смелые предположения. Там в ослепительной пышности, соответствующей их сану, покоились три греческих воина. Выкованные из золотого листа посмертные маски реалистично передавали суровую простоту лиц бородатых мужчин. Груди были закрыты богато орнаментированными золотыми панцирями. Сбоку лежало оружие: кинжалы, мечи, щиты.

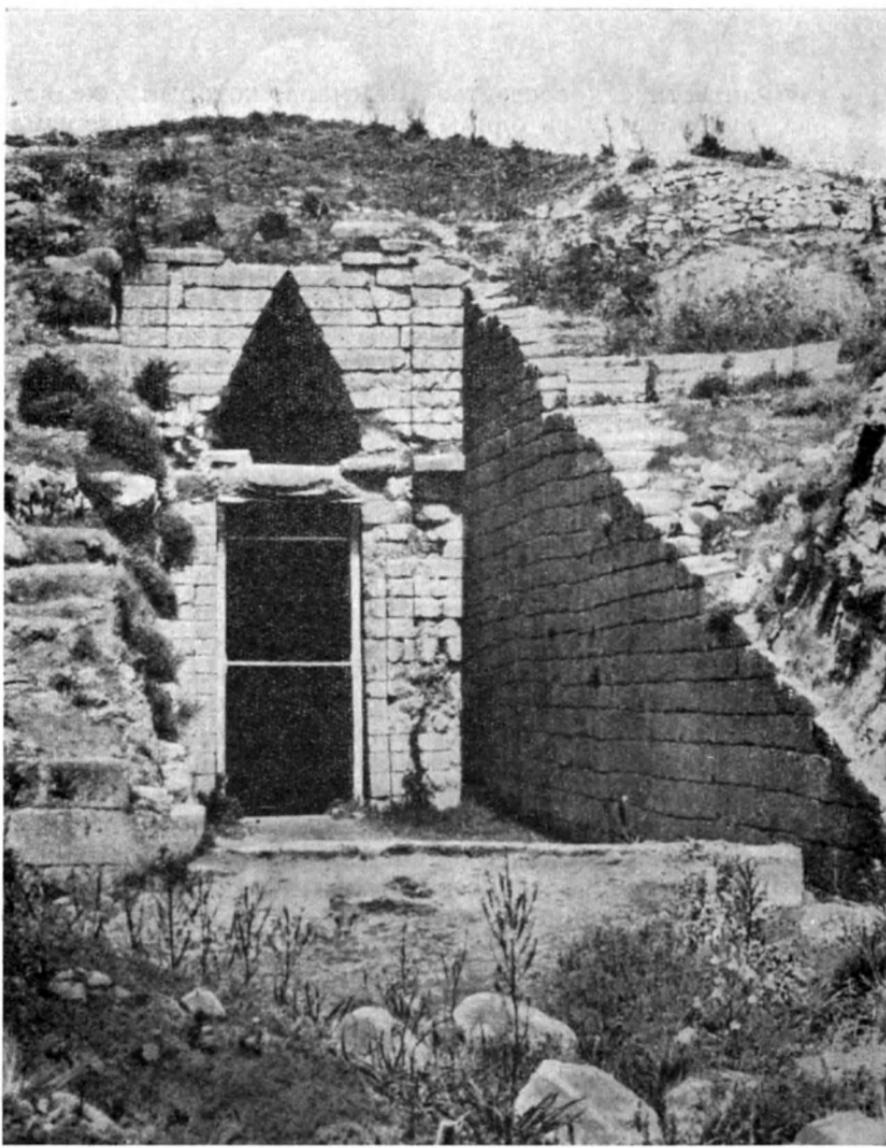
Как только сняли маски, черепа двух покойников сразу же рассыпались в прах, зато третий череп сохранился совсем хорошо. На нем еще виднелись следы кожи, а здоровые зубы в раскрытой челюсти свидетельствовали о том, что покойный был мужчиной в возрасте около 35 лет.

В результате дальнейших поисков Шлиман обнаружил сразу пять могил. В них лежали девять мужчин, восемь женщин и двое маленьких детей. Все мужчины имели золотые маски и панцири, рядом с ними находилось большое количество оружия, золотые и серебряные кубки, а также много домашней утвари. У большинства женщин голову охватывали золотые диадемы в виде лент, украшенных красивым спиральным орнаментом и розетками. Рядом стояли золотые и серебряные ларцы, полные драгоценностей. Останки были засыпаны сотнями золотых лепестков с выгравированными на них рыбами, пчелами, розетками и спиральными. Эти лепестки когда-то украшали одеяния, от которых, естественно, не осталось и следа.

Найденные предметы свидетельствовали о высокой культуре уже зрелой микенской цивилизации. Особого внимания заслуживает оружие. На бронзовых мечах, кинжалах и щитах представлены разнообразные аллегорические сцены, инкрустированные золотом и серебром. На одном из кинжалов изображен лев, преследуемый группой охотников с большими щитами, целиком закрывающими их фигуры. На другом — он происходит из Египта — неизвестный художник выгравировал Нил, котов, прокрадывающихся сквозь рощицу папируса, над которой уже взлетели дикие утки, на клинке бронзового меча — галопом мчащийся табун лошадей. Эта картина удивительно тонко передает формы и движение.

Помимо кубков, браслетов, диадем и булавок для закалывания одеяний, Шлиман нашел в могилах множество перстней и печатей из яшмы, аметиста, агата и других драгоценных камней. Благодаря этим находкам мы знаем, как одевались женщины Греции того времени. На вогнутых печатях перстней изображены модницы с завитыми волосами, обнаженными бюстами, в юбках в форме кринолина. Выгравированные фигуры настолько мелки, что их нельзя различить без увеличительного стекла, тем не менее древние миниатюристы выполнили их с безупречной точностью, которая и ныне вызывает искреннее восхищение.

Ряд совпадений, которые невозможно было объяснить толь-

ВХОД В ТАК НАЗЫВАЕМУЮ «ГРОБНИЦУ КЛИТЕМНЕСТРЫ»

ко случайнотью, заставил Шлимана сделать вывод, что в найденных могилах лежали останки Агамемнона и его приближенных. Об этом прежде всего свидетельствовал тот факт, что на микенском дворе находилось пять могил, именно столько, сколько называет Павсаний. Их одинаковая форма, одинаковый стиль украшения драгоценностей и оружия,— все это убедило Шлимана в том, что в Микенах когда-то произошло массовое похоронение 19 жертв кровавого заговора Эгиста и Клитемнестры.

Фантастическое счастье Шлимана, который уже во второй раз, руководствуясь одним лишь инстинктом, совершил небывалое открытие, нашло широкий отклик во всем мире. С самого начала никто не посмел усомниться в его предположении — стоило взглянуть на сокровища, чтобы увидеть поистине удивительную связь их с миром, воспетым Гомером.

Какова же эта связь? Ученых всегда приводил в замешательство, например, тот факт, что у воинов Гомера большие щиты, тогда как у греков, которых мы знаем из истории, — исключительно маленькие. А на микенских кинжалах и перстнях с печатями охотники и воины вооружены как раз большими щитами. Это могло свидетельствовать только о том, что находки относятся к эпохе, в которую жили Агамемнон, Одиссей и Менелай.

Оживленную дискуссию вызвал также «Кубок с голубями», найденный в одном из микенских захоронений. Он имел массивную ножку, а с двух сторон большие ручки, на которых стояли два золотых голубя, обращенные один к другому клювами. Из подобного кубка, как повествует Гомер, пили вино Нестор и Менелай.

Однако самым поразительным оказалось вот что. В 10 песне «Илиады» Гомер упоминает своеобразный шлем, украшенный клыками дикого кабана. Подобные шлемы не упоминаются в традиционной греческой истории. Поэтому можно представить себе радость Шлимана, когда в одной из могил он обнаружил 60 клыков, с одной стороны плоско опиленных. Ведь это красноречиво свидетельствовало о том, что они являлись когда-то украшением... кто знает, не шлемов ли погребенных там воинов.

В 1876 и в 1884 гг. Шлиман проводил археологические раскопки в Тиринфе, греческой крепости, расположенной к юго-востоку от Микен, невдалеке от города Аргоса. Ее мощные крепостные стены, сложенные из огромных, совершенно неотесанных каменных глыб, древние причисляли к чудесам света, а Павсаний ставил их в один ряд с египетскими пирамидами.

Шлиман не нашел там, правда, никаких сокровищ, но зато, убрав сотни тонн земли и щебня, увидел необыкновенно хитроумные оборонительные сооружения, состоящие из различных преград, ловушек и потайных ходов, скрытых в толстых стенах. Одним из ценнейших открытий, сделанных в Тиринфе, явились руины дворца, похожего на дворец Одиссея. В центральной его части располагался мегарон, т. е. большой зал, где вокруг открытого очага собирались прославленные греческие мужи. В тириинфском мегароне возвышались четыре колонны, а стены его были украшены цветными рисунками, которые изображали сцены охоты и военных схваток. Дневной свет попадал в зал только через дверь, а дым очага выходил сквозь отверстие в потол-

ЗОЛОТАЯ МАСКА ИЗ ДИНАСТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В МИКЕНАХ

ке. Понятно, что в мегароне царил вечный полумрак. Это и объясняет нам, почему Гомер называет его «тенистым». Найденные в руинах вазы и терракотовые статуэтки свидетельствовали о том, что Тиринф принадлежал к той же культурной общности, что и Микены, а также другие местности Пелопоннеса.

Сказочные открытия в Трое и в самой Греции принесли Шлиману мировую славу. В 1877 г. 30 научных обществ пригласили его в Англию. Знаменитый исследователь ездил из города в город с докладами, буквально разрываемый на части, осыпаемый дипломами и памятными медалями. В триумфальной поездке его сопровождала София, производившая большое впечатление на всех своей классической красотой, исполненным достоинства поведением и отличным знанием археологических открытий мужа.

Минуло 13 лет. В 1890 г., после одной из многочисленных поездок в Англию, Шлиман возвращался в Афины, где построил себе дом и постоянно жил вместе с семьей. В пути у Шлимана началось острое воспаление уха, но вопреки советам врачей он не прервал путешествия, желая попасть домой к рождеству.

Накануне праздника Генрих приехал уже в Неаполь. Здесь, проходя по одной из площадей, он упал, потеряв сознание. Милосердные прохожие принесли неизвестного им человека в ближайшую больницу. Но так как Шлиман по своему обыкновению был очень бедно одет, там отказались его принять, считая больного нищим, который не сможет оплатить лечение.

Шлимана перенесли в ближайший комиссариат полиции. Здесь в его кармане нашли адрес местного врача, у которого он лечился. Вызванный доктор приказал немедленно вызвать фиакр, чтобы отвезти больного в отель. По удивительному стечению обстоятельств в этом отеле жил тогда Генрих Сенкевич, путешествовавший по Италии. В одном из своих писем он сообщает, что был свидетелем того, как вносили потерявшего сознание Шлимана. Полицейский забеспокоился, кто оплатит расходы.

— Но ведь это очень богатый человек! — ответил ему врач и в доказательство вынул из кармана археолога горсть золотых монет.

Шлиман умер в тот же день от воспаления мозга, вдали от жены, дочери Андромахи и сына Агамемнона, вдали от своих любимых находок. Так закончил жизнь мальчик на побегушках, затем богатый купец и, наконец, один из величайших археологов мира.

В ЛАБИРИНТЕ МИНОТАВРА

В 1882 г. в Афинах появился 32-летний англичанин Артур Эванс. Страстный коллекционер памятников древности, археолог и нумизмат, он целыми днями просиживал в антикварных магазинах, где копался в рухляди, осматривал геммы и монеты, а что приходилось ему по вкусу, покупал, не особенно торгуясь.

Молодой приезжий был очень близорук и потому никогда не расставался с толстой суковатой тростью. Все считали его типичным книжным червем, который света не видит за своей наукой. Никто и не предполагал, что этот болезненный на вид учений приобрел в Англии славу человека отважного до дерзости и долгое время держал в напряжении читателей газет своими отчаянными выходками, а в довершение всего придерживался радикальных политических взглядов, вызывавших публичное негодование.

Это казалось тем более странным, что Артур Эванс происходил из состоятельной, уважаемой семьи, из поколения в поколение связанной с Оксфордским университетом и Королевским научным обществом в Лондоне. Отец его — известный теолог и собиратель памятников древности — немало времени посвящал антропологии и археологии.

Можно сказать, что юность Артура была усеяна розами. Уже с детских лет его стали интересовать научные вопросы. Мальчик

ТИРИНФ. СТЕНЫ АКРОПОЛЯ

с огромным вниманием прислушивался к горячим спорам, которые вели товарищи отца, собирающиеся в их доме. Обладая незаурядными способностями, Артур быстро закончил университет и получил почетную должность преподавателя истории в Оксфорде.

Казалось, что молодой Эванс пойдет по стопам отца и деда и, подобно им, станет солидным профессором университета. Однако в нем дремала натура пламенная, непокорная, жаждущая романтических приключений.

Вскоре он восстановил против себя университетские власти, критикуя их за мертвый консерватизм и провозглашая взгляды, по их мнению, не совместимые со званием преподавателя столь уважаемого научного заведения, каким был Оксфорд.

К тому же им казалось, что проводить свободное время так, как это делал Артур, профессору по меньшей мере не к лицу. Закинув за спину вещевой мешок, Эванс отправлялся пешком или верхом по Англии и Европе, ночуя в корчмах, деревенских хижинах, а то и на сеновалах. Так он обошел Румынию, Норвегию, Швецию, Финляндию и даже морозную тундру Лапландии.

В 1875 г. он впервые побывал на Балканах и сразу же всей душой их полюбил. Все там импонировало его молодому, горячemu сердцу: пейзажи Далмации, острова, полуострова и заливы голубой Адриатики, богатая история, римские, византийские,

венецианские и мусульманские памятники древности, но главным образом — мужественный сербский и хорватский народы, которые героически боролись за свою независимость.

В то время, когда Эванс находился на Балканах, в Боснии и Герцеговине началось восстание против турецкого владычества, под которое эти области попали в 1526 г. Артур сразу же стал пламенным сторонником повстанцев. Он целые дни проводил в их лагере, принимал участие в партизанских походах, а однажды, переодевшись, пробрался даже на территорию, занятую турками, чтобы наладить связь со славянским населением этого района.

О бурных событиях на Балканах Эванс писал в английских газетах. В своих корреспонденциях он прославлял героизм повстанцев, клеймил позором турецких захватчиков, но главным образом страстно обличал правительство Великобритании за его безразличное отношение к освободительной борьбе южных славян.

Деятельность Эванса не нравилась местному английскому консулу. Поэтому он официально заявил, что турки никогда не совершали злодеяний по отношению к славянскому населению.

Возмущенный Артур, желая собрать неопровергимые доказательства кровавого террора турецких захватчиков, бросился вплавь через реку, вздувшуюся от дождей и талого снега, и добрался до главного лагеря повстанцев. Вскоре английская пресса и прежде всего либеральная «Манчестер гардиан» опубликовали описания сожженных деревень, массовых убийств, конфискаций и бедственного положения обездоленных жителей. Английский консул был посрамлен.

Однажды Эванс попал в руки к туркам, и только паспорт английского подданного спас его от виселицы. Однако ему пришлось покинуть Балканы и возвратиться в Англию, где произвели сенсацию его костюмом балканского повстанца, загорелое, почти бронзовое лицо и пламенная пропаганда в пользу южных славян. Взвывая к совести англичан, Эванс издал большинство своих статей отдельной книжкой, кроме того, Артур собирал деньги и одежду для борющегося населения, стремлениями которого он так глубоко проникся.

Эванс был страшно возмущен тем, что в результате дипломатических махинаций великих держав Босния и Герцеговина не получили независимости и попали под иго Австрии.

Артур женился и стал постоянно жить в Дубровнике, где купил себе дом. Там он занимался историей, археологией, а также политикой.

Эванс раскалывал старые могилы, собирал греческие и римские монеты, писал научные работы о венецианских памятниках древности в Далмации. Всеми любимый, он пользовался среди жителей города большой популярностью.

Казалось, что теперь жизнь Эванса потечет спокойно. Однако в 1878 г. началось восстание против Австрии. Артур, не задумываясь, забросил научную работу и предложил свои услуги повстанцам. В течение длительного времени он находился в их лагере, откуда снова писал в Англию корреспонденции, но на этот раз о героизме повстанцев и поражениях австрийских войск. Его дом стал местом конспиративных собраний и пристанищем для патриотов, которые скрывались от полиции. Но вскоре австрийская разведка пронюхала об этом. Эванс получил приказ немедленно покинуть пределы Австрии.

В английских университетских кругах его по-прежнему считали человеком несерьезным, безответственным и шальным. Поэтому, начав хлопотать о должности директора одного небольшого музея в Лондоне, он встретил бурный отпор. В нем снова заговорила воинственная натура. В ряде статей он показал, что в этом музее царит страшная запущенность, и, вопреки всем протестам, добился получения места директора. Эту должность Эванс занимал до конца жизни, проведя в музее основательную реорганизацию.

Все свое свободное время Артур посвящал путешествиям. В 1882 г., как мы об этом уже говорили в начале главы, он оказался в Афинах. Роясь в антикварных магазинах, Эванс вдруг обратил внимание на неприметные, однако весьма своеобразные предметы, которые антиквары считали не слишком цennыми. Это были плоские кружочки из цветного камня с просверленными у краев отверстиями, напоминавшие медальоны или амулеты, которые, по всей вероятности, носили на шнурке или цепочке. На каждом из этих каменных медальонов виднелись вырезанные таинственные буквы, не похожие ни на египетские иероглифы, ни на клинообразные письмена ассирийцев. На вопросы Эванса торговцы отвечали, что получают эти кружочки с Крита, где крестьяне их находят при вспашке земли.

Эванс не сомневался, что эти амулеты принадлежат глубокой древности и относятся к тому периоду истории Крита, когда там буйно расцвела неизвестная культура с найденной им, но еще не расшифрованной письменностью. Об этой культуре, кроме мифов и легенд, в то время никто ничего не знал. Обнаруженные Эвансом кружочки стали для него путеводной нитью. Теперь он, где только мог, скупал амулеты-медальоны и часто задумывался над смыслом причудливых знаков. Вскоре Артур решил отправиться на Крит, чтобы лично начать там поиски.

Прибыв в Афины, Эванс, понятное дело, не прошел мимо дома замечательного исследователя Трои и Микен — Генриха Шлимана. Захватив с собой рекомендательное письмо отца, молодой ученый сразу же после приезда отправился его навестить. С первой минуты знакомства, несмотря на большую разницу в возрасте, они очень понравились друг другу и целые дни, а то и

ночи напролет проводили в жарких дискуссиях. Шлиман жил, очарованный золотыми сокровищами Трои и Микен, а англичанин с необыкновенным упорством корпел над микенскими печатями, изучая выгравированные на них изображения женщин.

Его заинтриговали главным образом пышные кринолины этих модниц, их платья, туго перехваченные в талии, живо напоминавшие наряды придворных дам времен Людовика XV. Подобные одеяния Артур уже видел на черепках глиняной посуды, вывезенных с Крита и выставленных для продажи в лавках афинских антикваров. Он снова лицом к лицу встретился с критской культурой.

Эванс должен был вернуться в Англию, но его наблюдения, указывавшие на загадочную связь микенской культуры с культурой Крита, произвели сильное впечатление на Шлимана, тем более что, закончив раскопки в Микенах, археолог выбирал себе новое место для изысканий.

К тому же тайна Крита волновала его уже несколько лет. Шлиман искал зерно исторической правды в легендах и мифах о Тесее и Дедале, в записях таких историков древности, как Геродот и Фукидид, свидетельствовавших о большой культурной и политической роли, которую в доисторические времена сыграл остров Крит в бассейне Эгейского моря.

Все мы знаем эти прекрасные легенды с детства, однако не помешает напомнить их содержание, хотя бы вкратце.

Критский царь Минос жил в своей столице Кноссе. Однако семейная жизнь могущественного властителя была омрачена тем, что его жена Пасифая родила Минотавра — страшное чудовище с человеческим туловищем и головой быка. Желая скрыть от людских глаз свой позор, Минос повелел архитектору Дедалу построить для Минотавра дворец-лабиринт с запутанными переходами, залами и галереями.

Однажды сын Миноса Андроген, юноша рослый и ловкий, отправился в Афины, чтобы принять участие в спортивных играх Греции. Во всех состязаниях он легко победил афинян и завоевал первенство. Царь Афин Эгей, завидуя юноше, приказал его убить. Чтобы отомстить за смерть сына, Минос снарядил большой военный флот в поход против Греции, разрушил Афины и заставил Эгей платить ежегодную дань — семь девушек и семь юношей, предназначенных в жертву кровавому Минотавру.

Два года подряд платили афиняне страшную дань. В третий раз, когда среди молодежи выбирали новые жертвы, к ним добровольно присоединился сын Эгей — Тесей, который решил победить Минотавра и таким образом положить конец мукам своих земляков.

Перед отплытием Тесей уговорился с отцом: если на возвращающемся из плавания судне Эгей увидит черные паруса, то

это будет означать поражение и смерть сына, а белые паруса принесут радостную весть об одержанной победе.

На Крите Тесею улыбнулось счастье: в него влюбилась Ариадна, дочь Миноса. Втайне от отца она вручила ему меч и клубок ниток и велела привязать конец нити у входа в лабиринт, а потом, по мере продвижения вглубь, распускать клубок. Тесей убил Минотавра и благодаря нити Ариадны вместе с товарищами нашел обратную дорогу.

Корабль Тесея тайно покинул Крит и поплыл в Афины. Но на радостях Тесей забыл поднять белые паруса. Царь Эгей, сидя на высокой скале, с нетерпением ждал возвращения сына. Заметив приближающийся корабль с черным парусом на мачте и не будучи в силах перенести предполагаемую утрату, он бросился в море, которое с тех пор стали называть Эгейским.

Тем временем Дедал, сам родом из Афин, сильно затосковал на чужбине и стал настойчиво просить Миноса освободить его от службы. Однако властитель Крита не хотел лишиться Дедала, талантливого строителя, художника и изобретателя, с которым никто не мог сравниться. Ведь это именно он построил морской порт, лабиринт и прекрасный царский дворец, это он изобрел сверло, ткацкий станок, водопровод и плотницкий ватерпас.

Не получив согласия царя, Дедал решил тайно покинуть Крит. С этой целью он сделал для себя и своего сына Икара крылья из птичьих перьев, скрепленных воском. Перед полетом отец предостерегал Икара: нельзя подниматься слишком высоко в небо, потому что горячие лучи солнца могут растопить воск. Когда они оба, словно орлы, взмыли в голубую высь, Икар забыл о наставлениях отца. В порыве радости и восхищения от того, что он летит, как вольная птица, Икар поднимался все выше и выше к золотистому диску солнца. Но отвалившись, растопившись, крылья, и юноша камнем упал в морскую бездну.

В неутешном горе Дедал полетел на Сицилию под опеку царя Кокала, который принял его очень гостеприимно. Но Минос не смирился и, преследуя Дедала, прибыл со своим флотом на Сицилию, где потребовал выдачи беглеца. Царь Кокал сделал вид, что очень рад его прибытию и, как радушный хозяин, велел приготовить для него купель. В тот момент, когда Минос готовился к купанию, три дочери царя неожиданно столкнули его в бассейн с кипящей водой.

Повесть о Тесее афиняне вовсе не считали легендой. По их убеждению, это было историческое лицо, гробница которого, окруженная всеобщим почетом, находилась в самом центре Афин. Годовщина победного возвращения Тесея с Крита торжественно отмечалась во время праздника оскофориев⁴.

⁴ Праздник оскофориев — торжества в честь бога Диониса (oschos — по гречески ветвь винограда).

В память спасения Тесеем афинских жертв Минотавра юноши и девушки, украшенные цветами, радостно шествовали по улицам города.

По мнению Шлимана, легенда о Тесее свидетельствовала о гегемонии Крита над всем бассейном Эгейского моря, достигнутой им в свое время благодаря могучему военному флоту. Если этот вывод правилен, размышлял Шлиман, то действительно, когда-то правил некий могущественный владыка — царь Минос, который захватил Афины, или же, как утверждает Гомер, цари Крита господствующей в то время династии назывались миносами подобно тому, как властелины Египта назывались фараонами. В XIX песне «Одиссеи», выдавая себя за внука Миноса, Одиссей повествует:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих,
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый...

Перевод В. А. Жуковского

Более точные сведения можно найти у Фукидида. В первой книге «Пелопоннесской войны» он сообщает:

«Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевидно также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы».

Шлиман решил разгадать тайну критской культуры. В 1886 г. он отправился на остров.

В горной долине, на расстоянии нескольких километров от города Гераклейона, возвышается холм Кефала, где, по легенде, в древние времена находился город Кносс. Лет за девять до приезда на Крит Шлимана на холме сделал пробный колодец испанский консул, который обнаружил здесь, глубоко под землей, какое-то величественное сооружение.

Чтобы иметь возможность систематически проводить археологические раскопки, нужно было сначала купить холм у его владельца. Но хитрый критянин потребовал, чтобы вместе с холмом у него купили все хозяйство — строения, виноградники и оливковые сады — за 100 тыс. франков. На эту чрезмерно высокую цену Шлиман не согласился и, разгневанный, вернулся в Афины.

ДВОРЕЦ В КНОССЕ

XVI в. до н. э.

Критский крестьянин, увидев, что переборщил, отправил в Афины телеграмму, в которой сообщал, что снизил цену до 40 тыс. франков с тем, однако, условием, чтобы Шлиман немедленно внес эту сумму на его счет в афинский банк.

Но Шлиман недаром столько лет был купцом: в поспешности крестьянина он почувствовал какой-то подвох, поэтому снова поехал на Крит и к неописуемому возмущению убедился, что в действительности на холме было на 1612 оливковых деревьев меньше, чем утверждал владелец.

Разозленный, он махнул на все рукой и отказался от покупки участка. Шлиман-купец в этот раз одержал победу над Шлиманом-археологом. Из-за оливковых деревьев, которые не имели для него почти никакой ценности, он отказался от третьего, кто знает, не самого ли крупного в его жизни открытия.

Через четыре года после смерти Шлимана на Крит приехал Артур Эванс и с первого же взгляда полюбил остров. Всюду видел он историю прекрасного Крита во всем ее блеске. В Гераклейоне Артур восхищался львом св. Марка, изваянным на старой венецианской цитадели, круглыми куполами мечетей и стрелами башен католических храмов, которые возвышались над

муравейником приземистых домишек. Нравился ему также и пейзаж острова — источенные ветрами известковые горы, тенистые овраги, залитые солнцем зеленые долины, серебристые пляжи и море цвета ультрамарина.

Но пока что попытки заняться раскопками не увенчались успехом. Турция, оккупировавшая остров, не забыла симпатий Эванса к балканским повстанцам. Везде, где только можно было, ему чинили всевозможные препятствия. Поэтому Артур уехал в Англию и вернулся на остров лишь через пять лет, когда Крит был снова присоединен к Греции. На деньги, полученные от отца, он купил холм Кефала, построил там дом и приступил к систематическим археологическим изысканиям.

Уже первые раскопки убедили Эванса в том, что он открыл какую-то неизвестную цивилизацию, значительно более древнюю, чем микенская. На площади в два с половиной гектара, под землей, находился грандиозный дворец, вернее, целый ансамбль сооружений такой архитектуры, которая могла возникнуть лишь в богатой и могущественной державе с вековыми традициями.

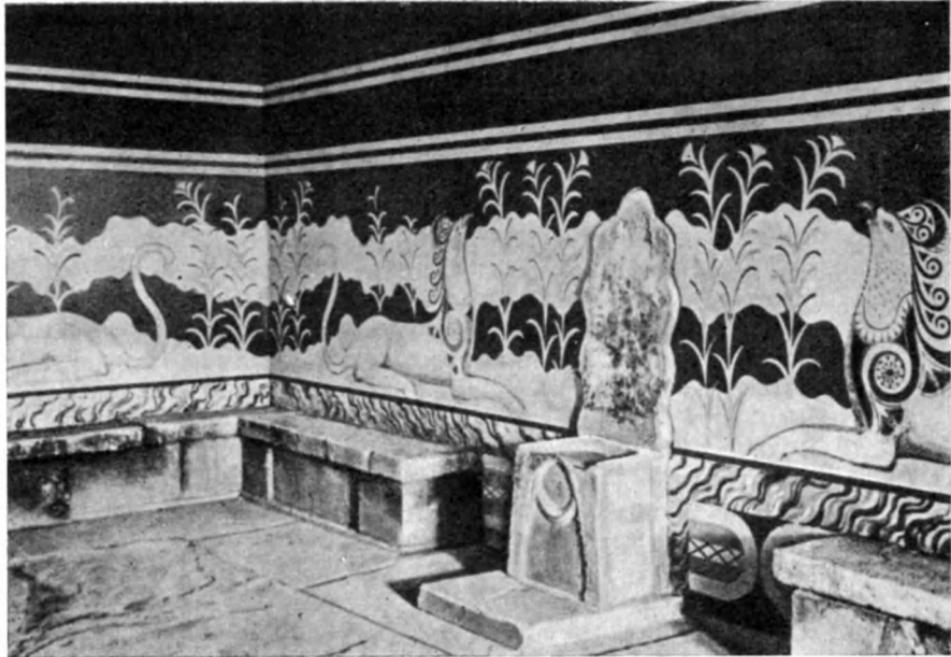
По мере продвижения работ из-под земли показались анфилады⁵ комнат и залов, галереи, потайные ходы, портики, лестницы и дворики. Все это было настолько запутано, что действительно напоминало лабиринт.

«Уже не может быть никакого сомнения,— писал Эванс,— что огромное сооружение, которое мы называем дворцом Миноса, тождественно с легендарным лабиринтом. Его горизонтальный план с длинными залами и слепыми коридорами, с путанными переходами и сложной системой маленьких комнат, действительно, хаотичен».

Через месяц Эванс совершил открытие, громкое эхо которого прокатилось по всему миру. На одной из стен удивительно хорошо сохранился цветной рисунок. На нем современный человек впервые увидел представителя того загадочного народа, который когда-то, в далеком прошлом, достиг необыкновенно высокого уровня культурного развития. Цветная фреска в натуральную величину изображала статного, загорелого юношу с повязкой на бедрах, обеими руками держащего большую конусовидную вазу, так называемый ритон. Его благородный профиль, пухлые губы и черные миндалевидные глаза были очень женственны. От его облика веяло упаднической утонченностью.

Портрет критянина особенно взволновал египтологов, бывшихся над загадкой происхождения людей, называемых египтянами «кефтиу»; их изображения часто встречались на стенах

⁵ Анфилада — ряд помещений, двери которых расположены на одной оси.

ДВОРЕЦ В КНОССЕ ТРОННЫЙ ЗАЛ

египетских гробниц. Людей этих узнавали по набедренным повязкам золотисто-голубого цвета и по характерным ритонам, в которых они приносили фараонам дары и дань.

Иероглифические надписи в гробницах называют этих странно одетых мужчин посланцами «народа с острова» или же «народа с великого зеленого моря». Только открытие Эванса подтвердило, наконец, предположения ученых: кефтиу были обитателями острова Крит. Фараоны вели с критянами частые войны, а в мирное время оживленно с ними торговали. История упоминает, например, что критские корабли по поручению фараонов перевозили из Ливана в Египет кедровое дерево.

Свыше 30 лет посвятил Эванс раскопкам дворца Миноса. На это же ушло и все состояние, которое он получил в наследство от отца. Только после нескольких лет кропотливых археологических изысканий и старательной реконструкции дворец предстал во всем своем величии. Стойкий архитектурный ансамбль свидетельствовал о высоком мастерстве критских зодчих.

Просторный, вымощенный камнем двор окружали самые разнообразные сооружения. Здесь находились помещения, предназначенные для торжественных приемов, отдельные комнаты для царя и царицы, для сановников и придворных дам, для слуг и невольников, а также просторные хозяйствственные строения, в которых располагались мастерские царских ремесленников. Дворец имел несколько этажей, соединенных между собой

монументальными лестницами и опиравшихся на колонны своеобразной формы, в отличие от греческих колонн, они суживались книзу.

В подземельях дворца Эванс нашел большие кладовые-зернохранилища, а в них — многочисленные глиняные амфоры⁶ высотой до трех метров для продовольственных запасов, прежде всего вина и оливкового масла — основных продуктов острова. Подсчитано, что в них могло войти около 35 тыс. литров вина и масла. Это свидетельствует о необычайно большом достатке критского двора. Под плитами пола кладовых были обнаружены тайники. Ученые долго не могли объяснить их назначение. Но однажды в тайниках нашли микроскопические следы золота, и тогда стало ясно, что царь Минос хранил в них сокровища, добытые во время войн и путем торговли.

Интереснейшим помещением дворца оказался тронный зал, сохранившийся особенно хорошо. Прислоненный к стене там стоял трон, сделанный из известняка. Своими формами он напоминал стул готического стиля. Это древнейший в мире трон, в целости дошедший до наших дней. Прекрасно отполированный известняк был похож на белый каррарский⁷ мрамор. На стене, по обе стороны от трона, виднелись два стилизованных грифа — крылатых льва с головами птиц, — нарисованные в ржавых тонах на бледно-голубом фоне. Каменные лавки у двух боковых стен предназначались для придворных сановников.

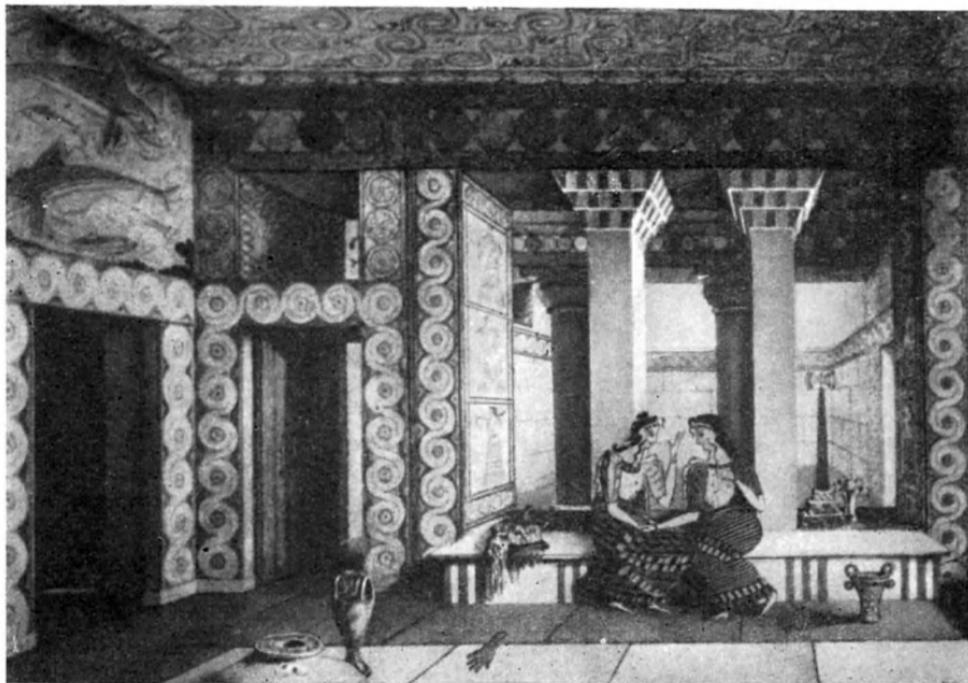
Велико было изумление современных специалистов, когда они узнали, что на всех этажах имелись водопровод и канализация. Жители дворца пользовались ваннами и бассейнами для мытья ног; туалеты споласкивались водой. Свежий воздух и солнечные лучи проникали во все комнаты через двери, ведущие на центральный двор, через отверстия в сводах, а также через специальные окна верхнего света.

Цари Крита не боялись нападений, поэтому и не думали окружать города крепостными стенами. Удаленность Крита от материка обеспечивала ему безопасность. Кроме того, критяне обладали самым могучим, если не единственным в то время, военным флотом, защищавшим берега с большим успехом, чем какие бы то ни было фортификационные сооружения.

Дворец в Кноссе своей легкой, открытой и свободной архитектурой напоминает дворцы эпохи Возрождения. Мореходам, которые бросали якорь в критском порту, открывалась изумительная картина. На фоне южного голубого неба, в лучах жаркого солнца красиво вырисовывался ансамбль ослепительно белых зданий — террасы, лестницы, колонны, портики. Это, веро-

⁶ Амфора — сосуд яйцеобразной формы с двумя вертикальными ручками.

⁷ Каррара — город в центральной Италии, в знаменитых каменоломнях которого добывается прекрасный мрамор белого, черного, желтого и зеленого оттенков.

КОМНАТА КРИТСКОЙ ЦАРИЦЫ

Реконструкция. Рисунок из книги Эванса «Дворец Миноса».

ято, было прекрасное, захватывающее зрелище, поэтому не удивительно, что пораженные мореплаватели всюду рассказывали об острове чудеса.

По первым археологическим находкам трудно было определить этническое⁸ происхождение этого народа художников, строителей и морских купцов, народа, буйно расцветшая культура которого сильно повлияла на культуру других народов, населявших близлежащие материк и острова Средиземного моря. В руинах дворца Эванс нашел сотни глиняных табличек, испещренных загадочными письменами, с которыми он встретился еще в Афинах. Эти таблички, по всей вероятности, прояснили бы таинственное происхождение критян. Но, несмотря на все усилия ученых, — а прошло уже более полувека — никому не удалось прочесть этих странных значков.

Познать жизнь и обычай древних жителей Крита помогло то обстоятельство, что стены дворцовых комнат, портиков и галерей были украшены многочисленными рисунками. Художники Крита в этих фресках увековечили радостный мир красок, с замечательным мастерством прославляя очарование жизни. К сча-

⁸ Этнический — связанный с принадлежностью к какому-либо народу.

стью, фрески не подверглись полному уничтожению, поэтому и сегодня вызывает восхищение их сочный, богатый колорит, в котором преобладают голубые, зеленые и пурпурные оттенки.

Фрески, правда, несколько стилизованы — это и понятно: они главным образом играли декоративную роль, — но в чистых, полных изящества линиях художники редко отходили от принципов реализма. Глядя сегодня на еще не стершиеся рисунки, мы словно переносимся в иной мир, и перед нашими глазами, как по волшебству, возникают сцены жизни критян. Однако это исключительно придворная жизнь, с ее всевозможными условиями — жизнь людей изысканных, предающихся лишь наслаждениям. Картины представляют собой разительный контраст с микенскими фресками, где показаны главным образом сцены сражений и охоты. Настенные рисунки в Кноссе прежде всего свидетельствуют о том, что придворные царя Миноса жили в неслыханной роскоши, в атмосфере культуры загнивающей, близящейся к упадку. Такой двор мог существовать лишь при условии беспощадной эксплуатации народных масс и рабства.

Мы видим перед собой девушек и юношей, которые идут по лем, по колено в цветах, видим борцов и боксеров, плящущих танцовщиц и процесии жриц, приносящих на алтаре жертвы богам. На одной из фресок перед нами предстают четыре невольника — они несут паланкин, в котором сидит разряженная придворная дама. На стенах египетских гробниц всегда изображены фигуры в льняных, накрахмаленных облачениях, застывшие и условные; здесь, в Кноссе, позы и движения людей не-принуждены — эти люди близки и понятны нам.

Тематика фресок чрезвычайно разнообразна. Наряду с иносказательными, аллегорическими сюжетами мы находим на стенах в Кноссе картины критской природы: луга цветущих лилий, шафрана и фиалок; сцены из жизни животных: куропатки в зарослях камыша, дикие кабаны, настигающие зайца, коты, подстерегающие петухов, свирепые быки. О большой дружбе критян с морем свидетельствуют фрески, на которых изображены стилизованные осьминоги, рыбы, морские звезды и моллюски. По всему видно, что критяне с любовью и благоговением относились к природе, и это коренным образом отличало их от современных им народов Месопотамии, Египта и даже Греции.

Одним из шедевров критского изобразительного искусства является портрет молодого царя. Загорелый юноша пересекает луг, поросший лилиями. Руку он положил на сердце, а сам слегка наклонился назад. Широкие, мускулистые плечи при неестественно тонкой талии делают его обаятельным и грациозным, похожим на молодого бога. Одеждой ему служит лишь бело-голубая набедренная повязка, а голову украшает лазурная корона с пучком павлиньих перьев, из-под которой выбиваются дли-

«ЦАРЬ-ЖРЕЦ»

Раскрашенный рельеф из Кносского дворца; реставрация. Середина II тысячелетия до н. э.

ные черные локоны. Его лицо в профиль скорее похоже на девичье. Видимо, изящный юноша вырос в оранжерейных условиях, во дворце, вдали от жарких битв, столь милых сердцам суровых микенских воинов.

Однако наиболее полное представление о придворной жизни в Кноссе нам дают три фрески, на которых изображены критские аристократки.

Несколько модниц, сидящих на лавках, следят за играми, за их спинами виднеются лица зрителей из толпы. У придворных дам причудливые прически и глубоко декольтированные платья, обшитые оборками из голубой, красной, белой и черной материи. Их головы, шеи и плечи усыпаны золотыми и серебряными украшениями.

Неожиданностью является чувство юмора, которым блеснула критский художник, рисуя этих женщин. Судя по их жестам и склоненным головам, аристократки по секрету передают друг другу придворные сплетни, причем они настолько поглощены беседой, что совершенно не обращают внимания на то, что делается на арене.

В этих фресках, пожалуй, впервые в истории живописи проявилась сознательно выраженная тенденция художника к карикатуре.

Предметом горячих дискуссий и споров до сих пор остается так называемая «Фреска тореадоров». Мы видим на ней атакующего рассвирепевшего быка в тот момент, когда над его спи-

ГИПСОВАЯ ПЕЧАТЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АКРОБАТА НА БЫКЕ,
НАЙДЕННАЯ НА КРИТЕ

ной юноша выполняет сальто-мортале⁹. Сзади с протянутыми руками стоит акробатка, готовая его подхватить, а ее подруга в это мгновение хватает за рога быка, чтобы совершить такой же головокружительный прыжок. Вероятнее всего, это был популярный вид спорта, так как подобные сцены часто встречаются на керамике и печатях, найденных в разных местах Крита.

Эта фреска страшно заинтересовала Эванса. Он отлично понимал, что такие упражнения требовали молниеносной ориентации и буквально нечеловеческой ловкости и отваги. Но не выходило ли это вообще за пределы физических возможностей человека? Специалисты, особенно испанские тореадоры и американские ковбои, на этот вопрос ответили утвердительно. Скорость атакующего быка, по их мнению, настолько велика, что

⁹ Сальто-мортале — дословно «смертельный прыжок», во время которого тело акробата переворачивается в воздухе.

ЗОЛОТОЙ ВОТИВНЫЙ ДВУСТОРОННИЙ ТОПОРИК

Крит. Около 1500 г. до н. э.

нет человека, который сумел бы в какую-то долю секунды схватить его за рога, подтянуться на руках и, сделав сальто, встать на ноги уже позади животного.

Тем не менее эта сцена не могла быть лишь плодом фантазии критских художников. Иногда они изображают несчастья, которые часто, наверное, случались при подобных акробатических упражнениях. На одной из ваз мы видим быка, пронзившего рогами бородатого мужчину, который замешкался на какую-то долю секунды, а в другом месте — на каменной печати — разъяренное животное топчет и бьет рогами поваленного на землю юношу. Таким образом, тайна этой фантастической акробатики до сих пор остается неразгаданной.

Во дворце Миноса в разных местах (в том числе и в тронном зале) встречается изображение двустороннего топорика. Вначале исследователи не знали, для чего он использовался. Одни считали его эмблемой царской власти, напоминающей то-

пор и пучок розг, которые несли ликторы перед римскими консулами; другие склонялись к мысли, что этот символический знак связан с религиозным культом критян. Вопрос окончательно прояснился, после того как в одной из пещер, где, по преданию, родился Зевс, в расщелинах между сталактитами и сталагмитами¹⁰ было обнаружено бесчисленное количество миниатюрных двусторонних топориков, оставленных там древним народом в качестве религиозных приношений.

Двойная секира с острием по-гречески называется «лабрис», поэтому можно предположить, что именно отсюда происходит слово «лабиринт», которым первоначально называли «дом двойного топора» — дворец царя Миноса, — ведь именно там почти на каждом шагу встречалась эта характерная эмблема.

Впоследствии понятие «лабиринт» стали отождествлять с запутанным внутренним устройством дворца, превращенного народной фантазией в легендарное сооружение, где страшное чудовище Минотавр пожирало заблудившихся людей.

Не исключено, что даже в мифах о Тесее и Минотавре есть какие-то отзвуки реальных событий. Вполне возможно, что критские цари сначала содержали афинских заложников в своем дворце, а потом во время игр принуждали выполнять опаснейшие трюки. Эти упражнения в большинстве случаев кончались смертью акробата на рогах разъяренного животного.

И предположение Артура Эванса, что открытый им дворец в Кноссе — это легендарный лабиринт, о котором гласят греческие мифы и предания, не было лишено оснований.

ОТКРЫТИЕ КОНТИНЕНТА ИСТОРИИ

Доказательства, которые выдвинул Шлиман в подтверждение того, что он «взглянул в лицо Агамемнону», оказались под обстрелом критики еще при жизни исследователя шахтовых могил в Микенах. Некоторые ученые, — а среди них был и ближайший сотрудник Шлимана, известный археолог Вильгельм Дерфельд, — обратили внимание на шаткость рассуждений археолога и выразили мнение, что микенские могилы хронологически относятся к началу XVI в. до н. э., если принять 1180 г. до н. э. за дату окончания Троянской войны.

Новая гипотеза, казалось бы, должна была только порадовать Шлимана. Во всяком случае, смысл ее сводился к тому, что открытие, сделанное в Микенах, играло в истории значительно более важную роль, чем он сам мог предполагать.

До того как выдающийся археолог обнаружил могилы, историю Греции начинали от первой Олимпиады, которая состоя-

¹⁰ Сталактиты и сталагмиты — известковые образования, свешивающиеся вниз и поднимающиеся вверх в виде больших сосулек с потолка и со дна пещеры. Образуются от просачивания и испарения насыщенной известью воды.

лась в 776 г. до н. э. Все, что происходило раньше, ученые считали легендами и мифами, лишенными исторической достоверности. Шлиман полагал, что его находки в Микенах расширили рамки греческой истории на 400 лет, тогда как, по мнению иных ученых, человечество благодаря ему обогатилось знанием истории древней Греции на заре ее возникновения, т. е. рамки греческой истории расширились более чем на 800 лет.

Но Шлиману слишком дорога была мысль, что он открыл могилу Агамемнона. Генрих не признавал новой гипотезы и не разделял ничьих сомнений. Этим он напоминал Колумба, который до конца жизни твердил, что открыл новый морской путь в Индию, хотя в действительности заслуга его была во сто крат больше, ибо великий мореплаватель открыл новый континент.

Здесь не место вдаваться в детали полемики. Мы ограничимся лишь сопоставлением нескольких основных аргументов Шлимана (кратко мы о них уже упоминали в главе «Золотое лицо Агамемнона») и критических замечаний его противников.

Первый аргумент. Длинные щиты, кубок с двойной ручкой и клыки дикого кабана, служащие украшениями, свидетельствуют о том, что микенские воины были героями Троянской войны.

Ответ. Эти совпадения действительно могут привести к такому выводу. Однако нельзя не видеть различий, которые более существенны, чем эти совпадения. Раскопки доказывают, что жители Микен хоронили покойников в земле, а воины Гомера сжигали их на огне. В шахтовых могилах найдено лишь бронзовое оружие, тогда как герои «Илиады» уже пользовались железными щитами и мечами.

Второй аргумент. Во дворе микенской крепости пять могил — Агамемнона и его приближенных, т. е. ровно столько, сколько их называет Павсаний.

Ответ. Да, этот аргумент имел некоторые реальные основания, но лишь до определенного времени: несколько позднее греческий археолог Стаматакис обнаружил во дворе шестую могилу. В результате следует признать, что Павсаний, вероятно, осматривал какие-то другие могилы, а не те, которые откопал Шлиман. Это подтверждают, наконец, и дополнительные обследования территории. Оказалось, что обломки, толстым слоем покрывавшие двор микенской крепости, лежали там уже во времена Павсания, поэтому он не мог видеть могил. Именно этим обстоятельством объясняется то, что многочисленные захватчики, в разное время владевшие Пелопоннесским полуостровом, не ограбили царских могил, полных золотых сокровищ.

Третий аргумент. Найденные в могилах останки были похоронены во время массового погребения. 19 человек, принадлежавших к царской династии и аристократии, стали жертвами какого-то заговора. Скорее всего это кровавая резня Эгиста и Клитемнестры.

О том, что трупы предали земле одновременно, свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, могилы наполнены землей и щебнем, а родовые могилы, которые используются в течение длительного периода для похорон умерших своей смертью членов царской династии, были бы накрыты каменной плитой. Во-вторых, стиль и тематика декоративных мотивов на оружии, украшениях и печатях тождественны во всех могилах и, следовательно, относятся к одному и тому же периоду.

Ответ. Вся эта аргументация основана на недоразумении, вытекающем из недостаточно гщательного обследования древних памятников. Уже упомянутый Дерпфельд, пересматривая щебень и обломки, вынутые из могил, обнаружил остатки раздробленных могильных плит. Следовательно, вопреки предположениям Шлимана, высеченные в скале шахтовые могилы являлись гробницами, в которых хоронили в течение длительного времени членов правящего рода. Могильные плиты под тяжестью руин крепости оказались раздавленными и вместе с землей и щебнем попали внутрь шахтовых гробниц. Это и создало впечатление, что могилы были одновременно засыпаны землей во время погребения.

Второе утверждение ученые также опровергли, так как на доспехах, принадлежавших некоторым покойникам, имелись первоначально не замеченные, но тем не менее несомненные различия в стиле декоративных мотивов, которые отражали очередные фазы развития микенской культуры в течение каких-то 100 или 200 лет и являлись доказательством того, что каждого покойника хоронили в шахтовых могилах отдельно, а не всех одновременно, во время массового погребения. Покойные представляли несколько поколений неизвестной царской династии, господствовавшей в Микенах за несколько столетий до Атрея, Агамемнона и Ореста.

Этот спор об Агамемноне необычайно интересен, он помогает увидеть, какими методами пользуется археология для объяснения результатов находок, доискиваясь исторической правды. Этих методов не постыдился бы и Шерлок Холмс. Обратив внимание на некоторые детали, не замеченные Шлиманом, Дерпфельд и другие археологи дедуктивным путем пришли к совершенно неожиданным выводам: они открыли неизвестную эпоху в греческой истории, более того — отважились даже определить ее даты.

Поразительную точность их рассуждений целиком подтвердили раскопки на Крите, проведенные уже после смерти Шлимана. Откопав дворец Миноса в Кноссе, Артур Эванс установил, что его руины относятся не к одной эпохе: из поколения в поколение критяне на фундаментах уже разрушенных стен возводили новые, еще более красивые и грандиозные здания. Отчетливые следы строительства хорошо сохранились в различ-

АМФОРА С РАСТИТЕЛЬНЫМ ОРНАМЕНТОМ из кносского дворца
1650—1580 гг. до н. э.

ных культурных слоях. В недрах Кносского холма Эванс обнаружил мощный культурный слой, относящийся к эпохе новокаменного века, что свидетельствовало об очень древнем происхождении поселения.

Эванс поставил перед собой задачу разработать периодизацию слоев Кносского холма, ведь только это пролило бы свет на историю Крита. Но сначала следовало точно определить эпоху, к которой относился каждый культурный слой в отдельности.

Задача оказалась нелегкой. К счастью, жители Крита с древнейших времен поддерживали связь с Египтом, а египетская хронология после расшифровки иероглифических надписей на стенах гробниц была уже очень хорошо известна.

В одном из слоев, открытых в Кноссе, Эванс нашел египетскую статуэтку из диорита. Она относилась к 2000—1790 гг. до н. э., т. е. к периоду Среднего царства в Египте. Вполне понятно, что все другие находки, сделанные в том же культурном слое, особенно керамические черепки с одинаковым по стилю орнаментом, датироваться могли не раньше, чем 2000 г. до н. э. А так как Эванс обнаружил предметы египетского происхождения и в нижних, и в верхних наслойениях руин, то он постепенно сумел относительно точно воссоздать историю возникновения миносского дворца.

В этой кропотливой работе ему помогли египтологи. В гробницах фараонов часто встречались художественные изделия, по своим формам и орнаменту нехарактерные для Египта. Археологи, однако, не могли определить, из какой страны они привезены. Только раскопки в Кноссе позволили установить их критское происхождение. Но главное, благодаря прочитанным

иероглифам, стало известно, когда эти изделия попали в Египет. Сравнивая предметы из египетских гробниц с подобными же находками на Крите, представлялось возможным разработать точную хронологию культурных слоев Кносского холма.

Каким образом с помощью этого метода удалось определить дату появления шахтовых могил в Микенах? Мы знаем, что, будучи в гостях у Шлимана, Эванс обратил внимание на сходство нарядов микенских и критских женщин. Раскопки в Кноссе не только подтвердили его наблюдение, но и показали, что влияние критской культуры на культуру Микен было большим, чем это предполагали вначале. Значительная часть оружия, украшений и посуды из шахтовых могил была, несомненно, привезена с Крита или же изготовлена в Микенах критскими ремесленниками.

Таким образом, выводы Эванса, проверенные египтологами, целиком совпали с выводами, сделанными критиками Шлимана: шахтовые могилы в Микенах появились еще в XVI в. до н. э., поэтому в них не могли быть похоронены Агамемнон и его соратники, которые жили в XII в. до н. э.

Итак, археологические исследования показали, что влияние критской культуры распространялось также и на Трою. Теперь можно было исправить вторую, не менее существенную ошибку Шлимана. Дело в том, что Шлиман, несмотря на наличие слабых крепостных стен, вопреки утверждению Гомера, что Троя была могучей крепостью, третье снизу поселение принял за город Приама. На основании же находок критского происхождения вскоре установили, что Троя Гомера — седьмое снизу поселение. Здесь действительно имелись остатки мощных крепостных стен, а также руины святилища и дворца, свидетельствующие о том, что прекрасный и многолюдный город мог в течение десяти лет выдерживать осаду многотысячной армии отважных греческих воинов.

Открытия Шлимана и Эванса постоянно пополняются новыми данными и позволяют ныне приподнять завесу над огромным ранее неизвестным промежутком истории, полным неожиданностей и драматических событий. В течение этого периода возникали, достигали своего расцвета и гибли различные народы и их цивилизации.

Самый нижний культурный слой, открытый в Кноссе, указывает, что между IV и III тысячелетиями до н. э. на Крите, в эпоху неолита, появились племена, жившие родовой общиной и пользовавшиеся орудиями из шлифованного камня. Не только умелые рыбаки, земледельцы и скотоводы, но и прекрасные мореходы, они не боялись далеких и опасных морских путешествий.

Природа щедро одарила Крит своими благами: на обширных полях зрели пшеница, ячмень и лен, а по склонам гор раскину-

лись виноградники и оливковые рощи. В тихих долинах, на буйно зеленевших лугах пасся скот. Критяне выращивали также шафран, используя его для окраски льняных тканей. В их хозяйствах было множество уток, голубей, лебедей и кур. В палисадниках селений, окружённых огородами, цветли лилии, тюльпаны, ирисы, гиацинты и другие цветы. На холмах, теперь голых, в то время росли густые кипарисовые леса, которые давали прекрасный материал для строительства домов и кораблей.

Однако наибольшие выгоды извлекали критяне из географического положения острова, лежащего между Европой, Азией и Африкой. Ведя морскую торговлю с этими континентами, жители Крита быстро богатели.

Рост благосостояния вскоре повлек за собой глубокие социальные перемены. В течение III тысячелетия до н. э. родовая община подверглась постепенному разложению. Выборная прежде старейшина со временем стала наследственной и захватила в свои руки власть, а также право на доходы от морской торговли. Свободные земледельцы попали в зависимость от власть имущих; возникло рабство. Так произошло классовое расслоение: на одном полюсе оказались аристократы, военные вожди, придворные сановники, купцы, на другом — крестьяне и ремесленники. Последние, как правило, занимались изготовлением художественных изделий для царя и его дружины, а также на вывоз в заморские страны.

Критские парусные торговые корабли, снабженные веслами для плавания во время штиля, достигали самых отдаленных стран Средиземного моря. Изделия критских ремесленников археологи нашли в Египте, Ливии, Малой Азии, Финикии, на Кикладских островах, в Греции, южной Италии, Сардинии, Испании, на Мальте и Балеарских островах. Есть предположение, что критяне торговали не только предметами роскоши, но и невольниками. За свои товары они получали золото, серебро, слоновую кость, благородные породы дерева, изделия из цветного стекла и фаянса, а также продукты питания. В руинах Кносса найдены, например, зерна фасоли такого сорта, который растет только в Египте.

В начале II тысячелетия до н. э. бронза окончательно вытесняет камень. Крит в это время становится державой, обладающей мощным военным флотом, обеспечивающим ему гегемонию на Эгейском море. На острове возникает четыре торговых центра — Кносс, Фест, Агия-Триада и Малия. Правят там независимые один от другого цари, они возводят для себя пышные дворцы. Это уже четко оформленные рабовладельческие государства во главе с немногочисленной верхушкой аристократии, которая держит в подчинении остальные классы общества.

Около 1700 г. до н. э. на Крите происходит какая-то неизвестная нам катастрофа. Как мы узнали о ней? В руинах дворцов

Кносса, Феста, Агии-Триады и Малии Эванс и другие археологи открыли культурный слой, относящийся к этому времени. В нем они обнаружили разбитые статуэтки, обуглившееся дерево и пепел. Все здесь говорило о бушевавшем пожаре. Трудно усомниться в том, что дворцы царей этих городов были тогда совершенно разрушены. Ученые выдвигали самые различные гипотезы, пытаясь объяснить причины этой катастрофы. Одни считали, что Крит явился жертвой вторжения заморских племен, другие — что это результат стихийного бедствия — землетрясения, которые и теперь происходят на Крите.

В последнее время третья теория перевесила чашу весов. Сторонники ее утверждают, что на Крите вспыхнула война между царьками отдельных городов, каждый из которых стремился к господству на острове. Это были в прошлом вожди племен, продолжавшие сохранять политическую независимость. Однако со временем им стала угрожать возрастающая мощь кносского властителя. Перед лицом этой опасности они объединились и выступили против него с оружием в руках.

Имеется ряд серьезных обстоятельств, подтверждающих эту теорию. Все дворцы в Кноссе, Фесте, Агии-Триаде, Малии и в других местах перед катастрофой не отличались друг от друга ни размерами, ни пышностью. Это были, по всей вероятности, резиденции правителей, поддерживавших между собой дипломатические отношения на равных началах. Но сразу же после войны положение в корне изменилось. В Кноссе возвели величественное, необыкновенно роскошное здание, которое являлось резиденцией не только царя, но и его сановников; в остальных городах построили небольшие дворцы, где, судя по их скромным размерам, жили уже только провинциальные наместники. Отсюда следовало, что царь Кносса, победив в этой войне, стал на острове деспотическим монархом восточного типа.

Нельзя к тому же сомневаться, что вторжение чужих племен опустошило бы весь остров и, несомненно, нанесло бы смертельный удар критской культуре. На самом деле все произошло несколько иначе. Города и дворцы быстро поднялись из руин, и объединенная критская держава вступила в период своего наибольшего расцвета и могущества. Царь Крита, владея военным флотом, подчинил себе Кикладские острова, Пелопоннес и некоторые города на побережье Малой Азии. Там появились торговые поселения, зависимые от критской державы. Это и был золотой век царя Миноса, век богатства и высокой культуры, век, память о котором сохранилась в легендах об афинских заложниках, о Тесее, Дедале и Минотавре.

Археологические находки позволили ученым определить ряд особенностей критского общества. Так, например, в отличие от вавилонян, ассирийцев и египтян у критян не выделилась особая каста жрецов. Женщины-жрицы совершали религиозные об-

ОБРАЗЕЦ КРИТСКОГО РИСУНЧАТОГО ПИСЬМА НА «ДИСКЕ ИЗ ФЕСТОСА»

Найден А. Эвансом

ряды под открытым небом в рощах и на полянах. Предметами культа были мать-земля, бык — олицетворение силы и плодородия, а также цветы, рыбы, деревья и камни. На фресках мы видим, как жрицы приносят жертвы на алтаре, шествуют в торжественных процессиях или исполняют ритуальные танцы. Есть предположение, что царь Крита был одновременно и верховным жрецом.

За два тысячелетия до нашей эры, т. е. в период полного культурного расцвета Крита, на Пелопоннесе и некоторых островах Эгейского моря жили средиземноморские племена, которые древние греки называли лелегами, пеласгами и карийцами. Жили они, вероятно, родовыми общинами и не строили больших городов, однако уже пользовались изделиями из бронзы. Язык их совершенно забыт, но небольшое количество слов — название местностей и некоторых цветов (гиацинт, нарцисс) — вошло в греческий язык. Даже название моря — *talassa* — греки заимствовали у этих исчезнувших народов.

В начале II тысячелетия до н. э. с севера пришли древнейшие предки греков — ахейцы¹¹. Это были варварские племена воинов, закованных в бронзовые доспехи. Они легко покорили местное население и построили мощные крепости в Микенах, Тиринфе и других местах Арголиды, чтобы обороняться не только от нападений врагов, но и от покоренных народов, которые часто восставали. Дворцы, крепости, а также царские могилы свидетельствуют о могуществе микенских царей. Циклопические стены этих величественных сооружений возводило порабощенное местное население. В ахейских городах-государствах деспотически правили царьки, связанные между собой кровным родством и слабыми узами федерации. Однако со временем царь Микен добился над ними гегемонии. Фукидид сообщает, что Агамемнон предпринял поход на Трою как могущественнейший человек своего времени.

С 1700 г. до н. э. ахейцы попадают под влияние более высокой критской культуры. Ахейские цари и аристократы привозят из Кносса художественные ювелирные изделия и инкрустированное оружие, женщины одеваются по критской моде. Таким образом возникает единая культура, названная историками крито-микенской. Однако ахейцы не лишились свойственных им черт — суровости и мужества; в противоположность критянам они носили бороды и усы, а жизнь свою проводили на охоте и в военных походах. Фукидид сообщает, что ахейские племена занимались пиратством. Но позднее они создали совместный военный флот, который стал грозным соперником критского флота. Начиная с XV в. до н. э. Арголида, вероятно при господстве Атридов, превратилась в морскую державу. Ахейцы вытеснили критян из их владений: захватили Киклады, острова Родос, Кос, Кипр и даже основали колонии в Малой Азии.

Около 1400 г. до н. э. они напали на Крит и нанесли критской державе жестокое поражение, после которого она уже не смогла оправиться. Страшные следы этого исторического события до сегодняшнего дня сохранились в руинах и на пепелищах критских дворцов, найденных в соответствующем культурном слое. Вероятно, перед нападением ахейцев на Крит в Эгейском море произошло величайшее в истории древнего мира морское сражение. Разгромив могучий флот критян, бородатые ахейские воины ворвались в покой царя Миноса, уничтожая поголовно всех изысканных и изнеженных придворных, которые столь выразительно изображены на фресках дворца.

Несколько слов следует еще сказать о критском письме. На глиняных табличках, найденных в Кноссе, Эванс выделил три

¹¹ Так наз. «северная» теория происхождения ахейцев не является единственной и бесспорной. Возможен и другой путь их вторжения в материковую Грецию (прим. ред.).

ТАБЛИЧКА С ЛИНЕЙНЫМ ПИСЬМОМ «В»

Около 1400 г.

последовательные фазы развития критского письма: первоначально используемые иероглифы, линейное письмо *a* и позднейшее письмо *b*, относящееся к золотому веку Крита. На большинстве табличек именно этот, последний, тип письма.

В 1948 г. чешский ученый Бедржих Грозный огласил сенсационное известие, что он расшифровал линейное письмо *b*, над чем уже многие годы впустую бились величайшие языковеды. Метод, примененный Грозным, необыкновенно сложен; для того чтобы его понять, нужно знать многие языки Древнего Востока, служившие ученому вспомогательным материалом.

Однако после смерти Грозного было неопровергимо доказано, что его метод являлся ошибочным и завел ученого в тупик. Заслуга расшифровки линейного письма *b* принадлежит англичанину М. Вентрису — архитектору по профессии, а следовательно, дилетанту в области лингвистических исследований.

Вентрис выдвинул совершенно оригинальную гипотезу. Опираясь на тот факт, что таблички с линейным письмом *b* были найдены не только на Крите, но и в материковой Греции, где господствовала микенская культура ахейцев, он предположил, что это письмо греки взяли за основу в его первоначальной форме, т. е. иероглифами и линейным письмом *a* пользовались критяне, а линейным письмом *b* — древнейшие предки греков, которые лишь спустя несколько столетий заимствовали у финикийцев значительно более удобный алфавит.

Гипотеза оказалась верной. Пользуясь классическим греческим языком как вспомогательным орудием, Вентрис прочел несколько табличек, найденных на греческом материке. При этом он заметил, что письмо складывается из фонетических знаков, обозначающих слоги, а также из картинных значков. Дальнейшей расшифровкой этого письма по методу Вентриса занимаются ученые разных стран мира.

Прочитанные до настоящего времени тексты содержат списки, счета и реестры, однако они целиком подтверждают два предположения: во-первых, что ахейцы были греками, во-вторых, что именно они завоевали Крит, о чем свидетельствуют 1700 табличек, найденных археологами в руинах Кносса.

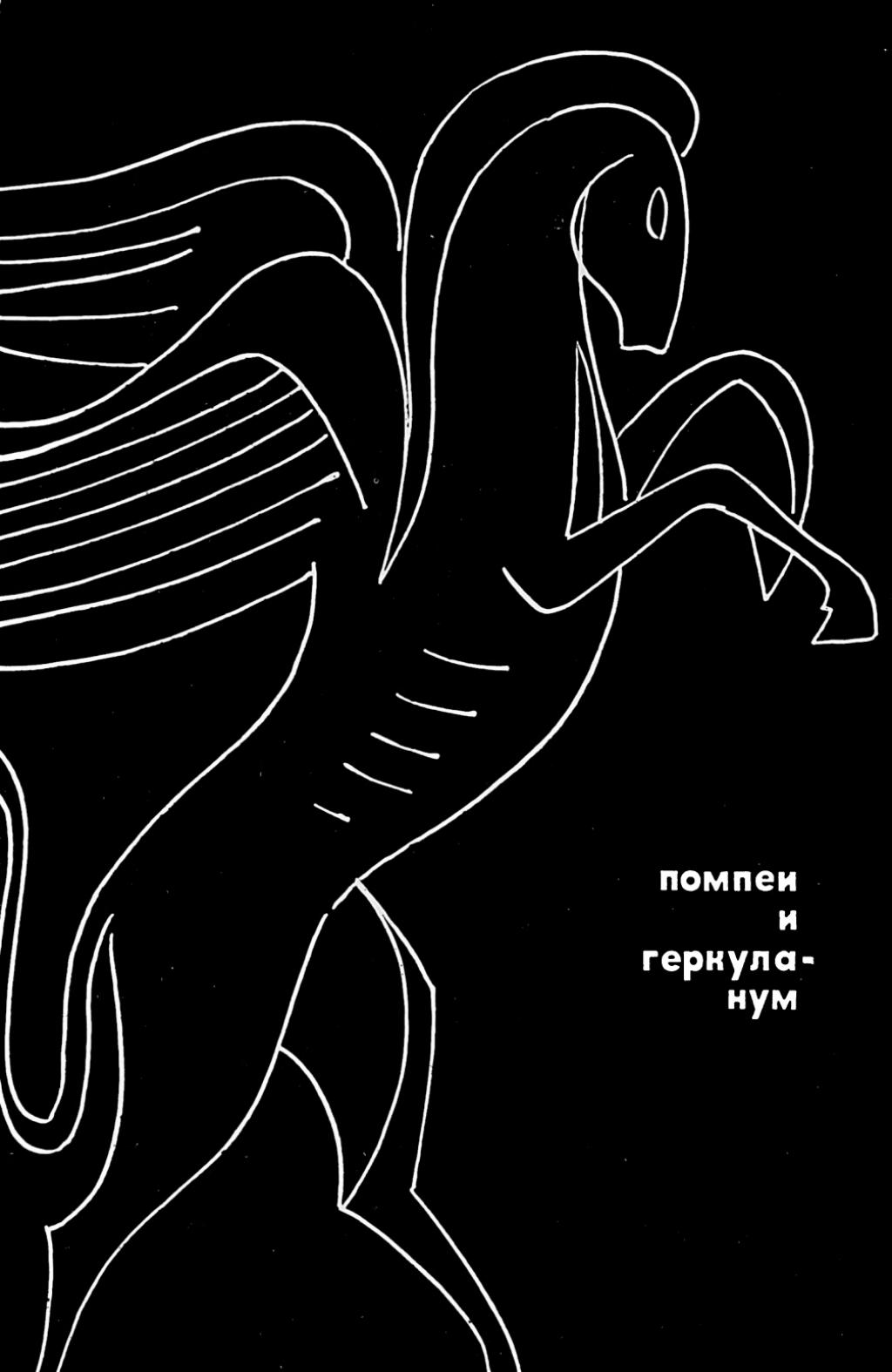
Серьезным препятствием для расшифровки иероглифов и линейного письма *а* является не только незнание критского языка, но и то обстоятельство, что до сих пор найдено очень мало табличек с этими типами письма; ученые, к сожалению, не имеют достаточного количества научного материала. Поэтому вопрос об этническом происхождении критян продолжает оставаться тайной.

Обосновавшись на Крите, ахейцы стали помышлять о новых завоеваниях. В XIII и XII вв. до н. э. они, заключив союз с некоторыми народами Анатолии, дважды предпринимали попытку захватить Египет. Но оба раза, как об этом сообщают египетские надписи, фараоны отразили нападение и разгромили войска ахейцев. Поражения в Египте, однако, не утихомирили воинственных царей. Над Геллеспонтом возвышалась Троя, неприступная крепость, древний многолюдный город, издавна славившийся своим богатством и роскошью. Благодаря выгодному положению на границе Европы и Азии Троя сосредоточила в своих руках всю торговлю Анатолии, Азии и южного побережья Черного моря. Под ее стенами ежегодно проводились ярмарки, на которых купцы из всех стран мира продавали и покупали самые разнообразные товары. Благодаря укреплениям Трои критяне так и не смогли овладеть Анатолией в качестве рынка сбыта. Они никогда не чувствовали себя в силах победить Трою, ведь для этого одного флота было недостаточно, а сухопутного войска, способного повести осаду и обладавшего опытом разрушения крепостных стен, критяне не имели.

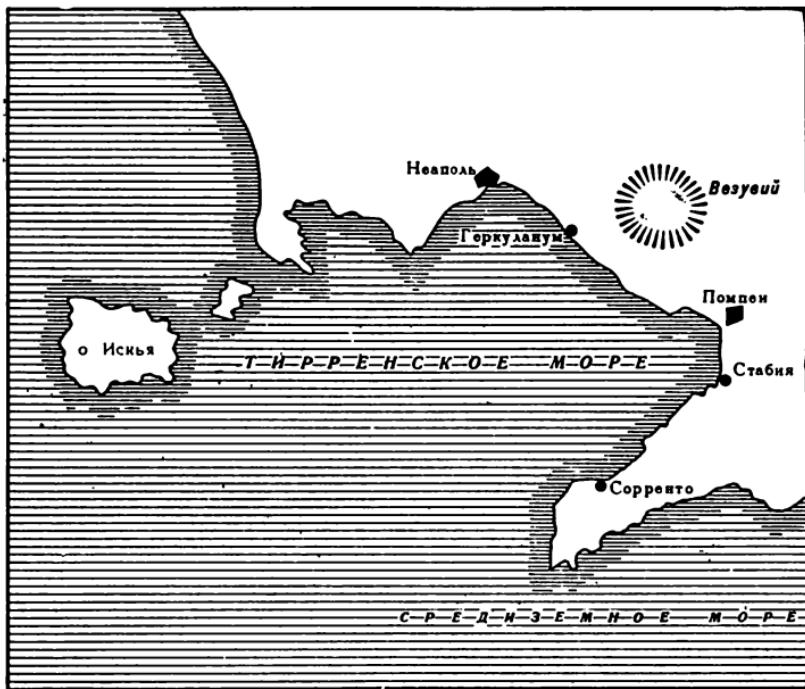
Ахейцев манило не только золото, накопленное в троянском дворце, но и огромные возможности, которые открылись бы для их торговли в случае захвата города. Они двинулись на Трою и после десятилетней осады, около 1180 г. до н. э., разрушили ее.

Однако не слишком долго пришлось им пожинать плоды этой победы. Приблизительно через 80 лет с севера пришли новые варварские греческие племена, так называемые дорийцы, предки позднейших «исторических» греков. Воинственные и суровые, они вскоре захватили и сравняли с землей крепости в Микенах, Тиринфе и Орхомене, овладели Пелопоннесом, Критом и островами Эгейского моря, даже достигли Малой Азии.

С их пришествием наступил упадок крито-микенской культуры. На эгейский мир опустилась ночь варварства. Но из мрака греческого средневековья дошли до нас легенды о Крите и Троянской войне — их передавали из уст в уста бродячие народные певцы. Спустя несколько столетий Гомер собрал все эти легенды и создал два шедевра эпической поэзии «Илиаду» и «Одиссею». Они, словно утренняя заря, предвещали восход новой эры возрождения и культурного расцвета, который вскоре должен был ярко засиять над материком и островами Греции.

помпеи
и
геркула-
нум

В Кампании, раскинувшейся на берегу Неаполитанского залива, стоял солнечный август. С моря то и дело налетал свежий солоноватый ветер, и стаи чаек, наполняя воздух радостными криками, резвились в голубой купели неба. **ГОРОДА, ПОГРЕБЕННЫЕ ЗАЖИВО** Желто-голубой залив пестрел плоскими лодками — это рыбаки боролись с заброшенными в море сетями. А на самом горизонте — там, где водная гладь вспыхивала мириадами огоньков и бликов, спокойно резала волну военная трирема¹. В крепких руках невольников весла поднимались и опускались с разменностью маятника. База корабля размещалась недалеко, в Мизене, где стоял на якоре римский флот, которым командовал патриций, ученый-естественноиспытатель Плиний Старший.

Вдоль берега и у подножья Везувия среди садов и виноградников белели виллы римских сенаторов и всадников². Чуть дальше краснели крыши Помпей, окруженных могучей крепостной стеной с башенками. К одним из городских ворот нужно было пройти улицей умерших, мимо гробниц помпейских боячей.

Город кипел, как улей. По узким уличкам, вымощенным базальтовыми плитами, катился неудержимый людской поток. Вдоль узких, высоких тротуаров разместились трактиры и харчевни, постоянные дворы, мастерские ремесленников и лавки со всевозможными товарами.

Где-то в центре этого лабиринта улиц и закоулков скрывался просторный четырехугольник рынка, величественный

¹ Трирема — корабль с тремя рядами весел.

² Всадники (equites) — вторая после землевладельческой знати сословная группа рабовладельцев в древнем Риме.

форум³, окруженный колоннадой, храмами и общественными зданиями. Изысканность и великолепие ослепительно белых сооружений, возведенных на высоких фундаментах, украшенных портиками⁴ и лепкой, контрастировали с ярмарочным оживлением улицы.

На стене одного из помпейских домов сохранился рисунок, на котором неизвестный художник живо передал повседневную жизнь форума. Мы видим там мраморные и бронзовые статуи, исполненные величавой красоты. Правда, их цоколи изуродованы надписями, сделанными во время избирательной кампании. Дорическая⁵ колоннада увешана гирляндами, вероятно, оставшимися после недавнего городского празднества. Гончары и другие ремесленники расхваливают свои изделия, а рядом толстый торговец выставил на продажу молодую рабыню. В другом месте рынка разыгрывается такая сцена: рассерженный учитель колотит розгами провинившегося ученика.

Помпеи были небольшим городом, в них насчитывалось только 20 тыс. жителей. Но по всей Италии Помпеи славились своими богатствами, давними традициями, а также мягким климатом и живописной природой.

Это был поистине город старый и славный своей историей. За 1000 лет до н. э. племена эолийцев и ионийцев, вытесненные дорийцами, покинули Грецию и поселились на берегах Черного и Средиземного морей. Таким образом, греки, в основном купцы, оказались на побережье Неаполитанского залива, они привнесли сюда высокоразвитую культуру и легко смешались с местными племенами осков, навязав им свой язык. Вдоль залива вырос Неаполь⁶, а немного севернее — Геркуланум и Помпей.

Эти города сначала захватили этруски, затем пеласги и, наконец, самниты. После самнитских войн, которые велись с 343 по 290 г. до н. э., Помпей вместе со всей Кампанией оказались под властью римлян. Но только в I в. до н. э. они были окончательно романизированы, хотя греческая культура и греческий язык здесь так же, как и во всей Италии, продолжали существовать наравне с языком и культурой римлян.

Жители Помпей быстро примирились со своим новым положением: они поняли, что на их долю выпадут немалые прибыли от мировой торговли великой державы. Город, расположенный в устье реки Сарна, построил себе небольшой морской порт и завязал торговые отношения с Востоком, особенно с Египтом,

³ Форум — площадь для народных собраний.

⁴ Портик — навес, поддерживаемый колоннадой.

⁵ Дорический стиль в архитектуре характеризуется прямыми колоннами с капителью без украшений.

⁶ Неаполис (Новый город) был основан неподалеку от другого греческого поселения, Памаполиса (Старый город), который ранее назывался Парфеноном. Оба эти города слились в один (прим. ред.).

откуда ввозил деликатесы и всевозможные предметы роскоши для разбогатевших во время войн римских патрициев.

Помпеи не могли похвальаться солидным мануфактурным производством, здесь имелись лишь мелкие мастерские. Но в Помпеях изготавляли знаменитое вино, которое и ныне считается одним из лучших среди итальянских вин, делали из местного базальта мельничные жернова и, самое главное, приготавливали из скумбрии, мурен и тунцов с приправой из различных кореньев специальный соус к кушаньям, который пользовался огромным спросом во всей Италии.

Однако главным источником благосостояния Помпей было географическое положение города и замечательный климат. На берегу залива римляне возводили свои виллы и летние дворцы. Постепенно этот заурядный городок превратился в сказочное царство мрамора и бронзы. Возникли монументальные храмы, памятники, амфитеатр на 20 тыс. зрителей, драматический театр, крытый музыкальный театр «Одеон», три термы (бани), а также отличный водопровод, который подавал воду в богатые римские дома.

Замечательный юрист, оратор и писатель Цицерон упоминает свою виллу в Помпеях, которую он назвал «Помпейон». Даже императорские семьи проводили летние месяцы в помпейских дворцах. В связи с этим произошел записанный в хрониках трагический случай. В 21 г. н. э. 13-летний Друз, сын будущего императора Клавдия, играя, подбрасывал грушу, а затем ловил ее ртом. Однажды груша попала ему в горло так глубоко, что мальчик задохнулся прежде, чем успели прийти ему на помощь.

Римляне дали городу самоуправление. Во главе Помпей стояли два бургомистра, так называемые дуумвиры, которые одновременно возглавляли совет города. В совет входили также два квестора, осуществлявшие контроль за финансами, и два эдила, являвшиеся советниками по вопросам городского строительства, которые одновременно следили за безопасностью и порядком. Избирали их на один год — в выборах принимали участие все свободные граждане города. Кандидатами могли стать только богатые люди, так как за управление городом они не получали никакого вознаграждения — их должности были почетными, кроме того, в их обязанность входило субсидирование спортивных игр и строительства общественных зданий.

В четырех километрах северо-западнее Помпей, приблизительно на полпути к Неаполю, лежал небольшой рыбакский городок Геркуланум. Из-за плохого сообщения здесь почти не развивалась торговля. Население Геркуланума занималось только хлебопашеством и рыболовством. Отсюда открывался прекрасный вид на море, а прозрачный воздух казался целительным нектаром. Ничего нет удивительного в том, что этот тихий уголок

вдали от сутолоки Помпей и Неаполя многие состоятельные римляне выбрали местом отдыха.

Вблизи Геркуланума выросли, особенно во время правления Августа, как грибы после дождя, виллы и даже величественные дворцы патрициев, где было немало замечательных произведений искусства. Среди них выделялся своими размерами и богатством, прекрасными залами и мраморными террасами, ведущими к морю, роскошный дворец зятя Юлия Цезаря, Люция Кальпурния Писо, известного противника Цицерона и страстного почитателя Эпикура.

Со временем скромный рыбакский поселок превратился в настоящую сокровищницу римской архитектуры. Особенно выделялась могучая базилика⁷ — помещение городского суда и торговый центр, — увенчанная бронзовой квадригой⁸, а также храм, посвященный матери богов Кибеле, которая воплощала жизненные силы природы. Почти во всех общественных зданиях полы были мозаичными, стены расписаны фресками, а фасады украшены портиками из алебастра. Вдоль полукруглой стены театра на 2500 зрителей стояли бронзовые статуи членов императорской семьи и знаменитых граждан города, а в многочисленных нишах стены, замыкавшей сцену и сделанной из разноцветных мраморных плит, — бюсты из мрамора и бронзы. Улицы были вымощены; в городе функционировал водопровод из свинцовых труб, а также имелись роскошные бани.

Над всей местностью возвышался острый конус Везувия. Из помпейских фресок мы знаем, что в то время у него не было открытого кратера. На склонах вулкана паслись овцы, расстилались виноградники, тут и там стояли виллы. Везувий молчал с незапамятных времен, и люди забыли, что утопающая в зелени гора грозный вулкан.

В полдень 5 февраля 63 г. в Кампании неожиданно началось землетрясение. От сильных и резких толчков некоторые общественные здания получили серьезные повреждения, а храмы Юпитера и Аполлона превратились в развалины. Сильно пострадал дорический портик, занимавший три стороны рынка. Вышел из строя водопровод, и горожанам пришлось пользоваться старыми колодцами, которые находились на улицах.

Но и тогда никому даже в голову не пришло, что виновником катастрофы являлся Везувий. Газы и пары, накопившиеся в вулкане, искали выхода, однако у них не было еще столько силы, чтобы взорваться. Жители Кампании приписывали все беды гневу богов и старались их задобрить многочисленными жертвами.

⁷ Базилика — здесь сооружение с двумя или четырьмя рядами колонн вдоль здания.

⁸ Квадрига — древнеримская колесница, запряженная четырьмя конями.

Меньше, чем через год после случившегося, в неаполитанском театре проходил большой музыкальный фестиваль. В нем принял участие как певец император Нерон, неисправимый комедиант, воображавший себя величайшим в мире артистом. В то время как он под аплодисменты черни и клаки⁹, организованной из преторианцев¹⁰, демонстрировал свое искусство, снова началось землетрясение, и стены театра стали рушиться. Зрители охватила паника, но Нерон, как утверждает хроника, неподвижно стоял на арене и своим хладнокровием якобы заслужил уважение всего города.

Наступил памятный день 24 августа 79 г. Как мы уже говорили вначале, небо было голубым и безоблачным, с самого утра припекало солнце, жители Помпей и Геркуланума, разморенные зноем, двигались с ленивой неторопливостью. По мостовым Помпей со стуком проезжали двухколесные повозки, груженные зерном, овощами и фруктами, рыбаки певучими голосами расхваливали свой ночной улов, мелкие купцы и ремесленники с треском отворяли деревянные двери лавок, сквозь толпу уличных торговцев пробирались повара-невольники и мальчики, которые спешили в школу. Время от времени какой-нибудь прохожий останавливался у стойки трактира, чтобы утолить жажду кружкой дешевого вина. Группы людей читали объявления — шла предвыборная агитация за разных кандидатов. В городах Кампании начинался новый день, полный хлопот и суеты.

В час дня, когда жители усаживались за обед, неожиданно раздался чудовищный, оглушительный грохот, дома зашатались, как пьяные. Из вершины Везувия в небо ударило пламя и вырвались тучи черного дыма. Из жерла открывшегося кратера вылетели пепел и мелкие пемзовые камни. Они совершенно заслонили солнце, и только рыхий огонь вулкана слегка освещал погруженную в тьму землю.

На Помпей посыпался все усиливающийся град камней, вес которых порой достигал шести килограммов. Птицы падали с неба; морские волны выбрасывали на берег мертвых рыб. Людей и животных охватила неописуемая паника: каждый думал только о собственном спасении. По темным улицам неслись повозки, запряженные лошадьми и мулами. Мужчины, женщины и дети с подушками на головах метались в тесных улочках, наполненных густыми испарениями серы.

Не все жители Помпей стали своевременно искать спасения за городскими стенами. Многим казалось, что вулканический

⁹ Клака — в древности, а также в некоторых современных капиталистических странах — группа «зрителей», нанятых для создания успеха отдельному артисту, спектаклю, драматургу или композитору шумными аплодисментами, овациями или, наоборот, для организации провала — свистками и шиканьем.

¹⁰ Преторианцы — дворцовая гвардия римских императоров.

дождь скоро пройдет, поэтому они укрылись в подвалах ближайших домов, поплатившись жизнью за свое легкомыслие. Пепел и камни падали на город беспрерывно; на улицах и площадях возникли многометровые насыпи, настолько вязкие, что по ним невозможно было пройти. Те, кто вовремя не смог покинуть город, вязли в наносах и падали мертвыми под ударами камней, судорожно прижимая к себе самый дорогой скарб. Другие не успевали выбраться из развалин домов, которые рушились под тяжестью пепла и камней. Так погибло более 2 тыс. жителей Помпей — десятая часть всего населения города.

Никто не мог предвидеть размеров катастрофы. Вулканический дождь продолжался еще два дня, над городом стояла кромешная тьма, только над жерлом Везувия полыхало красное пламя. Лишь 27 августа сквозь пепельные вихри, носившиеся над землей, стало пробиваться солнце. Уцелевшие люди увидели плачевное зрелище. Помпеи и Геркуланум совершенно исчезли под 15-метровым слоем пепла и камней, только кое-где выглядывали из-под савана смерти отдельные колонны и крыши наиболее высоких зданий. Везувий набросил страшное вулканическое покрывало на окрестности в радиусе 18 километров, а ветры принесли седой пепел к самому Риму и даже на побережье Африки, в Сицилию и Египет.

Совершенно по-иному происходило стихийное бедствие в Геркулануме. На склоне Везувия, расположенного всего лишь в четырех километрах от города, треснула земля. Из трещины, похожей на чудовищную рану, выливался густой липкий ил — смесь морской воды, пепла и мелких камней, так называемых лапилли. У подножья вулкана возник мощный грязевой поток высотой в 15 метров. Неудержимо, хотя и не очень быстро, эта пепельно-каменная река пожирала храмы, дома, прекрасные виллы, мраморные колонны, общественные здания, стены амфитеатра. Ил под воздействием солнца быстро твердел, превращаясь в камень.

В отличие от помпейцев, жители Геркуланума вовремя заметили угрожающую им опасность и поняли, что им остается только одно — бежать. Никто даже не пытался спасать свое добро или прятаться в подвале, поэтому, кроме нескольких несчастных, которые из-заувечья или немощи не смогли выбраться из города, все население Геркуланума вышло из катастрофы без жертв. Точные сведения о ходе событий мы имеем благодаря великому римскому историку Тациту. В 106 г. он обратился к своему приятелю Плинию Младшему, племяннику уже упомянутого начальника римского флота в Мизене Плиния Старшего, с просьбой сообщить ему все, что он знает об извержении Везувия и смерти своего дяди.

Плиний Младший ответил ему двумя пространными письмами, к счастью, дошедшиими до наших дней.

ЧЕТЫРЕХКОЛОННЫЙ ВЕСТИБЮЛЬ ПОДЗЕМНЫХ ТЕРМ В ГЕРКУЛАНУМЕ

1 в. до н. э.

Флотоводец получил от своей приятельницы Ректины, вилла которой находилась на склоне Везувия, письмо с просьбой спасти ее из страшной беды. Плиний Старший приказал немедленно подготовить легкий корабль и вышел в море. Пробиваясь сквозь густые тучи пепла и камней, он диктовал секретарю свои наблюдения и впечатления. Но вскоре им преградили путь мели и сильные водовороты. Вопреки советам капитана, Плиний Старший направился к Стабиям, где и погиб под неожиданным вулканическим дождем, отравившись ядовитыми испарениями серы.

Плиний Младший следующим образом описывает то, что случилось с ним лично:

«Уже в течение многих дней ощущалось землетрясение; его не боялись, потому что в Кампании оно обычно. В эту ночь, однако, оно настолько усилилось, что казалось все не только движется, но и опрокидывается. Мать ворвалась в мою спальню: я как раз собирался вставать, чтобы разбудить ее, если она спит... Здания вокруг тряслись: мы были на открытом месте, но в темноте, и было очень страшно, что они рухнут. Тогда, наконец, решились мы выйти из города; за нами шла потрясенная толпа, которая предпочитает чужое решение своему: в ужасе ей кажется это подобием благоразумия. Огромное количество людей теснило нас и толкало вперед. Выйдя за город, мы остановились. Тут случилось с нами много диковинного и много

ужасного. Повозки, которые мы распорядились отправить вперед, находясь на совершенно ровном месте, кидало из стороны в сторону, хотя их и подпирали камнями. Мы видели, как море втягивается в себя же; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его от себя. Берег, несомненно, выдвигался вперед; много морских животных застряло на сухом песке. С другой стороны, в черной страшной грозовой туче вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскальвала длинными полосами пламени, похожими на молнии, но большими...

Оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак — не такой, как в безлунную или облачную ночь, а такой, какой бывает в закрытом помещении, когда огни потушены. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин: одни звали родителей, другие детей, трети жен или мужей, силясь узнать их по раздававшимся зовам; одни оплакивали свою гибель; другие — гибель своих: некоторые в ужасе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов больше нигде нет и что для мира настала последняя вечная ночь».

Участь Кампании произвела глубокое впечатление на итальянское общество. Император Тит создал сенатскую комиссию для оказания помощи несчастным жертвам Везувия; он даже прибыл на место бедствия, чтобы лично убедиться в размерах катастрофы.

Во время своего пребывания в Помпейях Тит приказал вывезти из города все, что возможно, в особенности статуи богов и императоров, которые удалось откопать. Срывали даже мрамор с колонн и аттиков¹¹, выступавших на поверхность. Жители домов прокапывали туннели к своим комнатам, унося из них наиболее ценные вещи. Следы этих поисков — проломы в стенах — до сих пор можно видеть в руинах города.

Совершенно иначе обстояло дело в Геркулануме. Вулканический панцирь 15-метровой толщины, твердый, как камень, делал тщетными спасательные работы. К тому же со временем на пригорке возникла деревня Ресина, что затрудняло археологические изыскания. Поэтому с уверенностью можно сказать, что в нераскопанных местах Геркуланума кроются неоценимые сокровища римско-греческой культуры, которые ждут еще лопаты и кирки археолога.

Гибель двух цветущих городов нашла яркое отражение в римской литературе. Поэт Статий написал на эту тему стихи, а сатирик Марциал, посетив в 88 г. Неаполитанский залив, сочинил эпиграмму. Император-философ Марк Аврелий указал на судьбу Помпей и Геркуланума как на очевидный пример то-

¹¹ Аттик — украшенная стенка над фронтом здания, закрывающая крышу.

го, что все бренно на этом свете и вечна лишь горечь преходящего. Разделы исторического труда, в котором Тацит описал катастрофу на основании двух писем Плиния Младшего, к сожалению, пропали.

Судьба уничтоженных вулканом городов Кампании вскоре отошла в сознании итальянцев на второй план — в столице римской империи произошло новое стихийное бедствие. Там разразился страшный пожар, который поглотил половину города, среди бездомных погорельцев вспыхнула жуткая эпидемия чумы.

Прошло совсем немного времени, и люди забыли не только об извержении Везувия, но даже о географическом положении Помпей и Геркуланума. На месте этих городов, лежащих под слоем пепла, были построены новые дома, посажены деревья и виноградники.

Память о них сохранилась только среди крестьян, которые называли эти места «*Civita*», т. е. город.

В средние века о Помпеях и Геркулануме уже совершенно никто не знал. Если бы обычного человека того времени спросили о трагической судьбе этих городов, он бы только недоуменно пожал плечами. Но удивительное дело, взглянув на любую из средневековых карт Италии, мы бы увидели, что Помпей и Геркуланум были там, как правило, нанесены с довольно большой географической точностью. Чем объяснить это странное противоречие? Тайна заключалась в самой сущности средневековой схоластики; самостоятельные естественнонаучные исследования тогда совершенно игнорировались, и картографы слепо и бездумно копировали римские карты, составленные еще до катастрофы. Они, наверно, и не подозревали, что Помпей и Геркуланум уже давно нет среди живых городов.

Наступила эпоха Возрождения. С изобретением книгопечатания были опубликованы письма Плиния Младшего. Это и воскресило теоретический интерес к римским городам Кампании. Писатели Ренессанса упоминают их в поэмах и хрониках, но и тогда никто не попытался определить действительное местоположение погибших городов.

Над Геркуланумом, как мы уже говорили, возникла деревня Ресина. В 1710 г. один крестьянин этой деревни, углубляя свой колодец, наткнулся на мраморные плиты и колонны. Недолго думая, он стал их продавать неаполитанским камнерезам в качестве сырья. Об этом каким-то образом узнал австрийский военачальник, резиденция которого находилась в Неаполе, и немедленно принялся за поиски. В яме, выкопанной крестьянином, он нашел несколько великолепных статуй, а среди них — скульптурную группу — мать с двумя дочерьми. Ценные находки австриец тайком отоспал в Вену, где они и ныне находятся в музее. Однако в то время он даже не предполагал, что открыл Геркуланум.

В декабре 1738 г. искатели сокровищ, выкопав под Ресиной колодец 20-метровой глубины, достигли амфитеатра Геркуланума. Они обнаружили там мраморную голову и туловище коня, а также три статуи облаченных в тоги мужей, один из которых был похож на императора Августа; кроме того, нашли части квадриги, огромное изваяние императора Веспасиана и конную статую Марка Нона Бальба, наместника Крита и Африки. Обнаруженная в одном из домов фреска со сценами из греческих мифов была вырезана со стены и перенесена во дворец неаполитанского короля. Но самой ценной с точки зрения археологии являлась таблица с надписью, которая гласила, что Анней Маммиан Руф на собственные средства построил *Theatrum Herculanum*.

Так, по воле случая сначала открыли Геркуланум, хотя и лежал он под толстым панцирем окаменевшей вулканической лавы. Понятно, что добраться до него было значительно труднее, чем до Помпей, погребенных под легкими насыпями пепла и пемзовых камней.

Это великое открытие явилось стимулом для ведения раскопок в более широких масштабах. В 1755 г. в Неаполе основали Геркуланскую академию, которая ставила перед собой задачу вести систематические раскопки и научно обрабатывать найденные памятники древности. В том же году один из членов академии — Баярди — издал прекрасный каталог, иллюстрированный сотнями гравюр с изображениями фресок, статуй и более мелких предметов, найденных в Геркулануме. В 1762 г. вышла из печати работа известного немецкого историка искусств Винкельмана, посвященная геркуланским находкам. Она вызвала всеобщий интерес к античному искусству, и это оказало сильное влияние на европейскую архитектуру, пластику, литературу и декоративное искусство.

Удивительные пути привели археологов к открытию Помпей. Уже в XVI в. знали, что под холмом Чивита лежат руины какого-то города.

В 1594 г. итальянский инженер Доминико Фонтана, получив задание построить подземный акведук, наткнулся на загадочные развалины. Это вызвало определенный резонанс в научных кругах; некоторые историки высказали предположение, что руины — часть Помпей, но преобладающее большинство придерживалось мнения, что в Чивите находятся остатки городка Стабии, где, как мы уже знаем, погиб Плиний Старший. Даже Винкельман, издавая свою работу о Геркулануме, решительно поддерживал последнюю гипотезу.

Поворот наступил только 16 августа 1763 г. В Чивите откопали статую из белого мрамора, изображавшую мужчину в тоге. На ее цоколе прочли надпись следующего содержания: «Именем императора и цезаря Веспасиана Августа трибун Т. Све-

ГОЛОВА НИМФЫ АРКАДИИ

Фрагмент фрески из Геркуланума

дий Клеменс вернул городу Помпеям общественные земли, присвоенные частными лицами».

Так впервые было получено неопровергимое доказательство того, что под холмом Чивита покоятся знаменитые некогда Помпеи. Тогда же докопались до городских ворот, которые теперь называют Геркуланскими, а также до Дороги мертвых, где обнаружено несколько величественных римских гробниц, в том числе и усыпальница жрицы Маммии. Отсюда открывался живописный вид на Неаполитанский залив.

На протяжении двух последующих веков здесь проводились более или менее систематические раскопки — это зависело от политических событий, которые то тормозили, то ускоряли археологические изыскания. Ныне Помпеи откопаны и доступны для туристов больше, чем наполовину. Совсем по-иному обстоит дело с Геркуланумом. Чтобы довести исследования до конца,

НИМФЕУМ ДОМА «МОЗАИКИ НЕПТУНА И АМФИТРИТЫ» В ГЕРКУЛАНУМЕ

I в. до н. э. Раскопки 1932—1934 гг.

нужно переселить жителей Ресины и разрушить их дома, что связано с огромными расходами. Сделать это в условиях капиталистического строя археологи до сих пор не смогли¹².

В течение двух с лишним веков на раскопках в Помпеях процветали грабительские, а то и варварские методы работ. Из руин старались извлечь как можно больше сокровищ, произведений искусства и монет. Их помещали в музеях, в пышных дворцах королей и аристократов и даже пускали в продажу.

В таких условиях не могло быть и речи о научном исследовании археологических находок, о воссоздании полной картины материальной культуры двух римских городов, которые дошли до нашей эпохи почти в том же состоянии, в каком их покинули в I в. н. э. жители.

Теперь трудно определить размеры вреда, причиненного вандализмом того времени. Прекрасные образцы настенной живописи вырезали из стен и переносили в Неаполитанский музей. Более того, если рисунок кому-то казался не слишком красивым, его разбивали на куски и выбрасывали как мусор. Откопанные дома подвергались абсолютному опустошению, а затем снова засыпались землей. Именно таким образом была навсегда

¹² В связи с этим замечанием автора у читателя может создаться неверное представление о раскопках в Геркулануме. Несмотря на то, что раскопки Геркуланума действительно сложнее, чем Помпей, они ведутся особенно интенсивно с середины 20-х годов нашего века, когда руководство ими взял на себя итальянский археолог А. Маюри (прим. ред.).

погублена великолепная вилла Цицерона «Помпейон». Когда находили какую-нибудь мраморную таблицу с бронзовой надписью, срывали отдельные буквы и бросали их в корзину. Понятно, что после этого уже полностью исчезала возможность восстановить надпись. Из фрагментов скульптур фабриковали для туристов сувениры, нередко с изображениями святых, и что еще хуже — каждый, кто посещал руины, мог взять себе на память все, что ему понравится.

Только в начале XX в. археологи ввели подлинно научные методы ведения раскопок. Соответствующим образом подготовленные работники старательно просеивали землю, чтобы не потерять даже самой мельчайшей находки. Дома оставлялись в том виде, в каком были откопаны; для предохранения от дождя над ними строили навесы. Настенные рисунки и мозаики находятся теперь под стеклом; даже предметы домашнего обихода — посуда, мебель, инструменты и детские игрушки — остаются на тех местах, где их нашли. На прилавке одного помпейского трактира лежит ас — римская медная монета. Прохожий, которого мучила жажда, вероятно, положил ее в тот момент, когда на город обрушился шквал пепла и камней.

В ТЕНИ МРАМОРНЫХ КОЛОНН

В результате извержения Везувия случилась вещь беспрецедентная в истории археологии. Два города, в которых бурлила полнокровная жизнь, неожиданно исчезли под саваном вулканического пепла, где, словно сказочные рыцари, в течение многих веков ждали своего пробуждения.

Английский археолог Леонард Вулли, открывший царские могилы в Уре шумеров, заметил однажды в шутку: «Если бы исторические события разворачивались по желанию археологов, то все без исключения древние города должны были бы погибнуть под пеплом вулканов, расположенных по соседству. У археологов, ведущих раскопки в других местах, разливается желчь зависти, когда они посещают Помпеи и видят прекрасно сохранившиеся дома, фрески на стенах, предметы повседневного обихода, лежащие там, где их оставили хозяева в момент бегства из города, на который обрушилась катастрофа».

Историческая наука многим обязана Помпеям и Геркулануму. Благодаря этим городам перед нашими глазами, как живая, предстала материальная культура Италии во всей ее полноте и богатстве, как бы остановленная в своем развитии силами могучих чар. Никакие другие археологические находки, сделанные на огромных просторах римской империи, не могут с ними сравниться. В обоих городах мы увидели не только храмы, дворцы, бани, амфитеатры и общественные здания почти такими, какими их покинули римские граждане, но и повседневную жизнь обычного человека, которому так мало внимания уделяет древняя историография.

Если мы поднимемся на склон Везувия, перед нами откроется панорама Помпей. Площадь, которую занимает город, имеет форму неправильного овала окружностью в три с половиной километра. Сгрудившиеся в кучу дома опоясывает мощная крепостная стена шестиметровой толщины. Высота ее в зависимости от рельефа местности колеблется от шести до восьми метров. Через каждые 100 метров возносятся в небо могучие башни, которые смотрят вдаль пустыми глазницами бойниц. Город имеет восемь ворот, узкие мощеные улицы сходятся у широкого прямоугольника форума.

Спустимся теперь со склона Везувия и подойдем к Геркуланским воротам. По обе стороны пригородного тракта стоят роскошные гробницы помпейских вельмож. Улица шириной в четыре метра, вымощенная шестиугольными базальтовыми плитами, ведет нас мимо многочисленных заездных дворов, лавок, трактиров и мастерских ремесленников к рынку города. На мостовой видна глубокая колея, в течение многих веков выбитая колесами повозок.

Наконец, мы около форума. Здесь была сосредоточена жизнь помпейцев, которые, как и все жители южных городов, проводили большую часть своего времени на воздухе. На форуме они решали торговые и политические вопросы, исполняли религиозные обряды, предавались различным развлечениям.

Но прежде всего форум являлся салоном, на украшение которого не жалели ни денег, ни изобретательности. В стройных колоннах, в монументальных сооружениях, исполненных гармонии, в чистых, ясных линиях колоссов отразилась душа греко-римской культуры, выявила любовь к четким формам, исполненным безупречной простоты и прелести.

Красоту площади еще более подчеркивала окружающая природа. На западе открывался замечательный вид на приветливо улыбающийся Неаполитанский залив с островом Капри на горизонте, на востоке возвышалась могучая горная цепь, а на севере вырисовывался конус Везувия.

Рынок с трех сторон окружала двухэтажная колоннада из дорических колонн. Четвертую сторону занимал храм Юпитера, сооруженный на пьедестале десятиметровой высоты, украшенный порталом, состоящим из шести колонн в коринфском стиле¹³.

Внутри археологи нашли голову Юпитера огромной величины и цоколь, на котором когда-то стояла вся статуя. Центральный вход на форум имел форму триумфальной арки, облицованной белым мрамором с голубыми прожилками.

¹³ Коринфский стиль — в архитектуре стиль, характеризующийся колоннами с капителью в форме рюмки, украшенной листьями аканта и завитками.

ПОМПЕИ. СОВРЕМЕННЫЙ ВИД СТАБИЕВОЙ УЛИЦЫ

Рядом с храмом Юпитера возвышалось еще три храма, столь же прекрасной архитектуры, но поменьше. Однако центральным звеном всего ансамбля являлась базилика. В этом монументальном здании, увенчанном куполом, заключались торговые сделки, происходили дружеские встречи, но прежде всего это было помещение суда. Рядом располагались и другие общественные здания — три помещения с торговыми рядами, палата мер, курия, т. е. ратуша с мраморными залами для торжественных приемов, окруженный колоннадой двор, на котором проходили сбороы граждан, и даже общественный туалет, споласкиваемый водой.

На территории форума запрещалось ездить на повозках. Вся его поверхность была вымощена очень твердым известковым туфом — травертином. Здесь находилось множество мраморных и бронзовых статуй, которые изображали особ императорской семьи и заслуженных граждан города. Сохранились, однако, только цоколи с надписями; вероятно, жители Помпей сразу же после катастрофы откопали эти изваяния как вещи большой ценности.

В Помпеях насчитывалось девять храмов, в которых поклонялись разным богам и богиням. Наиболее интересным среди них является храм богини Изиды. Так же, как и во всей римской империи, в Помпеях были распространены самые различные

религиозные культуры, заимствованные с Востока. Мы точно знаем, что там существовала еврейская религиозная община, а изображение креста, обнаруженное на стене одного из домов, позволяет предположить, что в этом городе действовала также подпольная христианская секта.

Однако самое широкое распространение получил культ Изиды. Богиню изображали как мать, держащую на руках ребенка. Почитался также ее муж и брат Озирис. Таинственные мистерии, связанные с религиозными праздниками, привлекали к себе широкие массы бедняков и невольников. Осенью торжественно праздновалось воскрешение Озириса, убитого богом Сетом.

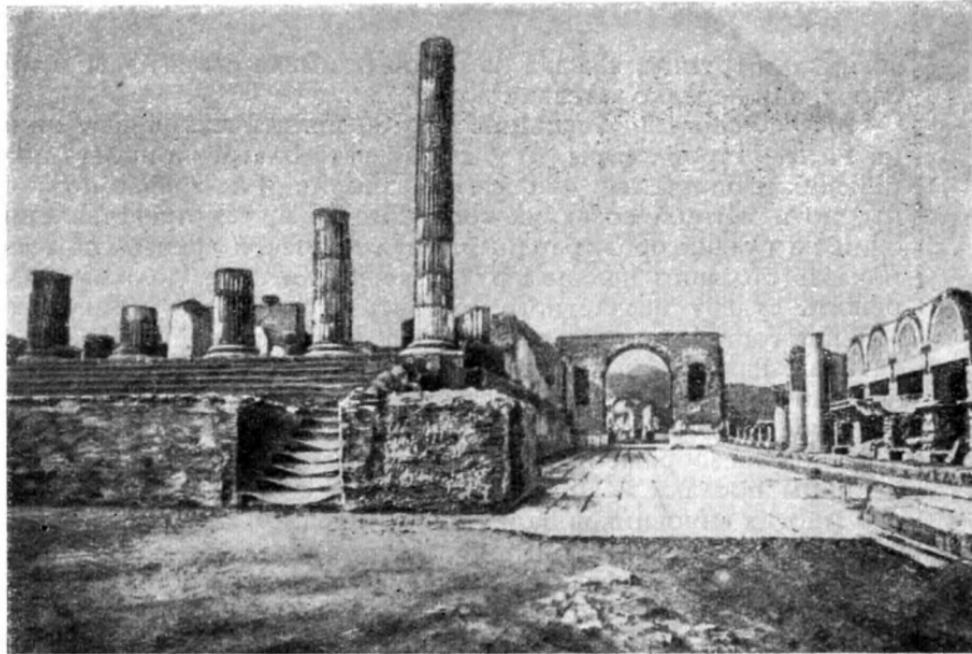
Храм обнаружили в 1765 г. В нем находилась цистерна для хранения святой воды из Нила и потайная камера, откуда жрецы устами богини давали верующим советы и пророчествовали. На алтаре стояло изваяние Изиды с позолоченным венком на голове и лежали обуглившиеся остатки приносимых жертв: кости животных, каштаны, орехи, финики и овес. На стенах хорошо сохранились рисунки, на которых были изображены животные и растения с берегов Нила.

Кстати следует отметить, что религиозные верования проникали в Италию даже из далекой Индии. Доказательством этого является найденная в одном из домов статуэтка из слоновой кости — индусская богиня любви Лаксамис.

В Помпеях был еще один, более старый форум, так называемый *Forum triangulare*, который имел форму треугольника. С тех пор как построили новый форум, он стал местом отдыха горожан. Эту красавицу площадь с двух сторон огибал портик с крышей, покоящейся на 95 дорических колоннах. Третья сторона выходила к морю. Здесь стояли скамьи, а посредине находился мраморный бассейн, в который вода поступала по свинцовым трубам. Площадь украшали различные статуи из бронзы; среди них было изваяние Марцелла, племянника императора Августа.

Рядом со старым форумом на небольшом расстоянии один от другого возвышались два театра — драматический на 5 тыс. мест и крытый музыкальный театр, так называемый «Одеон» на 1500 зрителей. Археологи обнаружили бассейн для шафрановой воды, которой в жаркие дни спрыскивали арену. Между скамейками лежали брошенные театральные билеты — кружочки из свинца или слоновой кости с выгравированными на них номе-рами мест.

Представления в этих театрах пользовались среди помпейцев огромной популярностью. Наряду с трагедиями здесь ставились народные фарсы, балеты и пантомимы. Во время правления Нерона громадный успех сопутствовал актеру Парису, исполнителю главных ролей в пантомимах, но, мучимый тщесла-

ПОМПЕИ. ХРАМ ЮПИТЕРА И АРКА ТИВЕРИЯ

вием, он не довольствовался искренними, бурными аплодисментами зрителей и содержал собственную клаку.

Жители Помпей, заботясь о физическом воспитании молодежи, построили три палестры — гимнастические школы — с площадками для тренировок. Самая большая из них, устроенная с небывалым размахом, имела мраморный портик, гардероб, баню, плавательный бассейн, помещение для приезжих атлетов и даже небольшой храм Венеры — покровительницы молодежи. На широкой площади росли старые платаны; одному из них было 120 лет.

В другом конце города откопали огромный амфитеатр, о котором мы уже упоминали. Это грандиозное сооружение возвели за свой счет богачи Гай Квинкт Бальба и Мавр Порций в знак благодарности за избрание их на высокие городские должности. В период реакционного террора Суллы Бальба сколотил себе колоссальное состояние, скупая за бесценок имения римлян, объявленных вне закона.

В амфитеатре проходили не только бои гладиаторов. Там стравливали хищников, а также устраивали охоту с гончими. На арену выпускали быков, медведей, львов, тигров, волков, пантер, диких кабанов, газелей, зайцев. Кровь людей и животных лилась ручьями. Жители Помпей следили за жестокими играми с неистовой страстью. Среди болельщиков стихийно

возникали группы, каждая из которых имела своих фаворитов; споря, они нередко затевали драки.

В 59 г. сенатор Ливенций Регула, политический изгнаник из Рима, устроил игры, чтобы завоевать благосклонность помпейских избирателей. Амфитеатр заполнили не только помпейцы, но и жители соседних городков. Во время представления один из гладиаторов, раненый, упал на песок арены. Зрители, показав большим пальцем руки вверх или вниз, должны были решить судьбу несчастного — добить его или же помиловать. Мнения гостей и хозяев разделились. В связи с этим разразился скандал. Развъяренные помпейцы и гости из Нуцерии высыпали на арену с ножами, камнями и дубинами. Когда, наконец, удалось прекратить побоище, на песке осталось лежать несколько десятков обезображеных трупов и раненых. Пострадавшие нуцерийцы послали к Нерону делегацию с жалобой, и тот осудил многих виновников на изгнание, но самое главное — закрыл на десять лет помпейский амфитеатр, а это была чрезвычайно суровая кара, учитывая едва ли не болезненную страсть древних римлян к гладиаторским играм.

В середине XVIII в. вблизи амфитеатра откопали казармы гладиаторов. Сооружение в форме четырехугольного портика с камерами окружало огромную учебную площадь. В одном из залов было найдено гладиаторское снаряжение — прекрасные образцы римского оружейного искусства. Особенно выделялись богатым орнаментом два бронзовых наколенника, круглый щит и тяжелый красивый шишак. Это редкое и ценное оружие ныне находится в Неаполитанском музее.

Игры происходили только два раза в год по случаю определенных праздников. В будни помпейцы проводили свое свободное время в трех термах, которые оборудовали с большой роскошью и художественным вкусом — полы выложили мозаикой, просторные мраморные залы украсили фресками и лепкой. Потолки терм имели форму арок и сводов. Бани обычно состояли из четырех залов с холодной, теплой и горячей водой, а также парильни, в которую горячий воздух подавали по трубам, проложенным под полом, в стенках и сводах. После купания помпеец мог почитать в библиотеке, поболтать в клубе с друзьями, испробовать свою силу и ловкость на легкоатлетической площадке или перекусить в хорошо устроенном ресторане.

В руинах терм ученые сделали одно интереснейшее открытие. В некоторых залах имелись круглые окна с вставленными стеклами — это редчайший случай застекленных окон в древности. 1328 оливковых светильников, собранных в одной из терм, свидетельствуют о том, что помпейцы проводили там свой досуг даже по вечерам. И еще одна любопытная деталь: завсегдатаи бани сокрушенно жаловались на воришек, которые обкра-

дывали гардероб, унося одежду и ценные вещи в то время, когда их владельцы наслаждались купаньями.

Обыкновенные помпейцы жили, как правило, скромно, если не бедно. Лавочники и ремесленники арендовали помещения, расположенные по фасаду вилл патрициев, а их семьи ютились в маленьких комнатушках на втором этаже, куда вели внутренние деревянные лестницы. Мебель была почти нищенская и состояла из самых необходимых вещей. Глубокое классовое неравенство в древнеримском обществе не смогли уничтожить революции Гракхов, Мария и Спартака. Надо сказать, что виллы сенаторов, всадников и разбогатевших вольноотпущенников внешне имели довольно неказистый вид. Фасады их без единого оконца изредка оживлялись изображениями римских богов: Юпитера, Аполлона, Марса, Меркурия или Минервы. Похожие друг на друга боковые улицы, где стояли эти дома, производили унылое впечатление. Только в центре города по фасадам домов располагались лавки и ремесленные мастерские, но это еще более маскировало великолепное внутреннее убранство роскошных вилл.

По узкому коридору, в который вела с улицы двустворчатая дверь, снабженная колотушкой, можно было пройти в главный зал дворца — в атриум с мраморным бассейном, куда вливалась дождевая вода сквозь отверстие в потолке. Бассейн окружали колонны, поддерживавшие крышу дома. Этот зал, предназначенный для приема гостей, обычно украшали журчащие фонтаны, а также бюсты предков и членов семьи.

Вдоль атриума, по бокам, размещались ряды задрапированных портьерами маленьких комнат без окон. Они являлись спальнями и столовыми. Здесь во многих случаях до сих пор сохранились каменные ложа; на них, повернувшись лицом к столу, возлежали пирующие.

Из атриума, пройдя мимо комнаты хозяина дома, можно было войти в перистиль, т. е. садик, окруженный колоннадой и небольшими альковами, за которым заботливо ухаживали рабы.

В этом тихом, полном очарования уголке, сосредоточивалась вся жизнь дома. Обычно там били фонтаны, осыпая каплями холодной воды цветы, деревья и газоны. Ученым на основании обуглившихся корней удалось установить, что на клумбах росли дамасские розы, мальвы, нарциссы, ирисы и маргаритки, среди деревьев наиболее часто встречались акации, кипарисы, лавры, платаны, дубы и пинии, а из декоративных растений — алоэ, плющ, мирт, папирус и тростник.

Практичные помпейцы не забывали о плодовых деревьях и овощах. Они выращивали миндаль, сладкие каштаны, фиги, орехи, финики, вишню, оливки, гранаты, яблоки, груши, виноград, бобы, спаржу, дыни, тыквы и арбузы.

СЦЕНА ПОСВЯЩЕНИЯ

Роспись Виллы мистерий близ Помпей. I в. до н. э.

СЦЕНА ПОСВЯЩЕНИЯ

Роспись Виллы мистерий близ Помпей. I в. до н. э.

Залы и покои этих замечательных дворцов свидетельствуют о большой любви их владельцев к прекрасному. Стены почти всех комнат украшены рисунками, а также резным декоративным орнаментом из мрамора. На больших картинах чаще всего представлены сцены из римской и греческой мифологии. Мы видим, например, как Юпитер обольщает Даная, Ио или Леду, как он похищает Европу. Очень часто повторяются изображения Аполлона, преследующего Дафну и Венеру.

Однако помпейцы не останавливались на одной лишь мифологической тематике. В разные периоды мода менялась, поэтому ученые различают в настенной живописи Помпей четыре основных стиля. Очень интересен архитектурно-перспективный. При виде фантастических архитектурных ансамблей и пейзажей, создается впечатление, что мы смотрим в широкое окно на внешний мир, где много солнца и воздуха.

В 30 г. до н. э. римляне завоевали Египет. После этого на стенах их домов появились экзотические рисунки — лотосы, гиппопотамы, крокодилы, пигмеи, пирамиды и пейзажи Нила. Прямой противоположностью им явился цикл замечательных картин, проникнутых удивительным чувством юмора. Мы видим здесь маленьких домовых — добрых гениев, занятых различными ремеслами: они варят пищу, чинят сандалии, изготавливают золотые украшения, строгают доски, куют, сажают в печь хлеб, собирают виноград и ногами выдавливают из него сок. Один из карликов возится с упрямым ослом и, подгоняя, тянет его за хвост.

Возле Геркуланских ворот откопали роскошную виллу, которая некогда принадлежала жрице Диониса (так называемая Вилла мистерий), и состояла из 19 комнат с отдельными баними и даже — редкость в помпейских домах — имела полукруглую веранду. В доме археологи обнаружили огромную фреску с изображенными на ней почти в натуральную величину 29 фигурами. Неизвестный художник показал посвящение молодой поклоннице Диониса. Крылатое божество бичует девушку, а обнаженные вакханки исполняют ритуальный танец и воздают почести Вакху у подножья его статуи.

Вблизи тех же Геркуланских ворот обнаружили другой дом, намного древнее предыдущего. Ко времени извержения Везувия ему насчитывалось уже 400 лет. В нем когда-то практиковал хирург — в одной из комнат ученые нашли целый набор хирургических инструментов, удивительно похожих на современные. Хирург имел дочь, которая, вероятно, была художницей. В ее комнате с огромным окном, выходящим в сад, на стене изображена молодая женщина, рисующая бюст Вакха; маленький Эрос поддерживает картину, а две невольницы с любопытством и вниманием следят за работой.

На стенах часто встречаются реалистически выполненные

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ
Фреска из Помпей

портреты. Так, Теренций Прокул, владелец большой пекарни, разбогатев, построил себе довольно красивую виллу и велел художнику на одной из стен нарисовать себя и свою жену. На портрете — мужчина с небольшой бородкой и оттопыренными ушами держит в руке, — наверное, для большей солидности — свиток папируса. Рядом с ним — миловидная женщина с большими, кроткими, как у серны, глазами, прямым носом и красивым овалом лица. В руке женщины восковая табличка, а резцом она прикоснулась к губам, словно раздумывая, что же ей написать.

Большое внимание помпейцы обращали на полы своих домов. Как правило, они украшали их мозаикой, составленной из тысяч мелких разноцветных камешков. Некоторые мозаики являются настоящими шедеврами искусства и вызывают искреннее восхищение. Мы встречаем там разнообразные геометриче-

ские узоры, звезды, розетки и меандры¹⁴, растения (плющи, лотосы, виноградные лозы и лавры), животных. С неподражаемой точностью изображены гиппопотамы, кентавры, морские коньки, дельфины, собаки, голуби, медведи и петухи, бьющиеся друг с другом.

Вершиной мастерства в искусстве мозаики следует считать аллегорические сцены, в основе которых лежат легенды, мифы или подлинные события древней истории. Типичен с этой точки зрения так называемый Дом драматурга. В ярких красках, с реализмом, исполненным драматического напряжения, художник воспроизвел на полу здания сцену театральной репетиции. Старый лысый драматург со сценарием в руке дает режиссерские указания двум юношам, одетым в козы шкуры; на втором плане актер с помощью своего товарища облачается в театральный костюм.

Совершенно неповторимым шедевром является огромный мозаичный пол в Доме Фавна, названном так потому, что в атриуме археологи обнаружили неповрежденную скульптуру Фавна — косматого божка итальянских лесов.

На прямоугольнике размером 5,12 на 2,75 метра художник уложил 1,5 млн. камешков всевозможных оттенков (белых, черных, желтых и красных) и создал батальную сцену — битву Александра Македонского с Дарием при Иссе в 333 г. до н. э.

В глазах людей отчаяние или злоба; реалистично передана динамика борьбы, а широкий размах композиции производит неизгладимое впечатление.

Центральной фигурой этого величественного произведения является Александр. Его волосы разеваются, лицо худое, в очах пламя. Своим копьем он пронзает персидского сановника; в это время Дарий со страхом замечает, что уже и ему лично угрожает опасность. Возница царской колесницы нахлестывает скакунов, а какой-то князь персов соскакивает с коня, отдавая его своему повелителю, чтобы monarch мог спастись бегством. Зловорящий лес копий, торчащих на горизонте, свидетельствует о том, что македонские фаланги в хаосе битвы сохранили сомкнутые шеренги, а это предвещает персам сокрушительный разгром. Мозаика является точной копией погибшей картины выдающегося греческого художника Филоксена из Эритреи, который жил на рубеже III и II вв. до н. э.

Археологи вряд ли ожидали найти в Помпеях восковые таблички, на которых римляне писали свои письма и вели текущие хозяйствственные расчеты. Таблички связывали в триптих, т. е. соединяли шнурком по три, получая таким образом книжечку. Сами таблички изготавливались из деревянных дощечек, а затем

¹⁴ Меандры — орнаменты из пересекающихся волнистых линий или вьющихся растений.

СЕРЕБРЯНОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ «ДОМА МЕНАНДРА»
В ПОМПЕЯХ

II 6.

покрывались тонким слоем воска, поэтому вряд ли они могли сохраниться в Помпеях, где пепел и камни легко пропускали воздух. Их скорее можно было обнаружить в Геркулануме, укрытом мощным слоем окаменевшей вулканической лавы, которая являлась прекрасной изоляцией.

Но вот однажды откопали виллу банкира и фабриканта сукна Люция Цецилия Юкунда. В одной из комнат стоял деревянный сундук, обитый тонкими бронзовыми листами. Подняв крышку, ученые обнаружили в сундуке 152 восковые таблички, из которых 127 удалось прочесть. Оказалось, что это торговые документы — контракты купли и продажи недвижимого имущества, платежные ведомости и бухгалтерские расчеты. Эти документы проливают свет на торговые отношения того времени.

Уже в XVIII в. археологи нашли в Геркулануме библиотеку папирусных свитков. (Пока что это единственная, открытая там, хотя известно, что патриции считали признаком хорошего тона иметь частные собрания книг.) Во дворце, который ныне называют *Villa dei Papiri* (Вилла папирусов) и где находилось немало замечательных скульптур, фресок и мозаик, имелась небольшая библиотечная комната. Там обнаружили 1800 манускриптов, но, к сожалению, все свитки обуглились и слиплись. Развернуть и прочесть рукописи представлялось делом чрезвычайно сложным. В том же XVIII в. монах Пиаджи сконструировал для этой цели специальное приспособление; многие годы он корпел над папирусами, но сумел развернуть и кое-как разобрать лишь незначительную их часть, причем много свитков Пиаджи безнадежно повредил. До сих пор удалось прочесть только 340 папирусов. Среди них есть трактаты о музыке эпикурейца Филодема, а также исследования о философии Эпикура, последователем которого был владелец роскошного дворца.

В Помпеях сохранилось мало мебели, зато там откопали пять серебряных столовых сервизов, состоящих из чаши, кубков

рюмок, тарелок, блюд, ложек и ковшей, украшенных богатым орнаментом.

Один из сервисов достоин того, чтобы на него обратить несколько большее внимание. Он обладает исключительной художественной ценностью, к тому же весьма любопытны обстоятельства, связанные с его открытием. В конце XIX в. вблизи городка Боскареаль в 1,5 километрах от Помпей, на склоне Везувия, археологи наткнулись на дворец и большое хозяйство со строениями для хранения амфор с вином и оливковым маслом. Как следовало из найденной там печати, это было имение некоего Люция Герения Флора, богатого землевладельца, который получал доходы с виноградников, пастбищ и оливковых садов.

Извержение Везувия застало обитателей этого большого имения врасплох в то время, когда они занимались своими повседневными делами. В кухне нашли скелет собаки на цепи, на печи — горшки, в которых варилась пища, в конюшне — скелеты нескольких лошадей. Коровы, овцы и козы, вероятно, паслись на лугах, так как на скотном дворе их костей обнаружить не удалось.

Во дворе, возле пресса для выдавливания виноградного сока, отрыли три человеческих скелета; среди них, судя по дорогим перстням с топазами, находились останки хозяйки имения.

Раскопки проводил владелец поля Винченцо да Приско. 13 апреля 1895 г., незадолго до конца рабочего дня, надсмотрщик заметил узкое отверстие, ведущее в подвал. Он с трудом протиснулся внутрь, но сразу же выскочил назад, крича, что в подземелье полно газов.

Как только рабочие разошлись по домам, надсмотрщик побежал к хозяину и в страшном волнении, заикаясь, сказал:

— Господин, в подвале лежит скелет, а вокруг него рассыпаны огромные сокровища!

Владелец земли приказал надсмотрщику молчать. Как только стемнело, они пробрались в подвал с фонарями в руках и остановились, ошеломленные невероятным зрелищем — перед ними лежали громадные богатства: браслеты, серьги, перстни, тяжелые золотые цепочки, прекрасно украшенная серебряная посуда, а посредине — истлевший кожаный мешок, в котором находилось свыше 1000 золотых монет со временем господства императоров, начиная от Августа и кончая Домицианом. Самые поздние монеты относились к 76 г. н. э., т. е. их вычекали за три года до катастрофы. Были там чрезвычайно редкостные монеты с изображениями императоров Гальбы, Оттона и Вителлия, которые все вместе правили только один год, а поэтому не могли пустить в оборот большого количества денег. Почти все монеты блестели, как новые; ныне это буквально неоценимые нумизматические экземпляры.

Столовый сервиз состоял из 108 предметов: кубков, чаш, кувшинов, тарелок, мисок, солонок, ложек, ковшей, рюмок и даже ситечек, покрытых выпуклым узором, изящно выклепанным на тонком серебре искусными мастерами.

Вызывает изумление богатство декоративных мотивов. Здесь немало портретов императоров и патрициев, есть и другие изображения: листья, журавли, аисты, змеи; оленей и диких кабанов преследуют гончие; медведи нападают на серн; орлы, в когтях у которых боятся зайцы и горные козы; а вот черный дрозд внимательно следит за ящерицей; лев бросается на вола; лиса борется с волком. Все эти сцены переданы с незаурядным чувством движения, знанием анатомии и тайн художественной композиции.

Особый интерес вызывают серебряные кубки для вина. Художник изваял на них танец скелетов с головами великих философов и драматургов древности — Софокла, Еврипида, Менандра, Эпикура и основателя школы стоиков Зенона из Китиона. В этих дьявольских, гротескных сценах проявилось желание воздать дань модной в то время эпикурейской философии, сущность которой сводилась к одной мысли: пользуясь всеми благами жизни, пока живешь, ибо смерть подстерегает тебя на каждом шагу.

Люди, которые открыли это прекрасное, единственное в своем роде сокровище, тайно вывезли его из Италии и продали французскому миллионеру Ротшильду.

Получив щедрое вознаграждение, надсмотрщик на радостях напился и обо всем разболтал приятелям. Вскоре дело приобрело в Италии широкую известность и его даже рассматривал итальянский парламент. Но правительство ничего не могло изменить: сокровище, которое по праву принадлежало итальянскому народу, было уже за границей, в руках иностранного покупателя. Ныне сервиз почти целиком находится в парижском Лувре, являясь одним из наиболее ценных экспонатов материальной культуры Рима.

**СЛОВНО
ОСТАНОВЛЕННЫЕ
ЧАСЫ**

Если кто-нибудь считает, что дурная привычка испещрять стены глупыми каракулями появилась в наше время, то он глубоко заблуждается. Этот скверный обычай

стар, как мир, и был широко распространен в Помпейях. На стенах базилики, амфитеатра, храмов и частных домов сделаны тысячи надписей, рисунков, объявлений и изречений, в которых прохожие пытались запечатлеть свои сомнительной ценности мысли. Они выцарапывали их каким-либо острым предметом или писали куском древесного угля.

Сегодня мы осуждаем этот обычай и стараемся объяснить людям, что писаница на стенах — признак дурного тона. Однако в Помпейях — удивительное дело! — эти надписи, словно старое

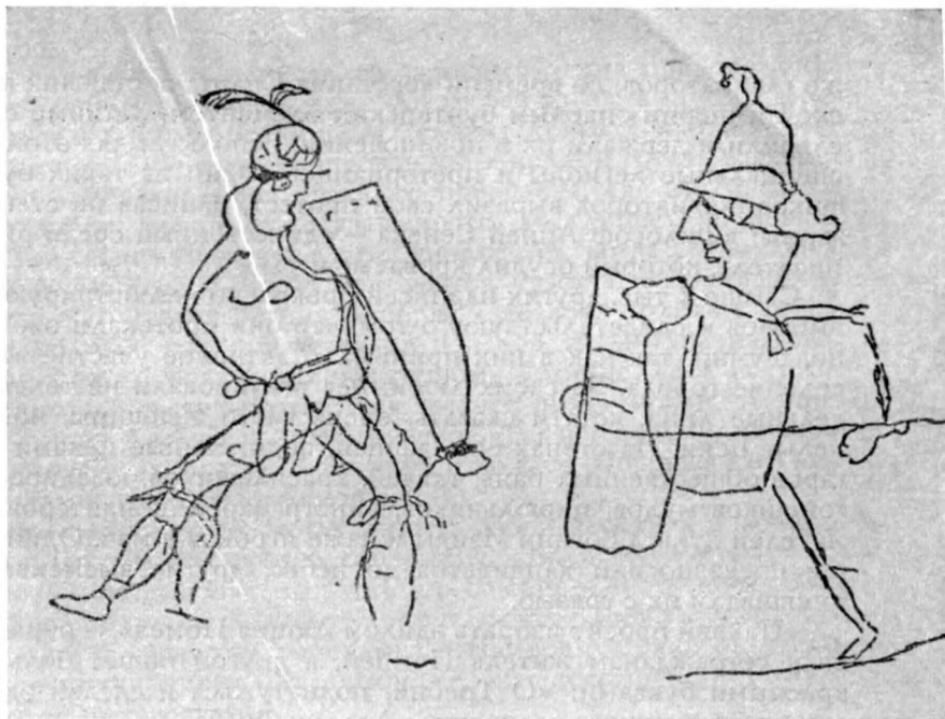
ПОМПЕИ

Рисунки на стенах

вино, приобрели для нас, современных людей, особую цену и смысл. Ведь именно благодаря им мы можем заглянуть в повседневную жизнь города, понять душу обычного помпейца, его заботы, чувства, надежды, и, наконец, его добродушные, нередко фривольные и едкие шутки.

Трудно сдержать улыбку, когда узнаешь о неизвестном помпейском штукатуре, который с раздражением замазал на стене чье-то имя, но сам не удержался от искушения увековечить свое собственное: «Сосий расписался, — читаем мы на стене, — Онесий закрасил его белой штукатуркой». Другой житель Помпей, подхалим, а возможно, хороший приятель, оставил на стене доброжелательную надпись: «Приветствуя тебя, Эмилий Фортунас». Нашелся также разгневанный чем-то писака, который излил свое презрение в следующих словах: «Сумий желает Корнелию, чтобы он повесился».

Не лишены своеобразной прелести и наивные караули, оставленные на домах детьми. На одной из стен гордо напыжились неловкие закорючки — отдельные буквы азбуки, которые малыш только что научился писать в школе, возможно, не без помощи розги. В другом месте мы восхищаемся довольно удач-

ПОМПЕИ

Рисунки на стенах

ным рисунком юного шутника — карикатурой на лысого учителя с лавровым венком набекрень и толстым носом горького пьяницы. Юмором пронизан также рисунок, на котором изображен отчаянный поединок двух гладиаторов.

Гладиаторские игры пользовались большой популярностью среди городской черни, и это нашло отражение в надписях на стенах. Некоторые гладиаторы были кумирами женщин. Так, мы читаем, что Трак Келад является «предметом тоски, властелином и исцелителем женских сердец».

Весьма поучительны объявления об играх, а также извещения о результатах отдельных поединков. На одном из угловых домов обнаружили целую афишу, в которой говорилось:

«Двадцать пар гладиаторов, которых Лукреций Сатрий Валенс, жрец Нерона, записал в завещании, а также десять пар, оставленных его сыном, будут сражаться друг с другом в Помпейях 4 апреля. Кроме того, состоятся бои охотников с дикими зверями. Сверху будет натянут полотняный тент, чтобы зрители не испеклись на солнце».

Интересно отметить тот факт, что уже тогда были противники этих варварских развлечений, прежде всего среди самих

же гладиаторов, со времени восстания Спартака ставших в римской империи опасным бунтарским элементом. За ними строго следили и держали их в повиновении, используя для этой цели специальные легионы и преторианцев. Один из таких бунтовщиков-гладиаторов выразил свой протест, написав на стене казармы: «Философ Анней Сенека — единственный среди римлян писатель, который осудил кровавые игры».

Свыше 2 тыс. других надписей прекрасно иллюстрируют ход выборов и свидетельствуют о том, что они протекали оживленно, шумно, так как в них принимало активное участие все население города. За своих любимцев агитировали не только отдельные лица, кстати сказать, очень часто женщины, но даже целые цехи. На стенах есть афиши, подписанные цехами кочегаров общественных бань, ткачей, красильщиков, ювелиров, погонщиков мулов, цирюльников, виноградарей, кондитеров, ревнителей культа богини Изиды и даже игроков в мяч. Одни афиши превозносили кандидатов до небес, другие высмеивали и смешивали их с грязью.

«Паквий просит избрать эдилом Люция Помея», — обращается к согражданам житель Помпей, а другой пишет большими красными буквами: «О Требий, поднатужься и сделай эдилом молодого, честного человека — Лоллия Фуска».

Остроумны и едки надписи, авторы которых стараются дискредитировать кандидатов. «Ватию рекомендуют в эдилы плуты», — читаем мы на стене. В другом месте под афишами, притворно восхваляющими кандидатов стоят подписи: «Все ленивцы», «горькие пьяницы». Появляются порой и шутливые угрозы, свидетельствующие о том, что даже в предвыборной горячке помпейцы не утрачивали чувства юмора. В этом отношении типичной является следующая надпись: «Того, кто не отдаст своего голоса за Квинкта, пусть провезут через весь город на осле, как шута».

В любовных перипетиях помпейцы не отличались излишней застенчивостью. С очаровательной откровенностью они доверяют стенам свои печали, разочарования и неудачи в сердечных делах, называют возлюбленных по имени, горько жалуются на их легкомыслие и непостоянство. На стене дома влюбленный оставил полные грусти стихи:

Ничто на этом свете не вечно!
Хоть и сияет нам солнце златое,
Но в океан оно все же садится;
И месяц, который так ярко блещет,
Бесследно исчезнет в глубинах неба.
Поэтому, если страшным гневом
Твоя любезная охвачена будет,
Не поддавайся. Знай — пройдет буря,
И снова нежный зефир повеет.

Какой-то юноша написал со вздохом: «Ах, я предпочел бы скорее умереть, чем быть даже богом без тебя», а другой в порыве невыразимого восхищения славит красоту избранницы: «Кто не видел Венеры, нарисованной Апеллом, пусть взглянет на мою любимую — она столь же прекрасна, как эта богиня». Несчастливец, не получив взаимности, восклицает: «Прошай, моя Сава, вспоминай меня хоть иногда. Ах, когда ты узнаешь, что такое любовь, и в тебе пробудятся чувства, сжалься тогда надо мной, о цветок богини Венеры, и позволь прийти к тебе».

На колодце, где поили мулов и ослов, прочитана надпись, обращенная к слишком флегматичному вознице: «Ах, если бы ты когда-нибудь чувствовал, как пылает огонь любви, ты привез бы меня быстрее к моей девушке. Так вперед же, погоняя своих животных, скорее бери кнут и вожжи. Поспешай в Помпеи — там живет моя любимая!»

Даже ревнивцы не могли скрыть своей злости и разочарования. Один из них грозил сопернику: «Если кто вздумает соблазнить мою девушку, то пусть его сожрут в пустынных горах страшные медведи». Какой-то супруг застал на постоялом дворе свою жену в обществе соперника. Свое возмущение он увековечил восклицанием: «Я поймал ее, это несомненно! Ромула здесь с этим негодяем!»

Забавны высказывания отчаявшихся влюбленных и фанфаронов, которые прикидывались безразличными к любви. «Венера! — пишет неизвестный холерик. — Я переломаю тебе все ребра и отстегаю так, что ты охромеешь. Если ты могла пробить стрелой мое нежное сердце, то почему же я не могу размозжить твой череп?» Иначе расценивает любовные неудачи шутник и ветрогон, а может, отвергнутый любовник, скрывающий чувства под маской равнодушия. Вот его слова: «Одни любят, другие любмы, а мне на это наплевать». Какой-то скептик рядом приписал: «Кто на это плюет, тот влюблен». Нашелся даже отъявленный сплетник, который, желая отомстить девушке, вероятно, не ответившей ему взаимностью, злобно ее оклеветал: «Люцилла извлекает из своего тела звонкую монету».

Женщины не оставались в долгу перед мужчинами. Некая Ливия весьма бесцеремонно заявила Александру: «Твоя судьба меня нисколько не волнует, если ты исчезнешь — тем лучше для меня». Другая девушка в ответ на неуместные ухаживания написала: «Виргула своему приятелю Тортию: мой милый, ты кажешься мне слишком безобразным».

Немалую роль в жизни города играло вино, поэтому на стенах мы находим множество замечаний относительно этого вакхического напитка. В одной из таверн читаем такую рекламу: «Здесь можно купить вина за один ас, лучшего — за два, а за четыре аса можно получить кубок фалерна»¹⁵. Какой-то прохожий

¹⁵ Фалерн — любимое вино древних римлян с виноградников Кампании.

нацарапал на базилике: «Суавий вздыхает о полных чашах вина, его мучит страшная жажда». Другая надпись появилась, вероятно, поздней ночью, когда компания гуляк возвращалась из таверны домой. Один из них остановился, чтобы на стене хвастливо выразить свою удовлетворенность. «Сердечный привет! — написал он нетвердой рукой. — Мы наполнены, как бурдюки!» Другому кутиле не понравился проведенный вечер, и он обрушился на хозяина трактира: «Чтобы ты сам оказался жертвой своей хитрости: нам продаешь воду, а сам лакаешь чистое вино».

Как ни странно, но даже гробницы испещрены различными надписями. Мы находим там выборные афиши, сообщения о гладиаторских играх, рекламы, даже мелкие объявления, с помощью которых общались жители города. На одной из гробниц возле Геркуланских ворот есть любопытное объявление: «Тот, у кого 26 августа сбежала кобыла с поклажей, пусть обратится к Деции... за Сарненским мостом, в Мамианское имение».

Читая тысячи надписей, которыми осквернены благородные стены почти всех помпейских зданий, мы не удивимся, что среди жителей города нашелся разумный человек, у которого лопнуло терпение. Но даже он не смог противостоять фатальному искущению и написал не без юмора: «О стена, я удивляюсь, как ты до сих пор не развалилась. Ты обречена на то, чтобы сносить столько глупой болтовни!»

Помпейцы питали слабость к лозунгам и кратким афоризмам. Они приказывали писать их на стенах комнат или выкладывать мозаикой на полах. В одном из домов мы читаем: «Наименьшее зло перерастает в великое, если им пренебрегают».

Эту моду довел до нелепости некий Эпидий Гименей. Стены его дома испещрены мозолящими глаза многочисленными надписями, нередко совершенно смехотворными, недвусмысленно свидетельствующими о том, что хозяин был типичным богачом-быскочкой, довольно невысокого культурного уровня. Вот о чем он напоминает гостям, приглашенным на пиршество: «Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры! Если не можешь, шаги к дому обратно направь»; или: «Взор на супругу чужую не смей кидать похотливый! Ласков не будь с ней: скромно себя ты веди». Третья надпись едва ли не самая забавная: «Береги наши льняные скатерти!»

Богатый пекарь Гней Аллей Нигид, довольный нажитым состоянием, велел большими буквами написать в своей пекарне: «Здесь живет счастье», а купец Сирик выразил свое жизненное кредо двумя словами: «Приветствуем доход». Третий торговец, на этот раз не известный нам по имени, с забавной искренностью всем признавался, что для него «прибыль — это радость».

Пороги домов также были украшены надписями. Широко известно мозаичное изображение собаки с предостережением:

ГИПСОВАЯ ОТЛИВКА ДВУХ ЖЕНЩИН, ПОГИБШИХ В ПОМПЕЯХ В ВУЛКАНИЧЕСКОМ ПЕПЛЕ

«Cave canem» («Остерегайся пса»). Но чаще всего встречается лаконичное приветствие: «Salve!» Этот распространенный обычай нарушил один хозяин дома, поместив на пороге длинную фразу: «Мои двери заперты для воров, но открыты настежь для честных людей».

Если перечисленные надписи настраивают нас на веселый лад, то нашлась и такая, которая выразительно передает трагическую судьбу Помпей. В тесных Геркуланских воротах разыгрывались жуткие сцены. Охваченные ужасом толпы людей хотели как можно скорее выбраться из города на открытое пространство; в страшной панике они толкали и давили друг друга, не жалея ни старых, ни малых. Какой-то немощный старец, не имея сил пробиться, вначале укрылся в соседнем доме, но потом снова выбежал на улицу. Находясь в этом доме, он нацарапал на стене два слова, потрясающие своей жуткой выразительностью: «Содом и Гоморра».

Эта зловещая надпись проливает свет на то, что переживали жители Помпей во время извержения вулкана, а наглядным доказательством стали человеческие скелеты, найденные в домах и на улицах города. Их, как мы уже упоминали, свыше 2 тыс. Несколько столетий археологи собирали в музеях останки

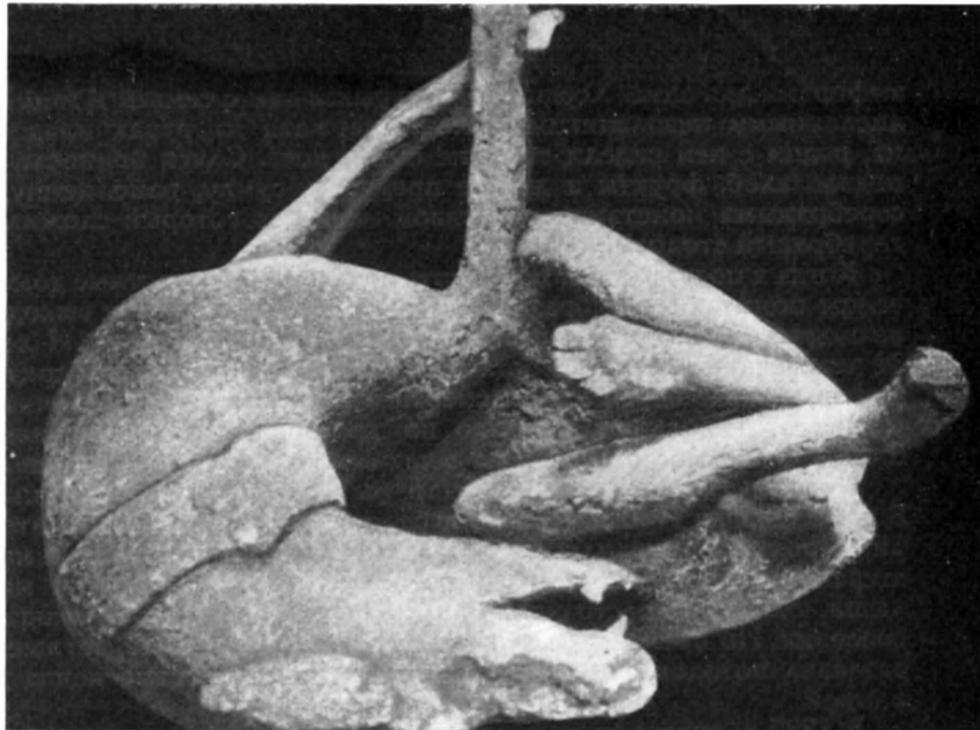
погибших, не подвергая их соответствующей консервации. Только в 1864 г. у руководителя археологических раскопок Фиорелли мелькнула счастливая мысль. На одной из улочек откопали человеческий череп; остальной скелет находился в затвердевшем вулканическом пепле. Исследования показали, что в момент катастрофы мокрый от дождя пепел плотно облепил тело, которое со временем разложилось, но пустое пространство, соответствующее формам тела осталось. Фиорелли заполнил его жидким гипсом. Когда раствор застыл, на поверхность извлекли четыре человеческие фигуры, на лицах которых застыл ужас.

По тому, как лежали жертвы, легко представить себе, что произошло на этой улочке. Впереди шла, видимо, пожилая женщина, неся все свои сокровища, которые она пытлась спасти: три пары золотых серег, свыше ста серебряных монет и два железных ключа от дома. Правая рука женщины сломана, левой она закрывает лицо, словно защищаясь от града камней. Здесь же, возле ее ног, погибла 14-летняя девочка, быть может, ее дочь. На некотором расстоянии от них археологи обнаружили скелет другой женщины, судя по железному колечку на правой руке, рабыни. Еще дальше — скелет раба огромного роста с железным кольцом на пальце и отчетливо видимыми сандалиями на ногах. С тех пор ученые используют метод Фиорелли всякий раз, когда это позволяет затвердевший пепел. Таким способом получены многочисленные отливки, которые ныне хранятся в Неаполитанском музее. Кроме того, во время помпейских раскопок найдено много скелетов, помогающих воссоздать отдельные эпизоды грандиозного стихийного бедствия.

В момент извержения Везувия жрецы Изиды пировали в храме. На столе перед ними были вина, хлеб, цыплята, рыба, яйца. Пиরущие сорвались с лож и начали лихорадочно собирать свои сокровища. В грубое льняное покрывало они завернули огромное количество золотых и серебряных монет, статуэтки Изиды, серебряную жертвенную посуду и другие ценности. Однако им не удалось далеко уйти — все были убиты градом камней, а сокровища храма рассыпались по мостовой. Другие жрецы погибли в прилегающих к святилищу хозяйственных строениях. Один из них с секирой в руках, пытаясь выйти наружу, прорубил две стены, но у третьей упал замертво, отравленный ядовитыми испарениями.

У римлян существовал своеобразный обычай справлять поминки в самой усыпальнице, где для этого имелась специальная комната, называемая *triclinium funebre*. Извержение Везувия застало в этой гробнице родичей только что похороненного помпейца в тот момент, когда они, расположившись на ложах, приступили к траурным.

В школе гимнастики и фехтования — так называемой палестре, — где находился огромный плавательный бассейн и часов-

ГИПСОВАЯ ОТЛИВКА СОБАКИ ИЗ ПОМПЕЙ

ня покровительницы молодежи богини Изиды, проходили обычные занятия и тренировки. Град камней и пепла загнал атлетов под крышу портика, окружавшего площадку. Но крыша провалилась, и многою юношей погибло. Жрец Изиды, пытаясь убежать с двумя серебряными ритуальными чашами, попал в бассейн, заполненный до краев пеплом, и, несмотря на страшные усилия, не сумел оттуда выбраться. Здесь и нашли его, скорчившегося в предсмертных судорогах.

Примерно то же самое произошло в казармах гладиаторов. Бойцы слишком поздно заметили, что здание скорее ловушка, чем убежище. Только тогда, когда помещения наполнились испарениями серы, а выходы завалила вулканическая масса, все бросились бежать, причем совсем забыли о двух своих товарищах, которые за какую-то провинность сидели в карцере, закованные в кандалы. Но было уже поздно. В двух учебных залах, где на стенах висело гладиаторское вооружение, погибло свыше 50 гладиаторов и одна женщина — возле нее нашли драгоценные украшения.

Не менее ужасное зрелище представлял собой прекрасный дворец около Дороги мертвых. Под колонным залом этого дворца находились обширные подвалы, заполненные огромными

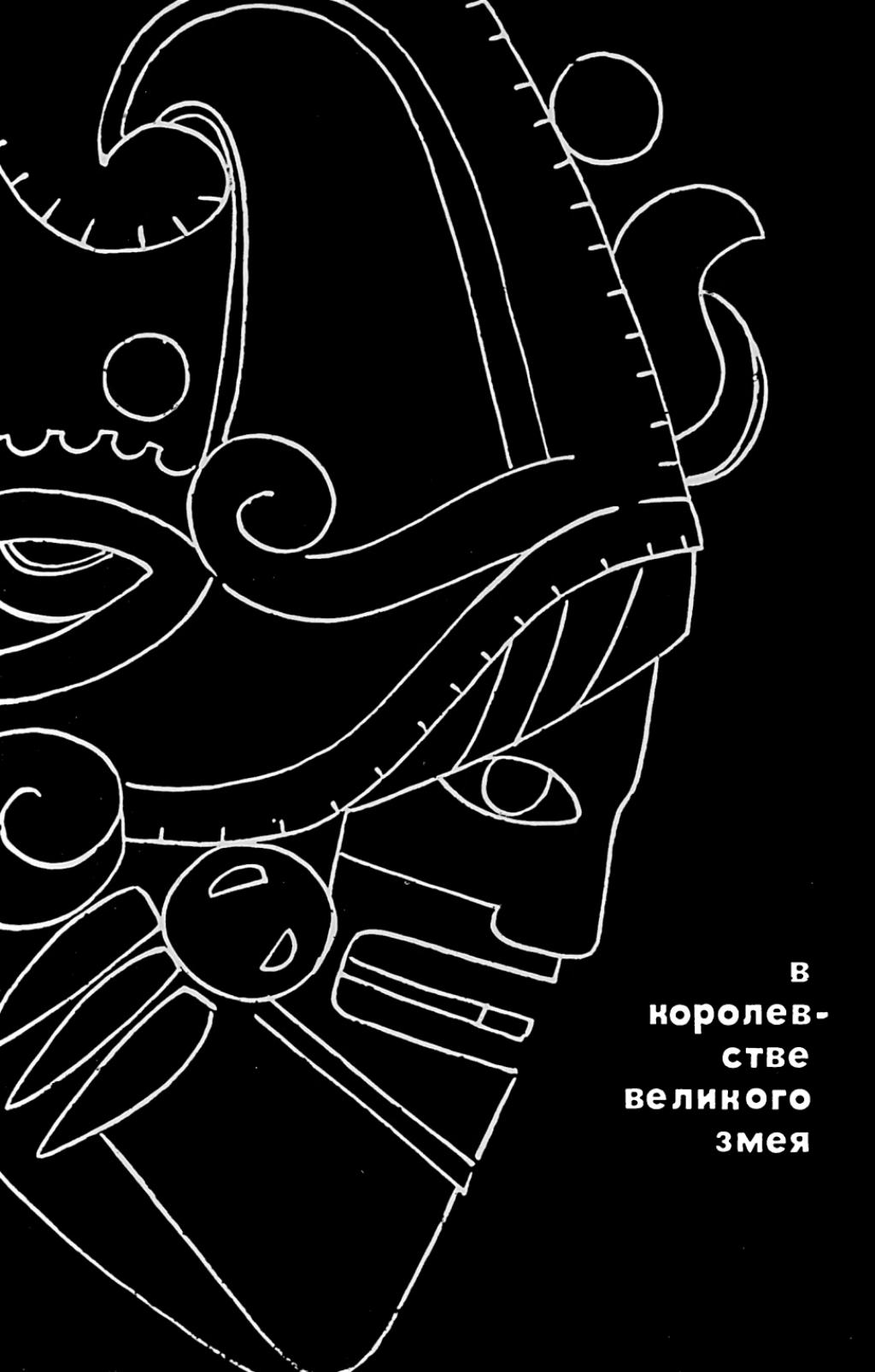
амфорами для вина. Хозяин дома укрылся там с семьей и многочисленными невольниками. Жена, держала на руках младенца, рядом с ней сидели старшие сын и дочь. Слуги принесли к подвал хлеб, фрукты и другие продукты, сумку, наполненную серебряными монетами, и большой мешок, в который сложили серебряный столовый сервиз.

Когда в подвал стали проникать испарения, несчастные домочадцы попытались выбраться на свежий воздух, но все выходы из подвала оказались засыпанными камнями и пеплом. И все 34 человека — семейство богача и рабы — упали мертвые среди амфор, равные перед лицом смерти. Археологи могли отличить господ от невольников только по драгоценным украшениям. Вместе с людьми погибла коза с медным колокольчиком на шее.

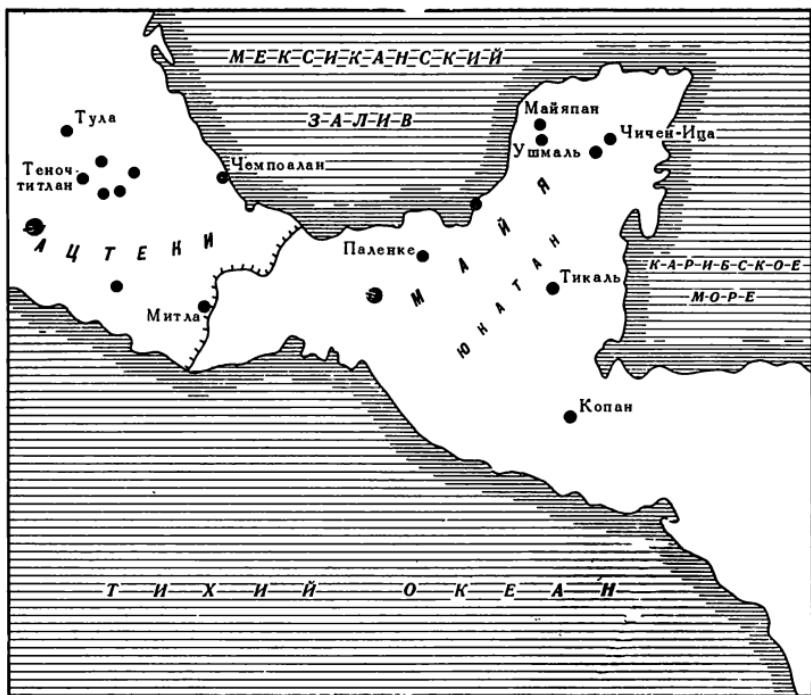
Подобные сцены можно было бы описывать бесконечно. В доме Паквия Прокла весело играло семеро детей. Их родители, вероятно, находились в это время в своих лавочках и мастерских. Когда началось извержение вулкана, несчастные мальчики, охваченные страхом, прижались друг к другу, ожидая спасения. Но прежде чем кто-то успел о них подумать, детишек раздавил потолок, который проломился под тяжестью пепла и камней.

В 1787 г. археологи наткнулись на явно обгрызанные кости женщины, разбросанные по небольшой комнате. Нахodka их озадачила, и, только обнаружив скелет собаки, ученые поняли, какая страшная трагедия здесь произошла. Собака пережила в тюрьме свою хозяйку и, борясь с голодной смертью, ела ее тело.

Своеобразным символом Помпей стала гипсовая отливка собаки, посаженной на цепь. Бедный пес, забытый среди общей паники в сенях одного дома, выбирался на поверхность растущего слоя пепла до тех пор, пока это позволяла цепь. Потом он упал навзничь и, вытянув лапы в предсмертных судорогах, издох. В Доме Фавна, в том самом, где мы с вами восхищались мозаичной картиной битвы при Иссе, под крышей портика, в перистиле, было найдено гнездо, а в нем — скелет голубки, которая сидела на яйцах. В одном из них находился скелетик невылупившегося птенца. Эта находка не столько ценна для археологии, сколько трогательна; она заслуживает внимания потому, что дает особенно яркое представление о необыкновенной судьбе города, сердце которого замерло неожиданно, словно остановленные часы.

в
королев-
стве
великого
змея

Эрнандо Кортес, сын обедневшего испанского дворянина из Эстрамадуры, смолоду был повесой и ловеласом, каких мало. Пьянками в компании таких же бездельников, скандалами и тайными амурными делами он в конце концов

**КАК КОРТЕС
ЗАВОЕВАЛ
СТРАНУ АЦТЕКОВ** так разозлил добропорядочных мещан, что ему пришлось, спасаясь от гнева городских блюстителей порядка, улепетывать во все

лопатки. В то время молодой испанский дворянин, попавший в немилость, имел возможность пуститься в богатые приключениями странствия. Ведь это был 1504 г.; после первой экспедиции Колумба не прошло и 12 лет. О золотых сокровищах Антильских островов ходили такие легенды, что от них могла закружиться голова не только у отчаянного Кортеса, но и у самого старого и почтеннейшего жителя Иберийского полуострова.

Кортес отправился в морское путешествие и высадился на острове Санто-Доминго. В 1511 г. он вместе с Веласкесом двинулся завоевывать Кубу, где прославился не только как бойкий рассказчик пикантных историй, но и как жестокий колонизатор, подавлявший малейшую попытку к сопротивлению островитян-индейцев.

Захватив остров, Веласкес стал его губернатором, а Кортес получил в собственность немало земель и золотые копи. Вскоре он сколотил себе солидное состояние «бог знает, ценой скольких жизней индейцев», как писал Бартоломе де Лас-Касас, испанский летописец XVI в.

Женившись, Кортес, возможно, дожил бы до конца своих дней, спокойно пожиная плоды труда рабов-индейцев, если бы не известие о новых открытиях, которое с быстротой молнии облетело остров.

В 1518 г. Хуан де Грихальва исследовал северный и западный берега Юкатана. От местных племен индейцев он узнал, что в глубине материка есть могущественная, многолюдная и богатая золотом страна ацтеков.

Губернатор Веласкес решил послать в эти места военную экспедицию, и Кортес путем закулисных интриг, пообещав взять на себя часть расходов, в конце концов добился того, что стал во главе отряда.

На Кубе, в портовом городке Сант-Яго, новоиспеченный адмирал армады снарядил шесть кораблей и завербовал три сотни солдат. Однако Веласкес пожалел о своем решении и отменил назначение. Зная строптивый и отчаянный характер Кортеса, губернатор вскочил на коня и помчался в порт, чтобы лично сместить его с поста командующего экспедицией.

Но в момент его прибытия Кортес поспешил поднял паруса и вышел в море, хотя экспедиция еще не была готова к путешествию: не хватало кораблей, солдат и, самое главное, — провианта.

Порвав с представителем власти, Кортес стал пиратствовать, чтобы обеспечить себя всем необходимым.

В порту Макака на Кубе он конфисковал все запасы продовольствия, опустошив даже королевские фольварки. В Тринидаде Кортес захватил торговый корабль с грузом, который только что прибыл из Испании. За эти проделки губернатор города хотел арестовать его, как обычного грабителя, но отчаянный адмирал направил на город пушки и пригрозил, что не оставит там камня на камне. Испуганный сановник убрался вовсюси и уже больше не спорил с опасным авантюристом.

В другом порту Кубы — Капе Сан-Антонио — армада, наконец, закончила последние приготовления и в феврале 1519 г. вышла в открытое море, взяв курс на Юкатан. Она состояла из 11 кораблей, на которых было 110 матросов, 566 солдат и 200 индейцев-носильщиков. Главной силой этой малой армии являлась кавалерия из 11 лошадей, но прежде всего — артиллерия, насчитывающая 10 тяжелых пушек и 4 легких бронзовых орудия. На вооружении пехоты были луки, пики, рапиры, 32 арбалета и 13 аркебуз.

Флотилия бросила якорь в устье реки Табаско на Юкатане, так как ее русло оказалось слишком мелким для кораблей. Кортес с частью экипажа двинулся на лодках в верховья реки, чтобы посетить столицу табасков. Грихальва рассказывал, что это индейское племя приняло его весьма дружелюбно.

Но Кортеса ждал неприятный сюрприз: с берегов реки, где в чаще манговых деревьев и лиан притаились сотни членов с индейцами, посыпались стрелы и камни. Вскоре шлюпки испанцев столкнулись с индейскими пирогами; воины прыгали в воду, не прекращая ожесточенной схватки.

Через некоторое время испанцам удалось выбраться на берег, откуда они начали стрелять из аркебуз. Грохот неизвестного оружия произвел на индейцев ошеломляющее впечатление. Они бросились врассыпную, и Кортес быстро занял их столицу.

Назавтра табаски собрали всю армию — несколько десятков тысяч воинов. Со страшными криками и свистом индейцы пошли в атаку; даже огонь из пастей пушек не мог сдержать нападающих, хотя земля была густо усеяна их трупами. В последний момент в тыл им ударила испанская кавалерия. Индейцы никогда в жизни не видели лошадей, поэтому при виде чудовищ, которые ржали и фыркали, они бросили оружие и разбежались в разные стороны.

Двух вождей, взятых в плен, Кортес послал к королю табасков, предлагая заключить мир. Вскоре явился сам король с многочисленной свитой. Он принес щедрые дары из золота, а также привел 20 индейских невольниц, среди которых находилась красавица Малингсин — испанцы называли ее Мариной — будущая переводчица, любовница и помощница Кортеса в покорении своих соплеменников.

Заключив мир с табасками, конкистадоры снова сели на корабли и 21 апреля 1519 г. разбили лагерь в том месте, где ныне лежит город Вера-Крус. Их окружали болотистые джунгли без конца и края, которые выделяли ядовитые испарения. К счастью, местные индейцы оказались более приветливыми и расторопными, чем табаски. Они моментально соорудили вокруг лагеря 1000 шалашей и побеспокоились о том, чтобы накормить гостей фруктами, овощами и жареной домашней птицей.

Вождь индейцев Техатлиле преподнес испанцам щедрые дары: хлопчатобумажные ткани, плащи, искусно расшитые перьями экзотических птиц, а также корзины, наполненные золотыми украшениями. Кортес попросил Техатлиле послать гонца к Монтесуме, властелину ацтеков, чтобы оповестить о прибытии испанцев, которые желают посетить его столицу.

Семь дней ждали конкистадоры ответа. Их окружала буйная тропическая растительность, насыщенная удущливыми запахами и влагой: манговые и раскидистые красные деревья, пальмы, высокий тростник и травы, извивающиеся, как змеи, лианы, усыпанные экзотическими цветами. В этих густых зарослях порхали колибри, переливаясь всеми цветами радуги, огромные бабочки и птицы с ярким оперением.

Тем временем во дворце Монтесумы шли непрерывные совещания. Столицу ацтеков Теночтитлан, которую позднее называли Мехико, охватило чувство страха и неуверенности. Властелин и придворные сановники никак не могли отважиться на какой-либо решительный шаг.

Почему же многочисленный народ воинов так испугался горстки пришельцев из-за моря? Виновником был бог ацтеков

Кецалькоатль. Ацтеки представляли его себе белым человеком с волнистой бородой, хотя сами растительности на лице не имели. Легенда утверждала, что белый бог прибыл из «страны, где восходит солнце» на крылатом корабле (сами ацтеки парусов не знали) и сошел на землю как раз в том месте, где разбил свой лагерь Кортес. Белый бог научил индейцев ремеслам и добрым обычаям, дал им мудрые законы и религию, а также основал страну, где выращивали хлопок различных цветов и кукуруза давала початки больше человеческого роста.

Исполнив свою миссию, белый бог возвратился туда, откуда прибыл. О его исчезновении у индейцев существовало несколько преданий.

Одно из них повествовало, что Кецалькоатль пал на колени перед шумящим Атлантическим океаном, горько заплакал и бросился в пылающий костер. Его пепел поднялся в воздух и превратился в стаю птиц, а сердце повисло в небе, как утренняя звезда.

По другому преданию, бог ночи, стремясь хитростью изгнать белого бога из Мексики, преподнес ему чашу, якобы наполненную эликсиром бессмертия. И действительно, напиток пробудил в боге такую непреодолимую тоску по родине, что он поплыл на крылатом корабле в сторону восходящего солнца.

Но о главном все легенды повествовали одинаково: бородатый бог предсказал появление белых завоевателей из-за моря, которые покорят все индейские племена и низвергнут богов, заменив их иноземным богом. Под впечатлением этого предания ацтеки легко поверили, что исполняется давнее пророчество. Белые пришельцы казались им существами из иного мира. Они владели громами и молниями и обуздали каких-то четвероногих чудовищ, а табасков, несмотря на их громадный численный перевес, разгромили, словно с помощью удивительных чар.

Сохранились письменные источники, из которых неопровергжимо следует, что вера в приход белого бога являлась одной из причин легкого завоевания ацтеков и перуанских инков. Эта вера лишила их воли к борьбе и повергла в уныние военный совет, возглавляемый Монтесумой. Вместо того чтобы объединить все свои силы и одним ударом покончить с горсткой наглых завоевателей, властелин ацтеков решил вести переговоры. Направленное им посольство должно было щедрыми дарами задобрить грозных иноземцев, наглядно показать им богатство и могущество ацтеков и, припугнув их этим, передать запрещение приближаться к столице.

Посольство состояло из нескольких сановников; за ними следом шло 100 рабов, нагруженных дарами. Послы были облачены в ниспадающие, богато вышитые одежды, на их головах возвышались пестрые сultanы из перьев попугаев. Руки, ноги, шея и уши каждого были сплошь увешаны украшениями из золота.

Кортеса они приветствовали поклонами, касаясь пальцами по очереди то земли, то своих висков. Рабы разожгли благовония из экзотических растений и разложили на матах дары Монтесумы: щиты, шлемы, оружие, ожерелья и браслеты — все из чистого золота, султаны, жемчуг и драгоценные камни в огромном, ошеломляющем количестве, золотые и серебряные статуэтки изумительной работы, искусно вышитые хлопчатобумажные одеяния, тонкие, как шелк, но — самое главное — две золотые плиты, круглые и большие, как мельничные жернова, покрытые богатыми рельефными изображениями растений и животных.

Дары превзошли самые смелые ожидания конкистадоров и, вместо того чтобы вселить в них робость, как предполагал Монтесума, разожгли в них необузданную алчность. Кортес вежливо, но решительно отклонил требования Монтесумы, заявив, что он прибыл сюда как посол испанского императора и не может не выполнить поручение своего повелителя.

На следующий день, на рассвете, испанцы заметили, что индейцы, которые обычно готовили им пищу, исчезли. Угрюмая тишина не предвещала ничего хорошего и свидетельствовала о том, что требованиями Монтесумы нельзя пренебрегать. Ведь это по его приказу они оказались на безлюдье, покинутые туземцами и обреченные на голодную смерть в убийственном климате малярийных джунглей.

Кортес стоял перед трудной проблемой. Вернуться на Кубу, как этого все настойчивее требовали солдаты? Но там его ожидала виселица. С другой стороны, забираться в глубь страны с многомиллионным населением вопреки воле ее властелина было бы явным безумием.

Когда положение стало совершенно безвыходным и Кортес, уступая требованиям своей армии, уже хотел вернуться на корабли, неожиданно под треск барабанов и писк дудок появилось большое посольство. Эти индейцы говорили совсем на другом языке и только двое знали язык ацтеков. Они сказали, что являются послами короля тотонаков, столица которого — Семпоала — находится на севере Мексиканского залива.

Покоренные могущественными ацтеками, тотонаки вынуждены были терпеть их гнет, но не теряли надежды, что обретут утраченную независимость. Их король, прослушав об удивительной победе заморских иноземцев над воинственными табасками, приглашал их к себе и предлагал союз против общего врага. Кортес обеими руками ухватился за эту возможность и быстро повел войско в Семпоалу, убежденный, что государство ацтеков, которое — как это выяснилось — представляло собой конгломерат покоренных и всегда готовых восстать племен, можно будет легко завоевать.

Семпоала насчитывала около 30 тыс. жителей. Город был живописно расположен среди холмов, садов и кукурузных

полей. Побеленные хижины сияли на солнце, словно серебряные. На центральной площади поднималась к небу белая пирамида с террасами, а на ее вершине виднелся деревянный храм.

Жители встретили испанцев гирляндами цветов, а король, высокий, плотный индеец в парадном облачении, принял их очень милостиво, одарив драгоценными украшениями и красивыми тканями. Он не только пообещал дать испанцам подкрепление в количестве 100 тыс. воинов, но и сообщил им о других врагах ацтеков — тласкаланцах, на помощь которых также можно было рассчитывать,

Ситуация складывалась весьма благоприятно для Кортеса, но солдаты волновались. Большая группа недовольных устроила заговор, готовясь захватить корабли и возвратиться на Кубу. Кортес пронюхал об этом, зачинщиков приговорил к смерти, а сам решился на невероятно отважный шаг. Он приказал «сжечь за собой и своим войском мосты»: велел разобрать корабли, их деревянные корпуса предать огню, а железные части, такелаж и паруса спрятать.

Основав на месте высадки укрепленный лагерь и назвав его Вилья-Рика де Вера-Крус, т. е. «Богатый город истинного креста», Кортес начал поход в глубь континента, захватив с собой 1500 воинов-тотонаков. Так как особенностью индейской цивилизации было то, что она не знала колеса и выночных животных, багаж и пушки несли тысячи индейцев-носильщиков. Этот поход начался 16 августа 1519 г.

Вначале шли по низинным тропическим джунглям, среди кустов ванили и какао, где порхали попугаи, колибри и разноцветные бабочки. Но уже через несколько дней пришлось подниматься по склонам плоскогорья, затем появились первые дубы — предвестники нагорного пояса умеренного климата. Перед глазами пришельцев предстали уходящие высоко в небо горные цепи. Справа простирался поросший лесом мощный горный массив Сьерра-Мадре, на юге сиял своей снежной вершиной одинокий гигант Анд — вулкан Орисава, почитаемый туземцами как божество.

Индейцы, которые встречались по пути, приветствовали армию Кортеса очень дружелюбно. В долинах и на плоскогорьях конкистадоры увидели людные городки с непременной пирамидой, мирные селения, поля золотистой кукурузы, алоэ и кактусов. Это был край, который буйно расцветал под живительными лучами горного солнца.

Спустя еще несколько дней тропа привела их в страну грозных вершин и ущелий. Солдаты и носильщики взбирались вверх, стараясь не смотреть вниз, где на дне глубоких оврагов бесновались кипящие потоки. Дожди и ледяные ветры, град и снег страшно измотали испанцев и особенно индейцев, одетых совсем легко.

По совету тотонаков, Кортес направился в страну тласкаланцев. Эти извечные враги ацтеков непрестанно боролись с ними за свою независимость, поэтому Кортес рассчитывал на их вооруженную помощь. Однако его встретила неприятная неожиданность. Как только конкистадоры оказались в пределах их границ, небольшой отряд воинов напал на испанцев с такой яростью, перед которой побледнело неистовство табасков. Мужество новых врагов, их презрение к смерти сильно встревожили Кортеса. Но больше всего его удивило то, что тласкаланцы не испытывали никакого страха к лошадям. Хотя индейцы видели их впервые в жизни, они смело бросались на наездников, стаскивали их с седел и даже убили двух скакунов своеобразным оружием — деревянными палицами с острыми, как бритва, шипами из вулканического стекла, так называемого обсидиана. И неизвестно, чем кончилось бы это столкновение, если бы выстрелы из аркебуз и пушек не остановили нападающих.

На другой день утром, преследуя этот отряд индейцев, конкистадоры попали в какое-то ущелье. Их поразило небывалое зрелище — перед ними, куда ни глянь, стояли тласкаланцы. Среди воинов, разрисованных бело-желтыми полосами, выделялись вожди. Золотые или серебряные шлемы и оружие, раззывающиеся пестрые султаны, но прежде всего переливающиеся всеми цветами радуги плащи из перьев — все это варварское великолепие делало их похожими на надменных экзотических птиц. Над армией колыхался лес пик, а также регалии отдельных отрядов — изображения зверей. Впереди стоял индеец огромного роста и держал на древке эмблему государства тласкаланцев — золотого орла, усыпанного жемчугом и сапфирами.

Кортес сразу понял, насколько примитивной и наивной была тактика тласкаланцев. Сбившись в ущелье, армия, естественно, не могла развернуться и, как следует, использовать свое численное превосходство. Поэтому он сокрушенной колонной ворвался в самую середину вражеского войска. Тактика оказалась правильной; хаос битвы, правда, поглотил испанцев, как бушующее море, но индейские воины в страшной тесноте оказались почти беспомощными.

Закованные в железо, испанцы медленно прорубались сквозь толпу воинов, пока не выбрались на открытое место по другую сторону ущелья, откуда они начали крошить врагов частыми залпами. Тласкаланцы, понеся серьезные потери, покинули поле боя.

На третий день путь испанцам преградила еще более многочисленная армия. Кортес окопался на пригорке и решил применить оборонительную тактику. Индейцы стремительно бросились в атаку, но и на этот раз шли беспорядочной толпой без какого-либо стратегического плана. Их стрелы из луков и камни

из пращей попадали в редуты или скользили по шлемам и кирасам испанцев. Часто падали только воины союзников — тотонаков.

Но вот загрохотали пушки и аркебузы. Тласкаланцы валились как снопы, а когда остальное войско, напуганное потерями, стало отступать, на них вихрем налетел кавалерийский отряд, рубя и топча бегущих в панике воинов.

Целый день и всю следующую ночь индейцы с беспримерным мужеством возобновляли атаки, но каждый раз откатывались назад. Решающую роль тут сыграли более продуманная тактика, дисциплинированность испанцев и неизвестное индейцам огнестрельное оружие. Вскоре среди индейских вождей начались разногласия, некоторые из них, обескураженные неудачей, собрали свои отряды и покинули поле боя.

Когда Кортес предложил заключить мир, тласкаланцы охотно согласились; более того, они пригласили испанцев в свою столицу. И вот — о диво! — их враждебность ни с того, ни с сего сменилась импульсивной дружбой. Жители города вышли встретить недавних врагов с охапками цветов, на шеи коней и солдат вешали гирлянды, а жрецы в белых туниках окуривали их благовониями.

В городе слышались громкие крики, музыка, пение и треск барабанов. Над узкими улицами колыхались фестоны, сплетенные из неведомых испанцам цветов. Старый король Шикотенкатль обнял Кортеса и пригласил пришельцев на пиршество.

Город окружало кольцо могучих гор, покрытых вечными снегами. Улицы были узкие и крутые. Дома, построенные из известняка, не имели ни окон, ни дверей. Вход закрывали узорные ткани, обвешанные звоночками, серебристые переливы которых разносились по всему городу. Туземная аристократия и придворные сановники жили во дворцах из тесаного камня. В центре города возвышалась пирамида с храмом бога войны, которому тласкаланцы ежедневно приносили человеческие жертвы — преимущественно военных пленников.

Полвека они воевали с ацтеками, защищаясь от их хищной агрессивности. Терпя поражение за поражением, ацтеки, наконец, применили против них тактику экономической блокады и отрезали даже подвоз соли. Тласкаланцы до такой степени от нее отвыкли, что уже в период испанского владычества еще несколько поколений этих индейцев не солило пищу.

Весть о поражении тласкаланцев, а еще больше об их грозном союзе с иноземцами привела Монтесуму в ужас и совершенно лишила короля отваги. Ему пришла в голову нелепая мысль: ценой огромного количества золота склонить конкистадоров к тому, чтобы они разорвали союз и прекратили поход на Теночтитлан. Встретив отказ, он попросил испанцев направиться в город Чолулу, где подготовил им квартиры.

В городе Чолуле, религиозной столице ацтеков, находился храм уже известного нам бога Кецалькоатля, являвшийся местом паломничества всех индейцев Мексики. Испанцы отмечали, что город был прекраснее Флоренции, и это в какой-то степени подтверждают руины, сохранившиеся там до наших дней. Громадная пирамида, на которой стоял храм, и ныне вызывает изумление. Ее основание намного больше основания пирамиды Хеопса, хотя само сооружение было несколько ниже.

Город живо напоминал Мекку, Иерусалим или средневековый Рим. С утра до вечера по его улочкам лились нескончаемые потоки странников и нищих, жрецов и монахинь. Над городом возносилось к небу 400 храмовых башен, на вершинах которых пылал вечный огонь. С пением и кадилами ежедневно по городу двигались процесии.

Испанцы вместе с тотонаками и тласкаланцами расположились во дворе одного из храмов. Однажды Марина узнала от жены городского сановника, что против пришельцев по приказу Монтесумы готовится заговор.

Кортес решил ударить первым и составил дерзкий план истребления аристократии Чолулы, чтобы таким образом лишить город его вождей. Он пригласил к себе всех сановников под предлогом сообщения им важных известий. Как только они собрались во дворе, вооруженные испанцы неожиданно напали на них, и началась резня. Крики ужаса вырвались из грудей безоружных индейцев. Охваченные отчаянием, одни бросались с голыми руками на конкистадоров, другие бегали по двору, пытаясь найти выход из страшной ловушки. Но ни одному из них не удалось избежать смерти. Испанцы, измазанные кровью и задыхающиеся, как шакалы, бросились на трупы, сдирая с них драгоценности и одежду.

Вопли несчастных подняли на ноги весь город. Огромная толпа окружила двор и пыталась прорваться внутрь. Испанцы ответили залпами из пушек и аркебуз. При виде трупов толпа обратилась в бегство. Тогда из ворот вырвалась конница, лавиной двинулись конкистадоры и их союзники — индейцы. Они рубили направо и налево. Целый день испанцы грабили дома и храмы, сжигая то, чего не могли унести, и возвращались в свои квартиры, нагруженные добычей. К вечеру от цветущего города остались только руины.

Через две недели после этих событий конкистадоры двинулись дальше. Теперь дорога лежала через перевал горного хребта, окружающего долину Мексики. С каждым шагом воздух делался все более разреженным — становилось трудно дышать. Ледяной ветер пронизывал до мозга костей. По бокам высился горы североамериканского континента — вулканы Попокатепетль и Ихтаксигуатль.

Поднявшись на перевал, испанцы не поверили собственным глазам. Из грудей вырвались возгласы восхищения: «Вот она — земля обетованная!» Долина Мексики, названная индейцами страной Анагуак, производила неизгладимое впечатление. В кристально чистом воздухе, пронизанном яркими лучами солнца, виднелась, как на ладони, цветная мозаика небольших полей, садов, лесов и ярко-голубых озер. Посредине самого большого озера, словно на полированной глади хрустального зеркала, в тени бесчисленных пирамид лежала белоснежная столица ацтеков — Теночтитлан — «Венеция Запада», как сразу же называли ее конкистадоры.

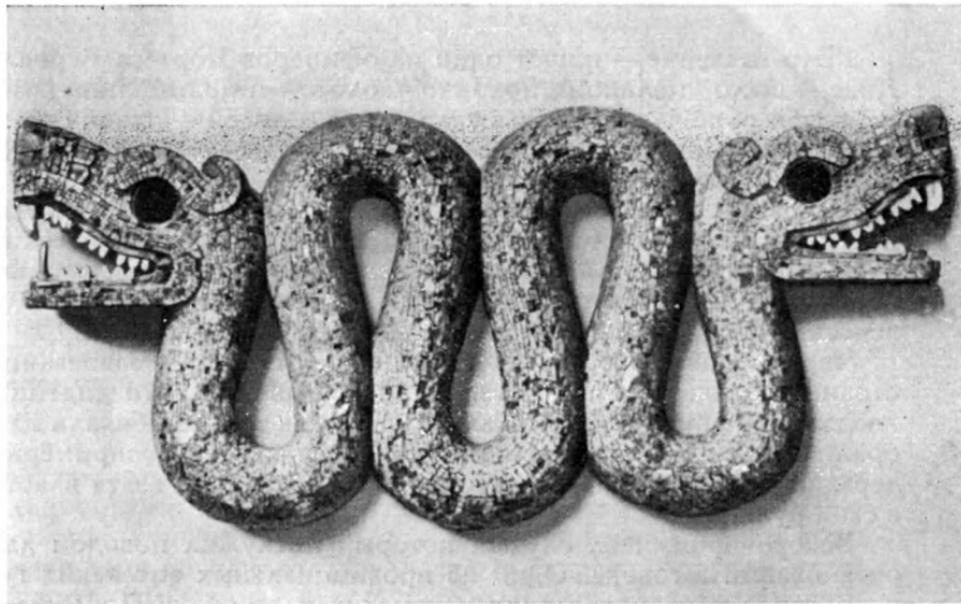
8 ноября 1519 г. армия испанцев и их союзников направилась к городу. Озеро Тескоко перерезала ровная, как стрела, плотина, построенная из камней и песка. С обеих ее сторон плыли бесчисленные пироги, нагруженные всевозможными товарами. В конце плотины, окруженный сановниками в парадных одеяниях, их ожидал, сидя в золоченом паланкине, сам Монtesума. Это был мужчина около 40 лет, высокого роста, с лицом хищной птицы. На его голове разевался огромный головной убор из пурпурно-зеленых перьев, усыпанный жемчугом и бирюзой. Плащ Монtesумы представлял собой настояще чудо ремесленного искусства: тысячи перьев всех цветов радуги сливались в ослепительно богатый орнамент. Весь царский наряд блестал золотом и драгоценными камнями. Даже подошвы его башмаков были сделаны из золота.

Монtesума приветствовал Кортеса с изысканной учтивостью и подарил ему нитку шлифованного хрусталя, который ценился у ацтеков дороже золота. Потом он повел испанцев в город. Войско развернуло знамена и под звуки труб и грохот барабанов вступило в предместье. Толпы индейцев, собравшиеся на улицах и плоских крышах домов, смотрели на иноземцев с любопытством и беспокойством.

Наконец колонна остановилась на главной площади города. С одной стороны им бросилась в глаза огромная пирамида; рядом с ней гордо возвышался обширный комплекс дворцов Монtesумы, построенный из тесаного камня. На противоположной стороне находилась большая резиденция отца нынешнего властелина, окруженная мощной крепостной стеной. Монtesума ждал гостей во дворе, чтобы лично разместить их по квартирам.

На другой день Кортес в сопровождении самого короля посетил со своими офицерами пирамиду. Сооружение было возведено в центре просторной площади, замкнутой оборонительной стеной с башенками и бойницами. Здесь на случай народного бунта всегда находились воинские отряды карателей.

Пирамида состояла из пяти ярусов с террасами. На вершину, где виднелись два храма, похожие на деревянные башни, вели очень крутые лестницы, насчитывавшие 340 ступеней.

НАГРУДНИК В ВИДЕ ДВУХГОЛОВОЙ ЗМЕИ, ОРНАМЕНТИРОВАННЫЙ БИРЮЗОВОЙ МОЗАИКОЙ

Входил в число сокровищ вождя ацтеков Монтесумы, переданных им Эрнандо Кортесу и посланных последним императору Карлу V. Хранится в Британском музее в Лондоне

На головокружительно высокой вершине пирамиды Монтесума взял Кортеса под руку и пояснил ему детали открывавшейся оттуда панорамы. В столице ацтеков насчитывалось 300 тыс. жителей — она являлась в то время одним из крупнейших городов мира. (Лондон имел тогда 200 тыс. жителей). Вдоль берега озера раскинулись другие города, поменьше, среди которых выделялся величиной Тескоко. Все эти города были теснейшими узами связаны между собой, так что по сути дела население Теночтитлана достигало 3 млн. жителей.

Вот как выглядел город с высоты птичьего полета: Теночтитлан лежал в центре озера на овальном острове, соединенном с материком тремя плотинами, пересекаемыми каналами, с переброшенными через них разводными мостами. Кроме того, через озеро к городу тянулся большой акведук с терракотовыми трубами, по которым текла вода с соседних гор, так как озеро было соленым. Испанцы с беспокойством заметили, что город может стать ловушкой и, в случае вооруженного конфликта, из него нелегко будет выбраться.

Перед храмом торчал огромный монолит из красной яшмы, на котором в жертву богам закалывали людей. Внутри одной храмовой башни находился бог войны Уицилопочтль — огромный и уродливый идол, вечно алчущий человеческой крови.

«Это изваяние, — пишет один из офицеров Кортеса Берналь Диас, — было целиком покрыто золотом и драгоценностями. В правой руке чудовище держало лук, а в левой — пучок стрел. На шее огромного идола висело ожерелье из человеческих черепов, инкрустированных сапфирами».

Но самое жуткое впечатление производила чаша, стоявшая перед статуей, на которой все еще дымились три человеческих сердца. А у подножья пирамиды испанцы увидели деревянное сооружение из гигантских лестниц, где насчитали 136 тыс. человеческих черепов, аккуратно нанизанных на перекладины.

Через неделю Кортес начал вынашивать планы завоевания страны и захвата ее богатств. По опыту он знал, что индейцы впадали в панику и прекращали борьбу, как только убивали или брали в плен их вождя. Поэтому он решился на беспримерно дерзкий шаг: схватить Монтесуму и от его имени взять власть в свои руки.

Вскоре произошел случай, который послужил поводом для организации заговора. Один из провинциальных ацтекских губернаторов убил нескольких испанских пленников. Побежденный в сражении, он сознался под пытками, что сделал это по наущению Монтесумы. Тогда Кортес во главе нескольких испанцев ворвался во дворец, обвинил короля в измене и под воли и рыдания всего двора увел его в свой лагерь. Он лично заковал властелина ацтеков на несколько часов в кандалы; в это время на площади жгли на костре несчастного губернатора.

Но даже испытав такой позор, Монтесума не призвал народ к борьбе. Более того, когда на площади стали собираться толпы обеспокоенных подданных, он показался на крепостной стене и начал уверять их, что пришел к своим гостям добровольно. Страх перед пришельцами лишил его не только мужества и чувства собственного достоинства, но и обычного разума.

Покорность властелина и пассивность жителей привели к тому, что конкистадоры совершенно распоясались. Вскоре они вынудили Монтесуму выдать им всю ацтекскую сокровищницу якобы в качестве дани испанскому императору. Но верхом наглости была перестройка одного из храмов в католическую часовню, когда испанские наемники на глазах всего города столкнули статую бога со ступеней пирамиды.

В мае 1520 г., т. е. через шесть месяцев, после того как Кортес прибыл в столицу, из Вера-Крус пришло тревожное известие. Там высадился корпус испанцев во главе с Нарваесом, которого послал губернатор Кубы Веласкес, чтобы схватить Кортеса и вырвать у него добычу.

Кортес передал командование в руки Альварадо, а сам, не мешкая, в сопровождении 233 солдат двинулся против нового врага. Нарваес вступил в столицу тотонаков и укрепился на вершине пирамиды. Но это был офицер бездарный и нереши-

тельный. Под покровом ночи, во время тропической бури и лизня, войско Кортеса подкралось к пирамиде и неожиданно захватило позиции неприятеля. Нарваес был тяжело ранен, а солдаты — 1200 пехотинцев и 100 кавалеристов — сложили оружие. Кортес не скучился на подарки и обещания — и всех солдат перетянул на свою сторону, значительно усилив свою армию.

Едва он успел уладить эти дела, как от Альварадо прибыл гонец со страшной вестью. В Теночтитлане вспыхнуло восстание. Разъяренные жители загнали испанцев в их квартиры и отрезали подвоз продуктов. В любую минуту индейцы могли начать штурм и перебить осажденных.

Что же произошло? По случаю большого торжества в честь бога войны на площади возле пирамиды собралось 600 высоких ацтекских сановников, чтобы отметить ежегодный праздник традиционными обрядами — пением и шествиями. Альварадо дал знак — конкистадоры напали на безоружных людей и вырезали их всех до одного. Потом стали сдирать с трупов драгоценности. Злодеяние ничем не было спровоцировано, причиной зверства наемников явилась мерзкая жажда убийств и грабежа.

Кортес форсированным маршем поспешил на помощь осажденным и 24 июня того же года вступил в город. На опустевших улицах и площадях царила зловещая тишина. По странному стечению обстоятельств никто даже не попытался помешать объединению двух армий.

Но едва Кортес успел закрыть за собой ворота, как в городе раздались грозные возгласы. Через минуту к крепостным стенам, словно надвигающаяся буря, стали приближаться громадные толпы индейцев, вооруженных до зубов. Прилегающие улицы, крыши и даже пирамида были запружены мужчинами, женщинами и детьми. На осажденных сначала посыпался град камней, а затем ацтекские воины в небывалом беспорядке, отталкивая друг друга, начали напирать на стены, не обращая внимания на то, что залпы пушек и аркебуз опустошают их ряды.

Испанцы не понесли серьезных потерь, но ярость штурмующих вселила в них страх. Кортес то и дело предпринимал вылазки с кавалерией и пехотой, но по существу это был сизифов труд. Индейцев топтали лошадьми, рубили мечами — они отступали, но через минуту возвращались снова, обеими руками хватались за коней, стаскивали с седел всадников. Взятых живьем они немедленно отводили к алтарю бога войны и закалывали. Воды каналов и озера бурлили от заполнивших их пирог с воинами. На плотинах ацтеки разрушили мосты и построили баррикады, отрезав испанцам путь к отступлению. Кортес рвал и метал, чувствуя собственное бессилие, затем он приказал жечь дом за домом, квартал за кварталом. Вскоре весь город превратился в море огня.

В конце концов он понял, что единственная возможность уцелеть — это заключить перемирие и покинуть город. Кортес обратился к Монтесуме с просьбой помочь ему в этом деле. Повелитель ацтеков, то ли желая спасти столицу от окончательного уничтожения, то ли совершенно потеряв голову от страха, не отказал в посредничестве.

Облачившись в самый лучший королевский наряд, он появился на крепостной стене и елейным голосом приказал своему народу прекратить борьбу. Но повстанцы уже потеряли всякое уважение к королевскому сану Монтесумы. Над площадью разнесся всеобщий рев негодования, посыпались оскорблении. Монтесуму забросали камнями. Один из камней попал ему прямо в лоб, и смертельно раненный король упал на землю.

Последние минуты своей жизни Монтесума провел в одиночестве и отчаянии. Он срывал с себя повязки, отказывался от пищи, с нетерпением и тоской призывая смерть. Испанцы выдали тело Монтесумы ацтекам, и до сих пор неизвестно, где он похоронен.

Как только наступили безлунные ночи, Кортес решил тайком вырваться из ловушки. Индейцы не имели обыкновения выставлять в спящем городе караулы, поэтому замысел мог увенчаться успехом. По заранее приготовленному переносному мосту испанцы и их союзники-индейцы уже успели перейти первый канал, пересекающий плотину, и приближались как раз ко второму, как вдруг какая-то индианка, занятая стиркой, несмотря на позднюю пору, заметила их в темноте и подняла тревогу.

С жителей моментально слетел сон, и они бросились в погоню за беглецами. Плотину заполнили толпы воинов, на озере показались пироги — и закипела битва. В растянувшуюся колонну завоевателей полетел смертоносный град стрел и камней. Воины с пирог стягивали испанцев в воду и брали их живыми на жертвы ацтекским богам.

Захватчики отчаянно защищались, но потери росли с каждой минутой. От окончательного разгрома их спасли сокрушительные атаки конницы, а также залпы орудий, которые разбивали пироги в щепки и сметали индейцев с узкой плотины. Воспользовавшись минутным замешательством, испанцы бросились в воду, чтобы вплавь добраться до берега, где они могли маневрировать с большей свободой. После сражения войско Кортеса представляло собой жалкую толпу окровавленных и ободранных недобитых завоевателей. Испанцы потеряли почти третью часть солдат, а тласкаланцы свыше 5 тыс. воинов. Среди тех, кто вышел живым из битвы, не было ни одного без легкой или тяжелой раны. Пропали все пушки и аркебузы, много арбалетов и большая часть лошадей. На дно озера пошло также все золото ацтеков, которое испанцы поделили между собой перед битвой и пытались вынести из города.

Кортес направился в столицу тласкаланцев. Через несколько дней конкистадоры стали взбираться на склон горного хребта, отделявшего их от страны тласкаланцев. Поднявшись на перевал, они остановились, словно пораженные громом. Вся долина Отумба была запружена ацтекскими воинами, одетыми в ватные панцыри из белой ткани. Издали казалось, что долина за-валена снегом.

Над головами индейцев возвышались копья, военные регалии и пестрые султаны; на вождях красовались странные шлемы, изображающие головы зверей.

Испанцы и тласкаланцы, встреченные оглушительным воплем и свистом, решили, что пробил их последний час. В отчаянии, желая дороже продать свою жизнь, конкистадоры врезались в самый центр этой плотной человеческой массы. Их вел Кортес на своем коне, следом за ним двигались испанские наемники, пробивая себе путь рапирами, пиками и стилетами. Колонну замыкали тласкаланцы, вооруженные страшными палицами с острыми шипами из обсидиана.

Вожди ацтеков не извлекли никакого урока из предыдущих битв с иноземцами и с непонятным безрассудством снова допустили тактическую ошибку, от которой не убереглись тласкаланцы, а вслед за ними и они сами в уличных сражениях в Теночтилане. Сбившись в замкнутой, тесной долине, ацтеки не могли использовать своего численного превосходства и одновременно бросить в атаку тысячные отряды своих воинов. Битва свелась к отдельным поединкам, в которых индейцы не справились с конкистадорами, закованными в железо и отлично владевшими рапирами. Несмотря на это, горстка обреченных в конце концов была бы раздавлена под натиском превосходящих сил врага. У солдат уже не слушались руки, многие из них получили серьезные раны и едва держались на ногах. Даже Кортес упал с убитого коня и сильно ушибся. Массы ацтеков продолжали насыдеть, испанцам угрожал полный разгром.

В последнюю минуту Кортес заметил нечто такое, что влило в него новые силы: поблизости, окруженный свитой, стоял главный вождь армии ацтеков. Кортес узнал его по громадному султану на золотом древке. Он бросился к вождю и, прежде чем успели ему помешать телохранители, пробил его пикой, а у знаменосца вырвал из рук государственный флаг.

И снова повторилось явление, столь характерное для индейских племен того времени: тотчас же свита и телохранители разбежались в разные стороны, а среди воинов, только что демонстрировавших образцы дисциплины и беззаветной отваги, началась паника, она ширилась, как степной пожар, заражая самых храбрых. Ацтеки бросились врассыпную, покидая поле боя. Так, 8 ноября 1520 г. испанцы одержали в Мексике самую крупную победу.

В стране тласкаланцев Кортес сразу же стал готовиться к новому походу против ацтеков и с этой целью послал в Веракрус за подкреплением. Тем временем среди ацтеков вспыхнула эпидемия черной оспы, привезенная завоевателями из Европы. Жертвами болезни оказались тысячи индейцев и среди них вождь восстания Куитлауак, брат Монтесумы. И хотя его преемник Куаунтемок¹ объявил священную народную войну, стараясь привлечь на свою сторону даже тласкаланцев, отдельные города и племена наперегонки присыпали Кортесу заверения в своей лояльности, подписывая тем самым приговор и себе и своим соотечественникам.

Судьба, казалось, улыбалась Кортесу. Отовсюду стали приходить подкрепления, которых он даже не ожидал. В порту Веракрус бросил якорь посланный Веласкесом корабль с Кубы, на борту его имелось большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Отряд из 100 солдат-пехотинцев и 20 кавалеристов, направленный губернатором Ямайки для завоевания Юкатана, немедленно перешел на сторону Кортеса. Какой-то судовладелец продал ему свой корабль вместе с грузом оружия, а экипаж присоединился к конкистадорам. Уже во время блокады Теночтилана в Веракрус прибыло, неизвестно откуда, еще три корабля с отрядами из 200 солдат и 70 конников.

В результате этих событий армия Кортеса стала сильнее, чем когда бы то ни было, она состояла теперь из 818 солдат-пехотинцев (из них 118 были вооружены арбалетами и аркебузами), 110 кавалеристов, 75 тыс. тласкаланских воинов и имела три больших железных орудия и 15 легких бронзовых пушек, так называемых фальконетов.

Кортес помнил, как их сильно потрепала флотилия ацтекских пирог, поэтому решил противопоставить ей свой собственный флот. Он приказал построить 13 парусных бригантина, использовав такелаж, паруса и железные части сожженной армады.

Вскоре на ацтекских повстанцев обрушился страшный удар: союзник и брат — город Тескоко, лежащий напротив Теночтилана, на берегу того же озера, в результате династических интриг предложил Кортесу союз и пригласил его к себе. Таким образом, благодаря измене в самом ацтекском государстве, конкистадоры получили базу почти под боком у столицы.

Транспортировка тяжелых бригантина из столицы тласкаланцев в Тескоко через высокогорные перевалы на расстояние в 100 километров — случай беспримерный. И совершили это тысячи индейских носильщиков под охраной 20 тыс. тласкаланских воинов.

¹ По другим источникам, Кватимосин.

В течение нескольких месяцев Кортес старался окружить Теночтилан кольцом блокады — его люди заняли все близлежащие городки и селения, разрушили акведук, и город оказался без воды. Готовясь к штурму, Кортес разделил свою армию на три оперативные группы, которые должны были одновременно форсировать три плотины, соединявшие город с материком.

Куаунтемок организовал хорошо продуманную оборону. Плотины он укрепил рвами, баррикадами и редутами, защищаемыми с фланга громадным количеством воинов на пирогах.

Кортес предпринимал атаку за атакой, но всякий раз завоеватели отступали под градом камней и стрел, устилая плотины трупами. Вскоре ситуация изменилась в пользу конкистадоров. Из Тескоко прибыла флотилия бригантина. Неожиданное появление огромных лодок с белыми парусами, которые с неимоверной скоростью резали поверхность озера, вызвало среди индейцев изумление и ужас. Бригантины стремительно налетали на утлыя челны индейцев, поливая их огнем из фальконетов и мушкетов. Озеро тотчас же покрылось трупами и остатками разбитых в щепки пирог.

Разгром ацтекской флотилии открыл фланги и тылы возвезденных на плотинах баррикад.

Окруженные со всех сторон, ацтекские воины защищались, правда, с исключительной храбростью, но не могли сдержать атак и гибели. Кортес одну за другой захватывал баррикады, продвигаясь вдоль плотин к столице.

В городе испанцам пришлось брать приступом каждый дом и каждую пирамиду. Нередко они попадали в ловушки. С крыш, с вершин пирамид — со всех сторон — мужчины, женщины и дети засыпали их камнями и стрелами из луков. Завоевателям пришлось поспешно отступить, оставив трупы людей и лошадей.

Не имея возможности сломить народное сопротивление, Кортес приказал поджечь город и уйти на середину плотин. Пожар превратил дома в пылающие факелы, разбрасывающие миллионы искр. Отважным жителям казалось, что наступил конец света. Шатаясь от голода и усталости, они, как привидения, бродили по городу и вдоль каналов, переполненных трупами. С вершин пирамид доносились мрачные заклинания жрецов и глухая дробь военных барабанов.

Как-то ночью испанцы схватили вождя повстанцев Куаунтемока, когда тот пытался на пироге выскользнуть из осажденного города. Кортес принял его с почетом и заверил, что отнесется с уважением к его королевскому сану. Куаунтемок обратился к Кортесу с просьбой, чтобы он позволил жителям покинуть город и поселиться в окрестных деревнях.

На рассвете из дымящихся руин высыпали жители столицы, оставшиеся в живых. 70 тыс. мужчин, женщин и детей в течение

трех дней и ночей, измученные, брели вдоль плотин. Их ожидали тяжкие скитания.

Блокада длилась три месяца. Потери ацтеков, по разным источникам, исчислялись от 120 до 240 тыс. убитыми. Среди тласкаланцев погибло 30 тыс. воинов. И только испанцам победа досталась ценой незначительных потерь. Итак, вся тяжесть войны легла на плечи индейских племен, хотя выгоды от нее имели только белые пришельцы из-за моря.

Заняв город, конкистадоры немедленно стали искать затопленные в озере сокровища Монтесумы. Ныряльщики обыскали дно озера и каналов, солдаты обшарили все закутки города, но удалось найти лишь пятую часть сокровищ, отложенных в свое время для испанского императора.

И тогда Кортес совершил подлость, которая навсегда покрыла имя его позором². Нарушив свое слово, он подверг Куаунтемока пыткам, чтобы тот выдал спрятанные сокровища. Но мужественный индейский вождь не произнес ни слова. Через несколько лет Кортес приказал повесить Куаунтемока якобы за то, что он подстрекал народ к бунту.

Остатки сокровищ ацтеков Кортес отправил в Испанию, но они туда не попали. В письме от 15 мая 1522 г. капитан корабля сообщил, что на него напал корсар, состоявший на службе короля Франции. Случай — этот охотник до шуток — сделал так, что золото Монтесумы, предназначеннное для Карла V, попало в руки его лютого врага Франциска I.

Разрушение Теночтитлана не сломило духа индейских народов. Еще долгие годы они вели ожесточенную партизанскую войну; колонизаторы не имели ни минуты покоя. Берналь Диас писал: «Во всей Новой Испании каждая попытка обложить туземцев налогами становилась поводом к восстанию. Сборщики податей, которые старались их выколотить, зачастую расставались с жизнью, как, впрочем, и все другие испанцы, которые попадали в руки индейцев.

В провинциях сопротивление было обычным явлением, так что мы постоянно патрулировали по стране с большим войском, чтобы удержать народ в повиновении».

Сразу же после одержанной победы испанцы стали систематически разрушать столицу. Обломками дворцов и храмов засыпали каналы, пирамиды сравняли с землей и на месте Теночтитлана построили свой город, назвав его Мехико. Там, где на пирамиде возвышался храм бога войны, ныне стоит кафедральный собор, а на руинах дворца Монтесумы высится бывшая резиденция испанского губернатора. Не прошло и пяти лет, а столица

² С точки зрения моральной вся деятельность Кортеса была сплошной подлостью и позором, нарушение слова в данном случае не худший из его проступков (прим. ред.).

ацтеков — богатейшая сокровищница скульптуры и архитектуры — оказалась настолько основательно погребенной под фундаментами испанских домов, что от нее не осталось и следа.

Индийская метрополия перестала существовать, однако народ ее не погиб. Живописные толпы индейцев: ремесленников и лавочников, ткачей и гончаров, ювелиров и огородников — снова заполнили улицы и рынки испанского города. Испанские дворцы и виллы были лишь островками среди широкого и полноводного индейского моря. Элементы чисто индейские и привнесенные извне послужили основой новой мексиканской культуры с ее своеобразным, глубоко национальным обликом.

**КОНЕЦ
ПОЖИРАТЕЛЕЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
СЕРДЕЦ**

Король города Тескоко, путешествуя преодетым по своей стране, встретил однажды мальчика в лохмотьях, который старательно собирал хворост в открытом поле.

Король спросил его:

— Почему ты не собираешь хворост вон в том лесу? Ведь там его намного больше, чем здесь.

— Мне еще не надоела жизнь... Лес принадлежит королю, там запрещено собирать под страхом смерти.

— В самом деле? Что же это за человек, ваш король?

— О, это строгий человек... Он отказывает людям даже в том, что является даром божьим.

В этой ацтекской новелле, близкой по сюжету к сказкам из «Тысячи и одной ночи» о бродяющем по улицам Багдада халифе, ярко отразились классовые противоречия индейского общества того времени. Мы видим здесь безжалостного и жадного повелителя, видим бедного мальчика, представителя обездоленного люда, который остро чувствует несправедливость общественного уклада.

Мы уже знаем непосредственные причины того беспрецедентного в истории факта, что девятимиллионная держава воинов рассыпалась под ударами горстки испанских авантюристов. Знаем, какую роль сыграло то, что среди самого индейского народа возникла измена, что индейские вожди бессмысленно держались старой, примитивной военной тактики и не могли приспособиться к новой ситуации, что, наконец, Монтесума, очевидно, боялся иноземцев и проявил нерешительность.

Но корни поражения нам следует искать, как это показывает новелла, значительно глубже, а именно — в соотношении общественных сил и в истории индейских народов.

Ко времени Конкисты давнишняя племенная община, выборность вождей и раздел земли среди родов и семей существовали уже только формально. С того момента, как ацтеки путем захвачений создали свое государство, углубилось имущественное и общественное неравенство; возник могущественный аристократический класс воинов, которые не только присваивали себе

земли, но и наживали громадные богатства, захватывая львиную долю добычи и пленных. Управление родами перешло в руки немногочисленных семей, власть вождя стала наследственной.

Возросло также могущество жрецов. Короли давали им все больше земель, так что в конце концов в стране ацтеков не осталось уголка, где бы храмы не владели обширными поместьями. К тому же жрецы пользовались правом взимать десятину со всех крестьянских хозяйств, расположенных в окрестностях храма.

Два верховных жреца занимали второе по значению — после короля — положение в государстве. Их влияние достигало отдаленнейших уголков, так как они располагали многочисленным нижним клиром, рассеянным по всей стране. Достаточно сказать, что при главном храме в Теночтитлане жило 5 тыс. жрецов разного сана. Во время правления Монтесумы именно они, а не сановники решали политические дела.

Некогда свободные члены родов превратились в безземельных крестьян, попав в растущую экономическую зависимость от сановников и жрецов. Со временем их положение стало почти таким же, как положение рабов. Наряду с ними существовал класс настоящих рабов, ряды которых постоянно пополнялись за счет военных пленников и выходцев из крестьянских семей, еще детьми проданных обнищавшими родителями в рабство.

Индийское общество раскололось на богачей и бедноту, на землевладельческую аристократию и касту жрецов, с одной стороны, и на крестьян и ремесленников — с другой. Эти две основные общественные группы разделяло не только имущественное неравенство, но даже разные обычаи: аристократия, например, носила совершенно иные одежды, чем крестьяне и ремесленники.

В то время как представители господствующей верхушки утопали в роскоши, народ гнул спину, чтобы в тяжком труде заработать кусок хлеба. Конкистадоры нередко отмечали в своих дневниках, что рядом с пышными дворцами густо лепились ма- занки из глины и пальмовых листьев, в которых обитала основная масса индейцев. В Чолуле и Теночтитлане внимание Кортеса привлекли толпы нищих, которые настойчиво просили у прохожих подаяния. Из индейских хроник мы знаем, что обедневшие родители, доведенные до крайней нужды, продавали своих детей не только в рабство, но и храмам для кровавых жертв. Доходило даже до того, что некоторые супруги постоянно занимались этим страшным «промыслом» и плодили детей с целью продажи их на ритуальное заклание.

Некоторое представление о богатстве аристократии дает хотя бы тот факт, что в одном только Тескоко находилось 300 дворцов из тесаного камня, окруженных парками, фрукто-

выми садами, клумбами и фонтанами. Покои этих зданий были украшены богатыми барельефами, ценными тканями и изделиями из чистого золота.

Короли ацтеков почитались, как боги. Когда умер король Тескоко Насауальпильль, на костре вместе с его трупом сожгли 12 рабов и рабынь. Прах короля положили в золотую урну, инкрустированную драгоценными камнями, и поместили в храме бога войны.

Монтесума вступил на трон в 1502 г. и сразу же показал себя исключительным деспотом. Считая себя равным богам, он относился к подданным с надменностью и презрением. Прославленных в войнах ветеранов, которым его отец пожаловал различные придворные титулы и должности, Монтесума приказал изгнать из дворца только потому, что они происходили из черни, а не из аристократических родов. Придворные должны были падать ниц при появлении повелителя; обращаться к королю позволялось только через его секретаря. Монтесума вызвал недовольство народа значительным повышением податей. В стране из-за этого то и дело вспыхивали бунты, которые сурово подавлялись солдатами короля.

Средства от податей шли в основном на содержание двора: сотен чиновников, придворных и слуг, но прежде всего — нескольких сот наложниц; они жили в отдельном крыле дворца.

Монтесума питал слабость к роскошным нарядам. Он переодевался четыре раза в день и никогда не облачался вторично в те же самые одеяния, хотя на изготовление каждого из них искусные индейские ремесленники затрачивали несколько месяцев кропотливого труда.

Перед обедом в покоях приносили сотни тарелок с разнообразнейшими изысканными яствами. Монтесума выбирал себе то, что ему в эту минуту хотелось, а остальное выносили для придворных. Это были блюда из дичи и домашней птицы, из рыбы, которую специальные бегуны приносили с берегов Атлантического океана, а также кушанья из овощей и фруктов.

Прислуживали Монтесуме придворные и красивые индейские женщины. Властелин восседал на подушках, под золоченым балдахином, за низким резным столиком. Тарелки из тончайшей керамики или золота подавались только один раз, потом их отдавали придворным. Столовую освещали лучиной из смолистого дерева, распространяющей сильный аромат. За едой король попивал шоколад, заправленный ванилью и экзотическими кореньями.

После обеда Монтесума мыл руки в серебряной чаше, закуривал трубку и смотрел выступления клоунов, карликов, эквилибристов, фокусников и танцовщиц. Потом он шел в свою спальню и несколько часов отдохнул.

Роскошь, в которой утопала аристократия, эксплуатировавшая трудящиеся массы, можно было сохранить только с помощью силы. Опасаясь народных восстаний, аристократы жили в отдельных кварталах города, окруженных крепостными стенами.

В Теночтитлане такой район назывался Теепан. Кроме дворцов там находились также главные центры религиозного культа. Огромная пирамида бога войны была окружена мощной стеной с башнями; на ее площади в постоянной готовности стоял боевой отряд из нескольких сот воинов.

В свете этих фактов нам легче понять на первый взгляд странное равнодушие индейского народа к провокационным поступкам конкистадоров. Даже пленение испанцами Монтесумы не вывело индейцев из состояния апатии, и если бы не кровавая резня, учиненная Альварадо, то, возможно, не вспыхнуло бы и восстание.

Безразличие народа к судьбам угнетателей наглядно показывает следующий инцидент. Армия Кортеса во время блокады Теночтитлана расположилась лагерем в Тескоко. Отношения между союзниками — испанцами и тласкаланцами — были далеко не самыми лучшими, так как испанские наемники не упускали случая, чтобы не выказать индейцам своего презрения. Какой-то испанец дошел до того, что страшно оскорбил одного из тласкаланских вождей.

Взбешенный сановник пошел к Кортесу с жалобой. Ничего не добившись, он покинул в страшном гневе Тескоко и отправился домой. Кортес приказал его схватить и приговорил к смерти за дезертирство. Экзекуция состоялась среди белого дня на глазах 75-тысячной армии тласкаланцев, но никто из присутствующих не шевельнулся даже пальцем, чтобы защитить своего вождя и соплеменника.

Только глубокой классовой пропастью между народом и его повелителями можно объяснить другое удивительное явление — то, что индейские армии, потеряв вождя, сразу же бросались врасыпную и покидали поле боя, как будто считали войну делом вождей, а не своим собственным. Итак, война ацтеков с испанцами представляла собой войну аристократии и не носила характера борьбы народа за независимость. Только восстание в Теночтитлане явилось поистине народным, но было уже слишком поздно.

Ответственность за ход войны падала исключительно на аристократию индейских племен. Мы уже знаем, какими отсталыми методами вели ее индейские военачальники. При столкновении с конкистадорами армии табасков, тласкаланцев и ацтеков сбивались в кучу и оказывались под обстрелом испанцев, не прекращавших методичные атаки. С этой точки зрения хуже всего выглядели ацтекские вожди. Наперекор всему предыдуще-

му опыту они повторили ту же фатальную ошибку в долине Отумба; снова заставив воинов сгрудиться.

Неминуемым следствием господства аристократии были захватнические войны, которые непрестанно велись между индейскими племенами.

Имущие классы, неукротимые в своей алчности, нападали на соседей, захватывали лучшие земли и облагали их данями в виде ценных металлов, изделий ремесленников и крестьян, а также людей, предназначенных в жертву богам или же для рабского труда в имениях сановников и жрецов.

В этой борьбе за гегемонию постепенно взяли верх ацтеки, которые в 1427—1440 гг. создали великую державу на территории Мексики, Юкатана и Гватемалы. За исключением тласкаланцев они победили все племена — тотонаков, табасков, сапотеков, мистеков и многих других. В покоренных городах стояли гарнизоны ацтекских солдат, а сборщики податей выколачивали дань, доставляя ее на склады в Теночтитлан. За попытку уклониться от податей грозила смертная казнь, за малейшую провинность племена отдавали цвет своей молодежи на кровавые жертвы, приносимые ненасытным богам ацтеков.

Ацтеки добились руководящего положения благодаря своей воинственности, вызывавшей всеобщий страх, но главным образом благодаря железной дисциплине своей общественной организации, напоминающей дисциплину у крестоносцев. Мужчины, за исключением жрецов, жили группами, которые подразделялись на несколько ступеней и отличались друг от друга особыми знаками, а также одеждой и вооружением. В группу самой высокой ступени входили воины аристократического происхождения, но даже в их рядах существовали различные ранги. Военный кодекс ацтеков был чрезвычайно суровым: самая незначительная провинность каралась смертной казнью. Один из королей Тескоко приговорил к смерти двух своих сыновей за какое-то мелкое нарушение воинской дисциплины перед лицом неприятеля.

Ацтеки изо дня в день усиливали политический и экономический гнет, но покоренные индейцы, разрозненные и враждущие, не могли сбросить с себя это ненавистное иго.

Предшественник Монтесумы в течение всего своего правления усмирял бунтующих, а Монтесума постоянно вел войны, во время которых одна часть народа укрощала другую.

Приняв во внимание эти факты, нетрудно понять, почему Кортес с такой легкостью сумел разгромить многомиллионную державу ацтеков. Порабощенные племена, как, например, тотонаки, видели в Кортесе союзника и освободителя, другие же вначале оказывали сильное сопротивление, как это было с тласкаланцами, но в конце концов становились его ярыми сторонниками и представляли громадные армии для борьбы против

общего врага. Со временем ацтеки настолько изолировались, что оказались в меньшинстве. Кортес сделал то, чего никогда не смогли бы сделать сами покоренные индейские племена: объединил их. Во время блокады Теночтитлана он уже командовал 100-тысячной армией индейских воинов, которые жаждали отомстить своим угнетателям. Победа Кортеса явилась по существу победой индейцев над индейцами.

Картина будет неполной, если не упомянуть о религии ацтеков, которая в еще большей степени, чем любая другая религия в мире, была орудием гнета не только за пределами собственно ацтекского государства, но и внутри него. Ее жестокий и кровожадный ритуал поглощал бесчисленные человеческие жертвы: мужчин, женщин и даже детей, в том числе и младенцев.

Религия ацтеков являлась политеистической. Они верили, что божества повелевают силами природы и действиями людей. Богов ацтеки изображали похожими на людей, но придавали им гротескные, чудовищные черты, иногда даже звериные. Богов было такое множество, что одно только их перечисление заняло бы целую главу.

Среди этого громадного количества божеств мы уже знаем Кецалькоатля, которому, несмотря на его доброту, также приносили человеческие жертвы. Ацтеки очень почитали бога солнца и его жену — богиню луны. Восход солнца жрецы встречали псалмами и кровавыми жертвами. Затмение солнца воспринималось, как величайшее несчастье: в храмах тогда трубили тревогу и били в барабаны, а люди захлебывались в рыданиях и расцарапывали себе губы.

Верховным божеством считался бог солнца, источник всякой жизни, однако ацтеки поклонялись прежде всего грозному богу войны Уицилопочтлю. В его лице и в приносимых ему жертвах нашли свое выражение кровожадные инстинкты ацтеков. Этот омерзительный бог, едва появившись на свет, запятнал себя кровью собственной семьи: он отрубил головы своим братьям и единственной сестре. Его мать, отвратительное существо с черепом мертвеца вместо головы и когтями ястреба вместо пальцев, вызывала у всех ужас.

Человеческие жертвы ацтеки приносили следующим образом. Четыре жреца, размалеванные в черный цвет, в черных одеждах, хватали юношу за руки и ноги и бросали его на жертвенный камень. Пятый жрец, облаченный в пурпурные одеяния, острым кинжалом из обсидиана распарывал ему грудную клетку и рукой вырывал сердце, которое затем бросал к подножию статуи бога. У ацтеков существовало ритуальное людоедство: сердце поедали жрецы, а тело, сброшенное со ступеней пирамиды, уносили домой члены аристократических родов и съедали его во время торжественных пиршеств.

РИТУАЛЬНЫЕ КИНЖАЛЫ АЦТЕКСКИХ ЖРЕЦОВ

Кроме 18 главных празднеств в году, нередко продолжавшихся по несколько дней, едва ли не каждый день отмечался праздник какого-нибудь из богов, поэтому человеческая кровь лилась непрерывно.

Самым любопытным был праздник в честь бога Тескатлипока. Уже за год до торжества выбирали жертву — статного юношу без физических недостатков. Избранник получал одежду, имя и все атрибуты бога. Люди поклонялись ему как Тескатлипоку на земле. На протяжении всего подготовительного периода избранник жил в роскоши, беспрестанно развлекался; его постоянно приглашали на пиры в аристократические дома. В последний месяц ему давали в жены четырех девушек.

Возлагались на него также и определенные обязанности соответственно легенде о боге Тескатлипоке. Существовало предание, что это божество бродило по ночам и уносило людей на тот свет. Чтобы его задобрить, ацтеки ставили вдоль дорог каменные лавки, на которых утомленный бог мог бы отдохнуть. Юноша, предназначенный в жертву, должен был ночью выходить на дорогу и время от времени садиться на придорожные лавки. Обычно его сопровождала многочисленная свита из числа золотой молодежи, возможно, для того чтобы обреченный не сбежал.

В день праздника его несли в паланкин к храму, где жрецы убивали его уже известным нам способом.

Богине плодородия приносили в жертву молодую девушку. Раскрашенная в красный и желтый цвет, что символизировало кукурузу, она должна была исполнять изящные ритуальные танцы, а потом гибла на жертвенном алтаре.

В религии ацтеков существовал даже особый покровитель человеческих жертв — божок Хипе. В его честь жрецы сдирали кожу с живых юношей, которую натягивали на себя и носили в течение 20 дней. Даже сам король надевал кожу, срезанную со стоп и ладоней.

Верхом дикости представляется нам ритуал, связанный с культом бога огня. Жрецы разжигали в храме этого бога огромный костер, потом раздевали догола военных пленников и, связав их, бросали в огонь. Не дожидаясь, пока они погибнут, вытаскивали их крючьями из пламени, клали себе на спину и исполняли ритуальный танец вокруг костра. Только после этого жрецы закалывали их на жертвенном камне.

Религия ацтеков не щадила даже детей. Во время засухи жрецы убивали мальчиков и девочек, чтобы бог дождя смилиостивился. Младенцев, купленных у нищих родителей, наряжали в праздничные одежду, украшали цветами и в колыбелях вносили в храм. Закончив ритуальные обряды, их убивали ножами.

Как только появлялись первые ростки кукурузы, детей умерщвляли по-иному: им отрезали головы, а тела хранили в

АНДЕЗИТОВАЯ МАСКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ БОГА ХИПЕ
XIV в. н. э.

горных пещерах как реликвии. В период созревания кукурузы жрецы покупали четырех детей в возрасте пяти-шести лет и запирали в подвалах, обрекая на голодную смерть.

Своеобразной традицией была бескровная битва, которую ацтеки и тласкаланцы ежегодно устраивали в установленном месте. Воины не использовали тогда оружия и боролись друг с другом как атлеты, голыми руками; каждый старался взять противника в плен. Посадив пленников в клетки, ацтеки и тласкаланцы отвозили их в свои храмы и приносили там в жертву.

Другой обряд живо напоминал римские бои гладиаторов. Пленника привязывали длинной веревкой к тяжелому камню и давали ему в руки щит и палицу настолько миниатюрных размеров, что трудно было ими что-либо сделать. На бой с ним выходил нормально вооруженный ацтек. Привязанный и почти безоружный пленник не имел никаких шансов выйти из боя победителем, но если ему все-таки удавалось одолеть одного за другим шестерых противников, а сам он не получал ни единой царапины, то ему дарили свободу.

Такой необыкновенный случай произошел с одним из тласкаланских королей, славившимся своей нечеловеческой силой, но все же попавшим к ацтекам в плен. Победив по очереди шестерых противников, он получил право на свободу, однако предпочел умереть, так как согласно индейским верованиям воины, побежденные в таком поединке, попадали в особый рай.

Точно неизвестно, сколько человеческих жертв приносилось ежегодно в государстве ацтеков. Ученые считают, что 20—30 тыс. Возможно, эти цифры преувеличены, но нет сомнения, что они все-таки были внушительными. Доказательством служат настоящие склады с десятками тысяч черепов, найденные конкистадорами во всех ацтекских городах, и в особенности уже упомянутое сооружение в Теночтитлане, где Берналь Диас насчитал 136 тыс. черепов.

Ацтекскому государству приходилось постоянно беспокоиться о том, чтобы обеспечивать ненасытных богов жертвами.

Особая группа воинов только тем и занималась, что захватывала пленников и доставляла их в храмы. Не одну войну ацтеки начинали лишь затем, чтобы добыть пленников. Мерилом доблести, а следовательно, и заслуг ацтеков было количество их пленников, которое имелось на счету у каждого воина, поэтому ацтеки, вместо того чтобы убивать противников и наносить им раны, старались во что бы то ни стало брать их в плен. В этом странном обычаяе, наверно, и следует искать объяснение того, что среди конкистадоров оказалось поразительно мало убитых и раненых.

Монтесуму как-то спросили, почему он терпел в столь близком соседстве независимое государство тласкаланцев. Он ответил, не задумываясь: «Чтобы оно поставляло нам людей для жертв богам».

В 1479 г. должен был состояться великий праздник освящения каменной плиты с изваянным на ней ацтекским календарем — знаменитого ныне «Камня Солнца», которым удивительнейшим образом играла судьба и который в конце концов оказался в Национальном музее Мексики. Король Ахаякатль созывал на совет королей союзников и военачальников, чтобы подумать, кому объявить войну для получения необходимого количества пленников. Решили двинуться против племен тласкаланцев. Но войска ацтеков понесли позорное поражение и вернулись с пустыми руками.

Короли и вожди долго совещались, и битву начали меж собой сами союзники. Ацтеки взяли в плен 700 воинов, а их союзники — 400. Так как торжество освящения камня являлось делом общим, то в жертву предназначили и тех, и других. Плененных воинов поставили в ряд возле «Камня Солнца», потом король, жрецы и сановники закололи их кинжалами. Ни один не остался в живых.

Во время торжественного освящения храма бога войны в Теночтитлане, состоявшегося в 1486 г., было убито таким образом 20 тыс. пленников, а Монтесума, чтобы отметить свою коронацию, послал на смерть 12 тыс. воинов. Нетрудно представить себе атмосферу, царившую в Мексике к моменту прихода туда испанцев.

МОЛОДОЙ БОГ КУКУРУЗЫ. АЦТЕКИ

Мексика

«КАМЕНЬ СОЛНЦА» («КАЛЕНДАРЬ АЦТЕКОВ»)

Базальт. Конец XV в.

Исторические факты говорят о том, что массовые человеческие жертвы были введены ацтеками только в начале XIV в., т. е. в тот период, когда племенная община уже разложилась и возникла правящая верхушка воинов во главе с королем. Эта верхушка, несомненно, воспользовалась древним ритуалом как орудием террора, чтобы защитить полученные привилегии и присвоенное народное достояние.

Тот, кто осмеливался протестовать, кончал свою жизнь на жертвенном камне бога войны. Уже только один вид жрецов мог лишить людей даже мысли о сопротивлении. Облаченные и раскрашенные в черное или пурпурное, со сгустками крови в волосах, они производили жуткое впечатление хищных демонов, которым не свойственны человеческие чувства.

Из сообщений конкистадоров мы знаем, что в религиозных торжествах в Чолуле и Теночтитлане принимали участие главным образом члены аристократических родов, а также то, что население, как правило, относилось с безразличием к фактам профанации их богов и храмов. Поэтому можно смело утверж-

датель, что религия ацтеков являлась исключительно религией ацтекской аристократии.

Характер народа был полнейшей противоположностью жестокости мрачных жрецов. Обычный индеец независимо от того, из какого он происходил племени, отличался гостеприимностью, добродушием и трудолюбием муравья. Он с увлечением и даже с некоторой беззаботностью отдавался всем радостям жизни, он любил побродить в толпе на улице или рынке, охотно принимал участие в играх, народных гуляниях и массовых танцах, с интересом следил за игрой уличных актеров, за выступлениями фокусников и эквилибристов, любил спокойные живописные и многолюдные религиозные обряды, во время которых пел и приносил божествам жертвы в виде цветов и фруктов. Больше всего он любил цветы. Эта любовь к цветам сохранилась в Мексике до наших дней и является самой обаятельной чертой мексиканского народа. Все города, через которые проходили конкистадоры, буквально утопали в цветах. Цветы были всюду — на островах, на улицах и площадях, во дворцах и даже свисали гирляндами с плоских крыш домов.

Где бы ни появлялись испанцы, везде народ встречал их гирляндами и охапками цветов. Индейцы делали это очень охотно.

Большой популярностью пользовались среди индейских народов всевозможные виды спорта. Но на первом месте стояла игра в мяч, так называемая «тлачтли», для которой в каждом городе имелся специальный стадион. Игроки должны были забросить резиновый мяч (индейцы уже знали каучук) в обруч, прикрепленный к стене. Правила запрещали играть руками, ногами и головой; мяч разрешалось отбивать только бедрами. Некоторые игроки, подобно испанским торреадорам, становились народными героями, окружеными всеобщей любовью.

Несмотря на беззаботный характер, индейцы в случае необходимости проявляли исключительное мужество. Они смело сражались со страшными и непонятными иноземцами, убивая палицами их лошадей и идя под огонь пушек конкистадоров.

Индийский народ не запятнал своей чести в этой трагической борьбе. В пропасть уничтожения его втянула немногочисленная верхушка одичавших, темных и тупоумных сановников и жрецов, поведение которых перед лицом опасности по сути дела явилось предательством.

**СЛЕПОЙ УЧЕНЫЙ
ОТКРЫВАЕТ
ПОГИБШИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В период испанских завоеваний во дворцах и храмах Мексики хранилось множество исторических хроник, в которых жрецы записали историю не только ацтеков, но и древних индейских народов — майя, только-теков и мистиков. Писали они удивительными и искусными картическими письменами на различном материале: на хлопчатобумажном полотне, на мягкой, хорошо обработанной коже, а ча-

щё всего — на бумаге из агавы «магей», которая напоминала египетский папирус.

Сложные индейские иероглифы вселяли в испанцев суеверный страх: они считали их знаками сатаны, обладающими силой злых чар. Поэтому конкистадоры, с рвением фанатиков начали выискивать их и систематически уничтожать, не заботясь о том, что многие из этих документов, уже благодаря своим цветным иллюстрациям, являются настоящими памятниками искусства.

Во всей Мексике запылали костры, на которых горели собранные отовсюду записи и хроники — неисчерпаемые источники сведений о завоеванной стране. То, что уцелело после дикого, варварского погрома, послужило лишь шатким основанием для воссоздания истории этой несчастной цивилизации, развитие которой было столь грубо прервано.

Первым призвал к повсеместному аутодафе³ мексиканский архиепископ дон Хуан Самаррага, а примером для него явился архиепископ Хименес, который 20 годами раньше уничтожил в Испании рукописи прекрасной некогда мавританской культуры.

По стопам архиепископа пошли и другие. Так, например, губернатор дон Лоренсо Савала опустошил в Теночтитлане все архивы ацтеков, и собранные рукописи продал мелким торговцам как оберточную бумагу.

Точно так же испанцы поступили и с памятниками индейской архитектуры: они громили и рушили их с такой яростью, что через пять лет испанского владычества от столицы ацтеков по существу не осталось и следа. Грандиозные руины храмов и дворцов были использованы на то, чтобы засыпать озеро и каналы. Вскоре город уже ничем не напоминал ту «Венецию Запада», которую увидели первые конкистадоры. Даже могучие пирамиды не уцелели: одни из них, как, например, пирамиду бога войны, испанцы сравняли с землей, а другие, забытые людьми, ветшали, утрачивали свои формы, покрывались растительностью и превращались в холмы. В них уже никто не мог быть уверен в давнишние мощные сооружения.

В этом виновны были в равной мере как религиозный фанатизм, так и политическое вероломство захватчиков, заботившихся только о том, чтобы не потерять добычу. Индейцев лишили земли и погнали на невольничьи работы в копи и на плантации, поэтому колонизаторы стремились стереть с лица земли все, что напоминало бы народу о его былом величии. Когда в середине XVIII в. в Чатапультеке нашли каменную плиту с барельефом, изображающим Монтесуму, мексиканские власти тотчас

³ Аутодафе — сожжение еретиков и еретических сочинений на костре.

же приказали тайно разбить ее на части и закопать в укромном месте. Не прошло и сотни лет, как культура индейских народов канула в небытие. Никто уже не знал тогда секрета чтения индейских иероглифов. 300 лет историки и археологи относились с непонятным безразличием к этим древним, чрезвычайно богатым и самобытным цивилизациям. Память о них пережила века только в глухих индейских селениях, где люди из поколения в поколение передавали друг другу предания о древних богах и жрецах, о Монтесуме и героических битвах индейцев с конкистадорами.

В науке об исчезнувших цивилизациях совершил переворот Уильям Прескотт, автор сочинения «Завоевание Мексики», изданного в 1843 г. в Нью-Йорке. Книга, насчитывающая несколько сот страниц убористого текста, сразу же завоевала огромную популярность и ныне вошла в золотой фонд мировой классической литературы.

Чем можно объяснить этот необычайный успех? Прежде всего тем, что автор необыкновенно добросовестно изложил все сведения о народах Центральной Америки, которые только можно было отыскать в библиотеках и архивах мира. Этот совершенно неизвестный материал явился сенсацией даже для специалистов. Человечество, словно прорев глаза, с изумлением узнало о мирах, которые погрузились в мрак забвения.

Автор оказался к тому же очень талантливым писателем с богатым воображением. «Завоевание Мексики» читается от начала до конца одним духом, как интересный приключенческий роман. Мы, как живых, видим Кортеса, Монтесуму и их окружение, напряженно следим за военными схватками, осматриваем города, живописные, полные движения, знакомимся с жителями, познаем обычай, религию и историю индейских народов — словом, охватываем взглядом величественную панораму неизвестного нам мира, нарисованную с талантом и размахом подлинного художника.

Необычной в этой книге была также и явная симпатия к индейцам. Автор с большой любовью повествует о крупных завоеваниях их цивилизации, о героизме индейцев в борьбе с захватчиками, хотя, естественно, не закрывает глаза на их слабости и ошибки. Что касается испанцев, он срывает с них лицемерную маску бескорыстных католических миссионеров, показывает их жестокость и алчность, скрытую под личиной религиозности, описывает поход конкистадоров как цепь злодеяний и предательств, но при всем этом не замалчивает незаурядных способностей Кортеса и его храбрости на поле боя.

Кто же он, Уильям Прескотт? Жители Нью-Йорка, узнав о нем некоторые подробности, были поражены. Автор монументального исторического труда жил в скромном домике, на одной из боковых улиц Манхэттена.

Репортеров принял в затемненной комнате почти слепой мужчина лет 47. Прескотт охотно рассказал о своей жизни. Родился он в 1796 г., учился на юридическом факультете Гарвардского университета, а потом работал в адвокатской конторе своего отца. Еще в студенческие годы один из приятелей запустил в него коркой хлеба и попал в левый глаз. Через некоторое время Прескотт ослеп на один глаз, а потом постепенно и на второй. Это вынудило его бросить адвокатскую деятельность и отправиться в Европу, где он надеялся получить помощь у известных специалистов.

К сожалению, лечение не принесло никаких результатов. Настал день, когда Прескотт с болью в сердце понял, что на всегда потерял зрение. Но он не пал духом. Его утешали два обстоятельства: то, что материально он ни от кого не зависел и что мог избрать в своей жизни иную цель. Будучи влюбленным в историю, он решил целиком посвятить себя историческим исследованиям и писать книги.

Целыми годами Прескотт почти не выходил из затемненной комнаты, он писал, пользуясь аппаратурой для слепых. Кроме того, нанял себе секретаршу, которая ежедневно читала ему вслух исторические сочинения и документы. Потеряв зрение, он выработал феноменальную память, на которую мог целиком полагаться в своем творчестве. Закончив «Историю правления Фердинанда и Изабеллы», он какое-то время работал над биографией Мольера, но сразу же оставил эту тему, наткнувшись на лаконичную заметку о завоевании Мексики Кортесом.

Мелькнула мысль, что еще нет научно разработанной истории Мексики и что он сам мог бы этим заняться. Но дело оказалось довольно сложным. Исторические документы были рассеяны по библиотекам Испании, Италии, Англии и Франции. О том, чтобы туда поехать, Прескотт не осмеливался даже мечтать. Оставалась только одна возможность — получить нужные источники по почте. Для этого следовало установить контакты с библиографами и переписчиками, которые отыскали бы их и скопировали. Это, конечно, требовало немалых денег, но, несмотря на все препятствия, самоотверженному и терпеливому исследователю удалось собрать 8 тыс. страниц копий с различных документов, на основании которых он и написал свой замечательный труд.

Какие же это были источники? Их можно разделить на две категории: материалы самих ацтеков, уцелевшие, несмотря на все аутодафе, и дневники испанцев, побывавших когда-то в Мексике. К первой категории относились собрания лорда Кингсборо, а также три так называемых «Кодекса» (Codigo de Mendoza, Codigo Vaticano, Codigo Telleriano Rehmensis), а также история индейских народов, написанная на испанском языке потомком короля Тескоко, князем Ихтилихочитлом; ко второй —

прежде всего произведения францисканца Бернарда де Сахагуны, который находился в Мексике одновременно с Кортесом и оставил ценное историческое сочинение о Мексике («*Historia Universale de Nueva España*»). Немало интересных сведений заключено в рукописи другого миссионера Мексики — Хуана де Торкемады. Наконец здесь следует упомянуть о дневниках нашего старого знакомого, соратника Кортеса, Берналя Диаса, изданных под названием: «*Истинная история завоевания Новой Испании*» («*Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*»).

Кроме «Завоевания Мексики» Прескотт написал еще одно монументальное историческое сочинение — «Историю завоевания Перу», в котором показал, как испанский конкистадор Писарра разгромил государство перуанских инков. Так ослепший человек, не покидая четырех стен кабинета, лишь на основании старых записей и хроник воссоздал картину жизни народов, о которых без малого 300 лет люди абсолютно ничего не знали.

Немало воды утекло, прежде чем за это дело взялась археология. А ведь землю, на которой вырос современный город Мехико, буквально устилали обломки скульптур, статуй и каменных плит с надписями. Каждый удар кирки выбрасывал на поверхность различные археологические памятники, ярко свидетельствовавшие о богатстве культуры ацтеков.

Было бы неправильным возлагать всю вину на высокомерных и темных испанских завоевателей. Здесь действовали, как мы уже говорили, четко выраженные политические тенденции. Об этом, между прочим, свидетельствует удивительная судьба знаменитой плиты-календаря. Этот огромный диск, изваянный из глыбы порфира, имеет в диаметре почти 4 метра и весит 20 тонн. На диске мы видим барельеф бога солнца, которого окружают символические фигуры и иероглифические надписи.

Громадный монолит ацтеки принесли издалека и в 1509 г. установили перед храмом бога солнца в Теночтилане. Конкистадоры сбросили его с пирамиды и закопали в руинах ацтекских зданий. В 1560 г. перекапывали центральную площадь Мехико и натолкнулись на легендарный «Камень Солнца». Епископ, опасаясь, что находка повлияет на патриотические чувства индейцев, приказал его снова закопать на том же месте. Камень покоился там еще выше двух столетий. Только в 1790 г. рабочие откопали его во второй раз. Громадный диск сразу же вмуровали в фасад католического кафедрального собора, но в 1885 г. его оттуда вынули и поместили в Национальном музее Мексики. С тех пор «Камень Солнца» стал одним из ценнейших экспонатов ацтекской культуры.

Подобная судьба постигла и изваяние бога войны, описанное в воспоминаниях Берналя Диаса. Испанцы прекрасно знали, что этот ценный археологический памятник погребен среди

руин на центральной площади Мехико. Когда в 1790 г. его случайно извлекли на свет, испанские власти велели немедленно бросить статую назад в яму и засыпать. Только в 1821 г. изваяние сноска откопали и поместили в музее. Теперь статуя, у подножия которой лились реки человеческой крови, является одной из ужаснейших реликвий ацтекского религиозного культа.

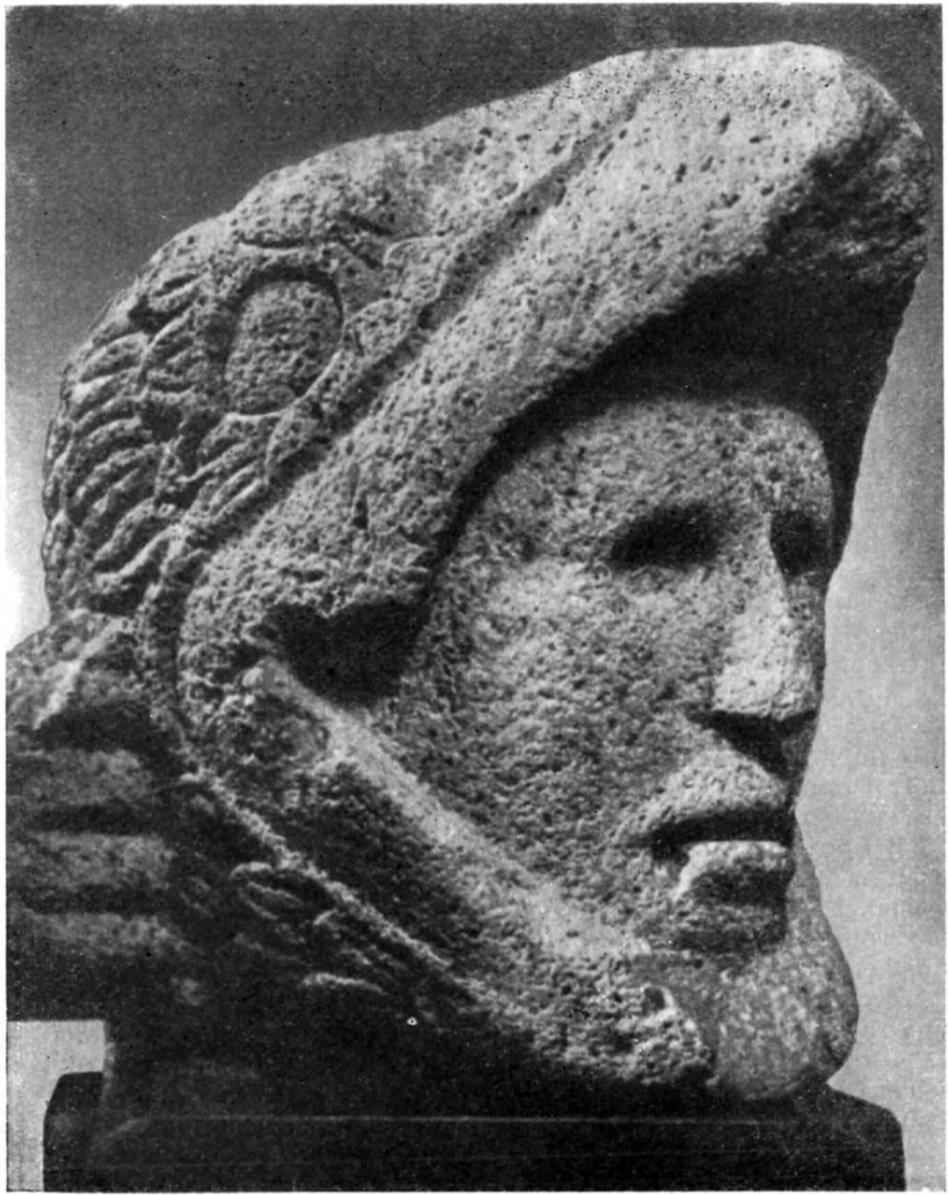
В музее находится также обнаруженный в развалинах жертвенный камень бога войны, на котором только в течение одного года жрецы закалывали тысячи человеческих жертв. Это глыба метровой высоты, диаметром около трех метров. По бокам высечены барельефы, изображающие процессию богов-победителей, а сверху находится углубление в виде большой чаши с каналом для стока крови. В 1900 г., копая вблизи кафедрального собора глубокий колодец, рабочие наткнулись на один из углов громадной пирамиды, считавшейся погибшей. Прекрасные барельефы и массивность сооружения свидетельствуют о том, что, описывая пирамиды, конкистадоры нисколько не преувеличивали. Найдены были также остатки ее ступеней и балюстрады, которая заканчивалась огромной головой змеи.

С тех пор не проходило дня без новых археологических открытий, постоянно обогащавших наши знания об ацтеках. Большая заслуга в этом принадлежит плеяде способных мексиканских археологов: Хосе Рейгедесу Вертесу, Игнасио Маркина, Альфонсо Касо, Эдуардо Ногера и др.

Используя новейшие научные методы, ученые достигли замечательных успехов. Сегодня уже можно осмотреть откопанные и приведенные в порядок руины таких ацтекских городов, как Чолула, Тескоко и Тласкала.

И все же мексиканская археология еще не сказала своего последнего слова. Мы можем ожидать много новых, даже сенсационных открытий: не следует забывать, что, например, до сих пор не обнаружены сокровища Монтесумы. И дело это не такое уж нереальное, как могло бы показаться. Множество вещей из чистого золота то и дело находят в Мехико. В 1932 г. Альфонсо Касо удвоил найденное число уцелевших драгоценностей ацтеков, когда открыл нетронутую могилу высокого сановника. В саркофаге находились золотые ожерелья, серьги, перстни, диадемы и браслеты, свидетельствующие о высоком искусстве ацтекских ювелиров.

**МИР СУЩЕСТВУЕТ
ТОЛЬКО 52 ГОДА** Декабрь в Мексиканской долине — месяц цветов. Все вокруг превращается тогда в настоящую феерию горячих, сочных красок, которые горят огнем под лучами солнца. Возле домов, словно яркие ракеты, пышно расцветают кармазиновые пуанзии, на бугенвиллеях, напоминающих акацию, висят тяжелые кисти.

ГОЛОВА «ВОИНА-ОРЛА». АЦТЕКИ

Мексика. Андезит. XIV — начало XVI в.

Куда ни глянь, всюду сияют на деревьях чаши кетмий самых разнообразных цветов и оттенков. Поля, особенно песчаные склоны, устланы пылающими коврами цветущих кактусов — белых, желтых, пунцовых и золотисто-розовых.

Казалось бы, люди должны радоваться, пребывая среди покоряющей красоты. Однако в последние дни декабря 1507 г. жители прекрасной долины словно неожиданно ослепли, они перестали замечать ее. В домах и во дворцах раздавались страшные, отчаянные рыдания. Огоньки перед статуэтками домашних божков, исчезли. Людей охватил панический ужас и неудержимая жажда все разрушать. Они царапали ногтями лица, рвали в лохмотья свои одежды и выносили за порог всю посуду и мебель, чтобы их разбить и изломать. Не было видно беременных женщин и малых детей. Женщин запирали в кладовках, чтобы, избави бог, злые духи не обратили их в диких зверей; детям не разрешали спать, как бы жалобно они ни плакали от усталости — во сне они могли превратиться в крыс.

По улицам городов и селений бродили ободранные, окровавленные толпы людей в полуобморочном состоянии. Тут и там в зловещем молчании тянулись угрюмые процесии жрецов, облаченных в черные и пурпурные одеяния. Видно было, как на вершинах пирамид догорают священные огни, которые обычно поддерживали ацтекские весталки.

В такой общий, исступленный траур ацтеки погружались каждые 52 года, свято веря, что на склоне одного из этих 52-летних периодов наступит конец света. Но так как даже жрецы не могли предвидеть, какой из циклов принесет людям смерть, то ацтеки каждый раз готовились к самому страшному.

В последний день 1507 г. перед заходом солнца процесия жрецов двинулась к вершине погасшего вулкана, который возвышался над Мексиканской долиной. Люди толпились на склонах горы, на крышах домов и террасах пирамид, в страхе и напряжении ожидая катастрофы.

Жрецы приготовили хворост для костра и начали наблюдения за небом. Вот созвездие Плеяд (Стожары) вышло из зенита — это означало, что 52-летний цикл минул спокойно, — они высекли искру на груди убитого пленника и зажгли костер. Увидев пламя, толпа взорвалась радостными криками облегчения. Гонцы, присланные со всех концов страны, зажгли труты и, держа священный огонь в ладонях, разбежались по своим городам и селениям; на пирамидах и в домах снова запылали негаснущие огни.

После траура наступил 13-дневный период радости, период ацтекского карнавала. Люди убирали и белили свои жилища, приобретали новую утварь и мебель, а потом празднично одевались и украшали себя гирляндами цветов. Началось всеобщее веселье. На улицах вели хороводы танцоры и танцовщицы в ма-

сках, одетые в фантастические наряды. На площадях днем и ночью не прекращались игры, народные гуляния и танцы под музыку оркестра из барабанов, флейт, раковин и струнных инструментов. Музыка, мало мелодичная, но ритмичная, звучала неспокойно, как неспокойно билось сердце этого талантливого, но странного народа.

В 1507 г. торжество состоялось в последний раз — через 12 лет пришли испанцы, которые положили конец ацтекской цивилизации. Но удивительный обычай оказал большую услугу археологам.

Ацтеки, желая отблагодарить богов за дарованные им дополнительные 52 года жизни, имели обыкновение увеличивать пирамиды, окружая их новыми стенами. Достаточно было определить, сколько стен содержит та или иная пирамида, чтобы узнать, каковы возраст сооружения и даже точная дата его возникновения.

Убедиться в этом мы можем на примере пирамиды в Таноюке. Берналь Диас упоминает о ней в своих дневниках. Нашли ее только в 1925 г. в холме, который все считали делом рук природы.

Исследования показали, что сооружение состоит из шести каменных слоев, наложенных один на другой в 1299, 1351, 1403, 1455 и 1507 гг. Это позволило не только узнать возраст пирамиды, но и установить интереснейший факт: сооружение возникло до того, как ацтеки пришли в Мексиканскую долину, а следовательно, его возвели их предшественники — тольтеки, которые потом переселились в другое место.

Развиваясь на континенте, отрезанном от остального мира, культура ацтеков не могла использовать опыта других народов. Отсюда вытекают странные диспропорции в ее развитии, которые трудно даже объяснить.

Ацтеки были замечательными строителями, достигли высокого мастерства в скульптуре, прикладном искусстве, ткачестве, в изготовлении золотых украшений (хотя частично это умение заимствовали у своих предшественников — майя и тольтеков), выработали собственное письмо и календарь, основанный на точных астрономических наблюдениях, словом, создали богатую, совершенно самобытную культуру, которая свидетельствует об их творческих способностях и высоком умственном развитии.

Тем более нас удивляет и поражает то, что ацтеки (не говоря об их диком религиозном ритуале) не приручили ни одного выночного животного, но самое главное — не изобрели колеса и гончарного круга. Их металлургия до последнего времени находилась в зачаточном состоянии: ацтеки не открыли сплава бронзы, а медь ковали, не разогревая. Не знали они и железа, их инструменты и оружие были очень примитивны: кинжалы ацтеки

изготавляли из обсидиана, иголки — из шипов агавы, а наконечники для стрел и копий — из кости или кремня.

Любопытны представления ацтеков о ценности камней и металлов. Выше всего у них ценилась яшма, затем шла медь, потом серебро и, наконец, золото. Из меди ацтеки выковывали маленькие звоночки, которые использовали в качестве денег. Серебро в Мексике встречалось гораздо реже, чем золото, поэтому из него изготавливали только декоративные и ювелирные изделия.

Яшма постоянно возбуждала гнев конкистадоров. Всякий раз, когда они требовали от ацтекских городских властей выдать находящиеся в сокровищнице ценности, им приносили предметы из яшмы. Испанцам казалось, что это издевка над ними. Позднее они объяснили удивленным индейцам, что золото служит испанцам лекарством от болезни, которая постоянно их мучит — аргумент, кстати сказать, не лишенный доли истины, так как ненасытная алчность была действительно их болезнью.

Одним из первых разобрался в этом вопросе Берналь Диас. Перед тем как ретироваться из осажденного Теночтитлана, испанские солдаты так нагрузились золотом из сокровищницы Монтесумы, что во время схватки и бегства они с трудом передвигались, и в конце концов им пришлось бросить свою добычу. Один только Диас положил за пояс четыре небольших кусочка яшмы. Когда конкистадоры, ободранные и нищие, прибыли к тласкаланцам, он мог за яшму получить все, что ему хотелось, даже большое количество золота.

Прибыв в Теночтитлан впервые, испанцы больше всего были изумлены плавающими на озере островами с огородными грядками. На них суетились крестьяне в белой одежде, погружая на лодки урожай или же отталкивая островки, как плоты.

Ацтеки называли эти острова чинампами (*chinampas*). Делали их следующим образом. На плетенку из водорослей, тростника и водяных лилий набрасывали слой ила, добытого со дна озера. На таком плоту сажали овощи и фрукты. Чтобы получать хороший урожай, каждый год нужно было накладывать новый слой ила. Плоты погружались все глубже и глубже и, наконец, оседали на дне, становясь обычными островками. Такие островки постепенно соединялись вместе — и вот возник огромный остров города Теночтитлана. Но крестьяне создавали все новые и новые плавучие островки, этот процесс продолжался и в то время, когда пришли испанцы.

Родословная этих островов является самым убедительным свидетельством творческих способностей ацтеков, которые прибыли в Мексику в начале XIV в. как немногочисленное и слабое варварское племя. Коренное население загнало их на два небольших естественных островка, поросших тростником. В этих условиях ацтекам угрожала голодная смерть, возникла

острая потребность в пахотных землях. Тогда-то они и придумали эти искусственные островки. Население росло, увеличивалось количество островков, и, наконец, здесь возникла столица могущественной ацтекской державы. В современных мексиканских провинциях Хочимилько и Чало, где ацтеки выращивают овощи по методу своих предков, плавучие острова существуют до сегодняшнего дня, их можно увидеть там собственными глазами.

Замечательным достижением ацтеков было их письмо. Кортес столкнулся с ним при исключительных и весьма любопытных обстоятельствах. Произошло это в Вера-Крус, вскоре после высадки конкистадоров на Юкатанском полуострове. В посольстве табасков Кортес заметил индейца, который палочкой усердно рисовал на полотне различные миниатюрные картинки. Они удивительно точно изображали испанцев, их одежду и оружие, пушки и коней и даже лица в профиль — все в соответствующем цвете.

Кортес, очарованный этой искусственной работой, спросил, какое назначение имеют рисунки. Начальник табасков ответил, что индеец пишет сообщение Монтесуме. Ацтекский писарь сопровождал испанцев до самого Теночтитлана: фрагменты его рапортов до сегодняшнего дня хранятся в Национальном музее Мексики.

То ли из чувства юмора, то ли в знак дипломатической вежливости Монтесума послал в составе второго посольства сановника, настолько похожего на Кортеса, что конкистадоры это тотчас же заметили и прозвали его «мексиканским Кортесом».

К сожалению, секрет чтения ацтекского письма исчез уже в XVII в. Ныне, несмотря на огромные усилия, археологи научились читать одни только цифры. Это дает возможность путем сложнейших вычислений установить даты возникновения многих сооружений. Трудность расшифровки заключается в том, что письмо представляет собой смесь самых различных элементов. Некоторые знаки изображают предметы, т. е. являются картиными иероглифами. Другие — те, что обозначают воздух, воду, день, ночь — передаются с помощью символов (например, вода — волнистая голубая линия). Отвлеченные понятия выражались идеографическими иероглифами. Кроме того, существовали и фонетические знаки, свидетельствовавшие о том, что в письме ацтеков появилась сильная тенденция к развитию более высоких фонетических форм.

Гордостью ацтекской культуры является, без сомнения, прикладное искусство. Мы уже говорили в предыдущих главах о плащах и щитах, покрытых орнаментом из тысяч многоцветных птичьих перьев. В искусстве мозаики никто в мире не смог превзойти ацтеков. В музеях Мексики и Соединенных Штатов Америки находится много экспонатов, демонстрирующих

утонченный художественный вкус и несравненное мастерство ацтекских ремесленников. Среди бесчисленных предметов, украшенных мозаикой из бирюзы, металлов, перламутра, драгоценных и полудрагоценных камней, особое внимание привлекает замечательный щит, который хранится в музее индейской культуры в Нью-Йорке. Этот щит покрыт сложным картинным орнаментом, выложенным из 15 тыс. кусочков бирюзы.

Скульптуры из черепахи, дерева, кости и камня говорят о том, что искусным ацтекским ваятелям был по силам любой материал. В музеях имеются статуэтки из горного хрусталя, изображающие людей, животных и божков. Все они прекрасно отполированы, несмотря на миниатюрные размеры. Кроме горного хрусталя ацтекские скульпторы обрабатывали яшму, агат, топаз, сапфир, аметист и все другие драгоценные и полудрагоценные камни, которые встречаются в Мексике. Некоторые скульптурные работы настолько малы, что остается непонятным, как их можно было изготовить без лупы.

Но больше всего славились ацтекские мастера-ювелиры. Они выковывали, не разогревая металла, тысячи художественных предметов чрезвычайно сложной и изящной формы, а также украшали золотом и серебром каменные изваяния богов, словом, создавали шедевры ювелирного искусства. Большая часть этих предметов, к сожалению, погибла во время ацтекского восстания или оказалась на дне Мексиканского залива вместе с затонувшими кораблями. Но мы имеем свидетельства об этом искусстве двух замечательных знатоков — Дюрера и Челлини.

Немецкий художник эпохи Возрождения Альбрехт Дюрер в 1520 г. осматривал первые дары, присланные Кортесом испанскому императору. Под непосредственным впечатлением он написал: «Никогда в жизни ничто так не порадовало моего сердца. Среди вещей я видел изумительные художественные ценности и восхищался прекрасным вкусом и изобретательностью людей из далеких стран».

В науке ацтеки не могли похвастаться особыми достижениями. Их математика не вышла за пределы элементарных арифметических действий, причем в основе счета у них лежала двадцатичная система. Год у ацтеков состоял из 18 месяцев, по 20 дней в каждом, что в результате давало только 360 дней. Чтобы увязать календарь с солнечным годом, они ежегодно добавляли пять дней, в которые не работали, а каждые четыре года накидывали еще один день — високосный — и этим целиком выравнивали календарь с периодом обращения Земли вокруг Солнца.

Медициной занимались исключительно жрецы. В основе ее главным образом лежала магия, но некоторые болезни лечили травами, массажами, компрессами и паровыми ваннами. Производились также некоторые хирургические операции — жрецы

лечили переломы, делали кесарево сечение и трепанацию чепца.

Необычайно интересным представляется законодательство ацтеков. Так, например, пьянство считалось тягчайшим преступлением и каралось смертью. Если глава семьи напивался, то семья имела право убить его палицей на том месте, где пьяницу находили в бесчувственном состоянии. Напиваться могли только мужчины, которым перевалило за 70 лет, а также все другие мужчины во время некоторых религиозных праздников.

За кражу, а особенно за кражу кукурузы с поля, тоже грозила смерть (вора убивали камнями) или же в некоторых случаях пожизненная неволя. Однако странникам разрешалось брать с поля столько кукурузы, сколько им нужно, чтобы утолить голод. Смертью карали также чернокнижников и прелюбодеев, а клеветникам отрезали губы и уши.

Наряду с этими по-варварски суровыми правовыми нормами существовали и гуманные законы. Так, например, ребенок, родившийся от связи свободного гражданина с рабыней, являлся свободным и должен был быть взят на воспитание отцом. Беглый раб, которому удалось укрыться в королевском дворце, сразу же обретал свободу.

Ценнейший дар, который получил мир, если и не от самих ацтеков, то во всяком случае при их посредничестве от индейских народов Центральной Америки, — это разнообразнейшие растения, плоды которых мы часто употребляем в пищу, не зная, откуда они происходят. Следует прежде всего назвать кукурузу, ваниль, какое, дыню, ананас, зеленый и красный перец, различные виды фасоли, а также табак. Уже одними достижениями в области сельского хозяйства ацтеки и другие индейские народы навсегда заслужили нашу благодарность.

РАЗБИТАЯ БАРКА В ЗЕЛЕНОМ МОРЕ ДЖУНГЛЕЙ

В 1836 г. один мексиканский полковник по фамилии Гарлиндо ездил по глухим селениям Юкатана и Центральной Америки, проводя среди местных жителей рекрутский набор. В рапорте начальству он упомянул об удивительном открытии: в бескрайних дебрях девственных лесов он неожиданно увидел загадочные, очень древние руины, покрытые буйной растительностью, сквозь которую проглядывали барабельфи.

Через три года рапорт неизвестно какими судьбами очутился в Нью-Йорке и попал в руки адвоката Джона Ллойда Стефенса. Лаконичное замечание о таинственных сооружениях произвело на него сильное впечатление. Надо сказать, что увлечением Стефенса была археология и античная история. Этим наукам он посвящал почти все время, нередко забрасывая свои адвокатские дела. Он уже путешествовал по Египту, Аравии, Палестины, Греции и Турции. О своих приключениях Стефенс написал

две книжки, которые пользовались немалой популярностью. Он всегда мечтал совершить какое-нибудь великое открытие, и вот — о диво! — Стефенс узнает из рапорта неизвестного военного, что великие открытия ожидают его, можно сказать, совсем рядом — в Мексике.

Решение было принято мгновенно: он поедет туда и увидит собственными глазами то, о чем пишет Гарлиндо. Готовясь к поездке, Стефенс переворошил все доступные ему сочинения историков и путешественников, чтобы собрать информацию о стране, в которую собирался отправиться. Но тут его ожидало разочарование. Кроме банальных заметок, он не нашел абсолютно ничего такого, что могло бы хоть как-нибудь помочь ему в его намерениях. О народах Мексики, Юкатана и Центральной Америки никаких сведений просто-напросто не существовало.

А ведь Стефенс мог бы легко получить всю необходимую ему информацию, если бы только знал, что в том же городе, чуть ли не за стеной, живет Уильям Прескотт, единственный и величайший в то время знаток ацтеков, майя, тольтеков и других индейских племен американского континента.

И все же зацепка была найдена. В одной из книг Стефенс наткнулся на заметку некоего Фуэнтеса. Этот мексиканский испанец в 1700 г. бродяжничал по Гондурасу и возле Копана открыл огромный ансамбль стаинных, хорошо сохранившихся зданий и пирамид. Поэтому Стефенс решил отправиться именно в Гондурас, хотя не имел ни малейшего представления о трудностях, связанных с путешествием в глубь диких, безлюдных джунглей. Он уговорил принять участие в экспедиции своего друга замечательного художника Фридриха Казервуда.

В 1839 г. небольшой караван Стефенса, который состоял из мулов, проводников и индейцев-носильщиков, оказался на границе Гондураса и Гватемалы. Там, как это уже было с Лэйярдом на берегах Тигра, их застала революция. Вся Центральная Америка оказалась в огне политической борьбы. По стране вдоль и поперек сновали отряды трех соперников, борющихся за власть: бывшего президента Сальвадора Марасана, вождя мулатов, и будущего кровавого диктатора Гватемалы Ферреро, а также индейского революционера Карреро.

В городах и селениях болтались вооруженные до зубов негры, индейцы и мулаты, которыми командовали бывшие дезертиры из армии Наполеона или европейские авантюристы всех мастей. В разоренной голодной стране царил террор. Охваченные страхом коренные жители едва держались на ногах от голода; нигде нельзя было достать даже черствой краюхи хлеба.

У Стефенса, правда, была охранная грамота, которую подписал один из вождей революции, но на практике она не очень-то помогала. Разнужданные банды пьяных наемников постоянно

но приставали к путешественникам, а иногда даже обстреливали их. Однажды какой-то совершенно обнаглевший начальник, вымогая выкуп, запер всю экспедицию в сарае. Только благодаря энергичному вмешательству старшего офицера, случайно там оказавшегося, Стефенсу удалось выйти из этой переделки целям и невредимым.

Отделавшись от распоясавшихся солдат, друзья, наконец, достигли джунглей. Путешественники держали путь к Копану, поэтому углубились в мрачную чащу дикой растительности. Только теперь Стефенс начинал понимать, почему никто не смог открыть этих руин. Непреодолимая стена джунглей стерегла их тайну лучше, чем самые толстые слои земли и песка, нанесенные в течение веков.

Маленькая группа смельчаков прорыдалась сквозь зеленый ад с неописуемыми трудностями. Навьюченные животные по брюхо проваливались в смрадные болота. Колючие лианы цеплялись за одежду и впивались в тело. Влажное урочище кипело, как бурлящее ядовитое варево, гнилостные испарения отправляли организм, обессиливая путешественников. Ночью джунгли наполнялись тысячами невероятнейших звуков, раздавались дикие вопли и завывания. Сумасшедший визг обезьян, скрипучие голоса попугаев, пронзительный рев и стоны, — казалось, что воют, извиваясь от боли, тысячи раненых животных, — этот жуткий концерт не давал путешественникам сомкнуть глаз.

Через несколько дней, которые показались вечностью, Стефенс, Казервуд и сопровождавшие их индейцы прорубились через джунгли и добрались до Копана, покрытые струпьями и грязью. Воспаленными от бессонницы глазами они посмотрели на группу нищенских мазанок, которая называлась Копаном, — и сердца их охватило отчаяние. Они не увидели и следа руин, поэтому стали подозревать, что сообщение Фуэнтеса было сплошным вымыслом. Спросили о руинах местных жителей, но те смотрели на пришельцев большими глазами и пожимали плечами.

Подавленные путешественники решили задержаться на несколько дней в селении, чтобы восстановить силы после изнурительного пути, а потом подумать, что делать дальше. Стефенс пришел к мысли, что не помешало бы как следует осмотреть ближайшие окрестности. Джунгли были настолько непроходимыми, что, кто знает, может, там что-то и скрывается. К тому же он заметил, что местные жители вообще не отходили далеко от своих хижин, а пущи болились, как огня.

После короткого отдыха исследователи отправились в густые заросли девственного леса. Индейцы, которые участвовали в экспедиции, тяжелыми ножами — мачете — прорубали тропинку, а жители Копана следили за ними с насмешливым любопытством. И вот вскоре экспедиция остановилась, как вкопанная,

перед мощной стеной, построенной из тесаных глыб, плотно подогнанных одна к другой, но не скрепленных раствором. Крупные ступеньки вели куда-то вверх, в неизвестное, в самую гущу зарослей. Путешественникам казалось это невероятным — рядом с селением стоят могучие руины, а его жители даже не подозревают об их существовании.

А может, подумали они, уже не веря собственному счастью, — это только остатки какой-то испанской крепости? Ведь именно здесь проходил в 1524 г. Кортес, который спешил в Гондурас, чтобы усмирить восставшего губернатора Олиду, а в последующие годы испанцы вели здесь отчаянные бои с коренными жителями, прежде чем смогли набросить на них свое ярмо.

Но эти сомнения рассеялись, как только они заметили каменную плиту. Выкорчевав заросли, исследователи увидели огромную стелу, высота которой достигала четырех метров, а ширина — около метра. Плиту сверху донизу покрывали барельефы с удивительными рисунками. В уголках и углублениях виднелись следы ярких красок — это свидетельствовало о том, что стела была когда-то богато раскрашена. На передней стороне вырисовывалось выпуклое изображение мужчины с суро-вым лицом, наводящим суеверный страх.

Стиль и композиция были необычны, но вызывало восхищение мастерство и тонкость исполнения. Самые мельчайшие детали, самые филигравные орнаменты вырисовывались четко и выразительно, как будто их изваяли не в твердом камне, а вырезали бритвой из мягкого материала. От этих гротескных украшений повеяло древними веками. Кто же эти люди, так терпеливо и вдохновенно трудившиеся, а потом исчезнувшие, растворившиеся в туманной дали прошедших вермен? «Эта странная карикатура на человека, — писал Стефенс в своих дневниках, — была как бы духом минувших народов, стоящих на страже своих древних родных селений».

Углубляясь в джунгли, путешественники открывали одну стелу за другой, пока не насчитали их 14. Они отличались друг от друга, но все были удивительно богато украшены выпуклыми рисунками и символами. Уже смеркалось, когда путники вернулись в лагерь, ошеломленные успехом.

На следующий день, на рассвете, к Стефенсу явился местный портной — метис дон Хосе Мария и торжественно заявил, что вся земля вдоль реки Рио-Копан является его собственностью. Стефенс расхохотался — настолько нелепой ему показалась уже сама мысль о том, что руины в джунглях могли кому-то принадлежать, тем более человеку, который до вчерашнего дня не имел ни малейшего понятия об их существовании. Поэтому он пренебрежительно выпроводил гостя.

Но дело, как выяснилось, было не таким уж простым. С того момента, как Стефенс отказался удовлетворить претензии

портного, любое требование его бойкотировалось всем селением. Никто не хотел наниматься работать, продавать кукурузный хлеб. Путешественники стали предлагать жителям лекарства, блестящие безделушки и деньги, но те от всего единодушно отказывались. Теперь речь уже шла не только о помощи; в стране, где пылала революция, столкновение с местными жителями могло повлечь за собой нежелательные последствия. Стефенс решил как-то договориться с метисом.

Дон Хосе приглашение принял, но, видимо, его страшно оскорбило то, как с ним обошлись в прошлый раз. Стефенс, дитя своей капиталистической страны, с изумлением узнал, что метис даже не думал о материальных выгодах. Заявляя о своей собственности, он руководствовался лишь бескорыстной гордостью хозяина, поэтому он был буквально огорожен, когда Стефенс предложил ему продать руины. Метис не мог понять, зачем иностранцам покупать эти никому не нужные и ни на что не пригодные камни. Он стал подозрительным и внимательным. Переступая с ноги на ногу, метис попросил дать ему время на размышление — было видно, что он просто тянет. К вечеру портной явился снова. После долгих переговоров Стефенс за 50 долларов получил в собственность руины города Копан. Легкая улыбка, промелькнувшая на лице метиса, выдала его мысли: дон Хосе посчитал американца отчаянным чудаком, которого совсем легко обвести вокруг пальца.

Торговое соглашение Стефенс отметил большим банкетом примирения, на который пригласил всех жителей селения. Вечер прошел в приятельской обстановке: все танцевали и пели, а на жаровне, распространяя аппетитный запах, жарился поро-

сенок. Индейцы с изумлением рассматривали стелы, страшно удивляясь, что они находились в джунглях совсем неподалеку от их селения. В конце американцы угостили их сигарами, и гости разошлись по домам, готовые во всем усугубить щедрым иностранцам.

Наладив дружбу с местными жителями, Стефенс приступил к дальнейшим поискам. Он пробился сквозь джунгли до самого берега реки Рио-Копан, где сделал свое величайшее открытие. Это была гигантская, суровая по своим формам пирамида, построенная из огромных каменных плит. Стефенс и Казервуд стали взбираться по ступеням, которые вели куда-то вверх через мрачную чащу деревьев и лиан. Всюду прыгали обезьяны — они вились, пищали и кричали на незванных гостей, как рассерженные торговки.

С вершины пирамиды перед исследователями открылась ни с чем не сравнимая панорама. Среди зарослей, как в бушующем море, возвышались, сколько видел глаз, руины пирамид, дворцов, храмов и одинокие изваяния. Путешественники испытывали такое чувство, словно они перешагнули границу реальной жизни и оказались в мире привидений. «Город напоминал, — пишет Стефенс, — разбитую барку среди океана, потерявшую мачты и брошенную на произвол судьбы неизвестным экипажем. Никто уже не мог сказать, чья это барка, откуда она приплыла, долго ли находилась в пути и что ей принесло гибель».

В течение следующих дней два друга из Нью-Йорка обследовали ближайшие окрестности, открывая все новые и новые статуи, плиты с барельефами, ступени и террасы. Уже от одного только количества находок голова могла пойти кругом. Огромные монолиты, вывороченные из земли могучими корнями, лежали среди листьев и пней, превратившихся в труху. Статуи в смертельных объятиях лиан и других выющих растений,казалось, поднимались с земли, борясь за свет и воздух. Кое-где стояли каменные божки, не тронутые хищной природой, а у их подножий чудом сохранились алтари, на которых когда-то приносили жертвы. Плиты целиком были покрыты орнаментами и загадочными иероглифами, начертанными резцом древних скульпторов. Выпуклые изображения идолов, казалось, почти отрывались от своего каменного фона.

Руины ошеломили Стефенса. В голове возникали тысячи вопросов. Не оставалось и тени сомнения, что он открыл столицу какого-то могущественного гениального народа. Этот народ ваятелей и строителей-цикlopов, наверно, жил здесь многие века — ведь столько зданий, статуй и пирамид могло возникнуть лишь в результате упорного труда нескольких поколений. Как люди тех времен доставляли сюда эти глыбы, весящие нередко свыше 10—15 тонн? Стефенс обнаружил каменоломни,

находившиеся на другой стороне реки Рио-Копан, в нескольких километрах от берега. Чрезвычайно интересная и почти необъяснимая вещь: не имея выручных животных и технических приспособлений, люди не только сумели доставить такие огромные тяжести по суше, но и переправить их через реку.

Казервуд сразу же начал старательно зарисовывать скульптуры и орнаменты, но дело продвигалось очень медленно. Стиль и композиция были необыкновенно сложными и настолько не соответствовали художественным представлениям белого человека, что порой он чувствовал себя совершенно беспомощным и откладывал карандаш. Кроме того, прежде чем приступить к работе, приходилось сначала вырубать густые заросли, чтобы получить необходимое освещение и доступ к изображаемому объекту. И все же, несмотря на все эти трудности, Казервуд в короткое время сделал 50 очень точных рисунков, которыми позднее Стефенс проиллюстрировал свою книгу.

На обратном пути исследователи посетили Гватемалу, Чиapas и северную оконечность Юкатанского полуострова. И всюду им встречались бесчисленные руины: пирамиды, дворцы, статуи, целые города. Это были неведомые, таинственные миры, которые возникли из небытия. Их существование вызывало громадное количество исторических и археологических вопросов.

В письмах друзьям Стефенс с восторгом описывал свои открытия, но его сообщения принимались с недоверием. Однако изданная им в 1842 г. книжка «Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чиапас и Юкатан» вызвала небывалую сенсацию, вспыхнула полемика. За короткое время книга несколько раз переиздавалась и была переведена на другие языки.

При этом вспомнили о книге Фредерика де Вальдека «Романтическое и археологическое путешествие по провинции Юкатану», вышедшей во Франции на четыре года раньше. Из нее следовало, что первооткрыватель руин француз, а не американец. Только Вальдеку не повезло; свое произведение он издал в то время, когда Франция была увлечена новыми открытиями в Египте, и его книгу даже не заметили.

Под впечатлением книги Стефенса историки наперебой стали ворошить старые испанские источники и пришли к выводу, что строителями замечательных городов были майя. За много столетий до прихода ацтеков они создали богатую культуру, на территории Центральной Америки и Юкатана возникли их города-государства.

В полемическом задоре относительно происхождения майя возникали самые фантастические и даже нелепые теории. Одни утверждали, что майя пришли из Азии, спасаясь бегством от потопа. Другие считали их уцелевшими жителями Атлантиды, легендарной земли, которую якобы поглотили бурные воды

Атлантического океана. Испанские конкистадоры в своих сообщениях постоянно обращали внимание на то, что религия майя поразительно похожа на христианство. Были там символы креста, исповедь, идеи мессии и т. п. Это дало повод к возникновению еще одной теории о том, что майя происходят якобы из Палестины и имеют что-то общее с первыми приверженцами Христа. Уже менее фантастическими казались взгляды ученых, стремившихся доказать, что открытые сооружения в форме пирамид могут свидетельствовать о каком-то родстве майя с древними египтянами. О том, кто такие были майя на самом деле, мы узнаем из следующих глав.

В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОГО ЗМЕЯ

Над джунглями Юкатана кружил туристский самолет. Гул мотора многоголосым эхом катился над диким безлюдьем. Время от времени самолет опускался так низко, что почти задевал колесами вершины вековых деревьев, устилавших землю непроницаемым ковром. В ярком обрамлении зелени тут и там белели пирамиды и дворцы, и тогда самолет снижался и делал над ними круги.

Это был 1930 г. В кабине самолета сидели два мексиканских археолога — Мадейро и Масон. После долгих хлопот осуществилась, наконец, их мечта: правительство выделило им самолет, и теперь ученые усердно фотографировали и наносили на карту еще неизвестные островки древних поселений майя.

И действительно, здесь было что фотографировать и записывать. В одном лишь Юкатане, кроме трех уже известных столиц — Чичен-Ицы, Майяпана и Ушмала, — насчитали 70 других городов. Огромные, все еще не исследованные пространства — без малого 100 тыс. квадратных километров — принадлежали некогда Королевству Великого Змея, как называли свою державу майя. В 1947 г. археологическая экспедиция, проводя исследования в мексиканских штатах Чиapas и Бонампак, открыла 11 храмов, относящихся к первым векам нашей эры. На стенах их виднелись изображения воинов, жрецов и королей, нарисованные желтыми, красными, коричневыми, зелеными и голубыми красками.

Характерной деталью сооружений майя является то, что их возводили на искусственных платформах из камня в форме пирамиды с усеченной вершиной. Стены храмов и дворцов, как правило, очень толстые, облицовывались каменными плитами с резьбой. Внутрь зданий вели необычайно узкие и низкие входы, а своды комнат имели вид удлиненных остроконечных арок, характерных лишь для архитектуры майя. И вообще эти здания производили бы впечатление приземистых крепостей, если бы не сюжетные барельефы, украшавшие их стены сверху донизу. На них изображены головы людей и животных, страшные змеи и идолы, напоминающие химер средневековых соборов, будто

выхваченных из бредового сна, но стиль барельефов отличается выразительностью и точностью рисунка.

Вся цивилизация майя опиралась на выращивание кукурузы и цвела в окружении буйной растительности, однако в ее прикладном искусстве удивительно мало растительных элементов. Даже колонны, которые во всем мире восходят к стволу какого-то дерева, у майя воспроизводят туловища змей-чудовищ с высушенными языками. Особенно знамениты две такие колонны-змеи, находящиеся на фасаде Храма Воинов в Чичен-Ице. Головы змей с открытыми пастьми приплюснуты к земле, туловище, покрытое оперением, извивается сначала по земле, а потом вертикально поднимается вверх, чтобы поддержать крышу храма.

Среди руин встречаются здания с такими маленькими входами и комнатами, словно их построили для пигмеев. Наиболее известен так называемый Дом Карликов в Ушмале. Описывая весьма своеобразные сооружения, археологи выдвигали самые различные гипотезы. Одни считали, что в этих местах когда-то жили племена карликов, но более правдоподобно предположение, что майя строили эти дома для духов или же каких-то мифических существ, которым они желали дать приют.

Город майя Чичен-Ица превосходил все другие города пышностью архитектуры, богатством скульптур, красотой цветных фресок, но главное — своими размерами: он занимал свыше 3,5 квадратных километров. Руины стоят теперь на открытом, расчищенном от зарослей месте. К городу ведет отличная автомагистраль, по которой курсирует автобус из юкатанской столицы Мерида.

Следует сказать также о Храме Ягуаров, который выделяется богатством декоративных мотивов и изумительным ажурным аттиком, вырезанным из твердого камня. Не менее знаменит Храм Воинов с его колоннадой, внутри которой лестницы ведут на верхние платформы пирамиды. Самой высокой является пирамида Кастильо. Она состоит из восьми этажей с террасами, а на ее вершине возвышается храм, посвященный белому богу Кукулькану, символом которого был «пернатый змей».

Приблизительно в центре города возвышается, касаясь облаков, громадное круглое сооружение. Когда-то здесь размещалась астрономическая обсерватория майя. Ее окна расположены так, что взгляд по прямой линии падает на определенные созвездия. Но наиболее интересен стадион. Надо сказать, что майя были страстными любителями игры в мяч. Мы видим на стадионе огромную стену, украшенную барельефами, с карнизом в виде извивающихся змей. На стене горизонтально укрепленный каменный обруч радиусом в полтора метра.

На этом стадионе жители Чичен-Ицы следили за жаркими состязаниями разных команд, бились об заклад, восторженно

приветствовали своих любимцев и осыпали бранью и насмешками тех, кто не оправдал их ожиданий. В хрониках сообщается, что проигравшие должны были у всех на глазах раздеться догола и отдать свою одежду победителям.

В северной части Юкатана на небольшом расстоянии друг от друга находятся два других города-государства майя — Ушмаль и Майяпан. Богатством архитектурных и художественных памятников они почти не уступают Чичен-Ице. Ушмаль особенно славится великолепными зданиями, украшенными щедрым орнаментом. Это Дом Пророков, Дом Монахинь, Дом Губернатора, Дом Черепахи, Дом Старой Женщины, Дом Голубей и др. Названия этим домам дали археологи в зависимости от характерных декоративных мотивов.

Перенесемся теперь на юг, в мексиканский штат Чиапас. В конце глубокого ущелья, среди гор и девственных лесов белеет древний, священный город майя, который именуют ныне Паленке — по названию соседней индейской деревеньки. Если учесть то обстоятельство, что каменная часть города была религиозным центром, где жили только жрецы и аристократия, а все остальное население обитало в мазанках, от которых, естественно, не осталось и следа, следует предположить, что город насчитывал в период расцвета около 100 тыс. жителей. Эта громада покрытых изображениями, тщательно отесанных каменных глыб производит неизгладимое впечатление. Достаточно сказать, что там сохранилось 18 прекрасных дворцов и храмов, а также 22 других сооружения, среди которых — высокая башня для астрономических наблюдений. Все эти постройки были возведены на фундаментах в форме пирамид.

Археологи считали, что пирамиды майя, в противоположность египетским пирамидам, не являлись гробницами царей, а служили искусственными подножьями храмов и дворцов. Но в 1952 г. они изменили мнение. За четыре года до этого археолог Альден Масон заметил на полу Храма Надписей в Паленке какую-то плиту с отверстиями. Когда ее подняли, показалась узкая, забитая камнями лестница, ведущая в глубь пирамиды. Четыре года продолжалась кропотливая работа — и, наконец, археологи вошли в маленькую комнату с большим каменным саркофагом, в котором находились кости пяти молодых индейцев — двух девушек и трех юношей. Огромное количество украшений из яшмы указывало на то, что молодые люди — наверно, жертвы религиозного ритуала — происходили из аристократических родов. Через треугольный вход, закрытый многотонным монолитом, исследователи вошли в огромный зал, буквально очаровавший их своими сталактитами, свисавшими с потолка, и сталагмитами, торчавшими с пола лесом игл. В блеске карбидных ламп засверкали ослепительные искры, казалось, в зале началась дьявольская феерия.

ХРАМ ЯГУАРОВ
Чичен-Ица

Посредине зала стоял тяжелый каменный саркофаг с останками какого-то короля или высокого жреца. Покойник был усыпан украшениями из зеленой яшмы, а его лицо закрывала маска, отделанная мозаикой из плиток яшмы. Ткань одеяний совершенно истлела.

Саркофаг был украшен сюжетным орнаментом и иероглифами, из которых Масон сумел выделить и расшифровать дату: 27 января 603 г. Значит, в этот день состоялось погребение выдающегося мужа города Паленке, вероятно, самого могущественного властелина и жреца в истории майя.

Паленке принадлежал к городам старой империи майя. Следует отметить, что археологи делают их историю на два больших периода: на новую и старую империю. Первые майя населяли южную часть Юкатанского полуострова, современные — Гондурас, Гватемала и мексиканские штаты Чиапас и Табаско. Это было приблизительно с 1000 г. до н. э. до VI в. н. э. На первые века нашей эры приходится вершина расцвета старой империи. Около 610 г. н. э. в государстве майя произошло нечто совершенно беспримерное в истории мира. Однажды утром население запаковало свои пожитки и навсегда покинуло города с их замечательными улицами и площадями, храмами и дворцами, чтобы в северной части Юкатана возвести совсем новые города — Чичен-Ицу, Майяпан и Ушмаль.

Каким образом удалось узнать о неожиданном и удивительно странном уходе целого народа? В какой-то степени заслуга в этом принадлежит архиепископу Диего де Ланде, жившему на Юкатане в XVI в. Подружившись с одним индейским князем, он записал его рассказы о богах, войнах и обычаях майя.

Ланда зарисовал также иероглифы, обозначающие дни и месяцы, благодаря чему гротескные барельефы на зданиях и стелах приобрели для археологов особый смысл. Некоторые сообщения Диего де Ланды казались малоправдоподобными, но все же удалось выяснить, что в прикладном искусстве майя все мотивы — будь то изображение людей или животных — непременно связывались с определенной датой. Кроме того, каждая постройка и даже каждая ее часть по сути дела являлись календарем, так как обозначали какую-то дату или астрономическое явление.

Благодаря работам современных археологов ученые довольно точно расшифровали некоторые иероглифы майя, начертанные на зданиях и стелах, но это принесло им разочарование, так как все надписи содержали одни только даты. Среди десятков тысяч надписей не удалось найти ни малейших информации о жизни и обычаях майя. Как видно, сведения такого рода майя никогда не увековечивали на камне⁴.

⁴ Косидовский излагает устаревшую точку зрения на письменность майя. Работами Ю. В. Кнорозова было доказано, что надписи майя содержат

АЛЕБАСТРОВАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ГРОБНИЦЫ ВОЖДЯ В ХРАМЕ НАДПИСЕЙ

Паленке

На основании этих фактов ученые пришли к выводу, что майя стали рабами своего календаря. Возможно, свои постройки они возводили не столько для того, чтобы ими пользоваться, сколько потому, что этого требовал календарь. Каждые пять, десять или двадцать лет майя строили новые каменные сооружения и снабжали их соответствующей датой. Иногда они упрощали свою задачу, обстраивая старое здание новой каменной оболочкой и помечая ее новой датой.

А теперь мы приближаемся к самой сути дела. Постройки старой империи, т. е. в городах, лежащих на юге, датированы лишь примерно до 610 г. Приблизительно с этого же года начинают возводиться сооружения в Чичен-Ице, Майяпане, Ушмале и других городах северного Юкатана. Вывод из этого поразительного факта может быть только один: майя покинули свои поселения неожиданно и все вместе.

Как только ученые убедились в исторической достоверности этого события, отовсюду, как из рога изобилия, посыпались различные теории, пытающиеся его объяснить. Самая первая гипотеза, согласно которой майя будто бы вынуждены были бежать от завоевателей, быстро пошла в архив. Держава майя в то время достигла вершины своего военного могущества, в их соседстве никогда не было племени, настолько сильного, чтобы совершить такое нашествие, да к тому же в руинах не удалось найти никаких следов вторжения.

Более правдоподобным казалось утверждение, что майя ушли после страшного стихийного бедствия или эпидемии, но и против этой теории говорили веские аргументы. Во-первых, как только миновала опасность, население сразу же вернулось бы в свои замечательные древние города, но этого не произошло. Во-вторых, бурный рост северных городов, их культурное и политическое развитие противоречат предложению, что здесь жил народ, который только что сильно пострадал от стихийного бедствия или эпидемии.

Мысль о том, что причиной эмиграции явилось неожиданное изменение климата, также не выдерживает критики. Такое изменение обязательно наступило бы и в Чичен-Ице, городе, расположеннем по прямой линии на расстоянии всего лишь 400 километров от южных городов старой империи.

И только несколько лет назад археолог Сильванус Грисвольд Морли выдвинул теорию, которая считается наиболее убедительной. Вот ее суть.

не только календарные даты, а являются иероглифами, подчиняющимися тем же законам развития письма, что и другие иероглифические системы, например Египта и Шумера. Новейшие работы американских ученых Т. Про-скуряковой и Э. Келли показали, что иероглифические надписи на стелах майя связаны не только с календарем или имеют религиозное значение, а говорят и о других вещах, в частности, сообщают о смене династий (прим. ред.).

ХРАМ I. ВИД ПОСЛЕ РАСКОПОК

Тикаль, 700 г. н. э.

Хотя майя в большинстве были горожанами, они все-таки не могли существовать без земледельческого труда и его продуктов, основным из которых являлась кукуруза. Жизнь майя находилась в зависимости от урожая кукурузы.

Общественная структура майя выявляет острые классовые противоречия, которые особенно наглядно видны в застройке их городов. Дворцы аристократии и храмы из тесаного камня составляли отдельный район, своеобразную крепость, где жили богачи, опасаясь гнева трудящихся масс. Вокруг каменного города теснились нищенские мазанки городской бедноты — от них, понятно, не осталось и следа.

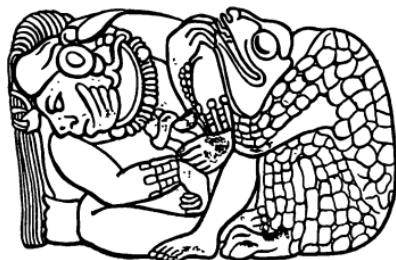
Доля земледельцев была необыкновенно тяжкой. Одну треть урожая они отдавали сановникам, другую — жрецам, и только последнюю треть им позволялось оставлять себе. В период между севом и сбором урожая их гнали на работы в каменоломни и на строительство.

Отсталость, спесь и отрыв аристократии от жизни народных масс привели к тому, что общество остановилось в своем развитии. Это особенно отразилось на сельском хозяйстве, где методы обработки земли были чрезвычайно примитивными. Достаточно сказать, что майя не знали даже плуга.

Чтобы вырастить кукурузу, крестьянин поджигал участок джунглей и на полученной таким образом полянке делал заостренной палкой ямки, в которые бросал зерна. Когда земля на участке истощалась и переставала родить, он переходил в другое место, потому что удобрять землю майя не умели. Заброшенные участки зарастали джунглями и только много лет спустя их можно было снова обрабатывать.

В поисках урожайной земли крестьяне все больше углублялись в джунгли, удаляясь от городов, которые им приходилось кормить. Между городами и землей-кормилицей росли широкие пояса выжженной и бесплодной степи. Жить горожанам становилось все труднее, в их дома начал заглядывать голод. Огромные пространства оказались истощенными, и народ понял, что единственное спасение — это эмиграция. В то время, когда на севере возникла новая империя, древние города Ушакутун, Тихаль, Наранхо, Копан и Паленке затерялись в диких зарослях, тысячи лет скрывавших от людских глаз руины старой империи.

Подтверждением этой теории является любопытный опыт, который недавно провел датский ученый Аксель Стейнсберг. Желая в точности воспроизвести условия, в которых обрабатывали землю люди эпохи шлифованного камня, он отправился со своими ассистентами в Ютландию, выкорчевал там каменными топорами участок дубового леса и посадил с помощью заостренной палки овес. В первый год урожай был неплохой, но потом из года в год резко сокращался. На четвертый год выкорчеванная земля стала совершенно бесплодной.

Источником исторических сведений о городах новой империи являются хроники, написанные в XVI—XVII вв. на языке майя латинскими буквами и названные в честь группы жрецов, славившихся своими пророчествами,— книгами Чилам Балам. Мы узнаем из них, что в северном Юкатане существовало три главных политических центра: города-государства Майяпан, Чичен-Ица и Ушмаль. Властителями Майяпана были жрецы во главе с королем, которые считали себя непосредственными потомками белого бога Кукульканы и поэтому носили искусственные бороды. Зато в Чичен-Ице и Ушмале правили воины, вожди аристократических военных каст.

В 1000 г. названные города объединились в федерацию. Но уже около 1200 г. между ними разразилась война. Вождь армии Майяпана Хунак Кеель с помощью наемников из племени тольтеков захватил и разрушил Чичен-Ицу, а его правителей увел с собой как заложников. В 1441 г. в захваченных городах вспыхнуло восстание. Войска повстанцев под предводительством князя Ушмала из династии Шиу превратили Майяпан в груду развалин. После этих событий разбитая и ослабленная страна майя стала легкой добычей ацтеков.

Когда прибыли испанцы, культуры майя уже не существовало. Потомки великих зодчих, художников и астрономов распались на слабые, полудикие племена, говорили на разных наречиях, отличались друг от друга одеждой и обычаями, а о своей общей славной истории имели очень туманное представление. Правда, они исповедовали старую религию, но уже в довольно искаженной форме.

Города новой империи постепенно утонули в глубинах джунглей, как в морской пучине, и никто о них уже не помнил. Только некоторые племена индейцев в руинах этих городов совершили свои тайные религиозные обряды.

ОБРУЧЕНИЕ БОГА ДОЖДЯ «Сеньор, мы приехали!» — густой голос метиса отзывался многоголосым эхом в ночной тишине. Лохматые мексиканские лошадки стали, как вкопанные, и тотчас опустили головы, чтобы наконец подремать. Молодой американец, внезапно пробудившийся от сна, покачнулся и, пожалуй, упал бы с лошади, если бы его не поддержал проводник. Он открыл глаза и замер, очарованный волшебным зреющим.

Перед ним высилась темно-синяя стена пущи, а над верхушками деревьев, словно плавущий в облаках, белел в полусвете луны какой-то храм или дворец, возведенный на вершине пирамиды.

Так, в 1885 г. 25-летний Эдвард Герберт Томпсон прибыл в Чичен-Ицу, величайший и могущественнейший город-государство майя, о котором ходили по свету самые фантастические легенды,

Едва забрезжил рассвет, Томпсон вскочил с постели и, выпив несколько глотков кофе, немедленно помчался к пирамидам. Взобравшись на первую попавшуюся, он долго любовался панорамой руин. Вдруг, пристально всмотревшись в даль, Томпсон радостно вскрикнул — среди деревьев, как серебряное зеркальце, блестел небольшой круглый пруд.

— Священное озеро — храм бога дождя, — шепнул он мексиканцу.

Смуглое одутловатое лицо проводника просияло.

— Да, сеньор, священное озеро, — сказал тот добродушно улыбаясь. — Люди разное о нем болтают... Некоторые говорят, что в определенные времена года воды озера превращаются в кровь. А другие видели, как из его глубин выходил хоровод плачущих девушки. Тогда в чаще звучит пение невидимых жрецов, играют флейты и грохочут барабаны.

Тем временем уже совсем рассвело.

«Я стоял на крыше храма, — пишет Томпсон в своих воспоминаниях, — когда далеко на горизонте первые лучи солнца зарумянили небо. Вокруг царила глубокая утренняя тишина; день еще не отозвался своими голосами. Казалось, что земля и небо затаили дыхание, словно ожидая чего-то неизвестного. А потом выплыл огромный пылающий диск солнца, и вмиг весь этот широкий мир зазвенел песнями. Птицы на деревьях и насекомые на земле запели свой великий гимн солнцу».

Через некоторое время пришельцы спустились по крутым ступеням вниз и по узкой тропинке направились к пруду. Озеро имело очень мрачный вид, и нечего удивляться, что местные жители боялись к нему приближаться. Это была по существу зияющая бездна — яма, наполненная водой. Берегами ее являлись отвесные каменные стены высотой до 20 метров. Поверхность черного омута покрывали водоросли, листья и плавающие стволы полуистлевших деревьев.

Томпсон опустил лот и убедился, что глубина пруда достигает приблизительно 25 метров. На берегу виднелись руины алтаря, от которого украшенная барельефами плотина вела к храму, стоящему на пирамиде.

Тщательно обследовав берега озера, Томпсон сел на камень и еще раз задумался над смыслом своей экспедиции. Он вынул из кармана книжку с сообщениями архиепископа Диего де Ланда и в который уже раз прочитал: «Если в этой стране было когда-нибудь золото, то большая его часть должна находиться на дне озера в Чичен-Ице».

Майя в отличие от ацтеков своим многочисленным божкам приносили в жертву, как правило, лишь цветы и фрукты. Только, когда наступала засуха и нужно было умилостивить разгневанного бога дождя Чак-Мооля, который, по преданиям, жил на дне озера, жрецы посыпали ему невесту, самую красивую

девушку. Люди давали ей очень богатое приданое: бросали в воду драгоценности и различную домашнюю утварь.

К замечанию Ланды почти все относились с недоверием. Ученые считали, что это типичная романтическая народная легенда, лишенная реальных оснований.

Но молодой Томпсон сразу ей поверил. Сообщение Ланды настолько сильно подействовало на пылкое воображение юноши и так его увлекло, что он решил разгадать тайну озера на месте. Хотя знакомые и подшучивали над Томпсоном, называя его фантазером, он отправился в путешествие на Юкатан, чтобы разработать план извлечения из глубин озера древних сокровищ майя.

Пока метис раскладывал костер, собираясь готовить обед, Томпсон сидел на жертвенном камне и, устремив взгляд в мрачную пучину озера, пытался представить себе, как праздновалось торжество в честь бога дождя.

Вот по ступеням пирамиды сходит процесия во главе с королем, жрецами и сановниками. Их пышные одеяния переливаются всеми цветами радуги, над головами раззываются пестрые султаны. Мерно покачивается плотно закрытый паланкин, в котором сидит юная избранница бога.

Под ритуальное пение жрецов, под звуки флейт и барабанов все медленно шествуют вдоль плотины, затем останавливаются у алтаря и молча ждут, пока не выкатится из-за горизонта багровый диск солнца и первые его лучи не заиграют огоньками на водной глади.

Тогда жрецы выводят из паланкина бледную, испуганную девушку, накидывают на нее прекрасное свадебное покрывало, а голову украшают венком из цветов. При виде невесты толпа взрывается громом приветствий; исступленно звучат флейты, а барабаны грохочут с такой силой, что кажется, будто на землю обрушился страшный град.

Жрецы заканчивают пение и молитвы — наступает мертвятишина. Четыре жреца поднимают девушку и с размаху бросают ее в озеро. Крик ужаса несчастной жертвы пронизывает воздух, затем слышится глухое, страшное бульканье воды — бог дождя принял в свое царство новую избранницу. Вслед за жертвой в озеро сыпается дождь ожерелий, браслетов, ларцов, гребней, булавок, ваз и керамических чаш с замечательным орнаментом.

Можно ли извлечь таинственные сокровища из черного и смрадного омута? Томпсон пришел к выводу, что для этого необходима специальная землечерпала и водолазный скафандр. Но где взять денег?

Возвратившись в Соединенные Штаты, Томпсон развернул активную деятельность: он выступал с лекциями в университетах и на научных конгрессах, пока не собрал, наконец,

КАМЕННАЯ РЕЗНАЯ СТЕЛА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННОГО КАЮЩЕГОСЯ
ПЕРЕД ЖРЕЦОМ

Майя. Вероятная дата 781 г.

необходимые средства. Потом он отправился в Бостон, где под руководством опытного водолаза освоил трудное водолазное искусство и достиг неплохих результатов, хотя физически был человеком довольно хилым.

Но особую надежду молодой ученый возлагал на свое приспособление, напоминающее землечерпалку, которое сделали на заводе по его заказу. Механизм состоял из 10-метровой мачты, ковша с зубчатым краем, кривошипа, стальных тросов и блоков.

В Юкатане американец нанял нескольких рабочих, прежде всего ловца жемчуга, опытного водолаза, грека, который работал на острове Багама. Вместе с ними он вторично прибыл в Чичен-Ицу.

Диаметр озера составлял около 70 метров, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы обыскать все его дно. Томпсон справился с этими трудностями очень остроумно. Толстый ствол дерева, напоминающий по контурам человеческую фигуру, он бросал в воду до тех пор, пока не определил место, куда, по всей вероятности, попадали живые жертвы. Здесь он и пустил в ход свой механизм.

Ковш извлекал на поверхность черный, как смола, ил, гнилые ветви, истлевшие деревья, а однажды даже сцепленные между собой кости ягуара и серны, немое свидетельство лесной трагедии. Солнце пекло немилосердно; на берегу росли кучи ила и грязи, наполняя воздух невыносимым смрадом.

Так работа продолжалась изо дня в день, не принося никаких результатов. Но однажды появился первый робкий вестник успеха: среди ила ученый обнаружил бело-желтые кусочки какой-то смолистой массы. Разогретые на огне, они распространяли сладковатый пьянящий аромат. Томпсон не сомневался, что нашел благовония, которые жрецы использовали во время церемонии приношения жертвы.

Вскоре, как из рога изобилия, посыпались разнообразные находки. Каждый ковш приносил добычу: украшения, вазы, копья, ножи или чаши из обсидиана и яшмы. Окончательным подтверждением рассказа Ланды был скелет молодой девушки, извлеченный со дна озера.

Томпсон торжествовал: ему припомнился исполненный трудностей путь, по которому в конце концов он пришел к успеху, разочарования, насмешки со стороны людей, считавших его неисправимым мечтателем. И вот теперь он совершил одно из величайших археологических открытий в Америке.

Дальнейшие поиски молодой ученый решил проводить в скафандре водолаза. Свои подводные переживания и приключения он описывает настолько красочно и с таким драматическим напряжением, что лучше предоставить слово ему самому.

«Когда я ступил на первую перекладину лестницы, — вспоминает Томпсон, — парни, которые обслуживали помпу, по оче-

реди подходили ко мне и с мрачной миной пожимали руку. Нетрудно было угадать их мысли: они прощались со мной навсегда, не веря, что я вернусь живым. Отпустив лестницу, я погрузился, как мешок, наполненный свинцом, оставляя за собой цепочку серебристых пузырьков.

Свет стал сначала желтым, потом зеленым, наконец, пурпурно-черным, и вот я очутился в кромешной тьме. Уши пронзила острые боль — возрастило давление. Погружаясь, я ощутил, что очень быстро теряю в весе, и когда, наконец, стал на колонне, которая отвалилась от руин алтаря на берегу, мне показалось, что я скорее пузырь, а не человек, одетый в тяжелый скафандр.

Приятно было думать, что я — единственный человек в мире, который посетит это место живым и живым его покинет. Рядом со мной появился водолаз-грек, мы пожали друг другу руки.

В иле и грязи ковшом был проделан коридор с отвесными стенами шестиметровой высоты. В этих стенах, как изюминки в тесте, торчали камни различной формы.

Представьте себе, как мы двигались наощупь в потемках, окруженные со всех сторон этой стеной грязи, шарили в щелях и трещинах известнякового дна, разыскивая предметы, которые не захватил ковш. И еще представьте себе, что каждую минуту какой-то валун, подмытый водой, соскальзывал на наши головы. Однако это не было настолько грозным, как могло бы показаться. Пока мы держались на определенном расстоянии от стены, нам не грозила опасность.

Наши рабочие верят, что в черных глубинах «священного озера» живут гигантские змеи и чудовища. Водолаз-грек и я как-то раз настолько увлеклись работой, собирая памятники древности, что забыли об обычной осторожности. Неожиданно что-то громадное незаметно соскользнуло сверху и с непреодолимой силой стало вдавливать меня в грязь. На мгновение меня до мозга костей пронзил ужас, холодные мурашки пробежали по телу. Но потом я почувствовал, как грек стал отталкивать этот предмет и освободил меня от тяжести. Это был огромный гнилой ствол дерева, который оторвался от стены ила и упал на меня как раз в то время, когда я наклонился».

Результаты поисков были буквально сенсационными и полностью подтвердили предание о том, что майя бросали в озеро девушки. На поверхность извлекли тысячи разнообразных предметов: бусы, браслеты, чаши и статуэтки идолов, сделанные из яшмы, золотые щиты с сюжетными барельефами, ножи и прекрасно отполированные зеркала из обсидиана, но главное — черепа молодых женщин.

Почти все предметы оказались разбитыми на мелкие части. Майя верили, что мертвые вещи имеют души, поэтому перед тем, как бросить в воду, они лишали их жизни, разбивая на

алтаре, чтобы их души могли лучше служить своей хозяйке в королевстве бога дождя.

Осмотрев останки молодых женщин, Томпсон сделал неожиданное открытие: нашел череп, который явно принадлежал старцу.

Чей же это череп?

Неужели жреца принесли в жертву богу дождя? Конечно, нет. Хроники ни разу не упоминают о таких жертвах.

Но, может, его бросили в воду завоеватели в период братоубийственных войн между Майяпаном, Чичен-Ицей и Ушмалем? Эта гипотеза также не выдерживала критики. Можно ли поверить, что разъяренные солдаты бросили в воду только одного человека и притом какого-то старика?

Наиболее близким к истине нам кажется третье предположение. Вслед за девушкой бросился в воду охваченный отчаянием отец. Ведь недаром в старой индейской песне поется:

Догорает от жажды кукуруза в поле,
Чак-Мооль зовет тебя, милая доченька,
Но обильнее, чем дождя потоки,
Потекут мои слезы, мои горькие слезы.

Короли ацтекского города-государства Тескоко активно покровительствовали искусствам, их двор являлся центром культурной жизни. Один из королей этого города прославился как

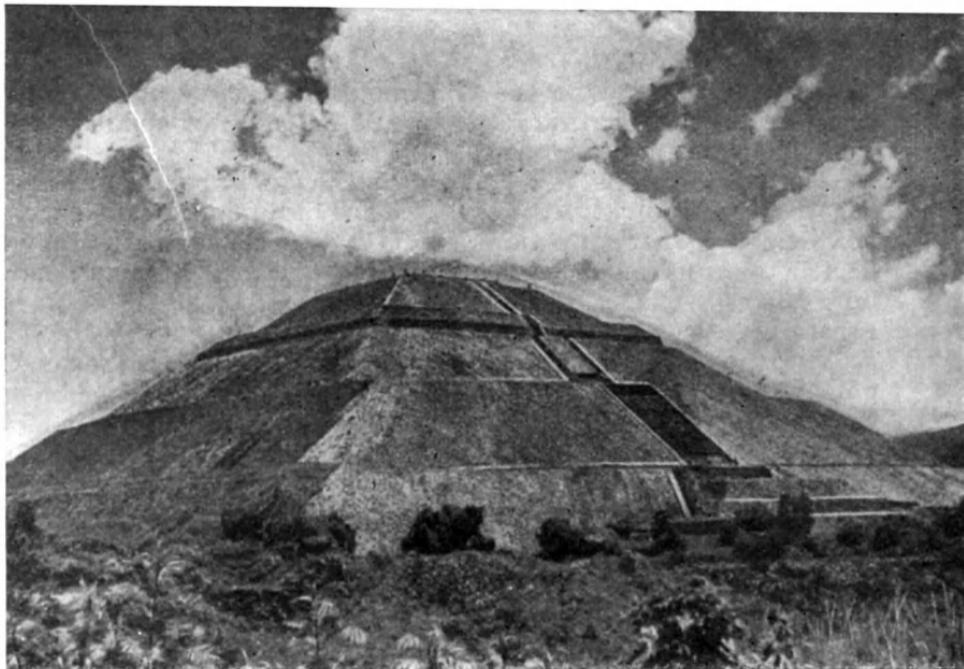
**ПОМПЕИ
НОВОГО СВЕТА**

великий народный поэт, которого глубоко почитали все ацтеки. Прямым потомком королевского рода был князь Ихтилихочитль, человек очень одаренный. Он быстро изучил испанский язык и владел им настолько хорошо, что губернатор Мексики предложил ему должность переводчика и секретаря.

Ихтилихочитль написал на испанском языке подробную историю своей страны. В ней он поведал о народах, которые еще задолго до прихода ацтеков в Мексику строили огромные города и воздвигали величественные пирамиды.

Но испанцы не поверили ему, решив, что ацтекский князь рассказывает сказки. Ведь на всей мексиканской земле не осталось даже следа руин этих якобы богатых городов. Правда, француз Десире Шарней, бродя по стране в поисках сокровищ, наткнулся в 1885 г. на остатки пирамиды в окрестностях города Тула-де-Аллендо в штате Идальго, но и тогда испанцы не могли допустить мысли, что это руины столицы тольтеков — Тулы, о которой с такой уверенностью сообщал ацтекский князь.

Положение изменилось только в 1940 г., когда мексиканские археологи приступили к систематическим раскопкам на месте древнейшего поселения тольтеков. Выяснилось, что в 80 километрах от города Мехико под слоем земли и зарослей скрывались от людских глаз мощные руины. Там обнаружили две боль-

ПИРАМИДА СОЛНЦА В ТЕОТИХУАКАНЕ

Мексика.

шие пирамиды, посвященные богу солнца и богу луны, множество изваяний и рельефов, колонн, а также широкую сеть водопроводных труб из терракоты. Однако наиболее интересным памятником оказался спортивный стадион с каменными лавками, который свидетельствовал о том, что игра в мяч была традиционным увлечением всех без исключения индейских племен Центральной Америки.

На ацтекского историка стали смотреть иными глазами — каждое его сообщение теперь казалось правдоподобным. О го него мы узнаем, между прочим, что тольтеки построили свою столицу в 648 г., а оставили ее по неизвестным причинам в 1051 г. Они знали письменность и математику, на основании обращения луны создали календарь и были замечательными строителями. Их религия и законодательство отличались мягкостью, а короли славились мудростью. Тольтеки, по преданию, вывели путем скрещивания несколько сортов хлопка различной окраски.

Вторую по времени столицу тольтеков мексиканские археологи открыли в нынешнем штате Сан-Хуан. Называлась она Теотихуакан и, судя по руинам, занимала площадь около 12 квадратных километров. Здесь находилось несколько огромных пирамид и десятка полтора великолепных дворцов, украшенных барельефами и фресками. На пирамидах солнца и луны

виднелись, как утверждает Ихтилхочитль, эмблемы из полированного золотого листа. Они днем и ночью ярко сияли и служили своеобразным маяком для путников.

Так же, как и во всех других индейских городах, основным декоративным мотивом в Теотиухакане был пернатый змей, символ белого бородатого бога. Но есть там сюжеты и на другие весьма оригинальные темы. На многих фресках мы видим жизнь бога дождя, а также картины рая: веселые, радостные мертвцы играют на лугу в мяч.

У подножья Пирамиды Солнца проходит так называемая Дорога Смерти. Вдоль нее найдено бесчисленное количество могил с останками умерших, мозаичными масками, гротескными терракотовыми головками и богато украшенными черепками глиняной посуды.

Теотиухакан опустел в X или XI в. н. э. Причиной этого явилось истребление лесов, в результате чего земля стала совершенно бесплодной — окрестные холмы и поныне стоят абсолютно голые. Тольтеки переселились в Юкатан, где объединились с местными племенами майя.

В долине Тлаколула, в 30 километрах на юго-восток от мексиканского города Оахака, из-под толстого слоя земли археологи откопали руины Митлы, столицы сапотеков. Их знали уже ацтеки и называли развалины «Местом Печали». Кроме пирамиды и дворцов, которые обычно встречаются в индейских городах, особого внимания там заслуживает знаменитый Колонный зал с гигантскими фаллическими столбами.

В 1831 г. мексиканский археолог Альфонсо Касо сделал сенсационное открытие. Проводя раскопки на Монте-Альбан (Белая Гора) в штате Оахака, он наткнулся на огромный, овеянный таинственностью город. Многие археологи считают, что он древнее Митлы и являлся когда-то столицей сапотеков. Это обширное нагромождение руин величественных храмов и дворцов, статуй, керамики редкой красоты, каменных плит с иероглифами и барельефами, изображающими богов.

Однако больше всего славится Монте-Альбан найденными там сокровищами. В многочисленных древних могилах поконились скелеты, богато украшенные драгоценностями из прекрасно отшлифованного горного хрусталя, золота, яшмы, жемчуга, янтаря, кораллов, обсидиана, перламутра и зубов ягуара. Среди ожерелий, булавок, серег, брошей, диадем, браслетов и колец там были найдены золотые табакерки, веера из разноцветных перьев, а также золотые маски, которые точно передавали черты лица покойных. Имеются данные, что сапотеков из этого города в XII в. изгнали тольтеки.

Благодаря археологическим изысканиям мы знаем, что уже за несколько столетий до нашей эры Центральную Америку населяли многочисленные и высокоразвитые народы, в истории

БОГ РАДОСТИ, МУЗЫКИ И ТАНЦА САПОТЕКОВ

Окрашенная глина

которых произошло чрезвычайно много трагических событий и катастроф. В 1942 г. археолог А. Г. Веррил обнаружил в Панаме руины так называемой культуры «кокле». Огромная площадь в 1400 квадратных километров была буквально усеяна могилами, статуями, храмами, но прежде всего — совершенно невероятным количеством керамических черепков, орудий и предметов домашнего обихода.

Наиболее интересным археологическим памятником является Храм Тысячи Богов, расположенный между двумя реками и занимающий площадь в 100 акров. Сотни статуй и огромных базальтовых колонн, сверху донизу покрытых полихромированными барельефами и иероглифами, расставлены в форме правильного четырехугольника. Колонны имеют самые различные

профили: квадратные, круглые, восьмиугольные и эллиптические.

Все статуи — людей, птиц, пресмыкающихся, а также всех четвероногих животных, обитающих в Панаме, — смотрят на восток. Обнаженные человеческие фигуры имеют своеобразные головные уборы и в качестве украшения — ожерелья.

Сцены, выполненные резцом неизвестных скульпторов, наводят ужас. Мы видим, например, «сиамских близнецов» со сросшимися спинами. В другом месте ягуар держит лапу на поваленном мужчине или пожирает младенца. Очень часто встречаются статуи представительных мужей, которые поглаживают рукой длинные кудрявые бороды.

Ближайшие каменоломни, где жители города брали строительный материал, находились за рекой, на расстоянии свыше 15 километров. Доставить эти громадные монолиты к храму представлялось бы и сегодня делом нешуточным, что же говорить о тех далеких временах, когда, по всей вероятности, люди полагались лишь на свою физическую силу. Справиться с этим гигантским заданием мог только объединенный труд широких народных масс. Храм Тысячи Богов был возведен несколькими поколениями представителей уже организованного и значительно продвинувшегося вперед в своем историческом развитии общества.

У подножий колонн стояли хорошо отесанные и отшлифованные плиты из прозрачного порфира или из яшмы желтого и красного цветов. На них лежали человеческие кости и зубы, смешанные с окаменевшим деревом и головешками. Напрашивался вывод, что это были алтари, на которых приносили богам человеческие жертвы.

Земля вокруг храма бесплодна и для обработки не годится. Возникает вопрос, как же там могли жить люди. Ответ найти нетрудно; когда-то земля давала неплохие урожаи и только пепел и лава вулкана Гвакамайо, который возвышается поблизости, у подножья Кордильер, превратили ее в пустыню.

Кратер вулкана до сегодняшнего дня стоит обшарпанный, голый и закопченный; из глубины доносится глухой рокот и вырываются клубы пара и горячая вода, а все окрестности покрыты саваном вулканической пыли. Летом весь край — выжженная солнцем пустыня, а в период дождей — непролазное болото.

Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что панамские руины относятся к древнейшим временам. На постройках лежит слой земли от одного до трех метров. Мексиканские археологи путем сложных вычислений, на которых мы не будем здесь останавливаться, определили, что слой земли толщиной в один метр мог возникнуть не менее чем за 1200 лет.

Из этого следует, что панамский город жители окончательно покинули где-то около VII в., но некоторые его районы, покры-

тые трехметровым слоем земли, опустели уже за 1700 лет до н. э.

Этот город, прежде чем в нем замерла жизнь, несомненно, уже был безмерно старым. Если даже работы выполняли тысячи или десятки тысяч строителей, то транспортировка монолитов и возведение стольких сооружений не могли быть плодом усилий всего лишь нескольких поколений.

Одной из удивительнейших особенностей этих руин является обилие керамических черепков. Они валяются всюду, но больше всего их на территории храма, у подножий статуй и колонн.

Чем объяснить это? Археологи разрешили загадку совершенно случайно. На колоннах и статуях они обнаружили немало следов от ударов глазуреванной посудой. Вероятно, религиозный обряд требовал приношения в жертву богам гончарных изделий.

О древности этого обычая свидетельствует то обстоятельство, что в некоторых местах слой черепков достигает шести метров. Это позволило археологам проследить ход развития неизвестной культуры. В самых нижних наслоениях найдена керамика с очень примитивным линейным орнаментом, а в верхних — посуда с удивительно прекрасной глазурью и богатой орнаментацией. Прошло много веков, прежде чем искусство керамики достигло вершин совершенства.

Однажды археологов охватило волнение, не поддающееся описанию. Не веря собственным глазам, они увидели на одном из бесчисленных барельефов отчетливое изображение слона!

Слоны действительно водились в Центральной Америке, но вымерли приблизительно 10 тыс. лет тому назад. Неподалеку от Теотиухуакана расположен городок Тепехпан. В 1947 г. там нашли останки индейского охотника и кости слона. Исследования показали, что находки относятся к XV тысячелетию до н. э.

Но каким же образом панамскому пранароду удалось увидеть слона? Ответ может быть лишь один: либо город существовал за 10 тыс. лет до нашей эры, либо его население поддерживало непосредственные отношения со странами Востока морским путем.

Об этом народе мы знаем совсем немного. Известно только, что он был миролюбивым — во время раскопок ученые нашли совсем мало оружия, — что его культура удивительно похожа на культуру майя, что он поклонялся солнцу и, как все другие народы Центральной и Южной Америки, верил в пернатого змея. Судя по барельефам, мужчины были рослыми, мускулистыми, с круглыми головами и строением тела не походили на американских индейцев.

Какая же катастрофа обрушилась на эту богатую, буйную культуру и уничтожила ее? Мы имеем на это совершенно опре-

деленный ответ. Его дают нам сами камни, красноречиво повествующие о ходе событий.

Огромные колонны, разбросанные и изломанные, словно спички, монолитные глыбы, как будто бы рукой великанов разбитые и далеко отброшенные от своих пьедесталов, статуи, перевернутые вверх ногами, изрезанная глубокими складками земля, слой вулканического пепла — разве все это не свидетельствует о мощном землетрясении?

Нетрудно представить себе, что там произошло. Вулкан Гвакамайо, находящийся на расстоянии 10 километров, однажды пробудился от сна, заревел и взорвался огненным фонтаном. Земля зашаталась, как пьяная. Испуганные жители, уцелевшие после первого подземного толчка, побежали, как сумасшедшие, в храм, чтобы гекатомбами⁵ умилостивить разгневанных богов.

Но их мольбы не были услышаны. Земля продолжала содрогаться и раскачиваться, как разбушевавшееся море, вулкан рокотал и гремел, засыпая окрестности раскаленным пеплом. Люди, не погибшие под дождем огромных валунов и не отравившиеся ядовитыми испарениями, убежали в глубь джунглей и смешались с дикими племенами индейцев. Над обширной страной Панамы, где в течение тысячелетий била ключом жизнь талантливого народа, воцарилась мертвая тишина.

СОКРОВИЩА ПОЗОЛОЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В марте 1536 г. близ Калифорнийского залива с группой испанских путешественников произошел необыкновенный случай.

Заикаясь и глотая слова от возбуждения, отчаянно жестикулируя, им неожиданно преградил дорогу белый мужчина в окружении нескольких индейцев. Своей бородой и длинными волосами он напоминал библейского патриарха.

Незнакомец сбивчиво рассказал, что его корабль потерпел крушение у берегов Флориды, и из всего экипажа уцелел только он один. Выброшенный волнами на берег, он пробирался на Запад; пользуясь гостеприимством индейцев, незнакомец пересек весь американский континент и, наконец, оказался возле Тихого океана, в Калифорнии.

Однако наибольшее впечатление на испанцев произвели его рассказы о семи чудесных городах Сиболи, которые якобы лежали где-то на севере. Их обитатели будто бы жили во дворцах, усыпанных сапфирами, а золота у них было столько сколько им хотелось.

Слух о легендарных городах молниеносно разнесся по всей Европе. Сюда стали прибывать бесчисленные толпы искателей сокровищ и приключений. Самую большую экспедицию органи-

⁵ Гекатомба — большое жертвоприношение.

зовал Франсиско Вассес де Коронадо. Но вместо золота, сапфиров и бирюзы Коронадо нашел в Аризоне нищенские мазанки индейцев. Семь городов Сиболи оказались сущим вымыслом мечтателей.

В глубине южно-американского континента, кроме того, якобы существовало легендарное Эльдорадо — город, целиком построенный из золота, который был виден за много миль: он блестал на солнце, как огненная гора. Жители волшебного города сгибались под тяжестью украшений и изумрудов величиной с куриное яйцо.

Эльдорадо очаровало и захватило воображение многих существующих рыцарей, бродяг и авантюристов. Свыше 100 лет тысячи людей в поисках призрачного города переносили неимоверные лишения, гибли от болезней, нездорового климата и отравленных стрел воинственных индейцев.

В 1536 г. молодой испанец Гонсало Хименес де Кесада возглавил экспедицию из 875 солдат, чтобы двинуться на поиски Эльдорадо. Его армия выглядела живописно и воинственно. Вождь был выряжен в черный вельветовый камзол, расшитый серебром; на его голове поблескивал стальной шлем. Офицеры щеголяли в роскошных одеяниях из пурпурного шелка и в широких шляпах, увенчанных залихватскими султанами. Солдаты — громилы, как на подбор, — были закованы в железо.

Марш по джунглям Южной Америки, а потом через высокогорные перевалы Анд, однако, показался им настоящим адом. Блестящее войско растаяло наполовину: солдаты умирали, болели и дезертировали. Павлины наряды вождя и офицеров превратились в лохмотья.

Через несколько месяцев у измученных конкистадоров появилась снова надежда. Одна из многочисленных стычек с индейцами принесла им добычу в виде изумрудов и золотых украшений. Это разожгло аппетиты завоевателей и придало им сил. Но из 875 солдат к тому времени уже осталось только 200 жалких, недобитых вояк, которые походили на нищих.

На вершинах Анд, касающихся облаков, в современной Колумбии, дорогу им преградила армия индейцев из племени чибча (муска). Битва была короткой, но отчаянной. Индейцы со своими копьями и пращами не могли одолеть испанцев, вооруженных аркебузами; конкистадоры одержали победу.

В стране чибча лежит озеро Гватавита, обрамленное отвесными скалами. Испанцы разбили там лагерь и бросились грабить индейцев, отбирая у них все золото. Когда его больше не стало, завоеватели начали пытать индейских вождей, требуя, чтобы они сказали, где спрятаны предполагаемые золотые сокровища. Но единственным ответом, который они получали от несчастных, подвергнутых пыткам, был жест, указывающий на

глубины озера; именно там якобы находилось все золото племени.

Как-то утром под звуки флейт и барабанов к озеру с пением стала приближаться танцевальным шагом длинная процессия индейцев. В самом центре шествия несли паланкин, в котором восседал король племени.

На берегу короля высадили из паланкина, раздели догола, намазали смолами и густо обсыпали золотым порошком. Позолоченный человек, блестя на солнце, вошел в лодку, выплыл на середину озера и нырнул в воду.

Через некоторое время он появился на поверхности, уже смыв с себя золото, и вернулся на берег. Индейцы громкими возгласами приветствовали короля. И тут испанцы были ошеломлены: в конце обряда посыпался обильный дождь из различных золотых драгоценностей — ожерелий, диадем, браслетов, кольца и брошей, добытых из тайников. Все эти сокровища пошли на дно озера.

В основе ритуала — как узнали испанцы через переводчика — лежала старая легенда индейцев чибча. Было это очень давно: король Сипа посадил на кол любовника своей жены, а ее заставил есть его тело. Жена, обезумев, схватила дочку и бросилась в озеро, где с тех пор живет рядом с новым супругом — пернатым змеем.

Прошло много времени, но каждый год — так говорится в песне жрецов — короли племени чибча по традиции ныряют в озеро, чтобы жертвами из золота и изумрудов вымолить прощение за ужасный проступок своего предка.

Этот обычай существовал уже несколько столетий. Но удивительнее всего было то, что чибча не имели золотых россыпей. Золото они получали от соседей в обмен на картофель, кукурузу, фасоль и прежде всего — изумруды, которых было очень много в их горах. Изумруды индейцев чибча путем обмена доходили до народа кокле в Панаме и даже до Мексики, где в руки Кортеса попал прекрасный изумруд величиной с утиное яйцо.

В поисках сокровищ испанцы как-то раз зашли в селение Тунха, лежавшее на восток от озера Гватавита. Они увидели там необычное зрелище. Над завалинками индейских хижин висели большие золотые листы, тонкие, как бумага. На ветру золото раскачивалось, издавая нежные звуки, напоминающие арфу.

Жрецы носили золотые серьги исключительно тонкой работы и диадемы, в которые были вткнуты разноцветные перья. Все жители украшали свои одежды изумрудами величиной с грецкий орех. С носов у них свисали огромные золотые украшения, закрывая губы и придавая их голосам странный металлический оттенок.

Два года шныряли конкистадоры по этой стране, грабя индейцев. По словам Хименеса Кесады, они собрали столько золота, что могли бы им заполнить большую комнату до самого потолка, кроме того, захватили 1185 очень ценных изумрудов. Во время этих грабительских походов завоеватели основали город Боготу, нынешнюю столицу Колумбии, которая лежит на высоте 2645 метров над уровнем моря.

В феврале 1539 г. разнеслась весть, что приближается какая-то неизвестная испанская армия. Оказалось, что ею командует Себастьян де Беналькасар, бывалый конкистадор, сильный, отчаянный авантюрист, в жилах которого текла огненная мавританская кровь. В Анды его тоже заманила легенда об Эльдорадо.

Жизнь Беналькасара была полна приключений. Начал он ее погонщиком ослов. Однажды осел попал в трясину, и это так разозлило Беналькасара, что он убил его одним ударом кулака. Боясь наказания, он убежал в Кадис, где нанялся на корабль, отплывавший в Америку.

Бродя по Южной и Центральной Америке, он основал в 1534 г. города Леон и Кито. Там Беналькасар узнал от индейского пленника о «позолоченном человеке» и немедленно пустился в путь, быстро собрав отряд отчаянных головорезов.

Две армии остановились одна против другой в полной боевой готовности. Стычка вот-вот уже должна была произойти на глазах индейцев, как вдруг, к их неописуемому удивлению, из джунглей показалась третья армия, состоявшая из испанских оборванцев на тощих, измученных клячах.

Возглавлял это войско рыжебородый немец Николаус Федерман из города Ульма, агент тех, кто получил во владение от германского императора Венесуэлу. Прослышав о золоте племени чибча, Федерман двинулся во главе отряда из 400 солдат на запад, к Андам. Свыше трех лет он продирался сквозь джунгли, борясь с воинственными индейцами и малярией.

Стычки и болезни до такой степени опустошили отряд, что когда он появился у озера Гватавита, в его рядах насчитывалось только 100 совершенно измощденных смертников.

После долгих и напряженных переговоров конкистадоры решили отказаться от вооруженной борьбы, а вопрос о том, кто будет господствовать над племенем чибча, передать на рассмотрение испанского императора. Однако прошли годы, все они умерли в Испании, так и не дождавшись решения монарха.

Союз, заключенный разбойниками, обернулся против индейцев чибча. Совершенно ограбленные, закованные в кандалы и обреченные на рабский труд, они вскоре полностью вымерли. Конкистадоры захватили все украшения и, не считаясь с их художественной ценностью, переплавили в золотые слитки.

Но оставались еще сокровища на дне озера. В 1580 г. купец из Лимы Антонио Сепульведа приобрел право поднять их

наверх. К делу он приступил весьма оригинально. Купец взял несколько сот индейцев и приказал им вырубить в скалистом берегу канал, чтобы спустить из озера воду. Вскоре на берегах показался черный ил, в котором, как изюминки в тесте, виднелись бесчисленные золотые украшения и изумруды.

Однако дно озера имело форму глубокой воронки, и чтобы добраться до самой середины — ведь именно там находилась основная часть сокровищ — уровень воды следовало понизить еще больше. Тем временем, когда Сепульведа извлек из озера прекрасный скипетр, усыпанный изумрудами, капиталы его исчерпались. Императорские чиновники конфисковали найденные сокровища, а сам Сепульведа умер в приюте для нищих. Драгоценности, которые он добыл, ныне хранятся в музее Колумбии, вызывая всеобщее восхищение.

Из колумбийских архивных документов мы узнаем, что на протяжении XVII и XVIII вв. предпринималось очень много попыток извлечь из озера сокровища чибча. Но с помощью технических средств того времени невозможно было настолько осушить озеро, чтобы добраться до самого глубокого места воронкообразного дна, туда, где лежала большая часть сокровищ.

В XIX в. это дело снова приобрело широкую известность благодаря немецкому географу и путешественнику Александру Гумбольдту, который еще в молодости мечтал отыскать сокровища Эльдорадо. В 1801 г. он прибыл в Боготу, где организовал экспедицию на озеро чибча. Знаменитый путешественник составил точную карту озера и подсчитал, что на дне должно находиться не менее 50 млн. золотых украшений.

В 1912 г. в Англии для эксплуатации озера было основано акционерное общество с капиталом в 30 тыс. фунтов стерлингов. Современные искатели золота решили полностью осушить озеро и с этой целью переправили на мулах через Анды мощные паровые насосы.

Через несколько недель напряженного труда озеро превратилось в маленький пруд, лежащий на целых 12 метров ниже своего обычного уровня. Из густого зловонного ила рабочие-индейцы выгребли лопатами невероятное количество золотых украшений и изумрудов. Казалось, что озеро будет вынуждено, наконец, отдать столь ревниво оберегаемую сокровищницу. Но на солнце ил мгновенно высыхал, застывая, как бетон, и здесь даже новейшая техника оказалась бессильной. Англичане были вынуждены прекратить работы.

Так, сотни тысяч, а может, и миллионы золотых изделий огромной исторической и художественной ценности продолжают лежать в глубинах озера Гватавита. Нет сомнения, что в ближайшем будущем их снова попытаются извлечь с помощью новейших технических методов. Но теперь, при современном состоянии науки, они уже не станут жертвой бессмысленной алч-

ности авантюристов, не будут переплавлены в золотые слитки; под заботливой опекой археологов они окажутся в музеях мира, прославляя гений погибшего племени чибча.

В СТРАНЕ ТЫСЯЧИ ТАЙН

Исследователи Центральной и Южной Америки, как это следует из предыдущих глав, могут похвальиться блестящими результатами археологических изысканий. Но по сути дела мы еще очень и очень мало знаем о народах, которые населяли эти пространства перед приходом белых. Их история до сих пор окутана тайной.

Нам не известно происхождение этих талантливых народов, истоки их общественной и культурной жизни, и пока что мы не можем установить причин и обстоятельств их гибели.

Археологи встретились здесь, пожалуй, впервые с тем, что культурные наслоения хранят глухое молчание о постепенном развитии этих цивилизаций, об их многовековом росте и расцвете. Письмо майя относится к удивительнейшим достижениям человечества; оно могло быть лишь результатом многовекового и сложного развития. Но в надписях нет и следа этой эволюции. То же самое можно сказать о многих других достижениях индейских народов в области астрономии, математики, искусства или строительства.

Только одно ясно: народы американского континента родственны между собой как в расовом, так и в культурном отношении. У них много общего и в обычаях, и в религии. Все индейцы строили храмы на гигантских фундаментах в форме пирамид, исповедовали кульп солнца и луны, а также верили в миф о белом бородатом боже, символом которого являлся пернатый змей. У них были общие, очень своеобразные предрассудки, не встречающиеся больше нигде в мире. Так, например, они жили, постоянно охваченные фаталистической верой в конец света, который должен был наступить на склоне одного из 52-летних циклов. В индейских хрониках, календарных исчислениях, легендах и пророчествах далеко не последнюю роль играло число «13», которое считалось священным и приносящим счастье.

Археологические изыскания в руинах Паленке и других городов показали, что все древние народы Мексики знали и почитали знак креста. В их религии имелись обряды, напоминающие христианские: исповедь, покаяние, крещение младенцев и нечто вроде причастия — они ели божков, слепленных из кукурузной муки.

Эти народы во многих отношениях достигли высокого уровня развития и тем не менее не смогли изобрести колеса и гончарного круга, не приручили ни одного выночного животного (исключение составляют индейцы — жители Анд, которые приручили ламу). Они мастерски обрабатывали медь, золото и серебро, но не открыли железа, а это кажется особенно странным:

ведь даже примитивнейшие негритянские племена в Африке научились его выплавлять.

Неожиданное появление этих развитых цивилизаций может иметь только одно объяснение: индейцы не коренное население американского континента, они появились там, уже обладая большими культурными достижениями.

Но откуда они могли прибыть?

Ученые выдвигают три предположения. Какие-то кочевые племена, преследуя на охоте зверей, перешли всю Сибирь и однажды в изумлении остановились перед Беринговым проливом. Он имеет всего лишь 50 километров ширины, поэтому в безоблачные дни на противоположной стороне отчетливо вырисовывался берег Аляски. При виде неизвестной земли, манящей своей загадочностью, охотники загорелись желанием переправиться туда любой ценой.

Путешествие на байдарках через морской проток в то время не представляло таких трудностей, как теперь. Уровень воды тогда был значительно ниже, а поэтому нынешние Алеутские острова тянулись длинной цепью, соединяя оба континента.

Одним из аргументов в пользу этого предположения является то, что лица многих индейцев выдают их монгольское происхождение⁶.

Другая группа ученых считает, что индейцы прибыли на американский континент из Океании или с какого-то уже не существующего архипелага. Но могло ли большое количество индейцев переплыть огромные морские просторы на примитивных плотах, кое-как сделанных из пальмовых стволов и растительных веревок?

Сторонники этой гипотезы отвечают следующим образом.

Да, это лежало в границах возможного, ведь уже доказано, что остров Пасхи является остатком огромного архипелага, который относительно недавно погрузился в глубины Тихого океана. Архипелаг тянулся в сторону американского континента, а ветры в Тихом океане чаще всего дуют в этом же направлении; поэтому достаточно было довериться парусам, чтобы, переправляясь от острова к острову, в конце концов достичь берегов Америки.

⁶ Никакие несомненные доказательства того, что древние цивилизации Америки развились в результате появления народов из Старого Света, пока не найдены. Поскольку в Америке нет человекообразных обезьян и, таким образом, она исключается из тех районов земного шара, где мог произойти человек, наиболее вероятно, что в позднем палеолите (около 30 тыс. лет назад) на американском континенте появились первобытные люди, пришедшие из Азии через Берингов пролив. Дальнейшее развитие народов Америки и постепенная колонизация ими все более южных областей протекали самостоятельно. Это не исключает возможностей различных форм сношений с другими народами через океан, культурных влияний и даже переселений. Но в основном археологические данные рисуют картину автохтонного развития индейских народов (прим. ред.).

Некоторые открытия служат веским доказательством этой гипотезы. Прежде всего установлено, что десятки слов американских племен не только похожи по звучанию на слова в диалектах Океании, но более того — имеют одинаковое значение.

Свои доказательства привела также и археология. В доисторических могилах Калифорнии найдены топорики, вытесанные из камня, который встречается только на островах Тихого океана. Следует, наконец, упомянуть о наблюдениях этнографов: цветом кожи, чертами лица и рядом других расовых признаков, некоторые индейские племена очень напоминают туземцев Океании.

Однако наиболее убедительной кажется точка зрения третьей группы ученых, которые не видят никакого противоречия между двумя предыдущими гипотезами. Они считают, что разнородность расовых типов среди индейцев указывает на то, что иммиграция индейских племен происходила в течение многих столетий обоими названными путями: и через Берингов пролив, и с островов Тихого океана.

Совершенно иного мнения придерживаются те ученые, которые утверждают, что индейцы прибыли с востока, т. е. из Европы, колонизировали американский континент, а потом на примитивных плотах переплыли Тихий океан и заселили острова Океании. К этой группе принадлежит норвежский этнограф Тур Хейердал. Желая доказать возможность такого морского путешествия, он построил бальсовый плот и вместе с несколькими товарищами переплыл Тихий океан. Его книжка «Путешествие на „Кон-тики“» получила широкую известность во всем мире.

Мировая печать принесла интереснейшие известия об археологическом открытии Тура Хейердала. Стремясь найти более веские доказательства в пользу своей гипотезы, Хейердал отправился на остров Пасхи, известный тем, что там находятся десятки гигантских каменных изваяний, сооруженных много веков назад каким-то таинственным, исчезнувшим народом.

На склонах вулкана Рану Рарака норвежец откопал огромные каменные скульптуры. Это были статуи людей, на груди которых виднелись резные изображения парусников с поднятыми парусами. Другие орнаменты на этих статуях своим стилем и манерой исполнения удивительно напоминают искусство перуанских инков. Кроме того, в горах открыты террасы, окруженные стенами; точно такие же террасы встречаются в стране инков, на склонах величественных Анд.

Это открытие имеет немалое значение — оно свидетельствует о том, что инки уже в давние времена колонизировали остров Пасхи. Однако этот факт не решает проблемы происхождения индейцев: он может служить доказательством как первой, так и второй приведенных выше миграционных гипотез.

В сфере предположений находится также вопрос о времени появления индейцев на американском континенте. Но бесспорным можно считать только одно: город культуры «кокле» в Панаме существовал еще за 2 тысячи лет до нашей эры. Сенсацией явился найденный там барельеф слона, ведь это могло бы свидетельствовать о том, что за 10 тысяч лет до нашей эры, т.е. в те времена, когда в Америке еще водились слоны, люди уже строили там города.

Установить эту дату помогло в какой-то степени открытие пирамиды, лежащей на южной окраине города Мехико среди мощного нагромождения базальтовых глыб и окаменевшей лавы. Пирамиду вместе с окружающими ее селениями также постигло стихийное бедствие. Соседние вулканы Ахуско и Хитли, ныне уже погасшие, однажды плонули огнем и залили все окрестности потоком лавы высотой в десять метров.

Археологи, желая установить, когда произошла катастрофа, обратились за помощью к геологам, которые определили на основании анализа окаменевшей лавы, что это случилось без малого 8 тыс. лет назад.

Если их расчеты научно правильны (некоторые геологи ставят их под сомнение), то мы имели бы здесь дело с самой древней культурой мира, намного более древней, чем культуры Месопотамии и Египта.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, читатель познакомился еще с одной популярной книгой об археологии. Этой увлекательной науке посвящено несколько книг иностранных авторов, переведенных и изданных на русском языке. Среди них наибольшей известностью пользуется сочинение Керама «Боги, гробницы, ученые». Книга З. Косидовского во многом схожа с книгой Керама: в ней речь идет о тех же открытиях на Ближнем Востоке, в Египте, в Эгейском мире и в Америке (только «Помпеи и Геркуланум» — глава, которой нет у Керама), о тех же людях, сделавших эти открытия, о тех же исторических фактах. Порой текст Косидовского так близок к книге Керама, что кажется, он ее цитирует.

Что же привлекло издательство «Наука» в книге Косидовского? Не проще ли было бы переиздать Керама и таким образом удовлетворить интерес читателей к такого рода литературе? Этот вопрос я задал себе, когда впервые познакомился с переводом книги Косидовского в связи с просьбой издательства быть ее редактором. Сравнение этих двух книг мне кажется необходимым не вследствие того, что одна из них уже давно завоевала признание читателя, а вторая — только что прочитанная — еще нуждается в таком признании. При кажущемся сходстве эти книги отличаются друг от друга не только одной лишней главой.

«Боги, гробницы, ученые», несмотря на занимательность, блестящее изложение и научную достоверность, все же далека от идеала популярной книги по археологии. Это рассказ лишь о сенсационных открытиях археологов. Автор — журналист, а не ученый — не смог (вернее, не стремился) показать всю сложность задач, стоящих перед археологами; он не показал повседневной черновой работы ученых, а лишь рассказал о связанных с нею приключениях и блестящих, внешне эффектных результатах. Это романтика археологии, и автор в подзаголовке книги («Роман археологии») не скрывает от читателя, что его привлекла эта сторона научной деятельности. И хотя каждый из сообщенных Керамом фактов верен, в целом получилась искаженная картина развития археологии как ряда трагических и забавных приключений. Ученый, пишущий о своей профессии, всегда глубже и основательнее сообщает о сущности самого исследования, хотя часто не может передать это в достаточно популярной форме. Этот постоянный конфликт между профессионалом и непрофессионалом, пишущим о науке, между ученым и писателем неизбежно оказывается на качестве научно-популярной литературы. Немногие ученые любят, а еще меньше — умеют писать популярные книги. Редким счастьем для читателя оказываются такие книги, как Г. Картера о гробнице Тутанхамона или Л. Вулли об Уре и культуре шумеров. Уже хотя бы поэтому ученые не имеют права относиться с высокомерием к

писателям, берущимся рассказать об их науке. Но, кроме умения хорошо или даже художественно рассказать, у писателя есть свои преимущества и главное из них — это широта взгляда, умение преодолеть почти неизбежную узость многих специалистов.

Достиоинства книги Косидовского не ограничиваются широтой показа событий. Это книга не только об археологических исследованиях как таких, но и об истории человечества, открытой археологами. Здесь речь идет об итогах науки, а не о процессе ее развития: вместе с историей раскопок рассказана история тех стран, где эти раскопки велись. В этом преимущество сочинения Косидовского по сравнению с другими, написанными на ту же тему. Если добавить к сказанному, что у Косидовского отличный литературный стиль, что его повествование по-настоящему увлекательно, то станут ясны те качества книги, которые побудили издательство познакомить с нею русского читателя.

Есть, конечно, в книге «Когда солнце было богом» и некоторые недостатки. Многие научные проблемы изложены поверхностно. Для читателя остается неясным, например, насколько сложна для археолога и историка древнего мира проблема установления дат. А между тем Косидовский говорит об этом, но говорит настолько, я бы сказал, непрофессионально, что в сущности главное остается вне поля его внимания. Не могу не упрекнуть автора в не всегда удачном отборе фактов. Снова, как в десятках книг до этого, множество страниц уделяется деятельности Шлимана, снова он предстает как крупнейшая фигура в археологии XIX в. Между тем это всего лишь талантливый любитель, не воспользовавшийся достаточно тогда уже высокой наукой и техникой раскопок и публиковавший их результаты без нужной научной документации. Имена же крупнейших ученых: исправившего ошибки Шлимана — Дерпфельда и продолжившего раскопки Трои Бледжена и других либо упоминаются только вскользь, либо вообще не упоминаются. В ряде случаев Косидовский сообщает читателю уже устаревшие научные теории. Многое в книге не хватает. Так, даже в одной из лучших глав книги, названной «Помпеи и Геркуланум», речь идет преимущественно о Помпеях, о Геркулануме почти ничего не сказано.

Но не будем упрекать автора за то, чего в книге нет. Будем ему благодарны за то, что в книге есть. А то, что есть, я уверен, доставило читателю радость познания и наслаждение хорошей литературной формой, в какой эти новые знания преподнесены.

А. Монгайт

СОДЕРЖАНИЕ

СРЕДИ ХРАМОВ И САДОВ МЕСОПОТАМИИ

Пилигрим из Неаполя	7
Клинопись начинает говорить	11
Надпись на одинокой скале	14
В стране «Тысячи и одной ночи»	21
Катриз деспота, революция и археологические находки	27
Лэйярд открывает погибшую Ниневию	33
Шумеры снова входят в историю	36
Там, где некогда шумели пальмовые рощи	41
Храм из лазури и золота, возведенный до поднебесья	45
Спрятанные сокровища, которые пощадил пожар	50
Древнейшая в мире эпическая поэма	53
По следам потопа	60
Как одна надпись помогла раскрыть царскую тайну	63
«Герой Благодатной Страны» и маленькая княжна Ура	67
Цари не умирали в одиночку	71
Арфистки, плакальщицы и служанка, опоздавшая на похороны	77
Арендаторы имений божьих	82

В ЕГИПТЕ ФАРАНОВ

Камень, что ценнее алмаза	93
Шамполлон — воскреситель иероглифов	97
Долина Царей, священные быки и сфинксы	104
Тайны пирамид	113
Посмертные хлопоты фараонов	122
Фараон-бунтовщик и жрецы-мстители	129
Открытие гробницы Тутанхамона	146

У КОЛЫБЕЛИ ЭГЕЙСКОГО МИРА

Человек, который остался верен мечтам юности	159
Град Приама	166
Золотое лицо Агамемнона	173
В лабиринте Минотавра	184
Открытые континенты истории	200

ПОМПЕИ И ГЕРКУЛАНУМ

<i>Города, погребенные заживо</i>	213
<i>В тени мраморных колонн</i>	225
<i>Словно остановленные часы</i>	239

В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОГО ЗМЕЯ

<i>Как Кортес завоевал страну ацтеков</i>	251
<i>Конец пожирателей человеческих сердец</i>	269
<i>Слепой ученый открывает погибшие цивилизации</i>	281
<i>Мир существует только 52 года</i>	286
<i>Разбитая барка в зеленом море джунглей</i>	293
<i>В Королевстве Великого Змея</i>	300
<i>Обручение бога дождя</i>	310
<i>Помпеи Нового Света</i>	316
<i>Сокровища позолоченного человека</i>	322
<i>В стране тысячи тайн</i>	327
ПОСЛЕСЛОВИЕ	331

Зенон Косидовский

КОГДА СОЛНЦЕ БЫЛО БОГОМ

*Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

*Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художественный редактор С. Г. Тихомирова
Художник И. П. Борисов*

Сдано в набор 20/X 1967 г.
Подписано к печати 15/IV 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,1 Тираж 50 000
Тип. зак. 3629
Цена 1 р. 27 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1р. 27 коп.

